

ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Россия XV–XVI столетий породила множество блистательных военных талантов. Полководцы той эпохи не уступают Суворову, Румянцеву, Кутузову, Жукову, Рокоссовскому и прочим прославленным военачальникам времен Российской империи и СССР ни в тактическом даровании, ни в количестве военных триумфов. Однако знают их гораздо хуже, поскольку в ту пору не писали мемуаров, и, соответственно, личность даже самого крупного царского воеводы оказывалась скрыта туманом времени от взоров будущих поколений. Но служба их видна по другим источникам, а победы их достойны доброй памяти. Эта книга посвящена им — титанам вооруженной борьбы, которую вела Россия XV–XVI веков на всех границах.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- [Дмитрий Володихин](#)
 -
 - [ВОЕВОДЫ ТРЕТЬЕГО РИМА:](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ ВТОРОЙ](#)

-
-
-
-
-

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [Дмитрий Володихин](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)

- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)

- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)

- [301](#)
 - [302](#)
 - [303](#)
 - [304](#)
 - [305](#)
 - [306](#)
 - [307](#)
 - [308](#)
 - [309](#)
 - [310](#)
 - [311](#)
 - [312](#)
 - [313](#)
 - [314](#)
 - [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
 - [323](#)
 - [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2030

(1830)

Дмитрий Володихин

ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Володихин Д. М., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ВОЕВОДЫ ТРЕТЬЕГО РИМА: МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ И ГЕНЕРАЛАМИ

В XX веке историческая наука взяла за правило больше говорить не о личностях, а о «массах», «классах», «процессах большой длительности», «генеральных тенденциях развития социума» и «законах мирового исторического процесса». Личность принялись третировать как нечто ничтожное. Историю «монархов, полководцев и святых» объявили старым хламом, недостойным пера историка...

Все это привело историческую науку в тупик: ни один «закон мирового процесса» не открыт по сию пору, а значительная часть самих историков утратила понимание, зачем и для кого они пишут статьи, создают монографии, публикуют источники. «Массы-классы» притч в себе не содержат. Притчи, столь необходимые умному человеку для развития интеллекта и духа, удерживаются исключительно близ личностей.

Что ж, пора возвращаться к истории «монархов, полководцев и святых», ибо она всегда была, есть и будет интересной и поучительной. На страницах этой книги речь пойдет о полководцах. В истории жизни любого выдающегося полководца видны самые магистральные «тенденции развития социума», как океан виден в капле океанской воды.

Надо только присмотреться...

«Империя Рюриковичей» была великой державой раннего Средневековья. Появившись во второй половине IX века, она возвысилась в середине — второй половине X столетия и с конца X века по 1130-е годы переживала расцвет: политический, культурный, экономический. Высокое цветение ее длилось от Владимира Святого до Мстислава Великого. Затем эта величественная громада вошла в состояние многолетнего чудовищного кризиса, войны всех против всех и под звон мечей развалилась на множество независимых земель и княжеств.

Над бескрайними просторами раздробленной Руси тускло горела звезда единства. Звезда эта с каждым десятилетием давала все меньше и меньше света, поскольку память о прежней государственной общности постепенно рассеивалась.

Русь объединяли общая вера, общая Церковь, общий (с региональными различиями) язык, общая материальная культура, общая

династия правителей, общая этническая основа, общие воспоминания об общем прошлом. Иногда — общий враг: степные кочевники, немецкие или шведские завоеватели. А вот политического объединения уже не получалось. Киев из столицы превратился в драгоценную добычу для борющихся между собой княжеских кланов. Свои, региональные центры силы росли во Владимиро-Суздальской земле, на исходе XII века принявшей политические модели Византии, а также в Смоленском, Полоцком, Черниговском, Галицко-Волынском княжествах. Обособился от Низовской Руси Новгород Великий, и уж затем от него самого начал обособляться Псков.

Вся эта пестрота разбилась вдребезги под ударами монголо-татар. Часть ее оказалась в подчинении у Орды: платила ей дань, соглашалась с тем, что хан ордынский определял, в каком уделе кто из русских князей должен править. Русь, зависимая от ханов, раздробилась в XIV веке еще более, чем это было до Батыева нашествия... Другая часть страны оказалась в подчинении у литовских князей и с конца XIV столетия жила под натиском католицизма, хищно нацелившегося на Южную и Западную Русь.

Для нас, нынешних русских, XIV век — эпоха, сверкающая драгоценной памятью о преподобном Сергии Радонежском, святителе Алексии Московском, великом князе Дмитрие Донском и славном живописце Андрее Рублеве. А для русских людей, живших тогда, это столетие наполнено было нищетой, голодом, массовыми вспышками смертоносных болезней, унижением перед иноплеменниками и иноверцами, карательными ратями Орды и постоянным нажимом Литвы на восток. Труды великих исторических личностей, перечисленных выше, выглядели в ту пору редкими оазисами света в непроглядной ночи бедствующей нации.

А вот XV век разделит историю Руси надвое, оставив темень невыносимо тяжелых времен в прошлом. Древняя, почти исчезнувшая с небосклона звезда былого единства сменилась жарким солнцем нового объединения.

Во второй половине столетия появилась Россия — единое Русское государство, где народ, ранее строивший свою судьбу либо «под Ордой», либо «под Литвой», теперь жил как хозяин. Стране предстояло выдержать новые и новые удары прежних господ-ордынцев на рубежах, отобрать у Литвы земли, когда-то входившие в Древнерусское государство, то есть ту же «империю Рюриковичей», и принять имперское наследство от умирающего Византийского мира.

Уже в начале XVI века в Москве осознают себя «Третьим Римом» и «Вторым Иерусалимом», иначе говоря, единственной истинно православной империей. Под рукой московских государей изначально сосредоточивается примерно половина той политической и экономической мощи, какой обладали великие князья киевские в эпоху расцвета Древнерусской державы. Московское царство расширяется, держит оборону, вновь расширяется, опять защищает себя и вновь раздвигает границы... Оно как бы «дышит», и при каждом вдохе территория его медленно, но неуклонно растет.

Именно XVI столетие сделало Россию государством, которое является субъектом большой политики на мировом уровне.

Но для того, чтобы это произошло, московским правителям потребовалось обзавестись военной элитой чрезвычайно высокого класса. Русские воеводы Московского царства обладали выдающимися качествами: богатым опытом, полученным от прежних поколений военачальников, большой энергией, стойкостью, целеустремленностью, отвагой.

Они уже не были теми удельными и великими князьями, которые когда-то по своей воле и своему хотению воевали между собой, бесполезно проливая русскую кровь. Воевод Третьего Рима вела воля московских государей, они подчинялись строгой дисциплине и решали задачи, которые в совокупности своей работали на осуществление общего стратегического плана. Конечно, они еще далеко не столь жестко встроены в военную машину страны, как это будет с генералами Российской империи. У них больше самостоятельности в решении тактических задач. Но в этом есть свое преимущество: система ведения боевых действий, присущая России от Ивана Великого до Бориса Годунова, отличалась большой гибкостью и скоростью реакции.

Кроме того, Россия тех времен — «пороховая держава». Без пищальников, стрельцов, пушкарей с их «нарядом огненного боя» не обходятся главные походы и битвы эпохи. Поэтому русские воеводы быстро учатся применять те преимущества, которые они имеют над большинством соседей, — мощную артиллерию, а также крупные, спаянные дисциплиной, единообразно вооруженные отряды пеших стрелков.

Полководцы Московского царства далеко не столь известны, как их коллеги времен Российской империи. Но они проявляли себя на полях сражений ничуть не хуже Суворова, Румянцева, Кутузова, Паскевича и Скобелева. Военные достижения их огромны и достойны прославления в веках.

Поклонимся им с благодарностью.

Глава 1

КНЯЗЬ

ДАНИИЛ ДМИТРИЕВИЧ ХОЛМСКИЙ

*Пришла пора; громада русских стран
Стремится вышней силой воедино;
Века дробили Русь, бичи востока
И запада пришли на Русь; Татары
Полцарством овладели, а Литва
От нас отпала с ересью латинской;
Поморье беззащитное досталось
На долю Немцев... Но пришла пора!
С зарей Москва поднимется над Русью...
Царь Иоанн, державный исполин,
Возстал: в его священную десницу
Восточная империя сложила
Последние залогов православья,
И древняго величья Византии;
И мы залогов те с лихвой умножим;
И греческий орел с орлом московским
Державно вознесутся над Европой...*

Н. В. Кукольник.

Князь Даниил Дмитриевич Холмский

Князь Даниил Дмитриевич Холмский — первый на Руси действительно известный и ярко талантливый полководец нового типа. До середины XV столетия подавляющее большинство знаменитых русских военачальников составляют государи: удельные князья, великие князья... Иногда меж ними проскакивает некий значительный «муж меча и совета», имевший успех на бранном поле. Варяг Свенельд, оказавшийся удачливее князя Игоря, например, или, скажем, Федор Басенок — военачальник Василия II. Но оба они, как и другие бояре и воеводы древнерусских князей, показали всего лишь искры воинского таланта, и разобрать, какого масштаба полководческий дар им достался, трудно — из-за состояния

источников. В их судьбе не было долгого шествия от победы к победе, им не досталось у потомков громкой славы. Свенельд, конечно, знаменит, но скорее не как полководец, то есть не победами своими, а как государственный деятель... Иначе говоря, они представляют собой невеликое исключение в общем ряду.

А ряд этот состоит из личностей, по самой общественной роли своей сочетавших в военной деятельности работу тактика с работой стратега. Князья должны были одновременно мыслить и как правители, и как полководцы, думать и о судьбе очередной битвы, похода, обороны крепости, и о судьбе войны в целом. Порой — о том, что будет происходить после войны и как изменится расстановка сил во всей Руси.

Князь Холмский не таков. Ему выпало служить и сражаться в новое время. Всю «нагрузку» стратегического планирования, включая дипломатическую подготовку войны, поиск союзников, обеспечение крепостей и полевых армий, определение объектов для защиты и нападения, направлений главного удара и последовательности решения боевых задач, взял на себя монарх, а именно Иван III Великий. Фактически он выполнял роль современного начальника Генштаба, военного министра и главнокомандующего в одном лице. Несколько раз Иван III выходил «в поле» сам — в особо важных случаях. Например, при покорении Новгорода и Твери. Но по большей части он доверял ведение боевых действий своим воеводам. Имея необыкновенную интуицию на таланты разного рода — в сфере административной, военной, культурной, — Иван Васильевич умело отыскивал дельных людей, в том числе полководцев. Он редко ошибался. Именно он возвысил с полдюжины даровитых военачальников, приносивших стране триумф за триумфом. Каждый из этих воевод получал шанс проявить в полной мере свой тактический талант, но от решения задач стратегического уровня освобождался. Стратегия со времен Ивана III и до эпохи Смуты оставалась принадлежностью монаршего звания. В то же время от государей русских ушла тактика. Они, конечно, время от времени брали на себя командование полевыми армиями. Но это происходило нечасто. Почти всегда тактикой заведовал воевода, а не великий князь и не царь.

Так вот, Холмский — первый великий русский полководец, который был тактиком в чистом виде. И на ниве тактической борьбы снискал себе высокую славу. Памятник ему вошел в состав мемориала «Тысячелетие России», имени князя летописцы придали блеск, связав его с великими успехами русского оружия второй половины XV века. Сама эпоха, переломная, созидательная, эпоха рождения России, дала Холмскому

множество поводов показать себя в походах и сражениях; Даниил Дмитриевич испытывался многое множество раз, но не ведал горечи поражений. Вот истинная звезда на небосклоне войн Ивана III!

В старомосковскую эпоху сплошь и рядом жизнь человека определялась двумя обстоятельствами: положением его рода и его собственным положением внутри рода. Даниил Дмитриевич не исключение.

Неизвестно, когда он родился, скорее всего — в 1440-х годах. Принадлежность его к старшей ветви Тверского княжеского дома, а именно к семейству удельных князей Холмских, формально поднимала его до высшего яруса в иерархии князей Рюрикова рода. Его прадед, князь Всеволод Александрович, занимал великокняжеский стол в Твери в середине XIV столетия. А его прапрадед, князь Александр Михайлович, княжил не только в Твери, но также был, пусть и недолгое время, великим князем владимирским. Но это — «внешнее» положение рода. Внутри рода Даниил Дмитриевич оказался на положении младшего брата и князя-изгоя, когда старший, Михаил, занимает Холмское удельное княжение, а у самой Твери есть государь Михаил Борисович. Для Даниила Дмитриевича же в Тверском княжестве «вакантного» удела не осталось. Не позднее 1460-х годов он перешел на службу к Москве.

Нельзя видеть в нем «перебежчика» в стан неприятеля, поскольку Тверь и Москва на тот момент не имели между собой вражды. Иван III женился на сестре великого князя тверского, а его младший брат Борис, князь Волоцкий, позднее взял в жены племянницу Даниила Дмитриевича. Иными словами, князь ехал служить в дружественную землю.

В дружественную, да... но все же не в отеческую.

Холмский оказался в сложном положении. У себя на родной земле, среди персон Тверского княжеского дома, он оказался лишним человеком. Он там только мешал. А в Москве, под высокой рукой Ивана III, он все-таки считался чужим. Местное боярство и роды служилых князей, давно склонивших голову перед московским сюзереном, составляли плотную среду, не имевшую никакого интереса в том, чтобы допустить приближение к монарху человека со стороны, «приймака».

Поэтому величие при дворе московском Даниил Дмитриевич мог снискать лишь одним способом: оказать выдающиеся услуги Ивану III и принять от него в ответ милости и пожалования. Военское дарование открывало для этого самый естественный путь.

Другое дело, что в подобной же ситуации оказались князья и других родов. Представители Ростовского, Ярославского, Суздальского княжеского

домов, служилые Гедиминовичи и выходцы из менее именитых семейств столпились у подножия престола, ожидая для себя шанса на возвышение. А получив его, кто-то сумел воспользоваться доверием великого князя, а кто-то — нет.

Так, например, высокородный Рюрикович князь Даниил Александрович Пенко из Ярославского княжеского дома счастливо провалил целую кампанию против ливонских немцев...

Холмский же всегда был безотказен и безупречен, как хорошо наточенный клинок дамасской стали.

Боевое крещение князь принял в войнах, которые Москва в 1460-х годах вела против Казани.

Трудная война с Казанским ханством, продлившаяся с осени 1467 года по осень 1469-го, принесла несколько побед, правда, в основном частного характера^[1]. Из крупных достижений русского оружия следует назвать: удачный рейд на Вятку и Каму весной 1468 года и разгром отряда татар на Каме легкой «сборной» ратью, которую возглавлял, по всей видимости, Иван Дмитриевич Руно^[2], воевода боярского рода, отличившийся еще при Василии II; разгром князем Ф. С. Ряполовским летом 1468 года «татар казанских, двор царев, многих добрых» и взятие в плен некоего князя Хозюм Бердаа^[3] (тогда же убили татарского «богатыря Колупая»^[4]) — невеликая, но все же победа на фоне тяжелой войны, шедшей с переменным успехом; новый фантастически успешный набег на казанцев в мае 1469 года, сожжение посадов Казани (и опять командует легкой ратью Иван Руно). Сюда же относится частичный успех в большом сражении с казанскими татарами у Звенича (Звеничева Бора) летом 1469 года^[5] — здесь к отряду Ивана Руно присоединились крупные силы московские, и общее командование осуществлял, по всей видимости, один из знатнейших нетитулованных служилых великого князя московского — Константин Александрович Беззубцев. Объединенная рать под командой К. А. Беззубцева успешно отбила натиск татар, но успех на тактическом уровне не избавил ее от необходимости отступить, то есть не дал успеха на уровне стратегическом.

Тяжелый, затяжной характер этого вооруженного столкновения диктовался тем, что на исходе 1460-х годов Иван III располагал лишь ограниченным военным потенциалом Москвы, Ярославля, а также ополчениями восточных приграничных областей. Ему еще не подчиняется ни Тверь, ни Новгород Великий, ни даже — в полной мере — Ростов, не говоря уже о городах и областях Литовской Руси. Фактически Москва на

тот момент имеет под рукой для оперирования на востоке лишь немногим больший ресурс, чем было при Василии II. Казанцы наносили контрудары — по Галичу, по Рязанской земле, по костромским волостям — так что наступательные операции приходилось сочетать с оборонительными.

Роль князя Даниила Дмитриевича Холмского на полях сражений войны с Казанью — в высшей степени выигрышная. Иван III расставил по городам, над которыми нависала угроза татарских набегов, «заставы», то есть легкие отряды. Их командиры должны были «встречать гостей». Одна из «застав», очевидно, встала под команду Холмского. Весной 1468 года казанцы появились у Мурома, но взятой добычей не удовлетвоались и вскоре вернулись туда же и «много полону взяша». На сей раз они нарвались на контрудар Холмского. Воевода «...иде за ними из Мурома и достиже их и бив их, полон весь отима, а инии, с коней сметався, уидоша в лес»^[6].

Несколькими месяцами ранее, зимой того же года, князь Семен Романович Ярославский совершил рейд «на черемису». Поход имел целью разорить вражескую область, истребить население и взять богатую добычу, что и было исполнено. Сопротивляться рати Семена Романовича местное население не могло, а потому сполна расплатилось за недавний набег казанского хана на русский Галич.

Сравнивая два похода — Д. Д. Холмского и С. Р. Ярославского, нетрудно заметить большую значимость успеха, выпавшего на долю Даниила Дмитриевича: ему удалось истребить значительный контингент живой силы противника и освободить «полон», в то время как Семен Романович смог только отомстить.

Ю. Г. Алексеев придавал этой войне значение стратегически важного предприятия. Исследователь подчеркивал, что «это была первая наступательная война против улуса Чингизидов. Впервые после Куликовской битвы Русская земля от обороны на востоке перешла к наступлению... Военные действия развертывались на широком фронте и на двух операционных направлениях, что в военной истории Руси наблюдается впервые. Широкий размах операций приводит к качественно новому методу руководства войсками. Впервые великий князь не идет в поход во главе своих войск, а находится в тылу, в ставке, из которой осуществляется оперативно-тактическое управление войсками. Впервые великий князь выступает в роли не тактического, а стратегического руководителя... Впервые можно наблюдать зародыш аппарата управления, без которого руководство войсками из ставки невозможно»^[7]. Все это

справедливые, обоснованные суждения, к которым остается добавить следующее: Казанская война 1467–1469 годов явилась своего рода школой для московского воеводского корпуса и особенно его высшей части — элиты. На протяжении двух лет русские полководцы под стягами Москвы учились слаженности в действиях, дисциплине, а также глубокому, многоходовому планированию. Впоследствии ветераны Казанской войны без труда будут бить слабо организованное ополчение Новгородской вечевой республики.

Муромский бой стал своего рода «пробой сил» для князя Холмского.

Битвы, прославившие Даниила Дмитриевича как великого полководца, состоялись несколькими годами позднее — во время великой войны, когда Низовская Русь во главе с Москвой пошла в наступление на Новгород Великий.

В публицистической литературе столь часто звучал риторический вопрос: «Что славы полководцам, побеждавшим на полях сражений междоусобной войны, когда бились между собой русские с русскими, православные с православными?» Есть в этом вопросе изрядная доля лукавства. На заднем плане его возникает образ вольной вечевой республики, «русской Венеции», которой «московский деспотизм» поставил ногу на грудь, и она захрипела, выдавливая слова покорности.

Но чем жила эта республика, предоставлявшая максимум вольности «госпóде», то есть нескольким десяткам боярских родов, и минимум прав «людям молодшим», то есть массам бедноты? Она богатела от земельной ренты, торговых прибылей, таможенных и транзитных пошлин, возможно, иных финансовых операций. А в это время Низовская Русь — Владимирская, Тверская, Московская — должна была выходить в поле и драться с ордынцами, чтобы очередной набег не пронзил русское тело точно холодный смертоносный клинок, чтобы не горели города, чтобы русский полон не уходил на работоторговые рынки.

Новгород в это время вел мирное существование. Он без особенного рвения предоставлял серебро на ордынскую дань-выход. И он не торопился выделять средства на общерусское дело обороны от татар, когда времена дани стали уходить в прошлое. Мало того, стремясь сохранить всю полноту суверенитета и, соответственно, всю полноту прибылей, «госпóда» новгородская заигрывала с королем польским и великим князем литовским Казимиром, показывая Москве: у нас есть высокий покровитель, в случае необходимости он за нас заступится. В Новгороде могли и архиепископа принять от той части православной иерархии, которая находилась под контролем литовских властей.

Когда эти игры зашли слишком далеко, Москва ударила. И за ней в тот момент стояла вся Русь, истекавшая кровью от бесчисленных битв с татарами, грудью своей защищавшая Новгород с его эгоистичным боярским правительством.

Против Новгорода шли полки не только Москвы, Твери, всей Руси Владимирской, но и отряды псковичей, вятчан и устюжан.

Итак, летом 1471 года войска по приказу Ивана III с разных сторон вошли на Новгородскую землю. Князь Холмский получил в этой кампании роль более заметную, чем воевода «заставы», но довольно скромную, как мыслилось московскому командованию при самом начале боевых действий. Он возглавил передовой конный отряд, в состав которого вошли помимо собственно московских бойцов еще и силы второстепенные: «дети боярские» удельных князей Юрия и Бориса Васильевичей. Вряд ли под началом Даниила Дмитриевича собралось хотя бы десять тысяч человек. Скорее от четырех до семи тысяч. Основные силы с великим князем во главе двигались далеко за спиной легкой рати Холмского.

Казалось бы, какой вред мог нанести этот отряд Господину Великому Новгороду, выглядевшему до начала войны как военная громада, настоящий тяжеловес большой политики? Огромная территория, богатое и решительное боярство в составе политической элиты, сильный союзник на западе, значительный мобилизационный ресурс...

Однако Новгород очень долго не воевал с серьезными противниками. Предыдущую войну с Москвой он проиграл и с тех пор не вел значительных боевых действий. Опыт масштабного вооруженного противостояния оказался утрачен, мышцы ослабели... Поэтому война с Низовской Русью, кроме единственного эпизода, о котором речь пойдет в одной из следующих глав, получила вид сражений между сибаритами и спартанцами.

Легкая передовая рать князя Холмского шла, разоряя новгородские волости, сжигая села и захватывая пленников. Она выполняла задачу устрашения. Дойдя до Русы, Даниил Дмитриевич разграбил местность вокруг города.

Вставший на берегу озера Ильмень, у деревни Коростынь, отряд князя подвергся нападению судовой рати новгородцев. Те высадили десант, подобрались поближе и набросились на невеликую рать Холмского. Однако эффект неожиданности не принес им победы. Со сторожевых постов Холмскому пришла весть: подошел неприятель. Князь ждал новгородцев и ответным ударом опрокинул их. Бой был тяжелый, и сами новгородцы считали, что нанесли в нем серьезный урон неприятелю. Позднее в

новгородском летописании появилось краткое описание Коростынской битвы: «И взяша преже Русу и святыя церкви пожгоша, и всю Русу выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи; а псковичи по князе [Иване III] пособляюще, и много зла новгородцким волостем учиниша. И новгородци изыдоша противу... на Шалону, а к Русе послаша новгородци судовую рать, и пеши бишися много, и побиша москвич много; и пешей рати паде много, а иныи разбегошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычен стяг не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: «Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послал нас владыка на пскович»^[8]. Иными словами, с точки зрения новгородцев, причиной конечной неудачи стали разногласия в военном командовании. Московская летопись все объясняет иначе:

Холмский быстро поставил в строй своих людей, организовал отпор и перешел в контрнаступление.

Час военной доблести миновал, и Даниил Дмитриевич, связанный долгом службы великому князю, решил продолжить выполнение поставленной перед ним задачи: устрашать. Здесь он повел себя ужасающе, превысив всякую разумную меру карательных акций. Пленникам он повелел «самим меж себя... носы и губы и уши резати, и отпускаху их назад к Новугороду»^[9].

Возвратившись к Русе, Холмский принял на щит вторую, более значительную судовую рать новгородских пешцов. Большая численность не спасла ее: московский отряд решительно атаковал и уничтожил второй контингент новгородского ополчения. Хаотичность в командовании вооруженными силами вечевой республики привела к тому, что организовать одновременный удар двух ратей с разных направлений новгородцы не сумели. Предоставить им поддержку конной рати — тоже. Даниил Дмитриевич разбил их по частям.

Двинувшись к городку Демон, князь получил приказ Ивана III идти на соединение с союзным войском псковичей. Повернув к ним, Холмский наткнулся на главные силы Новгородской республики — конную «кованую рать». Встреча произошла на реке Шелони. Верный своей тактике решительного нападения на неприятеля князь приказал атаковать новгородцев, несмотря на их численное преимущество.

В сущности, одна маленькая часть воинства Ивана III, понеся потери в двух битвах, противопоставила себя исполину — лучшей, сильнейшей армии Господина Великого Новгорода. Необыкновенная отвага и... безумная дерзость! Что же исполин? Потерпел страшное поражение, «мало

щит подержавше»^[10], как выразились современники. Основной оплот военной мощи новгородской, латная боярская конница, быстро разбежалась с поля боя...

Московская официальная летопись сохранила подробное известие о победе полководца на Шелони: «А новгородские посадники все и тысяцкие, купцы и житии людие, мастыри всякие, спроста рещи, плотници и гончары и прочие, которые родився на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки поднять противу великого князя, всех тех изменницы... силою выгнаша, а которым бо не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху, сами бо глаголаху, яко было их сорок тысяч на бою том. Воеводы же великого князя, аще и в мале беста, глаголют бо бывшей тамо, яко с пять тысяч их только бе, но видевшее многое воинство и положивше упование на Господа Бога и Пречистую Матерь Его и на правду своего государя великого князя, поидошу... противу их, яко львы рыкающие, чрес реку они Великую, ея же новгородци глаголю никогда тамо броду имуще, а сии же не пытающе броду, вси целы и здравы преидоша ея. Видивше же се новгородци устрашишася зело, возмутишася и восколебашася, яко пьяни. Ася пришед на них начаша пре-же стреляти их, и возмутишася кони их под ними и начаша с себя бита их, и тако вскоре побегоша гонимы гневом Божиим за свою их неправду... Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаще, друг друга бьюще и топчаще»^[11].

Ей вторит Псковская летопись, сухо, без риторических красот, передающая суть дела: «И наехаша [новгородци] на Шолони обонопол реки силу московскую князя Данильа... и вергошася москвичи с берега в реку и, перебредши реку, ударишася на них, а новгородци видевшие такову дерзость их обратишася на бег; и тако побегоша, и биша их москвичи»^[12]. Одна решительная атака — и дело сделано. Малыми силами, без больших потерь Холмский разнес «кованую рать» в щепы, точно маленький Давид, повергший великана Голиафа.

Собственно новгородский взгляд на события Шелонской битвы — иной. Новгородец, писавший летописную повесть про 1471 год, выразил мнение, согласно которому причины неудач вечевой республики в войне с Москвой надо искать в разногласиях среди «вятших» и «молодших» людей Новгорода и... в татарах, которые, оказывается, вырвали победу на Шелони.

Еще до начала сражения «...начаша новгородци вопити на больших людей (видимо, на бояр. — Д. В.), который приехали ратью на Шолону:

«Ударимся ныне», — каждо глаголюще: «Яз человек молодой, испротеряхся конем и доспехом». Иными словами, «молодшие» не торопились класть головы за интересы политической элиты. Здесь — явное совпадение с московским летописанием, которое сообщает о «плотниках» и «гончарах», не имевших желанья поднять руку на великого князя, но принужденных к тому «госпóдой».

Далее новгородец сообщает об атаке главных сил вечевой республики на москвичей, перешедших через Шелонь: «И начаша ся бита, и погнаша новгородци москвич за Шолону реку». Тут не совсем понятно: то ли в новгородской повести рассказываются сказки, как тяжелобронная боярская рать гнала отряд князя Холмского обратно за Шелонь, и сего быть никак не может, поскольку «кованая рать» Господина Великого Новгорода переправиться через Шелонь в принципе не могла, — в отличие от легковооруженных конников Холмского; то ли имеется в виду, что новгородцы попытались наскоком отбросить москвичей, вставших на берегу, и подобного рода контрудар выглядит логично. В любом случае новгородец признает поражение своих: «И ударишася на новгородцевь засадная (или «западная», то есть из западни. — *Д. В.*) рать татарове, и паде новгородцев много, а иныи побегоша, а иных поимаша, а иных в полон поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя. И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новгород. И посол ездил кривым путем в Немци, до князя немецкого, до *местера*, и возвратися в Новьгород, глаголюще, яко: «*Местер* не даст пути чрес свою землю в Литву ехать»^[13].

По московским источникам, отряды служилых татар шли с другими ратями, Холмскому их не дали. Но одно дело — план на кампанию, а другое — живые боевые действия. И в ходе наступления Холмского Иван III мог отправить ему вдогонку подмогу — небольшой контингент татарской конницы. А может быть, какая-то часть москвичей, снаряженных ориентально, то есть по-татарски, вызвала в горячке боя ассоциацию с грозными ордынцами и напугала новгородское командование. Не столь уж это и важно: были служилые татары на Шелони или их не было. В любом случае много их там присутствовать не могло и роль решающей силы они не играли.

Другое важнее: московское летописание, как правило, спокойно констатирует неудачу своих воевод или бой кровавый, тяжелый, успех в котором дался с большим трудом. Так, например, в рамках той же самой войны на Северной Двине произошла страшная бойня, стоившая обеим сторонам многих потерь. Победила Москва с союзниками, но московский

летописец честно признает: был «бой велик». Иначе говоря, победа далась нелегко... К Шелонской битве отношение иное. Четко говорится, что новгородцы побежали быстро, не оказав серьезного сопротивления. Отношение к побежденным — презрительное: горе-вояки!

Так что, вернее всего, хаотично организованное, не рвущееся в бой ополчение Господина Великого Новгорода с удивлением встретило высадку москвичей на свой берег Шелони, попыталось было контратаковать, расстроилось под ливнем стрел и побежало. Командная верхушка «кованой рати» не могла в тяжелых доспехах уйти от погони и попала Холмскому в плен вместе с двумя тысячами рядовых воинов. Боевые стяги стали трофеями москвичей. А постфактум выдумана была какая-то засадная рать, бог весть откуда взявшаяся на низком песчаном берегу Шелони.

14 июля 1471 года в Шелонском сражении новгородская военная машина оказалась сломана решительно и навсегда.

Современный биограф Ивана III Великого Н. С. Борисов высказался на сей счет лаконично и в то же время выразительно: «14 июля 1471 года князь Даниил Холмский своим мечом перевернул... страницу русской истории. Битва на Шелони не привела к немедленному присоединению Новгорода к Московскому государству. Это случилось лишь семь лет спустя. Однако именно она надломила волю той части новгородцев, которая не хотела подчиниться диктату Ивана III. Во время похода Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг., завершившегося падением боярской республики, новгородцы уже не пытались сразиться с москвичами в «чистом поле». Нескольких уроков «московского боя», преподанных им Холмским, оказалось вполне достаточно для того, чтобы убедить самых рьяных в бесполезности вооруженного сопротивления»^[14].

Ю. Г. Алексеев оценивает действия князя Холмского и его помощника в 1471 году иначе: «Если в стратегическом отношении воеводы князь Холмский и Федор Давыдович были далеко не безупречны, то на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки. Успешная переправа вброд через большую реку на виду у неприятеля делает честь их мужеству и глазомеру, а также боевым качествам их войска... В бою проявились тактика, выработанная москвичами в бесконечных схватках на южном рубеже, и качественное превосходство московского служилого ополчения, состоявшего фактически из воинов-профессионалов, над наспех собранной новгородской ратью. Победа на Шелони — победа нового над старым, великокняжеского служилого ополчения над удельно-городским»^[15].

Думается, дело тут не только в качестве войска, хотя, конечно, архаичная «рыцарская» конница новгородского боярства оказалась слишком неповоротливой против стремительных конных лучников Москвы, перенявших от татар подвижную манеру боя. Надо учитывать и тактический талант князя Холмского. Наткнувшись на «кованую рать» Новгорода, то есть на главные силы вечевой республики, Даниил Дмитриевич не мог знать численность неприятеля, просто видел, что она значительная, возможно, больше его собственного полка. И он уклонился от прямого таранного столкновения, которое могло дать новгородцам шанс. Вместо этого князь прощупал силы неприятеля, велел обстреливать его из луков. Эта московская тактика, заимствованная от степняков, и раньше наносила решающий урон новгородцам. Таким образом, Холмский испробовал старое средство, наблюдая за тем, как ответят новгородцы. Изобрели с прошлых поражений какой-либо контрход, завели собственные отряды конных лучников? Способны ли эффективно атаковать под градом стрел? Он еще только начинал сражение и мог, в случае необходимости, уклониться от боя — если продолжение сулило трудности. Даже перейдя на другой берег реки, полк Холмского все равно оставался более маневренной и дисциплинированной силой, чем новгородская армия, и, думается, имел возможность ускользнуть у новгородцев из-под носа, прикажи князь Холмский. Воевода ведь не молодецество московское хотел выказать, а разгромить неприятеля, и если задача не решаема, мог отложить ее до более удобного случая, например до подхода основных сил во главе с Иваном III. Или до соединения с псковичами. А новгородцы «посыпались» даже от этого легкого давления, от «прощупывания». Настоящего-то сражения фактически не было: Господин Великий Новгород рухнул от тычка, будто колосс на глиняных ногах. Но именно князь Холмский решил, куда и как нанести этот тычок.

А потом нанес его. Точно. Грамотно.

Что же касается «стратегии», то она ведь и не была делом князя Холмского. Стратегию войны разрабатывал сам Иван III, передвигавший по Новгородской земле своих воевод с их полками, словно пешки и фигуры по шахматной доске.

Время от времени в трудах историко-публицистических и даже (хотя, слава Богу, гораздо реже) в научных встречаются «плачи» по поводу жестокости москвичей, решительно и беспощадно разнесших военную машину Новгорода в щепы.

Тут нельзя не согласиться с одним: на Коростыни Холмский допустил жестокость гораздо большую, нежели это достойно в отношении

единоплеменников и единоверцев. Не были новгородцы смертельными врагами москвичам, и, возможно, тут сыграла роль память князя из тверского рода об обидах, давным-давно нанесенных вечевой республикой его предкам... Но, даже поняв этот мотив, принять и оправдать жестокость невозможно. Для христианина подобные действия не достойны веры его.

А во всем остальном... нет причины лить слезы. Как сказала супруга одного пирата, увидев его на виселице с веревкой на шее: «Если бы ты сражался, как мужчина, не болтался бы сейчас, как собака». *Vae victis!*

Хочешь для себя свободы — умеи защитить ее. Не сумел, так вини себя сам.

Кампания 1471 года еще не завершилась актом окончательного присоединения Новгорода Великого к Москве. Это произошло позднее: в результате еще одного военного похода на Новгород осенью 1477 года^[16] и «похода миром» 1479 года^[17] (впрочем, также сопровождавшегося артиллерийским обстрелом мятежного Новгорода).

В первом из этих двух походов князь Д. Д. Холмский — старший из великокняжеских воевод Передового полка, под его руководством состоит отряд костромичей. Формально полк возглавляет брат Ивана III, удельный князь Андрей Меньшой, но действительное командование не только над костромичами, но и над всем полком, конечно же, в руках у Даниила Дмитриевича. Подойдя к городу, великий князь велел Холмскому встать в «Варкаже», или «Аркажине» монастыре^[18], отдельно от Андрея Меньшого^[19]. Точно так же и другие воеводы — как Передового, так и других полков — разошлись по крупным монастырям и поселкам со своими людьми.

Можно предположить, что их задачей было стремительным броском занять обители, предотвратив их сожжение и опустошение новгородцами, которые могли устроить армии великого князя «выжженную землю», тем более страшную в зимних условиях Русского Севера. Подобные предположения высказывались историками московско-новгородских войн. Официальная летопись московская говорит то же самое: 19 или 20 ноября 1477 года из походного лагеря «на Палинах» великий отправил «...воевод своих под Новгород — городища и монастыри... отнимати, чтобы не пожгли. А велел пойти к Броничю князю Данилу Холмскому...»^[20] и другим воеводам. Достигнув названного рубежа и заняв обители, военачальники московские должны были ждать дальнейших указаний от великого князя. Но скорее глубинный смысл этого действия, прямо не проговоренный ввиду его очевидности для тактиков новгородской кампании, был иным: следовало расположить части огромного полевого

соединения по местам теплым, хлебным, дабы монастыри решали задачу их снабжения, а воинам не приходилось стоять в чистом поле на снегах и при морозе. Заслугой великокняжеских воевод, в том числе Даниила Дмитриевича, следует считать то, что они заняли монастыри со всей необходимой расторопностью, какой требовало дело.

На сей раз новгородцы не решились испытывать судьбу в генеральном сражении. Четыре больших разгрома 1471 года (три из которых, хотелось бы напомнить, устроил им Холмский) научили их больше полагаться на стены города, чем на собственную отвагу. Но и стены им не помогли: Великий Новгород сдался Ивану III и присягнул ему как своему государю.

В данном случае Холмский не добавил себе славы новыми громкими победами, он просто быстро и четко выполнил волю Ивана III. Отслужил свое без яркости, но надежно.

В походе «миром» 1479 года к Новгороду Великому Иван III взял с собой ряд бояр и воевод, среди которых Даниил Дмитриевич числился первым, то есть старшим «по чести». Как выразился историк В. В. Каргалов: «Это было признание»^[21].

Вряд ли на сей раз Даниил Дмитриевич участвовал в боевых действиях, ограничившихся канонадой. Скорее он играл роль советника при Иване III и главного из вельмож почетной свиты великого князя.

Итак, новгородские походы прославили Холмского и подготовили к более трудным испытаниям.

Во всех острых ситуациях московско-новгородских войн Даниил Дмитриевич проявлял одни и те же качества личности: решительность, отвагу, стойкую волю к победе, атакующий стиль. Сюда же следовало бы добавить стремление выполнять приказы Ивана III абсолютно точно и быстро.

Любопытно, что когда Холмскому досталась самостоятельная крупная задача, решая которую он не мог опереться на прямой и ясный приказ, поскольку великий князь был далеко, а обстановка требовала действовать без промедления, полководец справился с испытанием достойно. Это свидетельствует о способности князя проявлять независимость мышления. Способности, никоим образом не подавленной строгой дисциплиной великокняжеской службы.

Имеется в виду военная кампания под Псковом, выпавшая на долю Холмского между первым и вторым походами на Новгород.

В конце 1473-го — начале 1474 года, по сообщению Псковской летописи, «...бысть псковичам многи обиды и брани великия с немцы, и послаша послы своя к великому князю Ивану Васильевичу бити чолом и

просити помощи противу немец. И пожалова свою вотчину князь великий, посла князя Данильа и инех бояр много с силами, и приехаша в Псков на Дмитров день, и стаха станы по всему Заволочью». Наступательная операция готовилась зимой. Неожиданная оттепель обратила снежный покров в ледяные реки. Но над ливонскими немцами нависла угроза русского контрудара, притом не силами псковского ополчения, а помощью великокняжеского воинства. Холмский исполнил роль дипломата: он встретил сборное посольство от различных областей Ливонии и, играя отложенной возможностью наступления, добился выгодного мира: «Взята мир с рижаны на 30 лет, а с Юрьевцы на 20 лет, а пива немцом в Псков не возити, и оттоле преста корчма немецкая. И дата псковичи Данильа 100 рублей, а князем и бояром 50 рублей, и тако поехаша от Пскова генваря в 28 день»^[22]. Впоследствии соглашение, заключенное Даниилом Дмитриевичем, возобновлялось; условия его повторялись под общим наименованием «Данильев мир».

Псковскому сюжету в судьбе полководца посвящена драма Нестора Васильевича Кукольника «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» (1840). Музыка для ее постановки на театре написал Михаил Иванович Глинка.

Любопытно, что вскоре после возвращения князя Холмского в Москву на него со стороны Ивана III обрушилась опала. Источники доносят обстоятельства дела скупо, многое приходится додумывать, а кое-что — догадывать.

До наших дней дошли две грамоты. Одна из них сообщает, что Даниил Дмитриевич был взят под стражу за какую-то вину перед Иваном III, имевшую материальное выражение: 250 рублей. По тем временам — целое состояние, около 20 килограммов ходячей серебряной монеты. Как и в чем провинился князь Холмский, непонятно. На сей счет высказывались разные предположения: оболгали завистники, вскрылось намерение переехать на службу к иному государю (или возникло подозрение в подобном намерении). Но документ вполне ясно сообщает, что причина гнева великого князя — денежная. Возможно, растрата казенных средств. Возможно, дары псковичей Иван III посчитал неуместными для своего служильца, выполнявшего государево распоряжение... Не получается сказать с точностью. Так или иначе, Иван Никитич Воронцов, представитель одного из знатнейших боярских семейств державы, «выручил» Холмского, подписавшись на выплату названной суммы, если тот куда-нибудь сбежит; более того, сам правитель грозно обещал, что в этом случае он заберет себе все имущество и все земельные владения

князя^[23]. Лишь после поручительства Ивана Никитича князя Холмского отпустили на свободу.

Поручителей, подобных И. Н. Воронцову, было восемь (имена других неизвестны). Общая сумма поручительства — две тысячи рублей — совершенно запредельная для XV столетия.

Что за ней стоит? Загадка. Растрата не двухсот пятидесяти рублей, а двух тысяч — акт фантастический: на такие деньги можно было обеспечить конями целый полк... Не очень понятно, как и при каких обстоятельствах воевода мог «спустить» более полутора центнеров серебра.

Поэтому «политическая» версия ареста и опалы остается небезосновательной. Весьма возможно, что обвинение в растрате (да была ли она в действительности?) прозвучало вследствие слишком большой, с точки зрения Ивана III, самостоятельности Холмского в псковских делах (припугнуть, напомнить служильцу, что он не удельный князь, а всего лишь титулованный слуга государев). Или, быть может, некие слова недовольства, высказанные Даниилом Дмитриевичем, оказались восприняты с гневом и подозрением: как смеет? не желает ли сбежать?

Так или иначе, другая грамота сообщает: Даниил Дмитриевич публично, при митрополите Геронтии и целом соборе духовенства, «бил челом» Ивану III о прощении. И великий князь «нелюбье свое... отдал». Но Холмский вынужден был целовать крест на том, что будет всю жизнь служить великому князю московскому и его наследникам, никуда не «отъедет», никакого «лиха» не причинит, а если услышит о неких угрозах или выгодах в отношении своего государя, то немедленно сообщит^[24].

Загадочный этот и крайне неприятный для Даниила Дмитриевича эпизод впоследствии никак не повредил его карьере. Более того, Холмский уйдет из жизни весьма богатым человеком. Убедившись в честности своего служильца, Иван III богато жаловал его, и Даниил Дмитриевич имел обширные земельные владения в трех уездах — Московском, Дмитровском, Рузском: три села, десятки деревень и починков^[25]. Под занавес службы он оказался на прибыльной должности владимирского наместника.

Более того, в «приближении» у великого князя оказался не один Даниил Дмитриевич, а род его. Так, дети его, Семен и Василий, также станут воеводами на великокняжеской службе. Притом младший, Василий, вырастет в «крупную политическую фигуру»^[26]. Иван III дал ему чин боярина, женил на своей дочери Феодосии, отдавал под команду целые армии. Государь обеспечил князю В. Д. Холмскому чрезвычайно высокий

статус, фактически сделал старшим из бояр и своего рода «заместителем». Холмский даже именовался «наместником Московским». В 1508 году, уже при следующем государе московском, Василий Дмитриевич возглавит большое войско, где подчиненными ему воеводами поставлены будут известнейшие военачальники того времени, и вышибет литовцев из Дорогобужа. Однако Василий III, видимо рассматривавший В. Д. Холмского как возможного претендента на престол, то есть опасного конкурента, объявил ему опалу, арестовал и отправил в узилище, где тот и скончался.

До падения князь много лет являлся большим вельможей, «столпом державы».

Что ж, служба великому князю Ивану Васильевичу имела как свои недостатки, так и свои преимущества: монарх умел быть и грозным, и милостивым...

Любопытное замечание по поводу «дела Холмского» принадлежит историку Н. С. Борисову. С его точки зрения, московская знать дружно заступилась за Холмского, пойдя в поручители, поскольку Даниил Дмитриевич перестал считаться на Москве чужаком. Князь, что называется, пустил корни: «Холмский... успел породниться с местной аристократией. Он был женат на дочери... И. И. Заболоцкого — внука знаменитого московского боярина Ивана Всеволожского, ослепленного по приказу великого князя Василия II в 1433 году. Три сестры жены князя Холмского были замужем за виднейшими московскими боярами — [князьями] С. В. Ряполовским, С. Б. Булгаковым и И. В. Булгаком-Патрикеевым, родным братом известного воеводы Даниила Щени... Дочь Холмского была замужем за боярином И. В. Ховриным»^[27].

Главная угроза, нависавшая над Московским государством во второй половине XV века, это, конечно же, так называемая Большая орда — один из осколков Золотой орды, притом наиболее мощный на годы правления Ивана III. В начале 70-х годов XV столетия (специалисты называют разные даты) великий князь московский счел свою державу достаточно мощной, а Большую орду достаточно ослабевшей, чтобы можно было отказать ордынцам в выплате дани.

Война, которую открывал этот отказ, должна была стать вооруженным столкновением не на жизнь, а на смерть. Иными словами, на такое надо было решиться. А решившись, все возможные ресурсы мобилизовать для неотвратимой борьбы. Битва с Большой ордой это ведь, в сущности, таранный удар лоб в лоб с айсбергом... Так расколется ли айсберг или, быть может, он потопит русский корабль со всеми добрыми упованиями его

кормщика?

Первый раз татарская сабля высекла искру из русской тверди в 1472 году: Ахмат сжег приграничный город Алексин, но дальше наступать не решился, так как к тому времени воинство Москвы заблокировало все удобные переправы.

После сожжения Алексина на Оке татарам загородил путь и счастливо отбился Петр Федорович Челяднин «с малыми зело людьми» (возможно, в качестве младшего военачальника в боях участвовал воевода Семен Беклемишев)^[28]. Челяднин в жестоком бою устоял до подхода значительных сил — полков удельных князей Василия Михайловича Верейского и Юрия Васильевича Дмитровского, потом уже и полков самого великого князя, а также служилых татар «царевича» Даниара. По другой летописной версии, первый удар принял князь Василий Михайлович Верейский, а уж потом подошли братья великого князя — Юрий Дмитровский и Борис Волоцкий, и в то же время «приспел воевода Петр Федорович Челяднин с полком»; в последнюю очередь татары сожгли Алексин, но прорвать обороны по окскому берегу не сумели^[29]. Ахмат через крупные силы русского воинства пробиться не смог и отступил, храня в сердце величественное зрелище русского воинства в сверкающих доспехах.

Историк Н. С. Борисов остроумно сказал по этому поводу: «Это было поистине внушительное зрелище: вдоль берега Оки выстраивались тысячи всадников в сияющих на солнце шлемах с флажками-«яловцами» на макушках и начищенных до зеркального блеска железных латах. Летописец, писавший со слов очевидца, замечает, что одетое в железо русское войско сверкало на солнце «якоже море колеблющееся, или езеро синеющее». Татары, не имевшие собственной металлургии и всегда страдавшие от недостатка железа, с завистью смотрели на эту великолепную экипировку, делавшую русских воинов практически неуязвимыми для татарских стрел и сабель. Доспехи самих степняков ограничивались главным образом всякого рода изделиями из дерева, кожи и войлока. Только военачальники имели железные шлемы и латы...»^[30]

Вернее всего, именно П. Ф. Челяднин — главный герой Алексинского «стояния». Князь же Верейский и брат Ивана III князь Юрий Васильевич первыми упомянуты в некоторых летописях из-за того, что они стояли выше по своему социальному статусу, нежели Челяднин, который оказался на берегу первым из тех, кто мог дать бой Ахмату.

Даниилу Дмитриевичу досталась тогда роль далеко не первая, не

ведущая. Холмского назначили старшим из воевод, выведивших в поле оборонительные отряды самого Ивана III. Однако основные силы под его командованием добрались до места, чтобы прикрывать от ордынцев направление «на берегу», то есть на Оке, позднее отрядов других военачальников (уже после подхода Челяднина и удельных князей). О его участии в боевых действиях ничего не известно^[31]. Но сверкающее начищенным металлом многолюдство — главные полки великого князя — на Оку вывел именно он.

Борьба с Ахматом достигла финальной стадии в 1480 году. Хан заключил соглашение о взаимопомощи с Польско-Литовским государством и двинулся на Русь. Ахмат мобилизовал людские ресурсы обширных степных пространств. По словам историка В. Д. Назарова, требование Ахмата к последнему московскому послу в Орде, чтобы великий князь сам прибыл к хану, «...означало восстановление политической зависимости в формах XIII–XIV века, когда великий князь получал ярлык на великое княжение из рук хана, коленопреклоненно, в его главном шатре. Плюс такое посольство сопровождалось невероятными выплатами как в ходе самого посольства, так и потом в виде разраставшихся размеров выхода, то есть дани».

Иван III именно от всего этого замшелого, архаичного набора унижительных обязательств, составлявших суть ордынского ига, собирался избавиться Русь. И он готов был рискнуть, поборовшись за свободу с могучим противником.

Летом 1480 года в Москве узнали о движении Ахмата и начали выдвигать войска ему навстречу. Передовые отряды хана напали на волость Беспуту и разграбили ее. Однако на Оку уже выходили полки Ивана III. Сам он с основными силами встал в Коломне. Его сын и наследник Иван Молодой расположился с полком под Серпуховом. А младший брат великого князя, удельный князь Андрей Меньшой, встал у Тарусы. Прочие, не столь значительные отряды, заняли места по бродам на Оке, исполняя сторожевую службу.

И Ахмат, ожидая помощи от Казимира, короля польского и великого князя литовского, не решился в одиночку прорывать позиции русских войск.

Ведя разведку неприятельского расположения, хан искал слабые места в нем, но не находил. Тогда хан сместился со всеми ордынскими полчищами западнее, обходя окский оборонительный рубеж. Он прошел мимо русских городов Мценска, Любутска и Одоева, встал у Воротынска. Как ни парадоксально, вся эта русская православная область в той войне

играла роль союзной Ахмату страны, поскольку являлась тогда частью Великого княжества Литовского.

Между тем Казимир не шел сам с войсками и не присылал подкреплений Ахмату, поскольку связан был по рукам и ногам нашествием ценнейшего союзника Ивана III — крымского хана Менгли-Гирея. Казимир так и не даст поддержки ордынцам. Впоследствии Ахмат отомстит нерасторопному союзнику, разорив на обратном пути русские земли его державы...

Уже в осеннее время Ахмат создал угрозу на другом направлении: хан собирался напасть на коренные земли Московского государства, перейдя реку Угру. Вслед за ним на Угру перешел заслон из великокняжеских полков. Сам же Иван III отправился в Москву — собирать силы, готовиться, если придется, к обороне города и выслушивать советников, часть которых шептала ему в уши неподобное: бежать! А если и не бежать, то договариваться с неверным «царем» Ахматом, соглашаясь на его условия. Город бурлил, народ волновался, требуя защиты от татар, призывая показать силу.

Летопись сообщает: Иван III, отъехав из расположения главных сил на Москву, наследника своего Ивана Ивановича «...там же остави у Оки, а у него остави князя Даниила Холмского, а приказа ему: как придет на Москву и принте к нему, ино бы с сыном часу того приехал к нему...»; из Москвы же послал грамоту (и не одну!), призывая сына немедленно оставить войска и прибыть в столицу; но тот «...мужество показа, брань прияв от отца, а не еха от берега, а хрестьянства не выда»; видя непослушание сына, великий князь «...посылаше к князю к Даниилу, веля его сильно поймав [Ивана Ивановича], привести к себе; князь же Данило сего не сотвори»; воевода обратился к наследнику престола, увещевая его поехать к отцу, но насилия, вопреки прямому и ясному распоряжению Ивана III, применять не стал; а Иван Иванович ответствовал, что легче ему «зде умрети, нежели к отцу ехати»^[32]. Так оба — храбрец Иван Молодой и еще более мужественный человек, князь Холмский, — остались в войсках.

Для сына великого князя акт ослушания мог обернуться как угодно, однако перед лицом смертельного врага молодой мужчина не желал позориться перед всем войском, приняв «государственный интерес» за высшее благо и подав тыл ордынцам. Но его, допустим, в случае победы отец мог и простить (так и вышло), а в случае поражения все в жизни сей потеряло бы смысл, а то и жизнь была бы отъята. Другое дело — Холмский: надежнейший из воевод Ивана III вдруг являл непокорство в деле самом важном и притом мучительно неудобном для государя... Отчего

ему простили бы? Хоть и привилегированному, а все же слуге, именно слуге? Слуга ослушался... Ему и после победы могут дерзость его припомнить... Вот где отвага понадобилась ничуть не меньшая, нежели для противостояния свирепой орде.

Но и ослушников понять можно: увести из войска, готового смертную чашу пить с врагом, душу его — государева отпрыска, надежду рода московских правителей, значило пренебречь духом воинов, скверные мысли заронить в умы.

Иван III не напрасно вошел в русскую историю с прозвищем «Великий». Он мог понять даже смертельное непослушание, если итог его показывал: не прав сам государь, а дерзец прав, и от его правоты державе вышла прибыль, а не оскудение.

Ни Иван Молодой, ни князь Холмский впоследствии не понесли наказания.

Трудно восстановить ход мыслей обеспокоенного отца, но, быть может, вспомнил великий князь слова Вассиана, ростовского архиепископа: «К чему боишься смерти? Человек не бессмертен. Дай мне воинов, и я, старик, сам выйду против татар». Многие не испугались ныне ордынского нашествия, многие пошли биться с врагом без страха. Да и сам Иван III в бою погибнуть не боялся. Но о смерти сына страшно даже подумать! Не пришла ли великому князю на ум история из его собственной юности? Когда ему было всего лишь 12 лет, отец, Василий II, послал его с войском в дальний поход. Сам родитель не мог пойти с воинами, потому что враги ослепили его. Вот и пришлось отправляться сыну. С ним, неопытным мальчиком, войско чувствовало себя увереннее и сражалось храбрее. «Раз сын государев с нами, значит, надо биться крепко!» — говорили тогда седобородые ратники. Тогда они вернулись из похода победителями. Но разве сейчас не то же самое? Пока он, отец, собирает силы в Москве, сыну пришлось заменить его на Угре. Таков долг всей их семьи: она тащит на себе воз государственной работы. И когда родитель в одиночку не справляется, рядом с ним впрягается сын... Все встали за Русь, вот и сын его постоит со всеми вместе. Добудет себе чести, а отцу — доброй славой. Ничего, справится. Он сам когда-то справился, стало быть, и сын сможет.

Такое это было время — суровое, трудное. Юная Россия еще только поднималась из руин старой Руси. Если Россия требовала, мальчики командовали армиями. А если приходил час битвы со смертельно опасным врагом, мальчики шли в бой с оружием в руках. Некоторые погибали, но другие вырывали у врага победу.

Такое это было время! Жизнь страны висела на волоске.

В октябре — начале ноября 1480 года на Угре развернулись решающие события.

Ахмат настойчиво штурмовал Угру, стремясь перейти на левый ее берег. Его встречали на бродах и «перелазах» пищальным огнем и ливнем стрел. Стояние на Угре вовсе не было мирным. Оно представляло собой целый каскад малых боев и больших сражений. Ордынцы искали любую дыру, где им дали бы возможность зацепиться за противоположный берег и перевести через этот плацдарм основные силы. Они производили разведку боем, а если чувствовали слабину, то вводили в сражение крупные подкрепления, засыпали московских ратников стрелами... Но пробиться нигде не могли.

Ордынские конники, сунувшись в одну брешь, вторую, пятую, десятую, всюду встречали легкие, подвижные отряды московских воевод. Москва отбивала их от своего берега с тяжелыми потерями. Лилась кровь, нервно ржали и носились на мелководье кони, лишившиеся всадников, рыкали пищали русские, дым пороховой плыл над водами. Воинство Ахмата изнемогало в этой борьбе, но успеха нигде не добилось.

Ахмат ждал морозов: как только Угра встанет, грозился он, так и орда пройдет на Русь всей своей страшной мощью.

Иван III, видя, что лед наконец сковал Угру, отвел армию на более удобную позицию, изготовившись там встретить врага. Но Ахмат не стал двигаться вперед. Его войско устало. Область, им занятая, оказалась разорена — не достать более ни корма для коней, ни пищи для людей. Одежда, вовсе не предназначенная для войны по русской зиме, истрепалась. В финале, как говорит летописец, «...татары ободрались одеждой и побежали». Видимо, Ахмат дал приказ на отступление, понимая, что ему, с его измотанными голодными бойцами, уже не тягаться с великокняжескими полками, у которых мощный тыл. Может быть, в следующий раз повезет больше?

Но следующего раза не было.

Главным из воевод в войсках, отправленных с Иваном Ивановичем, был, согласно известию Второй Софийской летописи, князь Д. Д. Холмский, а Ивана III сопровождал князь Федор Палецкий^[33]. Здесь стоит напомнить: от полевой кампании 1480 года известно совсем уж немного имен: один московский воевода, известный наверняка (а именно князь Даниил Холмский), князь Московского дома Калитичей Василий Михайлович Верецкий (не получивший удела, а значит, по статусу приближающийся к служилым князьям-воеводам), двое союзных тверских воевод, двое воевод, командовавших отрядом на второстепенном

направлении (Полуэкт Бутурлин и Иван Кика), да еще тот самый князь Ф. Палецкий, который, возможно, не имел воеводского поста и всего лишь сопровождал Ивана III как лицо свиты. На главном направлении, у реки Угры, могло действовать еще пять, десять, а то и больше воевод, но их имена можно определить лишь гадательно.

«Иван Молодой, — пишет московский историк Н. С. Борисов, — во всем... деле играл роль скорее живого символа власти, нежели ее подлинного обладателя. За спиной 22-летнего наследника московского престола стоял знаменитый полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Именно он был фактическим руководителем всех московских войск, преграждавших дорогу Ахмату. По существу, Иван III доверил Холмскому судьбу всей кампании»^[34].

Автор может лишь присоединиться к мнению Н. С. Борисова, совершенно обоснованному.

Холмский, очевидно, являлся тактиком номер один в русских войсках, оборонявшихся на Угре. Не он планировал перемещения всей армии с одного рубежа на другой, не он менял оборонительные позиции, не он набирал армию, и уж совсем не он определял состав ее командиров. Всем этим ведал государь. Однако в жестоком поединке с татарами Ахмата именно Холмский каждодневно определял действия отдельных отрядов, успевавших затыкать дыры на бродах и «перелазах» через реку, вовремя приказывал открывать огонь, наращивать силу для контрудара и оставлять резервы на тот случай, если в то же самое время ордынцы начнут прощупывать маршрут для прорыва в другом месте. Ему выпало сыграть в сложную, маневренную игру с могучим Ахматом, и Холмский, как старший из русских воевод, переиграл, передумал хана.

Фактически то, чем ему пришлось заниматься, — тактика не столько сражения, сколько особого типа военных действий, который в будущем, уже в XX веке, получит название «фронтальной оборонительной операции». Татары были традиционно сильны в таких «играх», поскольку войско их, поголовно конное, хорошо дисциплинированное, спаянное волей хана, имело возможность стремительно перемещаться на дальние расстояния и осуществлять многоходовые планы властителя. Холмский должен был побить татар в той сфере, где они всегда чувствовали себя уверенно, действовали энергично, располагали широким опытом. Что ж... он их побил.

Победа на Угре имела великое, или, как сейчас любят говорить, — геополитическое значение. Она перевернула страницу истории, ознаменованную зависимостью Руси от Орды. Стратегически главную

работу, направленную к одолению на Угре, проделал Иван III. Тактически — князь Д. Д. Холмский. И надо бы почаще вспоминать, что его имя связано с созданием внешнеполитического суверенитета юного государства Россия.

Однако даже этот великий успех полководца затмевается иной, более поздней его победой. Самый знаменитый триумф князя Холмского, можно сказать, венец достижений на бранном поле — взятие Казани в 1487 году.

Об этом уже писали биографы Даниила Дмитриевича. Так, например, историк В. В. Каргалов высказался с уверенностью: «Главный ратный подвиг полководца — взятие Казани в 1487 году»^[35].

До сего времени московские усилия смирить Казань, избавиться от угрозы, нависавшей над восточными областями, имели переменный успех. Казанское ханство по сравнению с Большой ордой и Крымским ханством было «младшим юртом», то есть областью, которая слабее в военно-политическом отношении, да и в «иерархии чести» занимает место пониже. Однако борьба с нею стоила Москве дорого. При Василии II Москва терпела от Казани горчайшие обиды, сам великий князь сидел у основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда в плену. Иван III воевал с Казанью в 1460-х годах и хотя и наступал, а не оборонялся, но добился лишь половинчатого успеха. Об этой тяжелой войне уже говорилось выше, придется к ней возвращаться и в следующих главах. В 1487 году перед великим князем московским открылось уязвимое место Казанского ханства: два брата-правителя, Алегам (Али-хан, Ильхам) и Магмед-Аминь (Мухаммед-Эмин), враждовали, между ними разверзлась пропасть жестокой борьбы за престол. Иван III поставил на более слабого — Мухаммед-Эмина, решив оказать ему помощь и превратить в подручника Москвы на Казанском «юрте».

Поход начался в апреле.

Русские воинские документы того времени подробно рассказывают о том, что произошло, когда московская сила вмешалась в казанские распри: сначала Магмед-Аминь прибрал к рукам власть, затем Алегам, приведя ногайское войско и договорившись с казанцами, согнал его, но «князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал под Казань Магмед-Аминя царя да воевод своих на царя Алехаму казанского. А воеводы были по полкам под Казанью с Магмед-Аминем царем: в большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской (а с ним еще три полка, двигавшихся «в судах». — Д. В.)... А берегом в конной рати отпустил великий князь Иван Васильевич всеа Руси к Казани воевод своих князя Федора Хрипуна да

князя Василья Мниха Семеновичев Ряполовских Стародубских...»^[36].

Холмский разгромил Алегама, пытавшегося решить исход войны в открытом поле. Русская летопись сообщает: когда Иван III «...посла на Казанское царство с великим воинством, за бещестие и срамоту отца своего, воевод своих: князя Данила Холмского, князя Александра Оболенского, князя Семиона Ряполовского. И встрече их казанский царь Алехан с татары своими на реке на Свяиге. Бывшу же у них бою велику, и поможе Бог и святая Богородица московским воеводам, и побиша ту многих казанцов: мало их живых в Казань утече, и град затворили, и осадите не успеха (иначе говоря, не успели как следует изготавиться к осаде. — Д. В.), и самого царя Алехаму жива яша руками, и с ним во град вошедша. И яша мать его, и царицу его, и два брата его и к Москве сведоша. И достальных казанцов и покориша Московскому царству и повинных учиниша»^[37].

Но прежде, чем Казань сдалась, Алегам, после разгрома в поле скрывшийся в городе, еще сделал несколько попыток контратаковать из-за стен его. А ханский вассал, некий Аль-Гази, возглавил внешнее воинство, досаждавшее нападениями на русский лагерь.

Даниил Дмитриевич, увидевший реальную возможность захватить Казань, но не имевший к тому достаточно сил, быстро сориентировался и вызвал подмогу. Ожидая ее, князь блокировал город с помощью «острога» — дерево-земляных укреплений. Иван III направил к нему конное воинство во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским, а также судовую рать под командой князя Ивана Васильевича Ромодановского. Это придавало уверенность действиям русских под Казанью.

Холмский сначала ударил на Аль-Гази и отогнал его. Затем воевода затянул тугую петлю вокруг казанских стен, отшвыривая атакующего вновь и вновь Алегама. Сами казанцы в итоге изнемогли от битв и сдали как правителя своего, так и город свой. Иной летописный текст гласит: «На всяк день татарове, из города вылазя, билися с Русью. И прииде на царя и на татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею... в руки воеводам... И город взяли»^[38].

Холмский простоял у Казани всего семь недель: с середины мая по начало июля 1487 года.

Вместо пленного Алегама князь посадил «на царство» Магмед-Аминя^[39].

Взятие Казани — успех огромный, фантастический. Захват одной из ордынских столиц и не снился Руси во времена, скажем, Дмитрия Донского

или даже Василия II. Казань на протяжении нескольких десятилетий представляла собой постоянную угрозу для Москвы. Набеги казанцев обходились страшно дорого! Казань не имела столько сил, чтобы сокрушить Москву, но располагала ресурсами «молодого хищника», жадного до чужого имущества и мечтающего о рабах-иноплеменниках. Тысячи и тысячи русских томились в казанском плену. Победа князя Холмского позволила Ивану III без малого на два десятилетия избавить Россию от опасностей со стороны Казанского ханства. Государь московский ставил туда «подручных» правителей, подкрепляя твердость их пребывания на престоле вооруженной силой. И русский пахарь на восточных рубежах мог спокойно идти за плугом, а русский купец — не бояться грабежа.

Исключительно высоко оценивает результаты победы над казанскими татарами в 1487 году современный историк В. А. Волков: «Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 году не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани особых территориальных и политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против Русской Державы, не выбирать нового хана без согласия великого князя, а также гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства»^[40].

Холмский успешно решил тактическую задачу, которую после него на протяжении шестидесяти пяти лет не сумел решить никто из русских полководцев, действовавших на восточном направлении. Сложность ее состояла в том, что у войска, идущего на Казань, чрезвычайно растянуты коммуникации. Проще говоря, его неоткуда снабжать. При этом боевые действия происходят во враждебной среде: местные народы на всем протяжении почти вековых русско-казанских войн, с середины XV столетия по середину XVI, чаще проявляли недоброжелательное а то и открыто враждебное отношение к пришельцам с запада. Для них русские воеводы были примерно тем же, чем являлись темники Батыя для русских в 1237–1240 годах: чужаками, разорителями. А значит, русскую армию помимо борьбы за столицу ханства ожидали еще и нападения с разных сторон, из засад, от малых «городков» татар и «черемисы». Стремление же довести припасы, артиллерию, значительную часть войск на судах нередко создавало дополнительный риск для судьбы всей кампании: «судовая рать»

могла попасть в западню, что, в свою очередь, создавало опасность для сил, шедших «полям». Впрочем, даже если «судовая рать» счастливо доставляла провиант, порох, пушки, подкрепления, то и на этих запасах огромное воинство не могло долгое время поддерживать свое существование во враждебной стране... Таким образом, разделение сил при наступлении на Казань почти неизбежно, но весьма рискованно, а растянута коммуникаций в любом случае создает труднорешаемую проблему обеспечения.

Ключик, подобранный Холмским к Казани, выглядит вроде бы просто и незамысловато: князь действует с максимальной быстротой и решительностью. Он искал боя, то есть способа перемолоть живую силу противника и тем самым деморализовать его. Князь громит внешнюю рать казанцев, громит рать, вышедшую из города, вызывает подмогу, видя, что не имеет должного преимущества в силах, устраивает тесную блокаду и угрожает скорым беспощадным штурмом самой Казани. Запасы в лагере его полевого соединения не успевают иссякнуть, а дело уже сделано.

Но до такой «простоты» может додуматься только искусный военачальник, притом человек отважный, волевой, энергичный. Холмский понимал, что долгая осада работает против него, что оставлять безнаказанными нападения извне нельзя, что действовать надо на пределе возможностей русской армии. Мало кто после него достигал той же ясности в понимании этих тактических и «логистических» проблем.

Несколько лет спустя, будучи уже немолодым человеком, Даниил Дмитриевич еще успел поучаствовать в первой большой войне между Россией и Великим княжеством Литовским. Летом 1492 года он возглавил большую пятиполковую рать, направленную в набег на северские города, пребывавшие тогда под властью Литвы.

О походе этом известно крайне мало. Во время переговоров осенью 1492 года литовский дипломатический представитель Иван Владычка заявил, обращаясь к Ивану III: «Пришла к нам весть, што люди твои, в головах князь Федор Оболенский, приходил со многими людьми войною безвестно, и города наши Мценск и Любутск зжог, и наместника нашего мценского и любутского Бориса Семеновича свел, и бояр мценских и любутских з жонами и з детьми и иных многих людей головами в полон повели, и животы и статки побрали»^[41]. Оболенский командовал самым малым, а именно Сторожевым полком в армии Холмского. Летопись сообщает, что он взял город Мценск^[42]. Расстояние между Любутском и Мценском огромное, около 130 километров по прямой, а это три-четыре

дня конного хода. Маловероятно, чтобы князь Федор Васильевич Оболенский-Телепень оперировал на обоих направлениях. Видимо, под Любутском осуществляли тактическую работу другие части из состава армии князя Д. Д. Холмского.

Если Мценск был взят столь незначительными силами, то неизвестно, какое применение нашли прочие полки. Вероятно, они, зайдя на литовскую территорию, по терминологии того времени — «распустили войну», то есть разорили пограничные места и взяли «полон», вместе с тем захватили Любутск, а потом спалили городские укрепления.

В целом можно констатировать еще один поход в карьере князя Д. Д. Холмского, завершившийся успешно.

В 1493 году полководец оставлен в Москве, при особе великого князя. Косвенно это свидетельствует о том, что Даниилу Дмитриевичу уже не хватает здоровья на дальние походы. Иначе князь, столько раз показывавший свой блистательный тактический талант, вряд ли оказался бы вне масштабных военных действий, которые тогда велись на западе России.

Вскоре он скончался.

Князь Холмский был блистательной кадровой находкой Ивана III. Его тактический дар стал солидной гирей на чаше весов переменчивой судьбы рождающейся России. Именно этим инструментом Иван III «сломал» сначала Новгород, затем Казань, именно с его помощью он отразил нашествие Ахмата. Можно многое говорить о социально-экономических и внешнеполитических факторах, действовавших при создании единого Русского государства, но совершенно неправильно сбрасывать со счетов фактор личный. Талантливый полководец всегда в цене. Порой на его плечи ложится бремя спасителя отечества. Иногда он — разрушитель старого порядка, иногда — его восстановитель. Но, стоит повторить, он всегда в цене, поскольку его способности имеют непостижимую мистическую природу дара Божьего, а без него все осложняется.

Итак, искусный полководец всегда в цене... но особенно, если за его спиной — талантливый правитель.

Два несомненных лидера, своего рода «маршала» Ивана Великого, делящие, если применить спортивную терминологию, первое и второе места, это князья Даниил Дмитриевич Холмский и Даниил Васильевич Щеня. Оба они принесли рождающейся на их глазах и их трудами России множество побед. Оба по результативности могут сравниться с самим А. В. Суворовым. Трудно сказать, кто из них первенствует по заслугам перед

отечеством. Скорее можно говорить о другом: когда счастливая звезда первого из них закатывалась, слава второго только-только начала восходить. Фактически в начале 1490-х годов Щеня сменил Холмского в роли абсолютного лидера русской военной элиты.

Значит, пришло время поговорить о князе-Гедиминовиче Данииле Васильевиче по прозвищу Щеня.

Глава 2

КНЯЗЬ ДАНИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕНЯ

Тактическая деятельность таких титанов русского военного командования, как князя Д. Д. Холмский и Д. В. Щеня, отмечена пятью-шестью крупными победами на каждого, что ставит их в один ряд с самыми знаменитыми полководцами отечественной истории от начала Руси до наших дней. В сущности, это были русские Наполеоны XV столетия. Или, точнее, Суворовы русского Средневековья. Причем сказать это можно безо всякого преувеличения и безо всяких оговорок.

Князь Даниил Васильевич Щеня происходил из знатнейшего рода Гедиминовичей — потомков великих князей литовских.

Его дядя, И. Ю. Патрикеев, — один из величайших вельмож правления Ивана III, государственный деятель высшего уровня, его сын Василий Косой (двоюродный брат Даниила Васильевича) — также один из ведущих государственных деятелей конца XV столетия. В 1499 году оба они, отец и сын, проиграв при дворе решающий раунд политической борьбы, вынуждены были принять иноческий постриг. После этого какое-либо их участие в военных делах перестало быть возможным.

Однако их близкие родственники, князя Д. В. Щеня и М. И. Булгаков, не пострадали, сохранив прежнее положение в военной элите. Да и другие Гедиминовичи^[43] продолжали служить, получая высокие посты. Можно с уверенностью сказать, что в командной иерархии вооруженных сил Московского государства Гедиминовичи конца XV— начала XVI века занимали выдающееся, даже исключительное положение. Очень точно сказал о Гедиминовичах историк А. А. Зимин: «Все они, главным образом, полководцы, отчасти наместники»^[44].

Гедиминовичей ценили великие князья московские. И дело здесь не только в том, что они были хороши в службах своих. Есть и иная, думается, более серьезная причина.

Великое княжество Литовское в XIV и XV веках, вплоть до двух больших войн, которые выиграл у него Иван III, являлось державой намного более сильной, нежели Московское государство. И территориально больше, и демографически благополучнее, и в экономическом плане богаче. Это заставляло Москву с почтением смотреть на великих князей литовских и весь их род. Если же кто-то из этого разветвленного семейства

оказывался на московской службе, то это обстоятельство давало московским правителям право на законную гордость, во-первых, потому, что Гедиминович становился своего рода живым экспонатом на «выставке достижений народного хозяйства»: вот-де, какие люди у нас под рукой ходят; во-вторых, Гедиминович теоретически мог быть использован как «свой претендент» в случае смуты в Великом княжестве Литовском и борьбы престолонаследников. Московские Рюриковичи почитали за честь породниться с Гедиминовичами. Даниил Васильевич Щеня приходился внучатым братом великому князю московскому Василию III Ивановичу: сестра великого Василия Васильевича Темного (деда Василия III), Анна Васильевна, была замужем за князем Юрием Патрикеевым, родным дедом князя Даниила Васильевича.

Однако при Иване III местническая система (то есть система назначений на высшие государственные и военные посты по знатности) еще не действовала. Она только-только формировалась. Поэтому для блестящей карьеры в те времена «превосходства крови» еще не хватало. Многие зависело от личных способностей, энергии, воли, отваги, ума.

Князь Даниил Васильевич Щеня занял в русской истории место одного из величайших полководцев, проявив все перечисленные качества в изрядной мере.

Неизвестно, когда он родился. Впервые князь упоминается в грамоте по земельным делам от 1457 года. Очевидно, участвовать в сделках с земельной собственностью мог лишь совершеннолетний человек, а совершеннолетие в ту пору наступало около пятнадцатилетнего возраста. И, следовательно, Даниил Васильевич родился не позднее 1442 года. Видимо, и ненамного раньше — учитывая срок его службы (последнее назначение в полки относится к 1515 году).

Притом о каких-либо должностях в военной сфере, занимаемых Щеней, на протяжении более тридцати лет с момента первого его упоминания в письменном источнике ничего не сообщается ни в летописях, ни в документах. Он участвовал в дипломатических переговорах, сопровождал Ивана III в мирном походе на Новгород 1475 года как один из бояр (то есть успел удостоиться высшего служебного чина в России), но нигде в воеводах не бывал. Или как минимум до нас не дошло никаких данных о воеводских его назначениях.

Князь Даниил Васильевич Щеня, настоящая военная звезда XV столетия, впервые получил воеводское назначение лишь в 1489 году, когда московским полкам отдали приказ идти на Вятку. Под командой князя оказались четыре полка, он лично возглавил Большой полк, а главным его

помощником стал Григорий Васильевич Морозов прозвищем Поплева — первый воевода Передового полка: «А грамоты писали от государя и великого князя к воеводам князю Данилу Васильевичю Щенята да Григорью Васильевичю Морозову»^[45]. Помимо сухопутных сил Даниилу Васильевичу придали в поддержку еще и судовую рать во главе с воеводой Иваном Ивановичем Салтыком Травиным. По земле шли конные полки москвичей, владимирцев, тверичей, а также 700 бойцов от полувассальной теперь Казани. На судах двигались «...устюжане и двиняне, и важане, и каргопольцы, и белозерцы, и вологженя, и вычегженя, и вымичи, и сысоличи»^[46].

Таким образом, на Русском Севере разворачивалась одна из главных кампаний богатого войнами правления Ивана III. Масштаб ее по сию пору недооценен. Фактически происходила ликвидация последнего оплота удельной эпохи на колоссальных северных пространствах. Речь шла о судьбе обширной области, до сих пор жившей обособленно от центральнорусских земель.

Вятка была давней головной болью Москвы. Вятская земля расположена намного восточнее Ярославля, Нижнего Новгорода, Вологды и севернее Казани. Она как бы нависает над Казанским ханством, представляет собой идеальный плацдарм для боевых действий против него и, соответственно, идеального младшего союзника-подручника для Москвы. Но статус подчиненного союзника при коалиции русских земель, возглавляемых Москвой, являлся смертельно опасным, а потому страшно неудобным для Вятки. Во-первых, Вятка да и любая самоуправляющаяся область Руси не прочь сохранить самостоятельность; под высокую руку Москвы она не торопится. Во-вторых, за каждый акт военной помощи Москве вятчане рискуют поплатиться, когда придет карательная рать казанцев. Наконец, в-третьих, трудно сказать, какова этническая и вероисповедная структура вятского населения в конце XV века: насколько многочислен там русский православный элемент, на который только и может опереться Москва? Вопрос на основе известных источников в принципе не решается... Ясно лишь одно: помимо христиан,двигающихся из сердца Руси на восток и колонизирующих всё новые и новые пространства, там, очевидно, проживает и коренное местное население, присутствует и какое-то количество татар.

Отсюда политика лавирования Вятки между двумя великими державами — Казанским ханством и Россией.

Вятка то целовала крест великому князю московскому под давлением

всей мощи его (1459), то принимала послов казанского хана... а в годы большой московско-казанской войны второй половины 1460-х она, несмотря на прямые и ясные распоряжения, не торопилась оказать поддержку Москве в ее титанической борьбе. Кончилось тем, что татары пришли с большим войском в Вятскую землю, и вятчане «не возмогоша... противитись им и предашася за казанского царя Обреима»^[47]. Но и под властью Казани они не задержались. В новгородско-московской войне 1471 года они твердо стоят за Москву... А несколько лет спустя их разоряют казанские татары. Затем сами вятчане дважды идут разорять устюжскую — то есть русскую! — область. К Устюгу на защиту от вятчан выступили войска великого князя. Но, правда, по самой Вятке они не ударили, видимо, не столь уж много пришло сил.

В 1487 году князь Холмский Казань взял, Москва утвердила там своего ставленника, и поле для лавирования исчезло. У вятчан остался лишь гораздо более простой выбор: подчиниться Москве или сопротивляться. Они колебались. Наместника великого князя над собой терпеть не захотели...

Походы на Устюг стали катастрофической ошибкой Вятки.

В ответ выступил Щеня. Миссия его готовилась со всей основательностью. Рука Ивана III ставила под знамена князя больше, больше и больше сил... Нетрудно разглядеть в этой основательности твердую волю Ивана Васильевича, направленную к решению давней проблемы: с вятской «болячкой» надо покончить раз и навсегда. Северные летописцы рисуют картину эпического столкновения: будто бы против Вятской земли собралось то ли 64 тысячи, то ли даже 72 тысячи бойцов. Сколь бы сомнительной (мягко говоря) ни являлась эта цифра, она показывает, что в глазах местных жителей московско-вятская война 1489 года стала неординарным событием. Таким, какого до сих пор не знал Русский Север.

Официальные летописи содержат о вятском походе характерную формулировку: рать князя Щени двинулась 11 июня 1489 года на вятчан «за их неисправление».

Даниил Васильевич показал решительный стиль командования: он быстро осадил главные города вятчан — Котельнич и Хлынов. Первым пал, очевидно, Котельнич. Судьба всей области решалась в переговорах между воеводой Ивана III и местной знатью, осажденной в Хлынове. Переговорщики-вятчане соглашались «бить челом» и покориться «на всей воле великого князя», но выдавать «изменников и коромольников» не желали. Щеня нажал. Вятчане попросили срок на обдумывание — до

завтрашнего дня, но размышляли двое суток и ответили «...что им трех человек не выдавать». Щеня демонстративно начал приготовления к приступу. Он показал, что собирается поджечь деревянные укрепления Хлынова с помощью смолы и бересты. Иначе говоря, он очень хорошо осознавал свою роль: не только возглавлять войско, но и решать важнейшую политическую задачу, притом решать ее с непреклонной твердостью. В итоге «...вятчане... видевшее свою гибель сами вышли большие люди своими головами и добились челом воеводам на всей воле, а изменников выдали головою»^[48].

Щеня, покорив главные вятские «грады», арестовал тамошнюю знать — как православную, так и мусульманскую (неких «арских князей»). Вятское боярство впоследствии Иван III разослал по городам коренной Руси: в Дмитров, Боровск, Кременск, дав на новых местах поместья; арских князей отпустил; все население повелел провести через присягу, то есть православные целовали крест, а мусульман «привели к роте». Что же касается главных вятских «кормильщиков» Ивана Аникеева, Пахомия Лазарева и Палку Багадайщикова, то их, бив кнутом, повесили в Москве^[49].

Таким образом, Вятка целиком и полностью утратила суверенитет, не осталось даже тени его. Вся огромная Вятская земля стала частью молодой России.

А Даниил Васильевич Щеня начал карьеру полководца с блистательного успеха: положил к ногам великого князя московского огромный, стратегически важный регион.

Новую, намного бóльшую славу ему принесут московско-литовские войны.

С XIII столетия к западу от русских земель и княжеств, объединенных сначала под властью тверских князей, а потом московских, выросла Литовская Русь. Это были города и области, подчинявшиеся великим князьям литовским, но не знавшие зависимости от ордынцев: Киев, Чернигов, Полоцк, Витебск, Мстиславль, Смоленск, Владимир-Волынский, Новгород-Северский, Путивль. По обе стороны «литовского рубежа» жили единоплеменники и единоверцы.

На протяжении XIV — середины XV столетия Великое княжество Литовское занимало огромную территорию и являлось одним из самых могущественных государств Европы.

В первой половине XV столетия это держава-мастодонт. У нее к тому же репутация военно-политического тяжеловеса: литвины воевали много, чаще удачно, и, бывало, даже татарам наносили ощутимые удары. Для

Восточной Европы Великое княжество Литовское — своего рода чемпион по боям без правил в супертяжелом весе. Иначе говоря, мало кто всерьез отважится вступить с ним в борьбу.

Однако при всей своей мощи Великое княжество имело крайне уязвимую политическую природу. Литовские государи порой оказывались слабее собственных подданных: богатых и самовластных магнатов (богатейших аристократов), князей, шляхты (дворян). Кроме того, если северо-западные земли княжества тяготели к католицизму, то западные и южные (Литовская Русь) хранили верность православию. В конце XIV века великий князь литовский Ягайло одновременно занял польский престол и принял католичество. В течение нескольких последующих десятилетий предпринимались настойчивые попытки обратить население Литовской Руси в католицизм. С 1413 года Великое княжество Литовское и Польша состояли в так называемой Городельской унии: у них был один государь, но Литва получала широкую автономию. По законам того времени русское православное дворянство имело меньше прав и привилегий, чем шляхта, принявшая католичество.

Это не раз приводило к восстаниям. В 1430-х годах по территории Великого княжества Литовского прокатилась страшная гражданская война, кровь лилась рекой... Смоленск, помня старинную независимость свою, время от времени отделялся от Литвы. Страшная борозда, оставленная на теле «мастодонта» вероисповедным различием, не зарастала...

Между тем Москва со второй половины XIV века могла оказать литвинам сопротивление лишь в тех случаях, когда это касалось жизненно важных вопросов. Великое княжество Московское было меньше территориально, беднее экономически, обладало не столь значительным демографическим ресурсом и к тому же подвергалось множеству ордынских нашествий, что отнимало силы, не давая их использовать на «Западном фронте». Литва при Дмитрии Донском осаждала Кремль. Литва захватила Смоленск, когда Московское княжество не имело сил дать ей отпор. Литва простирала руки к Новгороду и Рязани. Литва взяла под контроль Торопец и Вязьму. Москва против Литвы была как перспективный кандидат в мастера спорта по боксу против всемирно известного чемпиона.

В 1449 году между Москвой и Литвой был заключен мирный договор. В нем была четко показана восточная граница земель, на которые распространяется власть великих князей литовских. Дальше этой границы Литве не суждено было продвинуться никогда. Наступательная энергия державы, в течение полутора веков наводившей ужас на монархов

Восточной Европы, исчерпалась. Теперь ей с трудом хватало сил, чтобы обеспечить безопасность собственных границ.

Можайск играл тогда роль западного форпоста Москвы против Литвы.

Через полвека Московское государство сделалось намного сильнее. К Москве тяготели православные князья и города Литвы. К тому же неумение литовских государей оборонять южные рубежи от набегов татар заставляло их подданных во множестве склоняться к переходу под власть великих князей московских. По подсчетам современных историков, три из пяти набегов крымских татар на земли Литовской Руси оказывались успешными...

К большой войне требовался только повод. Литовско-польские монархи с тревогой смотрели на подчинение Москве Новгорода Великого и Твери, где в последние десятилетия литовское влияние было весьма сильным. В свою очередь, Иван III не видел оснований оставлять под властью западного соседа старинные русские земли и претендовал на возврат всей Литовской Руси. Чувствуя его силу, русские князья, подданные польско-литовского государя Казимира IV, начали один за другим переходить с семьями и войсками на сторону Москвы.

На границах московских и литовских владений в 1486 году начинается необъявленная война: набеги, ответные набеги, малые столкновения, почти большие сражения, борьба нервов... Многие полагали, что эта приграничная война будет длиться еще долго. Но Иван III, внимательно следивший за ее ходом и как бы прощупывавший, какова обороноспособность противника, высчитал удобный момент для нанесения решающего удара. Владея Новгородом Великим, Тверью, избавившись от угрозы со стороны Большой орды и поставив себе под контроль Казань, государь московский чувствовал себя значительно увереннее в этом конфликте. Отец его не обладал и половиной тех сил, которыми располагал теперь Иван Васильевич.

Масштабные боевые действия начались в 1492 году, когда умер Казимир IV: государственный аппарат Великого княжества Литовского оказался в какой-то степени заторможен безвластием, а также борьбой аристократических группировок у трона. Отличный момент! С этого года отсчитывается долгая эра московско-литовских войн. Жесточайшая борьба Москвы и Литвы — один из главных политических процессов в истории всей Восточной Европы. Уже и Великое княжество Литовское влилось в Речь Посполитую (Польско-Литовское государство), уже и Московское государство превратилось в Российскую империю, а борьба все продолжалась и ожесточение не стихало. Отголоски этого вооруженного

противостояния звучали даже в XX веке, и нет гарантий, что в XXI столетии оно не возобновится.

Первая московско-литовская война окончилась оглушительным поражением Литвы. Множество городов было занято московскими воеводами, притом в ряде случаев население само открывало им ворота, не оказывая ни малейшего сопротивления. «Кандидат в мастера спорта» очень быстро отправил «чемпиона» в нокаут.

Москва нанесла ряд ударов по нескольким направлениям. В числе наиболее удачных оказался поход из Твери на «Литовскую землю», вскоре продолженный походом на Вязьму. Возглавил войска Щеня. Под командованием у Даниила Васильевича в первом случае собралась армия, состоящая из четырех полков: Большого, Передового, Правой руки илевой руки. Большинство воевод — тверичи боярского и княжеского происхождения. Под рукой у князя явно оказалось далеко не столь много сил, как в 1489-м, когда он покорял Вятку. Во втором походе он располагал уже пятью полками (еще и Сторожевым), но у каждого полка имелось всего по одному воеводе, а это верный признак того, что и в этом случае сил собралось не особенно много. Если бы полки были более многочисленными, Москва назначила бы по обычаю двух-трех воевод на каждый из них. Тылы Щене обеспечивает под Тверью князь Василий Иванович Косой-Патрикеев, но тактика, по всей видимости, — именно за Щеней.

Даниилу Васильевичу, несмотря на незначительный масштаб ратного контингента, зимой 1492/93 года удалось взять Вязьму^[50]. Более того, как сообщают документы того времени, князь пленил и отвез в Москву тамошних князей и панов. Те перешли к Ивану III на службу, дав крестное целование и получив от него в пожалование собственные земли.

Лишь один из вяземских князей, а именно Михаил Дмитриевич, попал в заточение и умер в кандалах. Очевидно, он не хотел смириться с властью Москвы и оказал сопротивление. Ему, в отличие от остальных, было за что драться: князь носил почетный титул «королевского слуги», являлся богатым, притом привилегированным землевладельцем, считался в политических раскладах Великого княжества Литовского крупной фигурой. Следовательно, вяземская кампания не была исключительно мирной, Даниилу Васильевичу пришлось применить вооруженную силу, пусть и без больших боев — ни летописи, ни документы того времени их не упоминают. Скорее всего, полевое соединение Щени стремительно подошло к Вязьме, не дав старшему из тамошних князей собрать серьезные силы для противодействия. И, быть может, Михаил Дмитриевич попытался дать отпор с небольшим отрядом — кто был под рукой, — ожидая помощи

из глубины Великого княжества Литовского. Но помощь не пришла, а прочие вязьмичи, в том числе и остальные члены княжеского рода, не испытали желания всерьез биться с московским войском, неожиданно появившимся у стен города. Быстрота и решительность действий московского полководца решили все дело.

Между тем взятие Вязьмы — очень серьезный стратегический успех. Вяземское удельное княжество представляло собой выступ, глубоко вклинивающийся в земли литвинов. И оно станет для российского военного командования превосходным плацдармом для будущего натиска в общем направлении на Дорогобуж и Смоленск.

Вот вторая боевая заслуга князя Д. В. Щени перед юной Россией. Притом заслуга — весомая.

Когда закончилась война, Иван III по договору 1494 года получил как Вязьму, так и иные города, а его дочь, княжна Елена Ивановна, вышла замуж за нового великого князя литовского Александра Ягеллона. Родственные связи, протянувшиеся между Москвой и Вильно (столицей Литвы), не предотвратили новой войны.

Она обернулась для зятя Ивана III крахом.

О второй, гораздо более масштабной московско-литовской войне речь пойдет ниже. До нее еще целых шесть лет. И... как бы ни был талантлив тот или иной полководец, и в его военной судьбе раз-другой случаются осечки. Поражение — урок, который впоследствии может привести к победе... если этот урок хорошо усвоен.

«Осечка» в воеводской карьере Даниила Васильевича произошла летом 1495 года.

После того как Иван III присоединил Новгородскую вечевую республику к России, ее дела, в том числе и ее внешнеполитические проблемы стали проблемами великого князя. Одна из них — очень непростые взаимоотношения со шведами («свейскими немцами»). С домонгольской эпохи шведы считали Северную Новгородчину своей территорией. Неоднократно вступали в вооруженную борьбу за Ижорскую область, да и в целом за все обширные земли, с севера и юга прилегающие к течению Невы. Ситуацию совершенно не меняло то, что Швеция находилась к концу XV столетия в подчиненном положении относительно могучего Датского королевства, контролировавшего в ту пору и собственно шведские территории, и страну норвежцев, и (через шведов) значительные финские области.

Для Ивана III важным делом стало выяснить, на какую границу может здесь претендовать Россия, поглотившая Новгородское государство.

В августе или сентябре 1495 года русское полевое соединение под командой князя Д. В. Щени совершило поход к Выборгу («Выбору»), принадлежавшему тогда шведам. Борьба за город приняла ожесточенные формы. Щеня разорял местные земли, осаждал Выборг несколько месяцев, обстреливая город из артиллерийских орудий, проделывая в крепостных стенах проломы, бросая полки на приступ, а шведы сопротивлялись всеми силами и ресурсами. Русские захватили одну из башен, а шведы то ли спалили, то ли взорвали ее. Погиб видный военачальник Иван Андреевич Плещеев-Суббота. Шведы — тогда! — отстояли город. Выборг располагал первоклассной, чрезвычайно мощной крепостью...

Даниил Васильевич отступил, оставив часть пушек. Затем (летом 1496 года), видимо в назидательных целях, он совершил разорительный набег на те же места. А до того под Нейшлот ходили князь В. И. Косой-Патрикеев и А. Ф. Челяднин, нанешие поражение передовому отряду шведов и отогнавшие из вражеских земель многочисленный «полон». Новая разорительная атака русских пришлась по северной части Финляндии. Еще один вспомогательный удар был произведен по шведам из Пскова.

Колоссальная область, подвластная шведам, оказалась приведена в состояние совершенного опустошения.

Однако Выборг стоял крепче скалы. Более того, шведы ответили контрударом на Ивангород — крепость, недавно созданную русскими на реке Нарове, напротив города Нарва. Ивангород пал, подвергся разрушению, правда, его очень скоро восстановили.

В целом русско-шведская война не принесла успеха. Россия показала шведам: вместо неустойчивой в военно-политическом плане Новгородской вечевой республики им теперь на востоке и юго-востоке противостоит вся мощь великой державы; в то же время и шведы показали силу, не дав России добиться территориальных приращений; надолго вперед определилась русско-шведская граница. Со времен Ореховецкого мирного соглашения 1323 года русско-шведский рубеж проходил по реке Сестре и далее в общем направлении на север и северо-запад. Сдвинуть его на сей раз не удалось... Не помогло даже то, что сильный союзник России, король датский, располагавший формальным сюзеренитетом над шведскими территориями, обещал Ивану III отдать часть Карелии, когда-то захваченную шведами и вписанную в Ореховецкий договор в качестве «добровольной» жертвы новгородцев.

Для князя Щени, как можно убедиться, безуспешная борьба за Выборг стала тяжелым испытанием.

Однако через несколько лет князь Даниил Васильевич обновит

громкую славу большого полководца. Это произойдет в великой московско-литовской войне 1500–1503 годов, кардинальным образом изменившей карту Восточной Европы. Именно в эти годы натиск литвинов на восток был всерьез и по-настоящему обращен вспять. По сравнению со второй войной Ивана III против Великого княжества Литовского первая (1492–1494 годы) представляет собой всего лишь пробу сил, пусть и весьма удачную^[51].

Кампания 1500 года началась целым рядом успехов русского воинства. В частности, воевода Юрий Захарьич Кошкин отбил у литовцев Дорогобуж. Отсюда московские рати могли угрожать Смоленску — одной из величайших драгоценностей в державном наряде великих князей литовских. Его литвины трудно подчиняли, затем большой кровью удерживали... Потеря города означала бы откат литовской экспансии на рубежи столетней давности. Поэтому на защиту смоленского направления были выведены лучшие силы государства. Им навстречу Иван III двинул московские резервы во главе с Д. В. Щеней. Ю. З. Кошкин оказался в подчинении у князя. Он посмел высказать недовольство в письме Ивану III, однако из Москвы пришел строгий приказ: покориться! Очевидно, московский государь более доверял опытнейшему Даниилу Васильевичу, а потому именно в его руки сознательно вручил судьбу грядущей баталии. Иван III умел разбираться в людях, он прекрасно чувствовал чужой талант и вовремя делал на него ставку. Это кадровое чутье редко подводило государя...

Две армии, столкнувшись, вступили в битву, исход которой решал очень многое в этой войне.

Летописи по-разному освещают сражение. Согласно одним, битва состояла из двух боев, отделенных друг от друга переходом войск гетмана Острожского через реку. Согласно другим, у баталии был всего один «раунд».

Источники, созданные в Великом княжестве Литовском, представляют ход дела следующим образом: великий гетман литовский князь Константин Иванович Острожский и с ним литовская знать («маршалк дворовый наместник Мерецкой и Оникштейский пан Григорий Станиславович Остикович, подचाший и наместник Бельский пан Миколай Миколаевич Радзивилл, маршалк пан Ян Петрович, маршалк наместник Ново гуде кий и Слонимский пан Литовар Хрептович») явились к Смоленску. Там ими была получена весть, что воевода великого князя московского «Юрий Захарьинич» (то есть Юрий Захарьич Кошкин) стоит на реке Ведроши с очень малыми людьми. Князь Константин добавил к своему воинству всю

силу смоленского воеводства и, вооружившись и снарядившись, пошел к Дорогобужу. По дороге у Жельни (Ельни? Сельни?) литвины взяли «языка» из московского войска, именем Герман, когда-то служившего одному из литовско-русских магнатов, а потом перебежавшего на службу к Москве. Герман сообщил, что Юрий Захарыч долго стоял под Дорогобужем с малыми людьми. Но третьего дня к нему подошли на помощь большие воеводы: князь Данила Васильевич Щеня и князь Иван Михайлович Перемышльский со многими иными воеводами и значительным воинством. Далее язык говорил, что литве «не гораздо биться с Москвой», поскольку московское войско сильно превосходит гетманскую армию в численности. Но литовцы не поверили ему и приказали повесить, а сами пошли вперед. Придя к деревне Лопатино и не дойдя до деревни Ведроши две мили, они достоверно узнали, что москвичи, крепко вооружившись, ждут их, стоя на реке Ведроши. Князь Константин «и иные паны и все люди с ними», как сообщает источник, «положась на помощь Божью, решили биться», несмотря на то, что уступали русским полкам в численности. Бог весть, как назвать это: отвагой, безрассудством или лукавством побежденных, постфактум упорно подчеркивающих (неведомо: правдиво или нет?) превосходство победившего врага в силах. Впрочем, вернемся к истории Ведрошской баталии. От Лопатина к Ведроши Острожский и его люди прошли лесом «в злую грозу, с большими трудностями», вышли на поле и столкнулись с москвичами. Начался бой. Было много убитых и раненых с обеих сторон. Москвичи повернули, перешли речку Ведрошь к своему Большому полку и там ополчились. Литва же, как только подошла к речке, быстро ее форсировала и начала биться. Москвичи, по мысли их неприятеля, ошибаясь в оценке его численности, полагали, что из лесу на них выходит множество людей. Опасаясь подхода крупных резервов противника, они бьются с осторожностью. Острожский со своими военачальниками видит в них это колебание и надеется опрокинуть и погнать армию Ивана III. Ему кажется: вот-вот Москва побежит... Потом, когда литва «...вся вышла на поле, увидели и поняли москвичи, что литвы немного. Ведь литовского войска было не больше 3500 конников и пещцы, а Москва выставила 40 000 хорошо вооруженных и снаряженных конников, да с ними еще пещцы». Что касается собственной численности, то тут литвины вряд ли ошибаются, они ведь имеют о ней четкое представление, а вот численность русской армии для них — предмет, служащий оттачиванию воображения... Увидев храбрость невеликого литовского войска, москвичи сначала удивились, а потом единодушно пошли в наступление. «Литва же, сразившись, ощутив, что ее мало, а москвичей

много, не смогла дальше стоять, побежала. Москвичи же гнали их, многих убили, а иных взяли в плен. Тогда пленен был гетман князь Константин Острожский, пан Григорий Станиславович Остикович, пан Литовар Хрептович и иные многие паны. Ян же Петрович пропал без вести, а других многих убили или же пленили. Москва же, возвратившись с побоища, всех панов направила к великому князю в Москву». Авторы летописей, составленных на землях «Литовской Руси», с ужасом перечисляют, сколько городов и замков сдалось под натиском московских ратей и союзников Москвы среди местных князей: «Того ж лета князь Московский забрал вси замки Сиверские и всю Сиверь, у головах замки Бранеск, Стародуб, Новгород Сиверский, Трубечевск, Чернигов, Путивль и иных по Сиверы замков шестьдесят»^[52].

Летописи, возникшие на землях России, рассказывают иное. Официальная московская летопись, составлявшаяся при великокняжеском дворе, передает ход сражения без затей: сошлись две рати в кровавой сече, одна одолела, а другая побежала. Затем — подсчет знатных пленников и прославление победителей.

Вот обширная выдержка оттуда: «Тое же весны послал князь великий [Иван Васильевич] воеводу и боярина своего Юрья Захарьича с многими... людьми к Дорогобужу; Юрья шед, Дорогобуж взял. Слышав же то князь великий Александр Литовский и собра силу многу и посла на Юрья Захарьича воевод своих, многих панов и гетманов, с многими людьми; и князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал к Юрью на помощь воеводу боярина своего князя Данила Васильевича Щеня с Тверскою силою. И снидошася воеводы великого князя... с литовскими воеводами на Миткове поле на речке на Ведроши, месяца июля 14, во вторник, на память святого апостола Акилы. И бысть промежи ими бой велик и сеча зла; и милостию Божию и Пречистыа его матере одолеша воеводы великого князя... литовских воевод многих побиша силы великого князя Александровы, а иных многих живых поимаша воевод, панов и гетманов и панских детей, князя Константина Острожскаго и пана Григорья Остиковича и пана Литавора моршалку и иных многих, послаша их в Москву к великому князю. А з бою пригонил к великому князю Михайло Ондреев сын Плещеева, июля 17, в пяток, и сказал великому князю воевод его здравие и Божию помощь над литовскою силою. И бысть тогда радость велика на Москве»^[53].

Именно в таком виде известие о победе на Ведроши разошлось из официального летописания по великому множеству летописных

памятников. Такова, можно сказать, официальная версия, и в ней нет ничего лишнего. Православная рать сошлась с врагами в бою и одолела их; враги понесли тяжкие потери; в столице православной державы — радость; прочее — ненужные, с точки зрения проинструктированного «сверху» летописца, подробности.

Что же получается? Цветистая версия побежденных и сухая, крепко «отжатая» руками власти версия победителей. История лишается полнокровности, из нее уходят краски, столь необходимые для глубинного ее понимания и для сопереживания предкам.

Однако северные русские летописи, составители которых, как видно, имели самостоятельные источники информации о битве, приводят те самые «ненужные» для верхов, а для историка столь драгоценные детали, которые отсутствуют в «выглаженной» официальной версии.

Нюансы подобного рода приходится собирать по крупицам из разных памятников.

Итак, действия воеводы Юрия Захарьича Кошкина и князя Даниила Щени — часть громадной наступательной операции, и дистанция между различными ее участками составляет сотни километров. Еще одно войско возглавляет брат Юрия, Яков Кошкин, и оно берет Брянск. Из Новгорода Великого тогда же наступает Андрей Федорович Челяднин, а из Пскова движется вперед и захватывает Торопец князь Александр Владимирович Ростовский. Поддержку им оказывают вассальные татары казанские. Иными словами, наступление ведется такими силами, чтобы литовцы в принципе не могли организовать оборону повсюду и везде. Скоро помимо Дорогобужа, Брянска и Торопца пали Почеп, Радогощ, Любеч, Попова Гора, Пропойск, Дроков, Мглин, Чечерск (ныне Чечерск) и Путивль.

То, что по крохам приходится собирать из разных летописей, щедро предоставляет имперский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии». По его словам, Иван III выставил в поле три больших отряда: «Первый отряд направляет он к югу против Северской области, второй на запад против Торопца и Белы (Белой. — Д. В.), третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет боевое движение Литовцев... (это и есть армия князя Д. В. Щени. — Д. В.). Когда оба войска подошли к некоей реке Ведроши (Vuedrasch), то Литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить

врага»^[54].

Видимо, располагая сведениями, полученными от пленников, один из московских летописцев уточняет состав сил гетмана Острожского: «... великого князя [литовского] двор из Вильны и из Подолия и из Волыньские земли, а из Смоленска воевода Ян Станислав, а с ним многиа воеводы, и вси смоляне лучшие люди»^[55]. Иными словами, князю Щене противостоит огромная сборная сила, соединившая ресурс многих областей и наиболее боеспособную часть литовского воинства — двор самого великого князя.

Другой летописец, северный, помогает понять, какими силами располагали русские воеводы. По его словам, князь Щеня помимо «тверской силы» и присоединенного к армии отдельного небольшого корпуса Юрия Захарьича Кошкина располагал еще и государевым двором Ивана III: «Вси князи служебнии, и бояре, и дети боярския, и много силы с ними»^[56]. Судя по воинским документам («разрядам»), «Государев полк» или, иначе, «Государев двор» Ивана III в сражении не участвовал. Однако, весьма вероятно, великий князь послал Даниилу Васильевичу на подмогу часть своего двора, вошедшую в состав Большого полка.

Это значит, что *лучшим соединениям* Великого княжества Литовского оказались противопоставлены не случайные провинциальные ополчения, а *лучшие соединения* Московского государства. Иначе говоря, у речки Ведроши столкнулись главные силы двух великих держав.

Но и это еще не всё: списки военачальников Ивана III, дошедшие до наших дней, позволяют увидеть весь масштаб сил, попавших под командование князя Щени. Помимо перечисленных выше контингентов ему подчинялись также удельные князья со своими войсками: Семен Иванович Стародубский, Василий Иванович Шемячич, Иосиф Андреевич Дорогобужский, а также Иван Михайлович Воротынский с отрядом татар.

Иван III долго готовился к решающей битве. Он, как стратег, сделал все, чтобы в этот день у его воевод хватило сил для победы. Собственно, и воеводы к генеральному сражению были подобраны из числа лучших военачальников.

Не говоря о самом князе Данииле Васильевиче, одаренном и признанном войсками полководце, подарившем России Вятку и Вязьму, на должности полковых воевод попали: опытнейшие князь Федор Васильевич Оболенский-Телепень и Яков Захарьич Кошкин; брат последнего Юрий, недавно взявший Дорогобуж, а также прославившийся многими походами князь Михаил Федорович Телятевский-Микулинский. Этот «костяк» командования обеспечивал грамотное руководство полками и

решительность в действиях.

Тот же северный летописец, совершенно независимый от официального великокняжеского летописания, рассказывает подробности, близкие «литовской» версии: «И сретошася обои полки... на Тросне и стояша много дни, и последи литва перелезли по мосту за Тросну. И ступишася обои полцы на бою, и бишась по шти часов обои полцы, имащеся за руки, сечахуся». Следовательно, все-таки была пауза, когда два воинства стояли на разных берегах реки, и была атака литовцев, с безрассудной отвагой форсировавших реку себе на горе. Сражение приобрело вид ужасающей бойни. Кровь текла «по удолиям» как река, и конь трупов перескочить не мог. «А литва побеже, и мало их утече за Тростну за реку, занеже великого князя сила пешая зашли за мост посекли на Тростне. И много в реце истопе...» Иными словами, часть бойцов князя Щени зашла литовцам в тыл и разрушила мост, по которому они переправились через реку, что привело к большим потерям в полках отступающего противника. Пленных Иван III разослал «по городам в заточение». Самого князя Константина Острожского «...оковав, посла в заточение на Вологду. И велел его ненужно держати, и поити, и кормити доволно, а иным воеводам и князем и паном кормили по полу деньге за день, а князю Константину Острожскому кормили по 4 алтына на день. А своим князем и воеводам воздал князь велики честь и дары, и жалованья».

И, похоже, стояние на двух берегах реки, а возможно, и «первый раунд», предшествовавший решающей схватке, действительно имели место.

Упоминавшийся уже имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн, источник не очень надежный (поскольку сведения барон собирал почти через два десятилетия после событий на Ведроши), но и не бросовый, независимо от летописания свидетельствует о чем-то подобном: «Так как речка мешала столкновению, то с той и другой стороны стали искать переправы или брода. Раньше всего переправились на противоположный берег несколько Московитов и вызвали на бой Литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из Русских, ударяет с боку в средину врагов. Пораженные страхом Литовцы разбегаются; полководец войска вместе с большинством знатных лиц попадает в плен; прочие, сильно перепуганные, оставляют

врагу лагерь»^[57].

Итак, ход боевых действий можно реконструировать следующим образом:

1. Юрий Захарьич Кошкин с небольшим полевым соединением берет Дорогобуж.

2. Великий князь литовский направляет против него гетмана Острожского с большими силами. Острожский пополняет свою армию полком смолян и движется в сторону Дорогобужа.

3. Кошкин узнает о приближении гетмана и вызывает подмогу. Князь Щеня является незамедлительно с крупными силами. Полевое соединение Кошкина входит в состав армии Щени.

4. Острожский, остановившись у Ельни и собирая данные, колеблется: ему ранее сообщали, что отряд Кошкина намного слабее его воинства, но захваченный «язык» говорит, что теперь противник гетмана уже не Кошкин, а Щеня «в силе тяжкой»; языку то ли не верят, то ли верят отчасти и полагаются на собственную удачу; гетман двигается дальше; у деревни Лопатино Острожский получает точные данные, что его ждут московские полки, изготовившиеся к бою; он продолжает наступление и проходит на протяжении нескольких часов через неудобную для марша лесистую местность, утомляя свои войска.

5. На опушке леса у берега речки Ведроши происходит первый бой. Передовой отряд князя Щени завязывает сражение и после упорной схватки отступает на другой берег, под защиту основных сил, увлекая за собой литвинов. Эту работу выполнил либо Сторожевой полк под командой того же Ю. З. Кошкина, либо Передовой полк, возглавляемый князьями М. Ф. Телятевским, П. В. Оболенским-Нагим и В. Б. Турениным. Очевидно, Даниил Васильевич применил здесь древнюю хитрость из тактического арсенала татар: заманить неприятеля в ловушку, «подставив» ему малую часть своих сил и наполнив врага уверенностью в собственном превосходстве. В конце концов та воинская наука, которую Москва получила в боях с Ордой, а позднее с ее осколками, дала ценный опыт и для «Западного фронта»...

6. Усталые отряды гетмана Острожского дерзко устремляются вперед, форсируют речку Ведрошь и вступают в бой с главными силами Москвы. Сражение носит ожесточенный и затяжной характер, обе стороны несут тяжелые потери. Армия литвинов по своим боевым качествам — вовсе не боярское ополчение Новгородской вечевого республики, в 1471-м сломленное Холмским как сухой тростник. Это куда более серьезный противник.

7. По приказу Щени один из его отрядов за спиной у литвинов разрушает мост, а другой наносит врагу удар во фланг или тыл «из засады». Важный момент, стоит его подчеркнуть: там, где Константин Иванович Острожский очертя голову бросается в бой, Даниил Васильевич Щеня с холодной головой маневрирует, продумывает и успешно реализует тактические комбинации. В сущности, российский полководец *тактически* обыгрывает литовского. Его талант ложится в основу победы, как и стратегический гений Ивана III, и стойкость и дисциплина рядовых воинов, а также воинское искусство младших воевод.

8. Гетманские полки окружены и сдаются. Кто может — бежит, однако многие беглецы находят смерть в водах речки. «Лагерь», то есть, очевидно, обоз Острожского, достается победителям как трофей. Большинство военачальников армии великого князя литовского, включая и командующего, оказываются в плену. Разгром полный.

9. Поражение на Ведроши, во-первых, приводит к деморализации неприятеля и, во-вторых, надолго лишает его возможности оказывать мощное организованное сопротивление России. В результате всё новые и новые города и «замки» открывают ворота перед воеводами Ивана III.

Фактически кампания 1500 года оборачивается для Великого княжества Литовского военной катастрофой, растянувшейся на полгода. Война еще будет продолжаться несколько лет, мирное соглашение стороны заключат лишь в 1503 году. И великого князя литовского на пути к миру еще ждут новые поражения (например, под Мстиславлем в 1501 году). Но основу для победы в этой войне составили успехи именно 1500 года: после них ошеломленный противник уже не сумел оправиться. А для юной России мир принес колоссальное приращение земель на западе. Десятки городов, когда-то входивших в состав домонгольской «Империи Рюриковичей», вернулись в состав единого Русского государства, ныне возглавляемого Москвой^[58].

В сущности, победа России на Ведроши повернула вспять литовское «стремление на восток» и мощно повлияла на всю политическую историю Восточной Европы.

Чтобы завершить рассказ о российском триумфе на Ведроши, осталось обговорить некоторые важные частности.

Численность гетманского воинства можно определить — хотя бы очень приблизительно. Почти вся командная верхушка армии Острожского оказалась в плену, кто-то погиб (тот же маршалк Ян Петрович, которого в литовских источниках с лукавым простодушием числили в пропавших «без вести»); остались на свободе лишь Николай Николаевич Радзивилл да

смоленский воевода Ян Станислав. Видимо, та же участь постигла и гетманское полевое соединение в целом: большинство погибло или же оказалось в плену. Одна из новгородских летописей сообщает, что в сражении полегло больше пяти тысяч литовцев, «изымаша на бою князя Константина Острожского, Григорья Остикова, Литовара, Николая Юрьева сына Глебовича, Николая Юрьева сына Зиновьева, князя Тюве Татарина, и всех поиманных боле пятисот человек». Вологодско-Пермская летопись противоречит этому известию, сообщая, что литва потеряла убитыми больше тридцати тысяч бойцов, но это уже плод чистой фантазии^[59]. Типографская летопись добавляет к числу знатных пленников неких «Друцких князей и Мосальских князей»^[60]. Итак, при потере большинства командиров, очевидно, потеряно и большинство рядовых воинов. Исходя из этого, можно предположить, что Острожский располагал воинством в шесть — девять тысяч бойцов, из которых три с половиной тысячи составляла кавалерия. Полученные цифры сходятся с подсчетами мобилизационных ресурсов Великого княжества Литовского, сделанными несколько лет назад историком А. Н. Лобиним. Конечно, следует оговориться, что подсчеты эти носят весьма приблизительный характер.

Численность же армии князя Щени — величина в принципе неопределяемая. Один из летописных источников сообщает, что в кампании 1500 года (не только у Даниила Васильевича под рукой, а вообще в поле) находилось 60 тысяч воинов, но сколько здесь правды, сказать трудно. Вероятно, летописец многократно преувеличил мобилизационные возможности России.

Можно лишь сравнивать боевые силы князя Щени с силами, привлеченными к боевым действиям в иных кампаниях. Так, например, летописные источники подчеркивают, что боевым ядром армии Даниила Васильевича являлась «тверская сила». В полоцком походе 1562–1563 годов дети боярские «дворовые и городовые» из Тверской земли (сама Тверь, Кашин, Ржев, Зубцов, Клин) составили около 950 человек. Если добавить дворян из небольшой удельной Старицы, которых в государевом разряде не учитывали, получится около тысячи или чуть более человек. Если присоединить к детям боярским боевых холопов, число примерно удвоится: две — две с половиной тысячи человек. Государев двор без новгородцев и представителей иных дальних городов составлял несколько более 2700 человек детей боярских. У Щени в лучшем случае под командой имелась половина от этого числа — 1300–1400 бойцов; добавив боевых холопов, получим те же 2700 человек (опять-таки в самом лучшем случае, а

скорее значительно меньше, может быть, всего около тысячи). К ним прибавятся силы четырех удельных князей, то есть по несколько сотен бойцов на каждого, в лучшем случае две-три тысячи воинов на всех. Еще несколько сотен служилых татар при князе Воротынском: по тому, как составлен разряд, видно, что отряд их был незначительным. Плюс легкое четырехполковое боевое соединение Юрия Захарьича Кошкина. Оно составило в армии князя Щени Сторожевой полк, а некоторые его части вошли в Передовой полк и полк Левой руки. Иначе говоря, дали примерно 25, самое большее 30 процентов от общей численности. Итак, верхняя планка — 12–13 тысяч бойцов, а нижняя — около шести с половиной — семи тысяч, сплошь кавалерия. Резюмируя: князь Даниил Щеня, скорее всего, мог выставить для боя от семи до двенадцати тысяч человек.

Иными словами, Д. В. Щеня имел, видимо, некоторое превосходство над литовцами, но далеко не столь значительное, как они пытаются уверить.

Можно предполагать, что армия князя Щени также понесла серьезные потери в битве, поскольку в своем победном донесении он запросил у Ивана III подмоги. И великий князь московский послал ему дополнительное войско во главе с воеводой Дмитрием Васильевичем Шеиным и князем Семеном Романовичем Ярославским. Значит, пришлось возмещать солидную потерю в людях.

Место, где происходило сражение, русские летописцы обозначают по-разному: «у Смоленска», «на Миткове поле на речке на Ведроши», «на реке на Полме», «на реке Тросне» и, наконец, выдержка из документа: «[воеводы] ходили к Рословлю и к Ельне, и бой им был на Ведрошке».

Иначе говоря, ясно, что сражение происходило на Смоленской земле, однако точная его локализация затруднительна. Особенно осложняет дело то обстоятельство, что названия малых рек и сел с веками изменились. Поэтому специалисты высказали на сей счет несколько противоречащих друг другу версий.

До недавнего времени большинство специалистов высказывались в пользу того, что сражение произошло западнее Дорогобужа. Позднее это мнение было пересмотрено.

Наиболее правдоподобная из версий в окончательном виде обобщена блистательным историком войн России Ю. Г. Алексеевым: «...в русских географических источниках XVIII в. село Ведроши (отождествляемое с селом Алексине) называется центром погоста того же имени, расположенного между речками Сельней, Росной, Полною и безымянным ручьем (который, возможно, в XV в. носил имя Ведроши)... Сражение, по-

видимому, произошло на территории Ведрошского погоста между реками Ведрошей (Ведрошкой) — на западе, Полмой (Полной, Польней? — Д. В.) и Росной (Тросной^[61]) — на востоке. Отдельные эпизоды сражения могли происходить на каждой из этих рек, но решающая битва имела место на Ведроше (может быть, там шла последняя ее фаза, и именно этот топоним сохранился в большинстве источников)^[62]. Другие специалисты ассоциируют Ведрошь с речкой Сельней или ручьем, впадающим в нее. Сути дела это не меняет — район примерно тот же.

Обозначенная местность расположена на востоке от Смоленска, ближе к Дорогобужу (юго-восточнее этого города). С недавних пор близ села Алексина установлен скромный памятник «Поле Ведрошской битвы 1500 г.», а рядом с ним — поклонный крест... Между тем победа в битве на Ведроши должна быть поставлена в один ряд с Ледовым побоищем, Полтавой и Рымником. А одаренный тактик, «автор» ведрошской победы князь Даниил Щеня, достоин памятника в столице России, а не только места в новгородском многофигурном мемориале «Тысячелетие России».

Надо бы также поставить еще один памятник — на страницах учебников. По сию пору учебная литература за редкими исключениями избегает рассказа о великом боевом успехе России... Почему? Почему?!

Ведрошская битва — величайший среди полевых сражений успех русского оружия в борьбе с Литвой. И не только в XV столетии, но и на протяжении огромного хронологического отрезка от Александра Невского, разбившего литовских князей при Зижиче и Усвяте, до князя Пожарского, отбившего корпус Ходкевича от Москвы. Таким образом, с середины XIII века по начало XVII самый значительный «полевой» триумф русско-литовской борьбы — именно победа на Ведроши.

Даже Герберштейн, симпатизировавший скорее Великому княжеству Литовскому, нежели России, признавал великий масштаб этого триумфа. Барон, в частности, писал: «Таким образом через одно только сражение и в один и тот же год владыка Московский достиг того, чего великий князь Литовский Витольд (Витовт. — Д. В.) добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями»^[63].

В советское время из-за превратно толкуемого «интернационализма» московско-литовские войны вообще оказались на периферии исследовательской активности, редко появлялись на страницах научно-популярной литературы и пребывали на изрядном расстоянии от школьных учебников. Ведрошь... нельзя сказать, чтобы совершенно забыли, нет, и все же поминали относительно редко. Позднее ситуация если не выправилась,

то, во всяком случае, улучшилась. Об успехах русского оружия в наши дни вновь стали говорить. Идут научные дискуссии, пусть то и дело прерываемые каскадами националистических конвульсий. Сама тема борьбы Московского государства и Великого княжества Литовского попала в фокус общественного внимания. Однако по сию пору то громадное значение, которое имел разгром гетмана Острожского, недооценивается.

А вместе с тем и воинский талант Д. В. Щени.

Это полководец-гора. Его мало кто знает за пределами круга профессиональных ученых, и очень жаль: фигура военачальника подобного уровня способна встать в центр национального «пантеона» исторических личностей в рамках массового сознания какой-нибудь европейской страны средних размеров. А Россия столь богата военной славой, что в венце ее даже драгоценные камни первой величины порой лишаются достойной оправы...

Вскоре после Ведроши на долю Даниила Васильевича выпала тяжкая задача. Иван III приказал ему идти под Псков и переломить ход крайне тяжелой войны с ливонскими немцами. Эту задачу князь решил в двух больших сражениях — при Гельмеде и у Смолина озера^[64].

Первым командующим на «Псковском фронте» был князь Даниил Александрович Ярославский по прозвищу Пенко. Весьма знатный человек, старший в доме ярославских Рюриковичей, он участвовал в московско-литовских войнах 1492–1494 и 1500–1503 годов, однако никак не отличился на поле боя. А в кампаниях против ливонских немцев Даниил Александрович сыграл неоднозначную, если не сказать отрицательную роль. Весной 1500 года ливонские немцы ограбили, а затем пленили больше двухсот новгородских и псковских купцов в Дерпте, после чего вторглись на Псковщину и разорили Русскую землю до самого Пскова. С точки зрения геополитики удар был нанесен при чрезвычайно выгодных обстоятельствах. Москва дралась насмерть с Литвой, немцы могли рассчитывать, что останавливать их наступление русским просто нечем. Однако они недооценили военный потенциал России. В ответ на дерзкие действия немцев Иван III отправил воинство во главе с князем Д. А. Пенко-Ярославским — для противодействия агрессору.

Под общим командованием князя Ярославского была сосредоточена большая сила: новгородская рать князя В. В. Шуйского-Немого, псковская рать князя И. И. Горбатого-Суздальского, а также два полка тверичей и три полка то ли ярославских, то ли московских. Однако Даниил Александрович потерпел поражение в битве с неприятелем на реке Серице и отступил в Псков; в битве погибли псковский посадник Иван Теншин, а также

крупный военачальник из тверских бояр И. Б. Бороздин; после победы в поле противник захватил городок Остров и учинил зверства над местным населением.

Тогда, по словам Воскресенской летописи, «князь великий... послал Данила Васильевича Щеня да князя Александра Васильевича Оболенского и иных воевод со многими людьми Немецкие земли воевать Ливонския, за их неправду... воеводы же великого князя, два князя Данила (курсив мой. — Д. В.), начаша землю Немецкую пленити и жещи, и сещи, и в полон вести. И внезапно лучися им бой велик: на третьем часе ноци... придоша немцы безвестно... со многою силою, с пушками и пищальми, и Божию милостию воеводы великого князя одолеша, овех побиша, а иных поимаша, а много их утече; и тогда же на том бою убиша князя Александра Васильевича Оболенского. И ходиша воеводы близ Колывани и выидоша на Иваньгород, а землю Немецкую учиниша пусту»^[65]. Псковская летопись добавляет яркую подробность: бегущих немцев, как свиней, русские ратники избивали шестоперами, лентясь, то ли брезгуя, вынуть сабли. Так была добыта важная победа в сражении под Гельмедом (1501). И похоже, что собственными силами и собственным разумением, без князя Д. В. Щени, князь Д. А. Пенко-Ярославский вряд ли добился бы успеха.

Историк А. А. Зимин с некоторым сомнением относился к этой победе. По его словам «...исход битвы неясен. Большинство немецких источников пишет об успехе немцев, но летописи и ревельский бургомистр Ганс Шер говорят о победе русских»^[66]. Думается, это сомнение в исходе битвы не вполне обоснованно: Зимин ссылается на нарративные источники — русские летописи и немецкие хроники, между тем запись в разряде — это документ, вызывающий меньше сомнения в достоверности. А разрядная запись гласит: «...посылал князь великий воевод своих против немецких людей князя Данила Александровича Пенка, да изо Пскова намесника своего князя Ивана Борисовича Горбатова со псковичи. А с Москвы государь послал воевод своих князя Данила Васильевича Щеня да князя Олександра Васильевича Оболенского, и иных воевод многих со многими людьми. И немцы, собрався со многою силою, и встретили великого князя воевод князя Данила Пенка на Серече безвестно многие люди. И великого князя воеводы не успели против их вооружитися и отъидоша от них прочь. (Таким образом, неуспеха русских войск в Серицкой битве и их последующего отступления разряд не скрывает, лишь преуменьшает масштаб поражения. — Д. В.) И прииде на помощь от великого князя ко князю Данилу Пенку князь Данило Васильевич Щеня да князь Олександро

Васильевич Оболенской и иные воеводы. И два князя Данила совокупишася и пошли в немецкую землю. И немцы против их не стаща и сели по городам. И великого князя воеводы приидоша подо Псел-город. И немцы ночью безвестно на них пришли. И бысть им бой велик, и немец многих побили, а великого князя воеводу убили князя Олександра Оболенского. А по росписи по полком воеводы были: в большом полку князь Данило Олександрович Пенка Ерославской да князь Данило Васильевич Щеня, да князь Василей Васильевич Шуйской; а в грамоте писалось двум князь Данилом с товарищи. В передовом полку князь Олександр Васильевич Оболенской да Петр да Василей Борисовичи Бороздины...» и т. п.^[67] По всей видимости, первое столкновение с немцами произошло силами одного полка — Передового, — во главе которого и стоял князь Александр Васильевич Оболенский. Он погиб, и само это боевое столкновение не принесло удачи московским войскам. Однако подход основных сил переменял ход сражения, отдав победу в руки князя Д. В. Щени и его воинства, немцы же понесли тяжелые потери.

К тому же выводу пришел и специалист по военной истории Ю. Г. Алексеев: он считал, что названный поход в Ливонию «можно расценивать как крупный успех оперативного масштаба. Противнику был нанесен большой материальный и моральный ущерб, войска его были разбиты»^[68].

Ливонские немцы показали, что еще сохраняют боеспособность и после Гельмеда, нанеся удары у Красного городка, а затем у Изборска, который захватчики пытались штурмовать, но не имели успеха. Вторжение ливонцев было нацелено на Псков, однако под стенами города противник ничего не добился. Контрнаступление князя Д. В. Щени вынудило неприятеля отступить; новая баталия состоялась у озера Смолина (1502), где немцы, отбившись в недолгом бою, ушли, но потеряли обоз^[69]. Оценка этого сражения в русских и немецких источниках диаметрально противоположна: обе стороны приписывают себе победу, но с оговорками и признанием того, что сражение в целом было до крайности тяжелым. Типографская летопись сообщает скорее о неясном исходе баталии: «Учинишася... бой месяца сентября 13 день, и бишися, и разидошася обои». Тот же Ю. Г. Алексеев, анализируя исход битвы, приходит к выводу, который по тону близок к этому летописному известию: «Сопоставление русских и немецких источников позволяет оценить событие у оз. Смолина как бой с неопределенным исходом»^[70].

Но так или иначе, а немцам пришлось покинуть Псковскую землю, угроза самому Пскову исчезла. Таким образом, усилиями одного (!) Щени

(уже без князя Ярославского) был достигнут частичный тактический успех, хотя и не полный разгром неприятеля. Остается добавить: когда князь Ярославский действовал в одиночку, без Щени, то удостоился от псковичей скверной оценки: «проторей» от него много, а идти в бой против немцев он не спешит^[71].

В середине 1500-х годов князь Даниил Васильевич Щеня — в зените славы. Он не только считается лучшим, то есть самым талантливым и безусловно надежным военачальником высшего тактического уровня, он еще и царедворец из числа самых доверенных, самых высокопоставленных вельмож при особе великого князя Ивана III. Так, в момент, когда слабеющему титану, государю московскому, пришлось составлять завещание, среди немногочисленных знатнейших бояр присутствовал и Щеня.

Формально старшим среди российских воевод считался тогда сын великого Холмского — Василий Данилович. Но он сохранит свое высокое положение недолго, станет жертвою опалы (1508), и тогда на смену ему придет именно Щеня.

В 1505 году место скончавшегося Ивана III на русском престоле занимает Василий III. Великий князь Василий Иванович родился 25 марта 1479 года. При жизни отца получил колоссальный управленческий опыт. Бывал в опале за какие-то смутные связи с заговорщиками, получил прощение. От матери, Софьи Палеолог, внучки одного константинопольского императора, племянницы другого и супруги Ивана III в течение долгих десятилетий, Василий Иванович мог получить понимание того, как плести большую придворную интригу. От отца — как рассуживать суды и вести державные дела. После кончины родителя он взошел на престол взрослым человеком с навыками государственного деятеля. Он не обладал могучим стратегическим гением родителя, не умел творить чудеса в дипломатии и с невероятной точностью высчитывать, когда и куда именно следует нанести решающий удар, чтобы противник уже не оправился от полученной раны. Однако Господь Бог все же не обошел его своими дарами в такой степени, чтобы можно было сказать: на сыне великого отца природа отдохнула. Василий III обладал должной твердостью характера, крепкой верой (даже, пожалуй, более крепкой, прямой и прозрачной, нежели у Ивана III) и необходимой долей отваги. Подобно отцу, он передоверял тактику своим воеводам, но мог и сам выйти в поле. А среди воевод он больше держался за открытые отцом кадры, нежели разыскивал новые. При нем в пантеоне великих русских полководцев распустился разве что один цветок — боярин и воевода Иван

Хабар... Щеня же для великого князя был живой драгоценностью.

Василий III придерживался стратегии отца. Великий князь продолжал объединение русских земель, присоединив к Московскому государству Псков и Рязань. Он также упорно дрался с Литвой за Смоленск и Полоцк. В этой тяжелой борьбе ему препятствовало новое настроение горожан Литовской Руси: от Александра Ягеллона крупные русские города его державы получили обширные права на самоуправление. Это было экстренной мерой, предпринятой в критических обстоятельствах. Фактически великий князь литовский «покупал» лояльность своих иноверных подданных, живших теперь в «прифронтной полосе». Не повергни Иван III литовские армии, так ничего бы не «подарил» литовский правитель городам Руси... Горожане (небезосновательно) сомневались в том, что московские государи сохранят за ними эти права, и оказывали русским войскам более упорное сопротивление, чем раньше.

В 1505–1506 годах разразился масштабный конфликт с Казанью, фактически ускользнувшей из объятий московского вассалитета и устроившей резню русских (погибло 15 тысяч человек). Василий III попытался восстановить свою власть над ханством. Наступление на Казань мыслилось московским стратегам как масштабная «фронтная» операция. Весной 1506 года туда были направлены две большие рати по пять полков — судовая и конная.

Первая из них, судя по количеству воевод и фигуре командующего, объединяла главные силы. Возглавляли ее брат Василия III князь Дмитрий Иванович Жилка и воевода князь Ф. И. Бельский. Конную, вспомогательную рать возглавил князь А. В. Ростовский. Судя по количеству воевод, она, даже уступая по численности судовой рати, была все же весьма значительной: в одном только Большом полку числилось четверо воевод, в других полках — от одного до трех.

Судовая рать Дмитрия Жилки прибыла под Казань ровно на месяц раньше конной — 22 мая 1506 года. Высадилась без разведки, двинулась к Казани в пешем строю, напоролась на татарскую засаду и понесла тяжелые потери.

Однако от осады Дмитрий Иванович не отказался и встал у стен города. Он отправил гонца в Москву и получил оттуда ответ: ждать подмоги, не начинать штурм Казани, пока не подойдет новая рать — под командованием опытного воеводы князя В. Д. Холмского. Но Дмитрий Иванович, проигнорировав этот приказ, не стал ее дожидаться. Как видно, его мучило ожидание кары со стороны Василия III за беспечность, проявленную при высадке и стоившую очень дорого. Он понимал: когда

прибудет князь В. Д. Холмский — не только крупный военачальник, но еще и доверенное лицо Василия III, его свойственник (Василий III приходился ему шурином), тогда командование перейдет в другие руки. Следовательно, с приездом Холмского у незадачливого полководца не останется ни единого шанса делом оправдаться за поражение, а до сего момента это еще возможно — если взять город самостоятельно, притом в самые короткие сроки. Князь Ростовский подошел к Казани с полками конной рати 22 июня. Под Казань уже двигалась рать князя В. Д. Холмского, но дойти еще не успела; Дмитрий Иванович опять не стал ее дожидаться. 25 июня он попытался штурмовать город, но напоролся на ответную вылазку татар и вновь потерпел тяжелое поражение. Русские войска, утратив порядок, отступали. Часть их уходила с Дмитрием Ивановичем на судах к Нижнему Новгороду, а другая часть под командой служилого татарского царевича Геналея и русского вельможи Ф. М. Киселева отправилась «полем» к Мурому. Вслед за потрепанными полками помчалась казанская погоня. Но царевич и Киселев погоню разбили, взяли пленников и спокойно дошли до Руси. Виновник казанского разгрома — все тот же Дмитрий Жилка, пожелавший, надо полагать, отмыть грех прежнего своего поражения триумфальным взятием Казани. Не имея достаточно сил после тяжелых потерь при высадке, он возомнил, что свежих полков князя А. В. Ростовского ему хватит для победы. Но безобразное командование («с небрежением», как говаривали люди той эпохи) опять привело его к неудаче.

Тогда Василий III вызвал Даниила Васильевича и отправил его к Мурому. Там следовало собрать и сосредоточить оборонительную армию, к которой присоединятся остатки полевой рати, вышедшей к городу из-под Казани. Щеня спешно выполнил приказ великого князя: у Муroma и по другим восточным городам России встал солидный заслон от грядущих набегов казанского хана. Под командованием Щени оказалось пять полков.

Россия показала, что у нее заготовлен для дальнейшей борьбы солидный военный ресурс. Поэтому мятежный казанский хан предпочел в скором времени принести Василию III присягу.

Правда, это будет временный успех: вскоре Крымское ханство вырвет Казань из-под московского контроля и сделает ее своей подручницей.

Между тем на литовском направлении вспыхнула новая война. И там моментально понадобился Щеня — войну на западе он знал и понимал гораздо лучше, чем войну на востоке.

В хрониках великого московско-литовского противостояния война 1507–1508 годов выглядит как малозначительное, к тому же краткое

событие. Однако в действительности она стала серьезным испытанием России на прочность.

Боевые действия начались весной 1507 года. Русские армии несколько раз врываются на земли Великого княжества Литовского, творя опустошение, сжигая посады, отгоняя пленников. Одну из этих армий возглавлял князь Д. В. Щеня, наносивший удар из Великих Лук в общем направлении на Полоцк и Оршу. Но на сей раз не случилось того, что происходило при Иване III. Города Литовской Руси перестали открывать перед московскими полками ворота. Так, например, Оршу взять не удалось. А из литовско-русских князей те, кто мог и желал стать подданными Москвы, уже сделали это. Союзником Василия III стал лишь один крупный литовско-русский магнат (и превосходный полководец) — князь Михаил Глинский, поднявший восстание. Несколько городов и крепостей встали на его сторону. Однако хорошо укрепленные Минск и Слуцк отбили восставших от своих ворот.

А вот правительственные литовские войска действовали более успешно: им удалось взять под контроль Торопец, Дорогобуж, некоторые другие населенные пункты. Василию III пришлось выбивать их оттуда, и здесь решительность князя Щени очень пригодилась.

И к осени 1508 года относится его доклад Василию III о событиях в Торопце: «Лета 7017-го сентября в 4 день писал к великому князю ис Торопца князь Данило Васильевич, что он пришел со всеми людьми в Торопец, а торопчяня его встретили, и он тех к целованью привел; а которые у него не были, и он по тех послал; а которые люди литовские приводили торопчан к целованью за короля, и те люди бежали. И князь великий князю Данилу со всеми людьми в Торопце велел и быть. Да в Торопец же велел итить с Лук князю Михаилу Микулинскому да Григорью Федоровичю со всеми людьми, а Петру Годунову с Лук и Степану Порховскому изо Ржевы и из Холмска погосту Василью княж Юрьеву сыну Ростовского велено итить с людьми в Торопец же ко князю Данилу».

Другая московская рать отбила Дорогобуж.

Но в целом война выглядела как тяжелое предприятие, которое за полтора года не дало обеим сторонам ни единого решающего успеха. Воеводы уступили место дипломатам. Мирное соглашение, заключенное на 14 лет, вряд ли устраивало Москву и не особенно радовало Вильно: явного победителя оно не выявило.

Москва поступилась в пользу литвинов клочком земли с городками Любеч и Лоева Гора. Потеря, конечно. Однако предыдущая война принесла России территорию в несколько десятков раз большую, чем та, с которой

пришлось расстаться в 1508 году. А единственным по-настоящему ценным приобретением Василия III стал переход в российское подданство Михаила Глинского со всеми его многочисленными сторонниками. Это было достойное пополнение московского военного потенциала. И оно, конечно, вызывало досаду у великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I Старого, поскольку, с его точки зрения, «изменники» ушли ненаказанными...

Обе стороны понимали, что результат этого военного столкновения — промежуточный и грянет новая большая война. Она-то и расставит все точки над *i*: кто господствует в регионе и по каким рубежам пройдет граница, которая покажет силу, влияние и возможности двух великих держав относительно друг друга.

Россия и Великое княжество Литовское готовились к новому раунду вооруженного противоборства. Порубежные области кипели набегами и боями, число взаимных обид быстро росло.

Очень точно описал предвоенную обстановку современный историк А. Н. Лобин: «1509–1512 гг. прошли в пограничных спорах. Вооруженные люди с той и другой стороны нападали на порубежные села, захватывали скот, секли крестьян и уходили на свою территорию. И все же эти споры не могли стать поводом для нового широкомасштабного конфликта. Seriously обострили русско-литовские отношения известия о подстрекании Сигизмундом крымских татар напасть на южные рубежи России — уже в мае 1512 г. татарские набеги опустошили уезды за р. Окой. Одновременно с этим из Литвы были получены сведения о 74 заключении под стражу литовскими властями сестры [московского] государя, великой княгини Елены»^[72].

Думается, повод мог быть любым, и его отыскиали бы даже в том случае, если бы Великое княжество Литовское не проявляло себя столь агрессивно и не обижало вдовствующую великую княгиню Елену. Стратегический спор между двумя государствами-великанами оставался нерешенным, и это давало вескую *причину* находить *поводы* к войне.

Другое дело, что наём крымского хана для боевых действий против Московского государства действительно создал для Василия III серьезную проблему.

Московская дипломатия была превосходно вооружена долгим опытом выстраивания отношений с Ордой и ее осколками — ханствами Чингизидов, племенными объединениями ногайцев. Московские послы умели договариваться с татарами и даже направлять их силу против литовцев. Особенно хорошо получалось это при Иване III: крымский хан

был его полезнейшим союзником. Но при Василии III ситуация начала меняться. Во-первых, после казанской катастрофы 1506 года татары почувствовали: Москву опять можно бить! Во-вторых, испортились отношения с «крымским царем» Менгли-Гиреем. Литовцы сумели перенаправить всю хищную энергию ханства в сторону Русского государства. В 1507 году Россия впервые почувствовала «крымскую угрозу»: отряды крымских мурз, очевидно незначительные, принялись разорять Северу — Белевские, Козельские и Одоевские «места», — но их отбили. Впоследствии борьба между двумя дипломатическими системами за Крым приведет к тому, что тамошние правители будут поочередно использоваться то Литвой против Москвы, то Москвой против Литвы: кто больше заплатит, кто больше уступит, кто посулит больше политических льгот, тот и пользуется боевыми ресурсами хана-союзника... Накануне первых походов на Смоленск силы крымцев совершенно отчетливо послужили именно на благо литовцев.

Москва, как видно, имела от своих крымских доброхотов известия о нарастающей угрозе: именно тогда в Туле, на «набегоопасном» направлении быстрыми темпами были возведены мощные деревянные укрепления. А несколько лет спустя здесь выросла каменная крепость. Но столь дерзкого и энергичного натиска, который она встретила со стороны Крыма, никто не ожидал.

Весной — осенью 1512 года крымские «царевичи» совершили три больших похода на территорию России. Первый удар был нанесен в апреле 1512 года. Татары приходили к Одоеву и Белёву, на Коломну и «на Вол кону». Их отряды широко разошлись по южнорусским областям: как сообщают летописи, татары «...плениша волости Воротынские и Одоевские, и Коломну, и Волок (Волкону?)». Затем состоялся второй набег: в июле на Рязанщину пришел «царевич» Магмут (Ахмат). Но тяжелее всего был третий набег: 6 октября «приидоша татарове на Резанскую волость безвестно и приидоша под город и стояли 3 дни, и острог взяли и прочь пошли с полоном». Их возглавлял «царевич» Бурнаш (или Бурнос) — Гирей.

Первый набег был неожиданным, и не видно, чтобы московское военное командование успело быстро организовать противодействие, но в мае выдавить неприятеля из южных областей удалось. Москва выставляла полки на юг, и Василий III вновь позвал под русские стяги уже совсем немолодого, но лучшего полководца, а тот безропотно принял меч усталой рукой...

По «крымским вестям» в мае к Оке спешно вышел сын Даниила

Васильевича, Михаил, с легким полевым соединением, собранным наспех; затем вслед за ними пошли лучшие полки во главе с самыми надежными воеводами, как тогда говорили, «в силе тяжкой». Оборонительную армию возглавил князь Д. В. Щеня, получивший под команду пять полков и весь цвет московской знати. Дополнительные силы скорым маршем отправились к Кашире и Серпухову. Действия Щени да как минимум само присутствие его с большой армией и вызов новых резервов из сердцевинных областей Руси сковали крымцев, заставили их отойти, не пытаясь прорваться глубже.

А когда «...царевичи [крымские] пошли с украины... князь великий князю Данилу Васильевичю и сыну ево князю Михаилу велел ехати к себе»^[73].

Никакой яркой победы не было. Но выстроить оборону в сложной ситуации все-таки удалось.

В 1512 году Россия вступила в большую войну с Великим княжеством Литовским. Это вооруженное столкновение резко отличалось от звездных, триумфальных войн эпохи Ивана III. В ней не случалось легких успехов. Ярких, блестящих побед удавалось добиться лишь два-три раза за все десятилетие борьбы. А прочее — тяжелый, кровавый труд, страшно измотавший обоих противников. Победа в этой войне была достигнута дорогой ценой. Но все же ее удалось добиться, и значение ее огромно.

Россия проламывалась все дальше и дальше на запад, неся с собою прочную веру православную, мощь Третьего Рима, а вместе с тем — возможность объединения для всех русских, тогда еще шедших общей дорогой и не успевших разойтись на тропинки для великороссов, белорусов и украинцев. Русская цивилизация содержала в себе древнюю, высокую, изысканную культуру Константинопольской империи. Россия давала соседям выбор: единая восточнохристианская Империя или разъединенная, страдающая от бесконечных междоусобных войн и церковного раскола Европа. То, что станет Россией, не обрушится впоследствии в ужасающий хаос религиозных войн между католиками и протестантами.

Эта война в судьбе князя Щени была последней. И финальный аккорд служения отечеству принес полководцу неувядаемую славу...

Помимо изменившегося настроения горожан устремлениям Василия III мешало иное, чрезвычайно важное обстоятельство: напомним, что могучее Крымское ханство перестало быть союзником России. Отныне тамошние правители вели переменчивую политику. Они могли нанести удар и по московским владениям, и по литовским — в зависимости от собственных интересов, финансовых вливаний, которые следовали одно за

другим с обеих сторон, а также успехов дипломатии Василия III и Сигизмунда I. Крымская проблема до крайности осложнила борьбу на литовском фронте.

Двумя основными объектами наступательных операций российского воинства стали, как отмечалось выше, Смоленск и Полоцк. В доордынские времена они являлись частью «Империи Рюриковичей». Польско-Литовское государство стремилось защитить оба города и окружающие их земли и, по возможности, отбить колоссальные области, ранее утраченные в борьбе с Иваном III.

Первое время в фокусе военных действий обеих сторон стоял Смоленск.

Этот город — древняя столица одного из русских княжеств. В XIII–XIV столетиях Смоленское княжество являлось фактически независимым государством. Но к западу от него постепенно разбухала громада Литвы. В 1404 году литовцы после долгой борьбы захватили Смоленск. В 1440-х годах город поднял восстание и на два года освободился от чужой власти. К нему примкнуло Мстиславское княжество во главе со своим правителем князем Юрием. Но русское восстание в конце концов было подавлено. Москва, не имевшая тогда сил для борьбы с Литвой, признала ее права на Смоленск. Московские полки участвовали в большой внутренней войне Великого княжества Литовского несколькими годами ранее, в 1430-х, но тогда русское дело потерпело там поражение. Да и в самой Москве имелись доброты Литвы... Более того, Московское княжество претерпевало затянувшуюся кровавую распрю между разными ветвями местного дома Рюриковичей. Так что ввязываться в серьезную войну сочли делом слишком рискованным. Очевидно, это решение опиралось на трезвый анализ собственных сил и средств относительно ресурсов противника.

Впоследствии соотношение сил изменилось, и теперь литовцам пришлось отстаивать захваченную ими Смоленщину. Василий III лично руководил действиями русской армии, осаждавшей Смоленск. Он рассчитывал использовать четыре крупных «козыря».

Во-первых, как уже говорилось выше, Москва в 1508 году (еще в прошлую войну с Литвой) обрела могучего союзника в лице князя Михаила Глинского. Потерпев поражение, князь нашел прибежище в Москве. Глинский, прирожденный лидер, имел дар убеждения, а у него в Смоленске было немало сторонников. Во-вторых, московские ратники доставили под стены города мощную артиллерию. Она тоже умела убеждать... по-своему. Используя связи Глинского, Василий III заполучил из Центральной Европы высококлассных артиллеристов, ратников наемной пехоты и кавалерии. В-

третьих, опираясь на недавно присоединенный Псков как на мощный дополнительный ресурс, великий князь московский вызвал оттуда тысячу Пищальников — пехотинцев с ручным огнестрельным оружием. К псковским добавились пищальники из других городов, но не столь многочисленные. Наконец, в-четвертых, Василий III мог использовать мощную, превосходно отлаженную мобилизационную машину, созданную еще его отцом. В результате он вывел сильную шестиполковую армию.

Всё вместе обещало успех.

Но добиваться этой победы пришлось два года.

Во второй половине 1512 года на Смоленскую землю обрушился предварительный удар: войско во главе с князем И. М. Репнёй-Оболенским. Легкий корпус московской конницы разорял местность, отсекал дороги, занимался разведкой, готовил позиции для прихода основных сил. Примерно тогда же была произведена вспомогательная наступательная операция: «Ходили воеводы воевать к Брянскому и к Дрисвяту»^[74].

Вслед отряду Репни-Оболенского отправилась главная московская рать: «Декабря в 19 день князь великий Василей Иванович всеа Руси, слушев обедни у Пречистой богородицы, пошел с Москвы на Литовскую землю к городу к Смоленску ратью. А с ним братья ево князь Юрья да князь Дмитрий Ивановичи да князь Федор Борисович Волоцкой, да зять государев Петр царевич, да царевич Шиховлеяр^[75]; да бояре: князь Данило Васильевич Щеня, князь Олександр Володимирович Ростовской, Григорей Федорович [Челяднин]»^[76]. Стоит запомнить: Щеня в первом походе не только отряжен в великокняжескую свиту, он также занимает важнейший пост — его назначили первым воеводой Большого полка. Иными словами, он фактически возглавляет всю громадную осадную армию помимо Государева полка, где «дворовым воеводой» поставлен дворецкий Василий Андреевич Челяднин. Следовательно, Щеня в его изрядном возрасте вовсе не казался слишком старым для командования полками, и великий князь вновь возлагал на него надежды как на опытного, искусного тактика. А князь Михаил Львович Глинский состоит в Большом полку всего лишь вторым воеводой, пусть на него также возлагаются надежды... иного рода.

В первом наступлении на Смоленск Василий III отыграл все «kozyри».

Глинский, очевидно, завел переговоры со своими сторонниками в городе. Впоследствии польско-литовские источники на разные голоса озвучили мнение, согласно которому именно измена тех, кто поддался на уговоры Глинского, сыграла решающую роль в судьбе Смоленска. Вряд ли это соображение основательно: Михаил Львович, видимо, старался изо

всех сил, но город не открыл ворота ни во время первой, ни во время второй осады, которая случится несколько позже. Следовательно, его голос не сыграл решающей роли.

Московская артиллерия работала исправно, иноземные пушкари имели все возможности «показать класс». Однако тут, как говорится, коса нашла на камень.

Небольшой участок древней смоленской стены, защищавшей город до того, как вокруг него были построены мощные каменные укрепления конца XVI — начала XVII века, сохранился в городском парке. Он, конечно, оплыл, но по сию пору производит солидное впечатление. В начале XVI столетия этот вал являлся основой прочных дерево-земляных укреплений, усиленных водными преградами, рвами и фортификационными сооружениями из дубовых бревен, наполненными изнутри землей (вязкой глиной) и булыжником. Ядра, даже если они пробивали защиту из бревен, вязли в насыпке. А поджечь сами бревна — дело крайне сложное, и артиллерия тут не помощница. Так что, видимо, разбить старинные смоленские стены артиллеристам Василия III не удавалось.

Пищальники ходили на приступ. Перед началом дела для храбрости их подпоили и, видимо, несколько перестарались. Хмельная рать оказалась мало боеспособной и откатилась с потерями от стен.

А многочисленное дворянское ополчение, мобилизованное по всей стране, не имело необходимого опыта: весьма редко ему приходилось участвовать в штурме столь значительных крепостей.

Весной 1513 года Василий III отвел войска от Смоленска. А летом наступательные действия возобновились.

Опять движение основных сил было предварено набегами легких отрядов — из Дорогобужа. Серьезный удар направлялся на Полоцк, но оттуда государевы воеводы вернулись без успеха. На сей раз Полоцк упорно штурмовали, но город был деблокирован извне действиями литовской армии. Под стенами города русские понесли тяжелые потери и были отозваны «из литовския земли и из-под По-лотца... по своим домом...». Осаждался и Витебск — там, к несчастью, российский отряд также потерпел серьезное поражение. Русские «загоны» разорjali область под Оршей. Вновь готовил позиции под Смоленском, «оступиша град», князь И. М. Репня-Оболенский с пятью полками русских бойцов и служилыми татарами. Ему попытался противодействовать смоленский наместник Юрий Глебович: вышел в поле, дал бой, был разбит и отступил под защиту стен. Как сообщает русская летопись: «Воевода и пан смоленский Юрий Глебович и князи и бояре смоленские, и гетманы

желнырские з желныри противу воевод великого князя выехаша за город за валы на бой, и великого князя воеводы напустиша на них, да Божиим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу и князей, и панов прогнаша, и многих людей побита, а иных князей и бояр, и желнырей живых многих поимаша и к великому князю их в Боровск приведоша»^[77].

И вновь ядро российских вооруженных сил последовало за Репнёй под командой того же Щени — в августе 1513 года.

На сей раз все повторилось, за двумя исключениями. Во-первых, русские не предпринимали штурма. Во-вторых, артиллерийский парк, применявшийся против Смоленска, был усилен, а потому московские пушкари добились кое-каких успехов. Им удалось разбить некую «стрельницу Крышевскую» — очевидно, передовое укрепление, вынесенное вперед, за общую линию стен и башен. Кроме того, летописи сообщают об уроне, нанесенном огнем самим жителям города. Надо полагать, видя, что повреждения стен, нанесенные днем, успешно исправляются противником по ночной поре, Щеня велел пушкарям «поднять прицел» и обрушить град ядер на дома зажиточной части горожан. Жестокий способ сделать обороняющихся сговорчивее, но в то время — повсеместный... Современный историк А. Н. Лобин обоснованно предположил, что на сей раз Василий III вывез под Смоленск пушки-громады, отлитые иностранными мастерами: «В осаде могла принимать участие либо гигантская мортира Паоло да Боссо 1488 г., либо же одна из бомбард, отлитых немецкими мастерами в начале XVI в.»^[78]. Смолянам приходилось несладко...

Неудача не смутила Василия III. Он обладал достаточным мобилизационным ресурсом, чтобы совершить новую попытку осады. И воеводы, в том числе Щеня, вероятно, обнадеживали великого князя московского простым, но веским соображением: раз Сигизмунд I за год с лишним (!) оказался не способен собрать значительные силы, чтобы вывести Смоленск из-под удара, он, надо полагать, и впредь с этой задачей не справится. На подступах к Смоленску появился лишь корпус гетмана Острожского, не располагавшего сколько-нибудь значительными силами.

Тем не менее Василий III вновь отступил. Собрать для атаки на Смоленск большую армию — одно дело, а вот кормить ее и обеспечивать всем необходимым в случае затянувшейся осады — совсем другое. Долгих осад в России резонно не любили: в таких случаях сами осаждающие, находясь на разоренной ими земле, терпят серьезный урон от голода,

падежа коней, болезней, усталости. В большой военной игре подобных потерь лучше избегать. Поэтому великий князь московский вновь отвел и распустил полки осенью 1513 года.

...И вновь собрал их несколько месяцев спустя!

Как Смоленск приготовился к новому «визиту» московских полков? В нем, как и в других приграничных городах Литовской Руси, подлатали укрепления, усилили артиллерийский парк. В Смоленске еще сменили наместника — бог весть, к усилению ли привела эта мера.

Самое главное: крупной деблокирующей армией Сигизмунд I по-прежнему не располагал.

Авангардные московские отряды появились у стен города в апреле — мае 1514 года. Опять блокада, опять отсечение дорог, опять устройство позиций для артиллерийских батарей. И опять вкрадчивые речи князя Глинского...

К тому времени население города, надо полагать, смертельно устало от боевых действий. Оно не могло полноценно заниматься торговлей, ремеслами, земледелием. Иными словами, натиск Василия III постепенно приводил к истощению запасов — нет, не у гарнизона, тем пищу, ядра и порох подвозили исправно, — у частных лиц. А ведь их массовое участие в обороне города исключительно важно. Они худели, беднели, жили в постоянной тревоге. Действия Москвы уверили их в том, что Россия никогда от Смоленска не отступится, даже если придется ходить под его стены с войсками десять раз! А Вильно не торопилось с подмогой...

В июне 1514 года сам Василий III вновь приехал под Смоленск. Главные силы его воинства в третий раз возглавляет князь Щеня. Очевидно, его действиями государь остался доволен и в прошлые два раза.

По его распоряжению осада Смоленска, как и ранее, сопровождалась боевыми действиями на других участках фронта. Московские воеводы ходили под Оршу, вообще проявляли активность против Литвы, опираясь главным образом на Великие Луки. Военачальники великого князя старались сделать так, чтобы литовское командование было занято повсюду и везде, а потому не имело бы возможности собрать силы для поддержки Смоленска.

Что изменилось? Да почти ничего. Разве что, как можно подозревать, вновь была усилена российская осадная артиллерия. Судя по летописным известиям, сила канонады на сей раз поразила даже самих осаждающих. Официальная русская летопись, трижды сообщавшая о действии российской артиллерии под Смоленском, лишь на третий раз возвышается до стилистики эпического ужаса: «От пушечного и пищального стуку и

людского кричания и вопля, такожде и от градских людей супротивного бою пушек и пищалей, земли колыбаться и друг другу не видети, и весь град в пламени курения дыма мняшесь воздыматься ему, и страх велик нападе на Гражданы, и абие начаша вопити и кликати, чтобы князь великий государь пожаловал, меч свой унял»^[79].

Некий пушкарь Стефан вел огонь из громадной пушки. Затем он применил новинку артиллерийского искусства: «...использовал несколько небольших ядер, окованных свинцовыми полосами. В полете крепления разрывались, и туча железных, каменных и свинцовых шаров накрывала противника»^[80]. Согласно немецким источникам, пушкари Василия III все же сумели сделать значительную брешь в стене «Смоленского замка».

Василий III повелел «приступы велики чинити без отдуха». Таким образом, силу обороны время от времени испытывали приступами на прочность, но, как видно, это была нескончаемая «разведка боем», не превратившаяся в большой общий штурм.

30 июля 1514 года город сдался. Его не брали штурмом. Его не разрушили до основания артиллерийским огнем, хотя ущерб нанесли заметный. Его гарнизон не погиб, защищая стены. Его припасы не иссякли. Дело тут в другом: защитников довели до такой степени изнуренности, что они обрадовались возможности выйти из состояния бесконечного напряжения. Василий III на переговорах пообещал многое: сохранить древние привилегии горожан и не рушить их «старину», добавить новые пожалования, а наемникам, которые пожелают избежать кары за сдачу Смоленска и поступить на выгодную службу под руку Москвы, — отличные финансовые условия.

Иными словами, стратегия Василия III, довольно простая по внешней видимости, оказалась правильной: постоянный нажим, лишение всякой возможности получить помощь извне плюс обещания выгодных условий сдачи. Какой из «козырей» великого князя московского сыграл в этой победе наибольшую роль? Трудно сказать. Все они так или иначе сказались в борьбе за Смоленск. Даже обилие пищальников, надо полагать, хоть и не продвинуло к успеху приступ в 1512 году, но дало возможность обстреливать стены, нанося урон защитникам...

И все же главной составляющей успеха, думается, была бесперебойно функционирующая мобилизационная машина Московского государства, детище Ивана III. Василий III ставил и ставил в строй новые тысячи воинов, выводил и выводил полки под Смоленск, доставлял и доставлял к стенам крепости дорогостоящую осадную артиллерию, платя жалованье

искусным пушкарям. А Сигизмунд I не мог ответить ничем сколько-нибудь сравнимым. Надо признать: государственный строй единого централизованного Русского государства дал Москве главное преимущество в битве за обладание Смоленском. А рыхлое устройство Великого княжества Литовского явно препятствовало организации обороны.

Что же Щеня? Какова его доля в этой победе?

Каких-либо ярких, необычных тактических решений в истории трех осад Смоленска 1512–1514 годов не видно. А вот тяжелого, изматывающего административного и тактического труда потребовалось очень много. Даниилу Васильевичу приходилось постоянно организовывать тот самый нажим на город, который в конечном счете и привел к победе. Полководец с этой задачей справился. И, как видно, на его долю дважды выпадало принимать «непопулярное решение», а именно: что осадной армии пора отходить, дабы не понести лишних, уже бессмысленных потерь. Конечно, без одобрения со стороны Василия III старый военачальник не сдвинул бы свои полки с места, но ведь сначала надо было зайти в шатер к государю, произнести слова «пора отходить», — а потом обосновать их, хотя бы и вопреки неудовольствию правителя...

После того как «бояре смоленские» целовали крест Василию III у его шатра, московский государь «...в град Смоленск послал боярина своего и воеводу князя Данила Васильевича Щеня и иных своих воевод со многими людьми, а велел им прочих людей: князей и бояр, и мещан — всех людей града Смоленска — к целованию привести и речь им государскую жаловальную говорить»^[81]. От горожан требовалось: «Быть за великим князем Василием Ивановичем и добра ему хотеть, за короля не думать (то есть не задумываться о возвращении к Литве. — Д. В.) и добра ему не хотеть». Лишь потом сам Василий III въехал в город. Великий князь, таким образом, дал своему старшему воеводе почетную службу, показывая удовлетворение от его службы главной.

Древний город оказался поистине драгоценным приобретением для России. Заодно он принял роль главнейшего ее пограничного форпоста на «литовском рубеже». В честь этой победы Василий III основал московский Новодевичий монастырь.

Войне тем не менее суждено было продлиться еще восемь лет после взятия Смоленска. Литовцы пытались отбить город, но поставленный там наместником князь В. В. Шуйский не позволил им этого.

Вооруженное противостояние было в разгаре, когда великий старик полководец покинул его. В конце 1514-го или первой половине 1515 года

(скорее первое^[82]) Василий III отдал ему распоряжение сосредоточить пятиполковую рать под Дорогобужем. Вскоре после взятия Смоленска небольшой русский корпус, наступая в общем направлении на Оршу, был разгромлен литвинами. Из-за этого появилась необходимость держать восточнее Смоленска сильный заслон. К рати Даниила Васильевича присоединилось наступательное полевое соединение, которому ранее отдан был приказ атаковать Мстиславль из района Словажа (селение на реке Ливне, между Дорогобужем и Смоленском). Неясно, удалось ли воеводам совершить набег на Мстиславль до того, как они попали в распоряжение Щени. Важнее другое: из двух полевых соединений составила действительно мощная армия, которая могла и Смоленску прийти на помощь, и загородить путь дальнейшему вторжению литвинов, если город падет.

Противник не сумел ни отбить Смоленск, как уже говорилось выше, ни прорваться за него.

Такова последняя служба Даниила Васильевича. Никаких известий о нем более в источниках нет. Поэтому некоторые авторы делают поспешный вывод: дескать, князь Щеня умер в 1515 году. Так ли это, бог весть. Возможно, и впрямь подошел его последний срок. Столь же вероятно и другое: по старости и дряхлости князь отпросился у Василия III со службы и принял иноческий постриг или отправился в вотчины свои, долеживать последние годы в хворях и утомлении.

Взглянем на список побед Даниила Васильевича: присоединение Вятки, взятие Вязьмы, разгром литовцев на Ведроши, немцев — у Гельмеда, освобождение Торопца, покорение Смоленска...

Задумаемся: многие ли знаменитые маршалы, честно заработавшие свое высокое звание в сражениях Великой Отечественной войны, сделали для Отечества столько же? Многие ли ему равня из полководцев Российской империи? Этот орел летал высоко...

Глава 3

БОЯРЕ

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ СИМСКИЙ-

ОБРАЗЕЦ

И ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ СИМСКИЙ-

ХАБАР

Триумфальная эпоха Ивана Великого породила так много ярких военных дарований, что глаза разбегаются. И вырастали они не только из княжеской среды, то есть не только из числа аристократов, чьи ближайшие предки сами были независимыми правителями, имели собственные «вооруженные силы», собственную дипломатию и чеканили собственную монету, но также и из среды московского боярства, совершенно иной.

Десятки родов древнего боярства, служивших московским государям на протяжении многих поколений, были, что называется, «привилегированными слугами». Выходцы из этих семейств никогда не имели самостоятельной власти (лишь ту, что давал им князь), никогда не управляли княжествами, но постоянно играли роль ведущих администраторов, судей, командиров «второго ранга», советников князя. Боярство по большей части вышло из «старшей дружины» древнерусских князей. В былинные времена боярин на поле боя был не только высокопрофессиональным, опытным воином и младшим командиром. Он также представлял собой... желанную добычу. Дорогой доспех, прекрасный боевой конь, лучшее оружие, а порой и драгоценности — перстни, гривны — делали его объектом охоты со стороны вражеских воинов. Однако боярин был одновременно и чрезвычайно опасной добычей: «живой танк», он имел отличную защиту, окружен был вооруженными слугами, с детства учился владеть мечом и копьем, как плотник топором или пахарь плугом, и всегда готов был добыть себе чести, а князю — славы.

Известный современный историк С. В. Алексеев одновременно точно и образно показал, как рождался этот общественный слой: «Все древние и средневековые общества с неизбежными отличиями рождали один и тот же

тип людей — породу воинов, созданных сражаться и править. Зародившись в глубинах варварства, когда единственным его назначением было убивать врагов на войне и в разбойничьем набеге, за тысячелетия воинский слой окреп, обернулся наследственной знатью, а с появлением государства обрел новый смысл, ибо тем, кто защищал государство, дарована была — справедливо ли, нет ли — власть в нем, власть над землями и народами. Власть, ограниченная лишь первым среди... равных — царем, королем, великим князем. С этого времени молодого «воина» сызмальства учили уже и управлять людьми — и не только в военном походе»^[83].

С течением времени роль представителей боярства в военном деле изменилась. Великий князь московский наделял их полномочиями командовать самостоятельными полевыми соединениями (армиями), а также полками в составе этих соединений, быть вторыми или третьими (то есть младшими) полковыми воеводами, тем, кто несколько ниже родом — воинскими головами, иначе говоря, командирами отрядов по несколько сотен человек. В этом смысле они оказались поставлены в равное положение с аристократами, носившими княжеские титулы. И принадлежность к роду Рюрика, Гедимина или иному «царственному» роду, дававшая право на этот титул, не обеспечивала никакого преимущества по сравнению с боярскими семействами, пусть в прошлом у их представителей не было опыта пребывания на княжеском «столе». И те и другие на равных основаниях служили одному общему монарху — великому князю, а потом царю московскому.

Одно из подобных, старомосковских боярских семейств дало России несколько крупных военачальников и среди них — двух выдающихся полководцев. Это род Добрынских-Симских, или, позднее, просто Симских (по названию вотчины — села Сима в Юрьевском уезде), служивший московским князьям как минимум с XIV века.

При дворе великого князя московского Василия II возвысился Федор Константинович Добрынский-Симский. Он получил боярский чин^[84], бывал в воеводах и погиб с честью на поле брани: летним днем 1445 года принял смерть под Суздалем, сражаясь с казанскими татарами.

Федор Константинович оставил единственного сына, Василия, получившего в зрелом возрасте прозвище Образец. Именно он принес своим воинским талантом громкую славу роду.

Василий Федорович Симский-Образец как полководец известен крупной победой 1471 года на Северной Двине. Там проходил «второй фронт» решающей войны между Новгородской вечевой республикой и

Иваном III. Если на главном театре военных действий новгородцев громил князь Холмский, то здесь боевая работа выпала на долю Василия Федоровича.

Борьба за преобладающее влияние в этом регионе велась между Новгородом и Москвой очень давно. Корнями своими она уходит в XIV столетие. Обе стороны обзавелись полуподвластными союзниками. Под стягами Москвы стояли Вятка и Устюг Великий, где ненавидели новгородцев и воевали с ними издревле.

Войско устюжан и вятчан под командованием В. Ф. Симского-Образца с московским отрядом встретилось в бою с полевым соединением двинян, «заволочан» и новгородцев. Воинство вечевой республики возглавляли сын новгородского посадника Василий Никифорович Пенков и князь В. В. Шуйский-Гребенка, сражавшийся на стороне Новгорода против Ивана III^[85]. Новгород до такой степени дорожил Двинской областью, что послал туда князя Шуйского — лучшего полководца, каким располагал на тот момент!

По оценкам московских летописцев, на стороне противника было значительное численное превосходство: князь Шуйский будто бы собрал 12 тысяч ратников, а московские, вятские и устюжские отряды сильно уступали в живой силе. Эти данные могут быть и завышены, но в любом случае Василий Федорович видел перед собой грозного неприятеля и тем не менее пошел ему навстречу.

Сражение произошло на территории бывшей Шиленской волости на Северной Двине между устьями рек Ваги и Ваенги. Обе стороны прибыли к месту столкновения «на судах», сошли на берег и тут же схватились. «Бой велик» и «сеча зла» длились много часов. Здесь новгородцы с союзниками стояли насмерть. Они бились тут намного лучше, чем на защите своего родного города.

Такая сеча не только от простых ратников, но и от воевод требует большого личного бесстрашия, стойкости, твердой воли...

Закончилась битва полным разгромом двинян с новгородцами, ранением Шуйского, смертью «воеводы большого двинского Игната Кашина» и пленением значительной части их воинства. Оставшиеся взбежали на корабли и спешно уплыли от торжествующих победителей^[86]. Документы того времени лаконично сообщают: Василий Федорович «... побил князя Василья»^[87]. Новгородский источник подтверждает поражение, объясняя его тем, что двиняне не стояли твердо в бою, не слушались командования: «Князь Василей Васильевич [Шуйский] и

воевода заволоцкий Василей Микифорович изыдоша противу с своею ратью и с заволочаны и с печеряны. И соступившимся им на ратный бой, и паде многое множество с обе половине. А двиняне не тягнуша по князе по Васильи Васильевиче и по воеводе по Васильи по Микифоровиче... и заволочанъ посекоша, и двинян иссекоша. А князя Василья Васильевича и воеводу Василья Микифоровича Бог ублюде, и приехаша в Новгород в мале дружине»^[88].

В 1470-х годах Василий Федорович, пожалованный боярским чином, — весьма востребованный полководец. Очевидно, частые его воеводские службы и высокие командные посты связаны с несомненным для Ивана III воинским дарованием. Это незаурядная фигура. Во время государева похода на Новгород Великий 1477–1478 годов, когда новгородцы окончательно распрощались с мечтами о сохранении независимости, В. Ф. Симский-Образец был одним из воевод в полку Ивана III. Великий князь доверил ему руководство отрядами, пришедшими из Галича, Ярославля, Углича, Ростова, Бежецкого Верха, к которым позднее добавил отряд тверских бояр «Борисовичей», недавно перешедших на сторону Москвы^[89]. Фактически одному московскому боярину была отдана власть над воинством, коим в старину, скажем в XIII веке, командовала бы целая коалиция князей! Это не почесть, это упование великого князя на большой воинский талант Василия Федоровича.

Осенью 1478 года он был в воеводах «на Вятке». В отместку за набег все тех же беспокойных казанцев на Вятскую землю Василий Федорович отправился с большой ратью под саму Казань^[90]. Воевода тогда припомнил казанцам все их прошлые нападения на Русь, за которые пора было выставлять длинный счет. Однако помимо государственного или земского «счета» у него имелся и свой личный — за отца, погибшего от их рук треть века назад, но отнюдь не забытого. Как сообщает летопись, московские полки «пришед, Унмира козанского многие места воевали и опустошили», то есть решили задачу разорения и устрашения; города не взяли, но добились достойного мирного соглашения^[91].

В 1480 году, во время великого стояния на Угре, когда решалась судьба юной России, боярин В. Ф. Симский-Образец, скорее всего, был в войсках, хотя источники и не доносят сведений на сей счет^[92].

Позднее Иван Великий «опалился» на своего верного воеводу — возможно, за то, что боярин занял мягкую позицию, призывавшую к примирению великого князя с удельными, когда государь желал закончить конфликт с большей жесткостью. Но в любом случае опала не была долгой.

В 1485 году Василий Федорович отправился в последний, как видно, большой поход своей жизни. Этому походу Иван III придавал особое значение и потому вспомнил о бесстрашном полководце. Тогда перед московским воинством открыла ворота Тверь, прежде — упорнейший соперник Москвы в борьбе за первенство на Руси, за роль ее объединительного центра.

После взятия Твери Василий Федорович был оставлен там наместником, то есть получил военно-политическую должность, предполагавшую не просто «признание заслуг», но абсолютную уверенность Ивана III в личной преданности боярина.

Как видно, вскоре после тверской эпопеи Василий Федорович скончался. Во всяком случае, позднее он в источниках не упоминается. Что ж, как воевода В. Ф. Симский-Образец хорошо послужил рождающейся на его глазах и в какой-то степени его трудами России. Наверное, справедливо, что ушел он в ореоле славы, почестей и высокого положения.

Но более известным полководцем стал его сын Иван, заслуживший у современников прозвище Хабар, то есть «прибыль», «добыча» или «удача». Для видного военачальника — поистине «говорящее» прозвище...

Неизвестно, когда он родился. Об этом можно судить лишь по первым упоминаниям в источниках значимых его служб. Как заметил историк А. А. Зимин, вельможа И. В. Хабар, «женатый на дочери казначея Д. В. Ховрина, появляется в окружении Ивана III еще в 1495 г., когда в начале года едет провожать княгиню Елену в Литву, а затем с великим князем в Новгород»^[93]. Значит, появился на свет не позднее 1480 года, а скорее — в 1470-х.

Осень 1505 года застает его в высоком чине наместника Нижнего Новгорода. В это время Казань, долгое время управляемая Москвой через ставленников, взбунтовалась. Русским в городе устроили бойню и ограбление. Притом Иван III уже не мог, как бывало, ответить на опасный мятеж быстрым и сокрушительным ударом. Судьба отмеривала ему последние недели жизни. Великий князь уходил тяжело. Он изнемогал от тяжелых недугов, верховная власть медленно вытекала из его железных рук...

В сентябре 1505 года мятежные казанцы пришли под Нижний и два дня безуспешно осаждали его, даже ходили на приступ. Но Хабар отбил их, вооружив и поставив на стены 300 томившихся в заточении пленников из литовского войска, разбитого на Ведроши. Вчерашние узники дрались храбро. Они честно заслужили свободу.

На третий день татары «побежали» от города, чувствуя свое бессилие.

Тогда наместник вышел с войском из ворот, ударил по отступающему противнику и посек вражеских воинов во множестве^[94].

Минул месяц, и не стало Ивана Великого. Полный его тезка Иван Васильевич Симский-Хабар одержал последнюю из побед, принадлежащих величественной эпохе Создателя России...

С мятежной Казанью пришлось разбираться следующим двум русским государям: сначала Василию III, а затем Ивану IV.

Вскоре после победы у стен Нижнего И. В. Симский-Хабар был пожалован «думным» чином окольничего, уступающим в чести лишь боярскому.

При Василии III Симский-Хабар, что называется, «востребованный» полководец. Его время от времени назначают командовать полками: в 1508 году он именно в этом чине служил на вяземско-дорогобужском направлении во время очередной войны с Великим княжеством Литовским, в 1517-м стоял во главе полка у Вязьмы — опять-таки против Литвы. Два года спустя несколько русских соединений пошли в наступление на запад. Хабар, командуя полком в составе одного из них, ходил под Полоцк.

В 1510 году его как безусловно верного и храброго человека и, думается, еще и опытного военачальника привлекли к ответственному делу: Псковская вечевая республика превращалась в часть России, и Хабар оказался среди тех, кто приводил псковичей к присяге на имя великого князя московского. В 1514-м Иван Васильевич расположился заслоном на Угре против крымцев, в 1522-м сопровождал Василия III в большом, но не окончившемся какими-либо боевыми столкновениями походе под Коломну, а потом получил назначение командовать оборонительным отрядом у Ростиславля. В 1528 году Иван Васильевич возглавлял отряд русских ратников и служилых татар «на литовской укрийне». Летом 1531 года — новое воеводское назначение на защиту южного рубежа от крымцев.

Таким образом, «послужной список» Ивана Васильевича очень солидный, и на командные должности уровня полковых воевод он назначался заметно чаще, чем средний военачальник того времени. Очевидно, его опыт, отвагу и тактический дар ценили.

В «обойме» русской военно-политической элиты Хабар занимает видное место. Он женат, как уже говорилось, на Евдокии Ховриной, происходящей из знатного русско-греческого рода казначеев, Василий III держит его «в приближении»: так, в 1509 году окольничий сопровождает своего государя в мирном походе к Новгороду, в 1525–1527 годах становится наместником в этом богатом городе. А в феврале 1533 года его сажают за государев стол на свадьбе у брата Василия III — князя Андрея

Старицкого. Это — почести, коими отмечают аристократию высшего эшелона.

Однако зарабатывал их Иван Васильевич не только самим фактом принадлежности к аристократическому роду, но и — прежде всего! — честной ратной работой. В 1521 году на долю воеводы выпало серьезное испытание, из которого он вышел с честью. Его назначили наместником в Рязань, буквально на его глазах и с его участием присоединенную к Московскому государству, а этот город вскоре оказывается на пути огненного вала крымцев...

Отразив натиск Большой орды в 1480 году, Россия треть века и даже более того не знала больших татарских нашествий. Целое поколение выросло с сознанием того, что татарин бит, а если явится вновь, то опять будет бит. Это очень важно для понимания того, что произошло в 1510-х годах, при Василии III.

Напряженность в отношениях с Крымским ханством нарастала постепенно. Есть специалисты, считающие, что кровавой конфронтации с Крымом можно было избежать, если бы Россия иначе выстроила внешнюю политику. Но, вероятно, противоборство с этим «осколком Золотой Орды» в форме, которую можно назвать «бой насмерть», все же являлось исторически предопределенной неизбежностью.

Крымское ханство — старший юрт Чингизидов после падения Большой орды — для XVI и, может быть, даже для XVII века может быть названо «великой державой». В его состав помимо Крыма и Северной Таврии входили колоссальные пространства Северного Причерноморья и Приазовья, часть Северного Кавказа. Под его влиянием жила Великая степь. У крымского хана и московского государя после того, как угроза со стороны Большой орды оказалась ликвидированной, исчез общий враг (Великое княжество Литовское могло, по обстоятельствам, быть то неприятелем, то союзником Крыма, а то и «нанимателем» его воинской силы). А территории, интересовавшие обоих правителей как области подконтрольные, а то и — в перспективе — подвластные, имели обширную протяженность, включая в себя Поволжье с Казанью и Астраханью и южнорусские земли, в том числе значительную часть «Литовской Руси». Конфессиональная разница также стимулировала беспощадные проявления вооруженной силы.

Две великие державы должны были столкнуться в борьбе за первенство в громадном регионе — и столкнулись. А дальше — кто кого, без милости к побежденным. И вряд ли могло быть иначе...

Но если Крым был готов к подобному повороту событий, то Москва —

нет. Поэтому, когда на южных рубежах Московского государства появились отряды крымских «царевичей», оборону пришлось выстраивать на ходу, неся тяжелые потери. Впоследствии Россия разработает очень дорогую, очень громоздкую, но в то же время весьма эффективную систему обороны юга, потом сама двинется на юг, ведя упорную реконкисту. А в середине — второй половине 1510-х годов русские едва-едва научились торопиться с выводом оборонительных полевых соединений на юг при первой же угрозе большого набега.

И далеко не всегда успевали.

Но прежде всего — не ждали «великого нашествия», то есть «прихода» самого «крымского царя» в «силе тяжкой». В 1521 году эта неготовность правительства подвела всю страну.

Немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн расписывает прорыв крымцев на территорию коренных областей Руси, почти что к Москве, а точнее — к пригородным селам русской столицы. По его словам: «Царь Тавриды Мухаммед-Гирей с большим войском привел в Казань брата Сагиб-Гирея. Заручившись расположением казанцев к брату, он на обратном пути в Тавриду перешел Танаис (Дон) и устремился к Москве. Тем временем Василий [III] не ждал ничего подобного; услышав о приближении татар, он наскоро собрал войско, поручил его водительство князя Димитрия Бельского и послал его к реке Оке, чтобы не дать татарам переправиться. Князь был молод, пренебрегал стариками, которых это оскорбляло: они в стольких войнах были начальниками, теперь же оказались не у дел. Как обычно бывает при подобных раздорах, обе партии вели себя не лучшим образом. Мухаммед-Гирей, располагавший превосходящими силами, быстро переправился через Оку и, жестоко грабя окрестности, разбил лагерь в поле у неких прудов в тринадцати верстах от самой Москвы. Сделав оттуда вылазку, он грабил и жег все на своем пути. Приблизительно в это же время из Казани выступил с войском и его брат Сагиб-Гирей, опустошивший Владимир и Нижний Новгород. Затем оба брата-царя, подойдя к городу Коломне, объединили свои силы. Василий, понимая, что он не в состоянии отразить столь многочисленного врага, оставил в крепости с гарнизоном своего зятя Петра, происходившего из татарских царей (того самого, который крестился), и некоторых других вельмож и бежал из Москвы; он был до того напуган, что в отчаянии некоторое время прятался, как говорят, под стогом сена. 29 июля татары двинулись дальше, сжигая все вокруг, и навели такой ужас на москвитов, что даже в городе и крепости те не чувствовали себя в достаточной безопасности. Во время этой паники женщины, дети и все, кто не мог

сражаться, сбегались в крепость с телегами, повозками и всем скарбом, и в воротах возникла такая давка, что, чрезмерно суетясь, они мешали друг другу и топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что, пробудь враг под городом три или четыре дня, осажденные погибли бы от заразы, поскольку в такой тесноте каждый должен был отдавать дань природе там же, где стоял. В то время в Москве находились литовские послы; оседлав коней, они пустились в бегство. Не видя вокруг ничего, кроме дыма пожарищ, и полагая, что окружены татарами, они выказали такую резвость, что в один день добрались до Твери, находящейся за Волгой в 36 немецких милях от Москвы... В таком смятении наместник и другие защитники города сочли за лучшее умиловить царя Мухаммед-Гирея, послав ему обильные дары, в особенности же мед, чтобы побудить его снять осаду, чтобы он не двинулся дальше и не причинил еще большего ущерба. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и покинуть страну, если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя, какими были его отец и предки. Получив составленную согласно его желанию грамоту, Мухаммед-Гирей отвел войско к Рязани, где москвитам было позволено выкупать и обменивать пленных; прочую же добычу он выставил на продажу»^[95].

События 1521 года предстают ужасающим, мрачным полотном. Невольно возникают мысли: а не преувеличил ли немецкий дипломат, без особенного успеха вершивший свою службу при дворе Василия III, масштабы урона, нанесенного упрямым русским?

К сожалению, собственно русские источники подтверждают в рассказе Герберштейна многое, даже слишком многое. Русские летописи пестрят сообщениями, что «крымский царь», перейдя Оку, «много пакости доспел православному христианству», что татары «много пожгли сел и деревень. А князей и бояр, и княгинь и боярынь, и черных людей в полон взяли бес числа множество», что Коломенская земля и Южное Подмосковье страшно пострадали от нашествия, разорению подвергся Николо-Угрешский монастырь, стоящий неподалеку от столицы, а его соборный храм рухнул от пожарного зноя. Сопrotивляясь крымцам, погибли за Отечество воеводы Иван Шереметев, князь Владимир Карамышев-Курбский, Яков и Юрий Замятины. Попал в плен князь Федор Лопата-Оболенский, отважный и даровитый полководец...

Но отвагу и смекалку рязанского воеводы русские источники также подтверждают. Герберштейн с беспощадным критицизмом живописал картины несогласия между воеводами и общего разорения земли, но в отношении Ивана Хабарова он гораздо более снисходителен, находя, что в

атмосфере ужаса, беспорядка, растерянности тот повел себя как мудрый государственный муж с твердой волей и чувством собственного достоинства.

Герберштейн сообщает о нем следующее: один из советчиков крымского правителя все время «выставлял на продажу кое-что из добычи под стенами крепости, намереваясь при удобном случае ворваться в ворота вслед за русскими покупателями и, выбив оттуда стражу, захватить крепость. Царь хотел помочь его предприятию, также пустив в ход хитрость. Он послал одного из своих людей... к начальнику крепости, которому приказывал, как рабу своего данника, доставить ему все, что он требовал, провиант и все прочее необходимое, а также явиться к царю лично. Начальником же был Иван Хабар, человек, искушенный в военном деле и такого рода уловках, так что его никоим образом нельзя было выманить из крепости; он попросту ответил, что ничего не знает о том, что его государь — данник и раб татар, если же его известят об этом, то уж он знает, как тогда поступить. Ему тотчас же предъявили грамоту его государя, подтверждавшую обязательства последнего перед царем. Меж тем как начальник пребывал в тревоге из-за этой грамоты... Чтобы лучше скрыть свой умысел, татары за определенный денежный выкуп освободили знатного человека князя Федора Лопату и весьма многих других русских, захваченных при набеге на Москву; более того, пленников стерегли столь небрежно, как бы специально давая им возможность бежать, что большинство из них действительно убежало в крепость. Князя Федора Лопату, знатного человека, попавшего среди прочих во время этого наезда в плен и бежавшего, а также многих других, из хитрости отпущенных татарами и бежавших в крепость, татары требовали вернуть. Тогда татары огромной толпой подошли к крепости и стали требовать вернуть беглецов. Хотя перепуганные русские вернули их, однако татары не только не отступали от крепости, но за счет множества новоприбывших их число даже возросло... Тогда пушкарь Иоанн Иордан, по происхождению немец, уроженец долины Халя... быстрее московитов оценив опасность, выстрелил на свой страх и риск по татарам и литовцам из выстроенных в ряд орудий... обнаружил их замысел, когда они уже вплотную приблизились к стенам, так что из большого орудия им нельзя было причинить уже никакого вреда. Он доложил об этом начальству и хотел стрелять, но те не согласились на это из страха. Он все-таки выстрелил один раз в толпу неподалеку от царя, чем привел их в такой ужас, что они разбежались прочь от крепости... Царь потребовал от начальника крепости объяснений; тот отвечал, что в нанесенной царю обиде повинен пушкарь,

стрелявший без его ведома и приказа, возложив таким образом на пушкаря всю ответственность... Царь немедленно потребовал выдать его, и большинство, как это чаще всего и бывает в отчаянном положении, решило подчиниться... Воспротивился этому только начальник Иван Хабар, и лишь благодаря его покровительству немец был тогда спасен. Царь же, либо не вынося промедления, либо потому, что его воины были обременены добычей... вдруг снялся с лагеря и ушел в Тавриду, забыв даже в крепости грамоту московского государя с обязательством быть ему вечным данником. Взятый им в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным... Казанский царь Сагиб-Гирей всех захваченных им в Московии пленников продал татарам на рынке в Астрахани, расположенной... близ устья Волги»^[96].

Все сплеховали — кто-то от легкомыслия, кто-то от гордыни, большинство — просто из-за отсутствия опыта. Но среди этого кровавого хаоса Иван Васильевич стоял нерушимо, как «столп царства».

Как уже говорилось выше, русские источники в целом дают подтверждение рассказу Герберштейна. Действительно, велись переговоры о судьбе знатного пленника — князя Федора Лопаты-Оболенского. Хабар выкупил его за астрономическую по тем временам сумму: 600 или, по другой летописи, 700 рублей серебром. Действительно, грамота, выданная под давлением вооруженной мощи крымцев, была возвращена. Документы того времени повествуют: «И взял тогда царь крымской на великого князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему. И тое грамоту Божиим милосердием у царя взял на Резани Оманом Иван Васильевич Хобар Симской»^[97]. Действительно, крымцев Иван Васильевич отбил, в город они не вошли.

Под рукой у наместника рязанского была горсть храбрецов из старинного рязанского боярства. Еще недавно они служили собственному князю и вдруг стали подданными Москвы. Далеко не все, надо полагать, испытывали восторг от подобной перемены, но в критический момент ни в чем своего московского начальника не подвели, не сдали врагу. Это «Булгак да Федор Денисьевы, Иван да Семен Коробьины, Стрекало Измайлов, да... Клементей да Василей да Михайло Кобяковы, Федор Сумбулов»^[98].

Конечно, эпизод с Рязанью несколько «смазал» впечатление от той акции устрашения, которую провел в сердце русских земель крымский хан. И. В. Симский показал: хоть и страшны крымцы, пришедшие не «скорым изгоном», а «в силе тяжкой», но и на них управа найдется, это не столь уж непобедимый противник. Вскоре он получил от великого князя честно

заработанный боярский чин.

После кампании 1521 года наступило время делать выводы на будущее. Прежде всего — укреплять оборону, пребывать в постоянной готовности дать отпор незванным пришельцам. Там, где неприятель слабее — а это, несомненно, младший Казанский «юрт», — проявить активность и в перспективе вновь, как при Иване III, поставить эту враждебную территорию под русский контроль.

Необходимые выводы были сделаны, и на протяжении полу столетия крымцы более не прорывались к ядру коренных земель России.

Но прежде произошел «разбор полетов», то есть решение вопроса о том, кого винить за общий военный провал. «Когда татарские цари покинули... Московию, — свидетельствует Герберштейн, — государь Василий снова вернулся в Москву... При дворе государя возник спор, кто был виновником бегства русских при Оке: старейшие возлагали вину на командовавшего войском князя Дмитрия Бельского, молодого человека, пренебрегшего их советами, говоря, что татары перешли реку по его беспечности, а он, отводя от себя обвинение, утверждал, что прежде всех начал бегство... князь Андрей, младший брат государя, а прочие последовали за ним. Василий, не желая показаться слишком строгим к брату, который явно был виновником бегства, лишил должности и княжества одного из начальников, бежавшего вместе с братом князя Ивана Воротынского, и заключил его в оковы»^[99].

В действительности пострадало несколько военачальников, притом крупнейшие среди них — князя В. В. Шуйский-Немой, а также И. М. Воротынский. Им вменили в вину неподчинение приказу: Василий III якобы велел им, стоящим с войсками в Серпухове, «противу царя ити. Они же не поидоша»^[100]. Так ли это в действительности или же прав Герберштейн? Источники не позволяют ответить на этот вопрос точно. Одно ясно: И. М. Воротынский и В. В. Шуйский-Немой — самые опытные полководцы своего уровня во всей русской армии. Лучше их к 1521 году у Василия III не осталось никого: плеяда великих соратников великого отца к тому времени оказалась исчерпана по естественным причинам. Новых талантливых военачальников не появилось — разве что тот же Хабар, но он на момент нашествия стоял, что называется, «рангом ниже» обоих. И если Шуйский с Воротынским не справились, то, видимо, не справился бы никто. Проблема была все-таки, видимо, не в их робости, а в том, что Россия (в том числе и верхушка русской военной элиты) оказалась психологически не готова к новому испытанию в духе Ахматовой рати 1480

года; Василий III не унаследовал от родителя дара стратегического предвидения; если при нем и были советники, способные подсказать весь губительный масштаб крымской угрозы, то их не послушали; да бог весть, имелся ли кто-нибудь из вельмож, способный рассчитать по шагам всю последовательность рискованной борьбы против Литвы, Казани и Крыма одновременно...

Отвага и преданность И. В. Симского-Хабара в какой-то мере оказались спасительными. И дело не только в том, что великая многолюдная Рязань устояла. И даже не в том, что Иван Васильевич заполучил позорную грамоту о дани, — не грамоты воюют, а полки! Нет, другое важнее. Прежде всего, Иван Васильевич спас честь русского воинства.

Даже если бы за именем боярина Хабарова стояли лишь два крупных воинских успеха — Нижний и Рязань, — то и тогда личность его заслуживала бы громкой славы, долгой доброй памяти, памятников от благодарных потомков. Но самая славная победа пришла в судьбу полководца через три года после рязанского одоления татар.

Летом 1524 года на реке Свияге произошло одно из крупнейших полевых сражений русской армии в XVI столетии. В мае начался поход на Казанское ханство одновременно двух ратей: судовой, под командой воеводы князя И. Ф. Бельского^[101], и конной, под командой боярина И. В. Симского-Хабара (с ним шла «сила Великого Новгорода»)^[102]. 24 июня конная рать столкнулась с большим войском казанцев и после упорного боя обратила его вспять^[103].

Победа на Свияге имеет длинную предысторию.

Михаил Юрьевич Захарьин, доверенное лицо Василия III, вышел к Казани с частью судовой рати и частью «наряда» (войсковой артиллерии). Он действовал пассивно, поскольку в принципе не имел достаточно сил, чтобы взять город. Захарьин мог лишь частично блокировать его, провести разведку боем, а также начать осадные работы. По всей видимости, он не имел ни осадной артиллерии, ни достаточно припасов, ни достаточно конницы, чтобы защитить себя от ударов во фланг и в тыл во время осады. Большая часть судовой рати двигалась со значительным запозданием из Нижнего Новгорода, а конная рать под командой И. В. Симского-Хабара перемещалась самостоятельным маршрутом, не имея связи ни с Бельским, ни с Захарьиным.

На помощь Захарьину отправилась вторая часть судовой рати (ее основные силы, включая значительную часть «наряда» — осадные пушки)

во главе с князем И. Ф. Бельским. Князь вел как минимум два полка и ертаул, то есть около половины от общего количества бойцов, если не больше. Они подверглись разгрому из засады.

Русский летописец сообщает: «Войско в ладьях на Волге побила с помощью некой злокозненной хитрости казанская черемиса: из ертаульного полка пять тысяч и весь передовой полк — пятнадцать тысяч и десять тысяч из Большого полка^[104]. Перегородили они реку большими деревьями и камнями в тех узких местах, где выступали островки, и сделали запруды наподобие порогов, и когда скопилось здесь много судов, стали они разбиваться друг о друга. К тому же и спереди, и сзади преследовала их черемиса, стреляя по ним и убивая, не пропуская их дальше. Срубая толстые деревья, изготовляли они бревна дубовые и осокоревые и, привязав к ним веревки, пускали на ладьи с высоких берегов, так что невозможно было от них уклониться. От одного дерева тонуло ладей пять, а то и больше, с людьми и с припасами. И много стенобитного вооружения — пушек, больших и малых, ушло под воду, и людей утонуло — от страха сами они в воду бросались. После же, когда схлынули вешние воды, в том же году, черемисы извлекли все стенобитные орудия... и ядра и переправили их в Казань. И много иных вещей они набрали себе, а с мертвых людей, которые утонули вместе с ладьями, снимали они большие чересы^[105], насыпанные доверху серебром; другие же находили в песке богатые одежды и много оружия, разнесенного по берегу речной быстринной...»^[106]

Тот же немецкий посол Сигизмунд Герберштейн красочно описывает сначала поражение русского отряда в 500 ратников, затем — значительной части судовой рати: «Рано утром, когда солнце еще не взошло и весь берег был окутан густейшим туманом, черемисы внезапно напали на корабли и навели на русских такой ужас, что начальник флота... оставив в руках врагов девяносто крупных судов, на каждом из которых было по тридцати человек, отчалил от берега на своем корабле, поплыл по середине Волги и под покровом тумана почти нагишом добрался до войска. Вернувшись затем оттуда в сопровождении многих судов, он испытал ту же участь и вторично попал в засаду черемисов. Потеряв шедшие с ним корабли, он едва ушел целым сам с немногими людьми»^[107].

В данном случае свидетельства Герберштейна могут быть вполне достоверны, поскольку, описывая большой Казанский поход, он ссылается на его участников из числа иностранных наемников (немцев, литовцев и «уроженца Савойи»), которые, по всей видимости, могли снабдить его

подробным рассказом; кроме того, Герберштейн в 1526 году на протяжении долгого времени лично находился в Москве и, следовательно, относительно недавней борьбы за Казань мог воспользоваться свидетельствами многих очевидцев.

Несмотря на поражение и потери, князь Бельский все же добрался до Казани и в дальнейшем руководил общим ходом осады.

В это время И. В. Симский-Хабар с конной ратью двигался своим маршрутом, не имея связи ни с Захарьиным, ни с Бельским и не зная о неудачах последнего. Близ реки Свяги Иван Васильевич наткнулся на воинство татар, поджидавших его во главе с неким «князем Аталыком», чтобы решительным натиском покончить с самым боеспособным из оставшихся русских соединений.

Документы того времени сообщают: «Собрались князи и мурзы и вся земля Козанская, и встретили воевод от Казани за дватцать верст на Свяге реке, и воеводы великого князя козанцов побили»^[108]. А в летописных записках времен Василия III, опубликованных М. Н. Тихомировым, содержится даже восторженная фраза, близкая по стилю к эпической поэзии: «И сступишася... полци, и ту бысть сеча велика, якова же не бывала ни от Доньскова побоища»^[109]. Русские источники отмечают очевидность победы над татарами. Об этом свидетельствует взятие обильного «полона». «На том бою многих князей и мурз, и татар, и черемису, и чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша», — рассказывает Воскресенская летопись^[110].

По всей видимости, победа далась нелегко. Сражение имело затяжной характер: казанцы атаковали несколько раз, отступали и вновь набрасывались на полки Ивана Васильевича, надеясь переломить ход битвы. Другая летопись повествует: «Три дня билось сухопутное войско одно с казанцами у той реки, и одними этими московскими воеводами побеждены были казанцы. И побежали они к городу Казани. Воеводы же гнались за ними до Волги, побивая их. Одни же попрыгали в свои ладьи и в Волге утонули, другие же разбежались по лесам, и лишь немногие убежали в Казань и заперлись вместе с царем в городе. И было убито казанцев в том бою сорок две тысячи»^[111].

Даже Сигизмунд Герберштейн, весьма скупой на констатацию каких-либо военно-политических успехов Василия III с его воеводами, отмечает поражение татар: «Посланная Василием [III] конница, переправившись через реку Свягу (Wiega), которая впадает в Волгу с юга и отстоит на восемь миль от... Казани, направилась к войску, но дважды была встречена

татарами и черемисами. После столкновения, в котором обе стороны понесли большие потери, татары отступили»^[112].

Конная рать соединилась под Казанью с оставшимися в строю частями судовой рати. Приунывшие от неудач воины Захарьина и Бельского вновь исполнились боевого духа: весть о недавней победе наполнила их новой надеждой.

Но князь И. Ф. Бельский, не имея достаточно припасов и артиллерии, чтобы взять Казань, не стал штурмовать город. Он предпочел поступить с разумной осторожностью. Не желая рисковать, князь согласился на перемирие с татарами, а также отправку их послов в Москву. Затем он увел в русские пределы объединенную армию, которой грозила голодная смерть.

Окончание кампании 1524 года не оправдало надежд, которые возлагались Москвой на решительное наступление против Казани основными воинскими силами России. Прежде всего, город взять не удалось. Не удалось также заключить приемлемый мир: великокняжеские воеводы всего лишь вынудили непокорных казанцев отправить посольство в Москву, что в *дальней перспективе* обещало некоторые уступки. Более того, часть судовой рати потерпела жестокое поражение. Между тем в походе участвовали десять полков при двадцати двух воеводах, а также «меньшой» и «большой» (то есть, видимо, тяжелый, осадный) наряд с пятью особыми артиллерийскими начальниками^[113]. Иначе говоря, силы для наступления на Казань были собраны на редкость крупные. В сущности, они сравнимы с той армией, которую Иван IV приведет под стены Казани в 1552 году (исключая, разумеется, «Государев полк», который в 1524 году под Казань не ходил). А в итоге — общая скудость достижений, сопровождаемая горечью неожиданно больших потерь. Поход 1524 года в целом нельзя трактовать ни как триумф, ни как провал, скорее произошло нечто среднее. С одной стороны, русские воеводы добились начала переговоров, продемонстрировав силу, но не подавили неприятеля, так как не достигли решающей стратегической победы, а с другой стороны, враг показал способность к сопротивлению, но победить также не смог и потому согласился на переговоры.

Своего рода «ничья»...

В этих условиях победа на Свяяге выглядит, при всем масштабе сражения, не как стратегический, а как тактический успех. Какие-либо значительные политические задачи по итогам выигранной битвы решены не были. Скорее можно говорить о другом: победа, достигнутая воеводой боярином И. В. Хабаром-Симским в долгом сражении, спасла

разрозненные воинские силы Москвы на Казанской земле от полного разгрома и уничтожения по частям. Иными словами, Свияжская битва являлась сражением «на выживание», она стала, можно сказать, спасительной, хотя командование конной рати во главе с И. В. Хабаром-Симским, ведя боевые действия, этого еще не знало.

Но у Свияжской битвы есть не только тактическое, но и духовное измерение. Эта победа была достигнута на фоне сложной международной обстановки. Недавнее завершение тяжелой войны с Великим княжеством Литовским принесло долгожданное присоединение Смоленска, однако усилия, потраченные на то, чтобы взять и Полоцк, не принесли результата; Казань давно перестала быть подконтрольной Москве, и в этом можно увидеть явное ухудшение политических позиций на востоке по сравнению с временами Ивана III; но главной проблемой стали атаки крымцев, стоившие дорого, — особенно их нашествие 1521 года, имевшее для Москвы почти катастрофические последствия; более того, завязывавшиеся время от времени союзнические отношения Казани с Крымом провоцировали относительно близкую к ядру русских земель Казань на враждебные действия: набеги, разбой в отношении русских купцов. В столь тяжелой ситуации свияжский триумф ободрил подданных Василия III и, главное, его воинство. Кроме того, он внушил неприятелю должное почтение к русскому оружию.

Летописец, завершая рассказ о кампании 1524 года, переводит свое свидетельство в стиль эпического повествования: «Государьский великого князя меч обоюдоустр на цари и короли, на всяко племя безсерменское и на латинянство»^[114], — что удалось доказать именно на Свияге.

С середины 1530-х годов Иван Васильевич более не упоминается в источниках, он ушел из жизни^[115].

Но среди вельмож и воевод у него была достойная замена — его сын Иван, боярин Ивана IV. Отпрыск Хабарова продолжил династию больших военачальников. На его счету нет громких побед, однако долгие годы он ходил в воеводских чинах под стягами Москвы и среди прочих полководцев участвовал во взятии Казани. В 1578 году Иван Иванович постригся в иноки под именем Ионы и через пять лет отдал Богу душу.

На примере династии Симских очень хорошо видно, как отец передавал сыну, а тот внуку державное искусство водить в бой полки и побеждать. Русская военная элита XV–XVII столетий была энергична, деятельна, отважна, хранила тактический опыт, полученный от предков, и

приумножала его. Бояре дрались на поле боя, командовали армиями, обороняли крепости. Поджарые, жилистые, скорые в движениях люди — русские бояре той героической, величественной эпохи.

Глава 4

БРАТЯ ЗАХАРЬИНЫ-КОШКИНЫ

В современной исторической литературе многое множество раз встречается мнение, согласно которому род бояр Романовых, из которого вышла царская династия, правившая Россией 204 года, был «незаметным», «незнатным» или, еще того хуже, не порождал выдающихся людей. Иначе говоря, был скуден по-настоящему яркими личностями.

Слава богу, подобные рассуждения обнаруживаются главным образом не в научных академических изданиях, а в популярных книжках и статьях. И если они исходят не от явных ненавистников русской монархии или самой династии Романовых, то являются плодом невежества.

Романовы, а также их предки по прямой — Кобылины, Кошкины, Захарьины, Юрьевы — были столь знатны, что входили в дюжину высших аристократических родов России. В списках русской знати XV–XVI столетий они ставились выше большинства Рюриковичей и некоторых Гедиминовичей. Они постоянно, из поколения в поколение получали должности в Боярской думе и — на что мало кто обращает внимание — часто получали воеводские назначения в полки. Причем время от времени Романовы и их предки возглавляли самостоятельные полевые соединения, по современной терминологии — армии. Чем более поздний период в истории Московского царства мы берем, тем реже Романовы и их предки — крупные военачальники, тем чаще они служат как администраторы и управители-«хозяйственники» при дворе. Но, во-первых, на заре юности России их род блистал как раз военными талантами, на «административную» стезю они перешли нескоро. И во-вторых, даже в конце XVI века они все равно время от времени исполняли работу полководцев.

К эпохе Ивана III и Василия III относятся самые яркие достижения этого семейства в военной сфере. Полководцы того времени — Яков и Юрий Захарьины — стоят почти вровень с боярами Симскими по своим боевым заслугам и несколько выше по уровню назначений.

Оба они принадлежат к боярскому роду, служившему Москве как минимум с первой половины XIV века. При Иване III представители этого семейства заняли место «столпов державы». Это доверенные слуги при особе государя, которым он может дать самое высокое и самое

ответственное назначение. При западноевропейских монархах они были бы вровень с графами и герцогами, попавшими на страницы романов Вальтера Скотта, Александра Дюма и Мориса Дрюона.

Оба видны в исторических источниках с 1470-х годов — уже как заметные государственные и военные деятели. Их отец, Захарий Иванович Кошкин, был боярином при дворе великого князя Василия II Темного.

Старший из братьев, Яков, получил боярский чин, видимо, в начальный период правления Ивана III. В 1479 году он, уже в боярском звании, участвует в знаменитом походе на Новгород Великий, когда Иван III уничтожил остатки независимости вечевой республики.

Брат Юрий также едет с Иваном III к Новгороду, но его назначение более низкое: он всего лишь числится старшим среди «детей боярских», сопровождающих великого князя. Однако Юрий скоро нагонит Якова: боярином он станет до осени 1483 года. Тогда ему поручили участвовать в «разъезде» границ между владениями государя и удельного князя Волоцкого. А еще того ранее, в начале 1470-х, Юрий сидел «волостелем» на Двине, в месте беспокойном, чреватом малыми стычками и большими войнами с Новгородом, который мечтал о господстве в этой области.

Вообще судьбы Захарьиных накрепко связаны с судьбой угасающей Новгородской государственности. В какой-то мере братья Захарьины сыграли роль ее могильщиков.

Какое-то время после новгородского похода 1479 года Яков Захарьин сидел наместником в Коломне — должность почетная и обещающая хороший прибыток. Однако с лета 1485 года он вновь перемещается в Новгород и занимает пост наместника: весьма беспокойный и даже опасный в условиях едва-едва замиренной земли, где под теплым пеплом вынужденной покорности все еще пылают угли мятежных настроений. Боярин показал себя верным проводником политики Ивана III. Новгородцев он смирял, дело о проявившихся там еретиках-«жидовствующим» расследовал вместе с братом и удостоился такой неприязни со стороны новгородцев, что они даже намеревались убить его. На заговорщиков посыпались тяжкие наказания... Иван III «вывел» из Новгорода во внутренние районы страны тамошних купцов, бояр, иных знатных землевладельцев, расселил на конфискованных новгородских землях московских служильцев. Что ж, горе побежденным! Те, кто мечтал о возрождении независимости, о бегстве из России куда-нибудь под крыло Литвы или в «суверенное плавание»... до первого крепкого хозяина, должны были почувствовать на себе тяжкую руку Москвы. Этой рукой и был Яков Захарьин, коего несколько лет спустя сменил на наместничестве

брат Юрий, продолживший ту же политику. В 1490 году он даже участвовал в церковном соборе «на еретиков» новгородских.

Впрочем, до того как принять от Якова пылающий «трон» новгородского наместничества, Юрий поучаствовал в одном рискованном, но очень важном деле. Иван III включил его в состав русского корпуса, мирно, одной угрозой вооруженной силы утвердившего в Казани московского ставленника и выгнавшего оттуда его противника (1485).

Много слез пролито в современной, и не только, исторической литературе о нелегкой доле новгородцев, придавленных «деспотическим сапогом Москвы». Но стоило бы вспомнить, что Москва выводила Русь в поле, когда требовалось встречать ордынцев, и для этой смертельно опасной борьбы требовались ресурсы всей Руси — серебро, люди, кони, пушки. Милитаризация Руси, «огосударствление» всего, что в ней существовало, кроме Церкви, стало ценой за свободу. Новгород можно именовать вольнолюбивым, а можно мятежным, и это в равной мере правильно. Важно понимать: мятеж Новгорода, объективно говоря, оказался направлен не столько против Москвы, сколько против того, чтобы впрячься как следует в общерусскую лямку обороны против ордынских нашествий и натиска Литвы на восток. Но явился Иван III и заставил впрячься. А присматривать за буйным нравом новгородцев приставил братьев Захарьиных, и те сделали свое дело как надо.

Пришлось ли братьям выйти «в поле», когда Ахмат с ордой угрожал самому существованию Московского государства? Дал ли им полки Иван III в грозном 1480 году?

Трудно сказать.

Оба являются очень крупными фигурами в московской большой политике. Как минимум Яков по своему наместническому опыту мог быть использован на поле противостояния с Ахматом. С другой стороны, для братьев Захарьиных-Кошкиных 1470-е и 1480-е годы — время в основном невоенной деятельности: к собственно военным делам их станут чаще привлекать в более поздний период. Так что в их случае вероятность участия, как говорится, пятьдесят на пятьдесят.

В 1485 году Иван III со своим сыном Иваном, а также младшими братьями Андреем Горяем и Борисом Волоцким вышел в большой поход против Твери; результатом похода стало падение Тверского княжения и присоединение Тверской земли к Московскому государству. Великий князь, оставив часть бояр в Москве, со своей супругой, отправился на войну «с воеводами и с многими силами», но ни в разрядах, ни в летописании нет списка полковых воевод. Командный состав московского полевого

соединения под Тверью представляет собой загадку русской военной истории. Известно лишь, что Яков Захарьин участвовал «со всеми силами новгородскими» в осаде Твери, так ему, новгородскому наместнику, на сей счет был отправлен прямой и ясный приказ Ивана III^[116].

Как можно было убедиться, до 1490-х годов Захарьины хотя и участвовали в походах, однако почти не занимали воеводских постов, на которых надо принимать самостоятельные тактические решения в боевой обстановке (исключение одно: взятие Твери в 1485-м). Они, до поры, в большей степени — администраторы, советники, судьи. Талант военачальников открылся в обоих с началом масштабных московско-литовских войн в 1490-х годах. Тут Яков и Юрий Захарьины-Кошкины проявили себя чрезвычайно ярко.

Боярин Яков Захарьич Кошкин как полковой воевода участвовал во множестве походов и битв, ходил на литовцев и шведов, несколько раз возглавлял самостоятельные полевые соединения.

При Иване III по критерию востребованности на самом высоком уровне командования он занимает примерно четвертое или пятое место среди всех многочисленных полководцев великого князя. А если говорить лишь о тех военачальниках, которые выросли из среды старинного московского боярства и не были «украшены» княжескими титулами, то он — безусловный лидер. И это лидерство сохранится при следующем государе, Василии III. Яков — по-прежнему один из ведущих полководцев России.

Как военачальник он «дебютировал» в 1492 году, когда начался поход «на Северу». Необъявленная война между Россией и Великим княжеством Литовским шла вот уже несколько лет, но именно в 1492-м вступила в новую фазу: пограничные конфликты переросли в открытое и масштабное вооруженное столкновение двух держав. Я. З. Кошкин идет на литовцев как второй воевода Большого полка, то есть как своего рода помощник командующего — великого полководца князя Д. Д. Холмского. Вскоре он уже возглавляет набеги новгородцев на земли, подвластные Литве. В 1495 году он выступает на Выборг, сражаться со шведами. Выборг тогда взять не удалось, лишь большая неприятельская область подверглась разорению.

Но звездный час Якова Захарьинова-Кошкина, или, как именуется он в летописях, «Якова Захарьича», выпадает на 1500 год. Совсем недавно началась масштабная московско-литовская война. Ей суждено было стать одним из поворотных событий в истории всей Восточной Европы. Именно тогда Я. З. Кошкин добился небывалого успеха, взяв в мае Брянск, а в августе — Путивль. Притом Путивль, взятый 6 августа, считался, как

видно, хорошо укрепленным пунктом: его брали при поддержке артиллерии. Взятие же Брянска, центра древнего княжения, фактически являвшегося когда-то столицей большого независимого государства, потрясло литовцев. Эту двойную победу можно считать пиком достижений в боевой карьере полководца.

В первой половине 1500 года среди прочих военных мероприятий России по размаху выделялись два похода. Один из них как раз и прославил имя Якова. Второй был направлен на Дорогобуж, принадлежавший тогда Великому княжеству Литовскому. Полевое соединение, отправленное Иваном III, состояло из четырех полков: Большого, Передового, Правой руки илевой руки. Большой полк возглавлял боярин «Юрий Захарьич». Военачальник, командовавший Большим полком, по обычаям того времени считался также старшим воеводой во всем соединении, прочие должны были ему подчиняться. В круг полководцев, которые оказались подчинены Ю. З. Кошкину, вошли представители княжеских родов Стригиных-Оболенских, Турениных-Оболенских и Хованских, а также выходцы из родов нетитулованной знати: Вельяминовы, Бороздины-Житовы. Весной 1500 года Дорогобуж, располагавший мощными земляными укреплениями, пал.

Таким образом, всего за несколько месяцев братья вписали имя своего рода в анналы русской военной истории. Три крупных города открыли перед ними ворота! Даже для эпохи Ивана III, богатой блестящими военными достижениями, — феноменальный успех.

В триумфальном для России сражении на Ведроши оба брата оказались рядом с князем Д. В. Щеней^[117]. Оба сражались, оба оказались в стане победителей. Яков — в качестве второго воеводы Большого полка. А Юрий... Юрий сыграл необычную роль.

Для того чтобы понять странный конфликт, возникший тогда между ним и князем Щеней, командующим, следует взглянуть на дело как бы с высоты птичьего полета: «Большое видится на расстояньи».

Падение Дорогобужа спровоцировало контрнаступление литовских войск. Как свидетельствует летопись, Иван III направил на подмогу войскам Ю. З. Кошкина «тверскую силу»; новое русское наступление было направлено к Ростиславлю и Ельне^[118], «ходили» с московскими полками знаменитый князь Даниил Васильевич Щеня, а с ним отряды полусамостоятельных-полузависимых удельных князей Семена Ивановича Стародубского и Василия Ивановича Шемячича. «По чести», то есть формально в соответствии с более высоким общественным статусом

удельных князей, первыми в воинском разряде были поставлены они, а князь Д. В. Щеня — за ними. Однако именно он фактически являлся главным военачальником в этом полевом соединении, так как представлял персону Ивана III, вел в бой воинские силы Москвы.

Перед столкновением с силами гетмана Острожского русские полки из состава двух полевых соединений слились в одно, и произошло «перераспределение» воевод по «разрядным» спискам, присланным из Москвы. Для полного понимания того, что произошло дальше, имеет смысл воспроизвести здесь названные списки полностью:

«А государевы и великого князя воеводы были по полкам по росписи:

В Большом полку служивые князи — князь Семен Иванович Стародубской... да князь Василей Иванович Шемячич, да великого князя воеводы князь Данило Васильевич Щеня.

В Передовом полку князь Михайло Федорович Телятевской да князь Петр Васильевич Оболенской-Нагой, да князь Володимир Борисович Туренин.

В Правой руке князь Осиф Андреевич Дорогобужской да князь Федор Васильевич Телепень-Оболенской, да князь Петр Иванович Стригин-Оболенской, да с татарами князь Иван Михайлович Воротынской.

Влевой руке князь Володимир Андреевич Микулинской да Дмитрий Иванович Киндырев да Петр Иванович Житов.

В Сторожевом полку боярин Юрьи (Юрий. — Д. В.) Захарьича да Иван Васильевич Щедра (Шадра) Вельяминов»^[119].

Ю. З. Кошкин, увидевший, что его после взятия Дорогобужа оттеснили от командования и поставили возглавлять слабейший или, во всяком случае, один из слабейших полков, возмутился. В Москву полетела грамота, отражающая величайшую досаду полководца. А из столицы пришел весьма строгий ответ:

«Писал к великому князю боярин Юрьи Захарьич, что он не хочет быть в Сторожевом полку: «То де мне стеречь князя Данилова полку Щенятева». И князь великий приказал Юрью: «Гораздо ль так чинить, говоришь, что не хочешь быть в Сторожевом полку? И тебе стеречь не князь Данила, стеречь тебе меня да мое дело, а каковы воеводы в Большом полку, таковы воеводы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в Сторожевом полку»^[120].

На поле битвы 14 июля Ю. З. Кошкин так и пришел в чине первого воеводы Сторожевого полка, повинувшись приказу великого князя московского Ивана III.

Коллизия с отказом боевого воеводы принять пост не слишком почетный, по его мнению, и к тому же отбирающий у него сколько-нибудь значительное влияние на командование соединением в целом, вряд ли связана с простым чувством личной обиды.

Как полководцы Ю. З. Кошкин и князь Д. В. Щеня далеко не равны по заслугам перед престолом, даже не сравнимы. Первое и единственное назначение Юрия Захарьича на пост первого воеводы Большого полка в самостоятельном полевом соединении (иначе говоря, на должность «командарма») относится к 1500 году, то есть как раз к эпизоду с завоеванием Дорогобужа. На должности одного из воевод (не старшего) он, как уже говорилось, еще в далеком 1485-м ходил к Казани. Летом 1499 года его в чине воеводы полка Правой руки вновь посылали под Казань — защищать тамошнего подручника Москвы хана Абдул-Летифа от «шибанских царевичей». Служилая биография князя Д. В. Щени — более насыщенная; ко времени военной кампании 1500 года он уже занял место одного из лучших, наиболее прославленных и в то же время самых высокопоставленных полководцев Ивана III; именно он, стоит напомнить, взял Вятку (Хлынов) и отобрал у литовцев Вязьму, а также возглавлял русские войска в целом ряде иных походов. Для всего воеводского корпуса России было ясно: Щеня стоит и по заслугам, и по тактическому опыту выше Юрия Захарьича. Сходство у них в одном: оба — брачные свойственники рода московских Рюриковичей-Калитичей.

Во время первой московско-литовской войны состоялся поход московских полков во главе с сыном Ивана III Василием к Твери, во время которого Юрия Захарьича поставили иерархически ниже князя Д. В. Щени (вторым воеводой, в то время как Щеня числится первым воеводой), однако недовольства в тот раз Юрий Захарьич не высказал. А во время русско-шведской кампании 1495–1496 годов воеводское старшинство князя Д. В. Щени без споров дважды принимал старший брат Юрия Захарьича, Яков.

И вдруг — столь явное, столь необычное для московского военного быта проявление коренного несогласия со старшинством вышестоящего военачальника!

Коллизия 1500 года имеет социальную подоплеку, притом весьма серьезную, и подоплека эта уже дискутировалась в трудах историков.

Некоторые специалисты видели в яростном выступлении Юрия Захарьича исток местнической системы, которая утвердилась в вооруженных силах России XVI столетия и подчинила себе кадровый подбор на уровне воевод.

Что, в сущности, представляет собой местническая система? С одной

стороны, принцип занятия высоких постов в зависимости не от служебных заслуг, а от знатности (где знатность мыслится соединением древнего родословия с суммой назначений предков на ключевые должности в рамках службы у московских государей). С другой стороны, местничество — система гарантий. Всякий знатный род, заняв когда-то высокое положение при дворе государя московского, послужив ему на войне или в мирном управлении, мог рассчитывать на столь же высокие назначения в будущем. Такова глубинная сущность местничества: 70—100 родов, добившихся высокого положения в конце XV — середине XVI века, закрепляли за собой этот статус на много поколений вперед. Время шло, а им по-прежнему давали солидные посты, их жаловали землями, они находились, как тогда говорили, «у государя в приближении». Принадлежность к такому роду, то есть «высокая кровь», обеспечивала превосходные стартовые позиции. Молодой человек, придя на службу, знал: если он не окажется совершенным глупцом или трусом, если он не заработает монаршую опалу «изменными делами», то войдет, как и его предки, в «обойму» великих людей государства. Пробриться в число таких семейств, иначе говоря, в состав «служилой аристократии», уже при Василии III стало очень сложным делом. Более того, сама «обойма» знати оказалась четко расписанной по «слоям». То, на что мог претендовать, допустим, выходец из князей Мстиславских, было закрыто для представителя боярского рода Бутурлиных, пусть «честного» и влиятельного. А на ступеньку, занятую Бутурлиными, не смели претендовать Годуновы, Пушкины или же князья Вяземские, находившиеся в шаге от «вылета» из «обоймы». Зато на тех же Пушкиных, Годуновых и Вяземских с завистью смотрела многотысячная масса неродовитого московского и провинциального дворянства, для коего дороги в этот слой просто не существовало. И передвинуться с уровня на уровень внутри аристократического круга было очень трудно. «Прорваться» мог человек, оказавший престолу заслуги исключительной ценности. Например, вождь земского ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский, вошедший после окончания Смуты начала XVII века в верхние слои местнической иерархии не по знатности, а по боевым заслугам.

Разбивка «по слоям» с течением времени перешла в гораздо более сложную схему «иерархии мест». Каждый аристократ твердо знал, на какие именно блага он может рассчитывать. А поскольку их количество всегда ограничено, то приходится внимательно следить за тем, кто имеет право занимать равное с тобой место, кто может претендовать на большее, а кому предназначены места пониже рангом. В обиход вошли выражения: такой-то

боярин такого-то князя «больше двумя местами» или «многими местами» и, стало быть, «ставиться с ним — не с ростно». За свое положение в «иерархии мест» сражались отчаянно и непримиримо. Местническая «находка», то есть победа в тяжбе с другим аристократом, считалась успехом, равным обретению высокого чина. Что же касается местнической «потерьыси», то есть проигрыша дела, то ее воспринимали крайне болезненно. У русского аристократа выработалась манера моментально реагировать на любое действие, задевающее его родовую честь. Ведь если один представитель семейства хотя бы в малом поступался ею, то «потерьку» ощущала вся фамилия на несколько поколений вперед. И какой-нибудь юный отпрыск рода лет через восемьдесят ругал бы на чем свет стоит давно умершего предка, поскольку его простодушие в вопросах чести привело к унижению потомка, закрыло ему дорогу к высоким чинам^[121].

Так вот, если рассматривать столкновение Юрия Захарьича с князем Щеней через призму местнических канонов, то досаду боярина следует объяснять тем, что его род поставлен слишком низко, ниже рода Щени. Соответственно, боярин не признает правоты государя, наносящего урон родовой чести, но государь все равно сообщает ему: пост придется занять, ибо я считаю это уместным, а урона твоей чести не нанесено.

С точки зрения обычаев и порядков второй половины XVI столетия, конечно, виден проигрыш местнического столкновения. Но... в конце XV столетия названной системы еще не существует.

Другие историки отрицали подобный подход. Так, великий знаток местничества А. И. Маркевич писал: «Мы полагаем, что Юрий Захарьич не местничался с князем Д. Щеней, а не хотел лишь быть в Сторожевом полку, полагая, что эта служба для него низка. Отказ этот, собственно говоря, не имеет даже местнического характера».

Действительно: во-первых, от того времени не дошло ни единого свидетельства о «местнических тяжбах», столь обычных для более позднего периода. Во-вторых, странно то, что семью годами ранее в аналогичной ситуации Ю. З. Кошкин промолчал, а тут вдруг возмутился. В-третьих, о совершенно ином характере конфликта говорит разъяснение, которое отправил в войска сам великий князь. Иван III, то ли желая смягчить суровый приказ, отданный им Ю. З. Кошкину, то ли отыскивая прецеденты, которые обосновали бы его действия, велел напомнить боярину о примере, который, с точки зрения государя, отлично подходил к ситуации. Относительно недавно «были на Костроме воеводы по полкам: в Большом полку — князь Олександр Федорович Ростовской; в Передовом полку — князь Иван Васильевич Стригин Оболенской; в Сторожевом полку

— Федор Давыдович»^[122].

Этот Федор Давыдович, названный в послании Ивана III, — не кто иной, как боярин Ф. Давыдов-Хромой, один из крупнейших государственных деятелей эпохи Ивана III, видный полководец, знатнейший аристократ из рода Акинфа Великого, уходящего корнями в XIII век. Боярский чин он получил раньше Юрия Захарьича, притом минуя чин окольникового. По понятиям того времени, положение Федора Давыдовича при дворе сопоставимо со статусом самого Юрия Захарьича, если не выше. Иными словами, если уж сам Федор Давыдович Хромой, человек великого рода и высокого положения, не протестовал против назначения его воеводой в Сторожевой полк, то и Юрию Захарьичу не на что обижаться.

Но такие доводы очень далеки от обычного хода местнического «дела», каких от будущих лет известно великое множество. Случись местническая тяжба, и обе стороны стали бы приводить собственные службы и службы своих родственников (как живых, так и уже почивших), отыскивая, кто из них стоял выше, сопоставляя служебный статус прямо и косвенно — порой через очень дальнюю родню. В данном случае все выглядит иначе: Иван III напоминает Юрию Захарьичу, что другой знатный человек из его социального слоя (древние московские боярские роды) согласился возглавить слабый Сторожевой полк, притом в ситуации, когда во главе полевого соединения стоял не сам государь, не член его семьи, а всего лишь один из служилых князей.

Значит, речь идет не о личном и не о родовом ущербе, который был ему нанесен, как считает Ю. З. Кошкин, а об ущербе иного рода: унижении общественной группы, представителем которой он являлся. «Прецедент Ф. Д. Давыдова-Хромого» не имеет смысла в контексте родового конфликта, он обретает значение лишь в контексте социального столкновения.

Но не был ли инцидент вспышкой личного раздражения или же своего рода интриганством со стороны удачливого полководца, сразу после большой победы задвинутого на второй план? Известный историк русского Средневековья А. А. Зимин считал, что Юрий Захарьич просто в раздражении «каламбурит». При таком подходе столкновение Юрия Захарьича и князя Щени получает смысл личной неприязни, личной обиды, не более того. Но ситуация далеко не столь проста. Она представляет собой видимую часть айсберга, за которой укрыта грозная опасность.

Боярские роды Москвы, столетиями верно служившие государям московским, имевшие значительный вес при дворе, в то же время не могли похвастаться хотя бы каплей княжеской крови в жилах.

При Иване III, в начальный период строительства Московского государства, социальное положение названных родов еще не претерпело сколько-нибудь значительных изменений. Выходцы из боярских семейств всё еще занимали высокие посты в московской администрации, пребывали на наместничестве в иных городах России, а также на воеводстве в крепостях и действующих на фронте полевых соединениях. Однако изменения в политическом устройстве державы вели к принижению московского боярства. Оно должно было потесниться на высших этажах управления страной, и оно в конечном итоге потеснилось.

Этот процесс развивался медленно, на протяжении нескольких поколений. Однако его корни уходят в эпоху Ивана III, точнее говоря, в последнюю треть XV столетия.

Еще в середине XV века Московского государства не было. Вместо него на необозримых пространствах раскинулось несколько независимых держав: Великое княжество Московское, Великое княжество Тверское, Великое княжество Литовское с широкой полосой «Литовской Руси», княжество Рязанское, княжество Ярославское, полуавтономный Ростов со своим княжеским домом, Псковская вечевая республика, Господин Великий Новгород и несколько менее значительных государственных образований. Они воевали друг с другом, имели собственные законы, управлялись собственными государями или выборными аристократическими администрациями, чеканили собственную монету, наконец.

Прошло несколько десятилетий.

К 1500 году многих из этих государств уже не существовало: Москва безраздельно подчинила себе всех, помимо Рязани и Пскова отвоевала себе у Литвы значительную часть ее владений. На месте политического крошева, великой пестроты появилась Россия — единая централизованная монархия.

Некоторые княжеские династии не могли примириться с властью Москвы. Их представителям оставалось либо погибнуть, либо, оставив свои земли, эмигрировать. Но подавляющее большинство княжеских и боярских родов предпочли перейти на московскую службу. Более того, многие великие роды, сочтя службу на московского государя делом почетным и доходным, желая его защиты и покровительства, добровольно переходили под руку Москвы. Так в Москве появились целые фамилии Ярославских, Суздальских (Шуйских), Ростовских, Воротынских и других пришлых князей — как Рюриковичей, так и Гедиминовичей. Помимо титулованной знати к новой русской столице стекалась и нетитулованная: боярство, прежде всего тверское, ушедшее служить Москве за несколько

лет до полного подчинения ею Твери...

Получив в свои руки столь значительный кадровый ресурс, великий князь московский Иван III должен был встроить его в уже существующую старую военно-политическую элиту Москвы. А она состояла большей частью из представителей Московского княжеского дома Рюриковичей-Калитичей, а также древних боярских родов. Прежде всего, удовлетворяя амбициозные запросы княжеской аристократии, Иван III, а затем и его сын Василий III должны были отдать часть ключевых постов титулованной знати. Следовательно, нетитулованную знать (боярские роды Москвы) ожидало прощание с той частью управленческого «пирога», которая отныне отымалась у них и переходила к новым «пользователям».

Схожие процессы начались и в вооруженных силах.

В первые лет двадцать правления Ивана III примерно 30–40 процентов крупных воинских операций совершается под командованием старинного московского боярства. Ситуация коренным образом изменяется примерно с середины 1480-х годов: с этого момента на протяжении полутора десятилетий московскими полевыми соединениями командует почти исключительно «князь»; лишь в виде исключения старшим воеводой иногда, нечасто, назначается Я. З. Кошкин.

Думается, в середине 1480-х — второй половине 1490-х социальный слой старинного московского боярства, традиционных привилегированных «слуг государевых», должен был почувствовать серьезное кадровое ущемление как в Боярской думе, так и в войсках. Притом ущемление это не являлось случайным или временным, оно успело превратиться в целенаправленную политику.

Первая половина 1500 года как будто обозначила поворот в противоположную сторону. Незадолго до того подверглась опале крупная придворная «партия» княжат-Гедиминовичей из семейства Патрикеевых — с родней, брачными свойственниками и союзниками. А в первые месяцы боевой кампании 1500 года на места «командармов» в войсках, направленных «на литву», были поставлены Я. З. Кошкин (традиционно), Ю. З. Кошкин и новгородский наместник А. Ф. Челяднин. Фактически именно они приняли на себя роль ведущих полководцев новой большой московско-литовской войны на начальном ее этапе. Именно они добились впечатляющих успехов.

Этот административный поворот 1500 года вселил в представителей древних родов нетитулованной московской знати неоправданную надежду на возврат прежнего ее положения. И последовавшее вскоре назначение Ю. З. Кошкина на должность, которая предполагала, что он будет «сторожить»

армию Д. В. Щени во главе слабейшего из полков, очевидно, привело к жестокому разочарованию. Последовала раздраженная реакция боярина. Однако это разочарование носило, скорее всего, характер обиды социальной (а не личной и не родовой), то есть обиды, проартикулированной одним крупным военным деятелем за весь слой старомосковского боярства. Как Ю. З. Кошкин, так и прочие представители названного слоя получили от великого князя ясный сигнал: никакого возврата не произойдет.

Стеснения, которым подверглось старинное боярство Москвы, стали чем-то наподобие «родовой травмы», полученной российской военно-политической элитой у истоков ее складывания. Превращение относительно небольшого Московского княжества в громадную Россию сделало такого рода шаги центральной власти неизбежными. Но они были крайне болезненными для самой надежной части знатных служилыхцев Москвы.

Конфликт, ярко отразившийся в диалоге Ю. З. Кошкина с Иваном III, впоследствии получил развитие: московское боярство продолжило отступать...

Для самого же Юрия Захарьича военные дела закончились: взятием Дорогобужа список его побед исчерпывается. Иван III, как видно, под впечатлением великой победы на Ведроши не винил воеводу за скандальный характер. Простил. Правда, больше на воеводские посты не назначал — до самой кончины боярина. Великий князь любил надежность и не желал рисковать в таких малопредсказуемых вещах, как боевые операции. Если «живая деталь» его военной машины позволила себе проявлять нервозность накануне решающей битвы, стоит ли дальше на нее полагаться? Убрать! Не опала: боярин служил честно и мог еще пригодиться в делах административных (по дипломатической линии, например, ему поручения еще давали). И так, не опала, просто мысленная помета, поставленная напротив имени: «Этот — не для войны».

А осенью 1503-го или, по мнению иных специалистов, в первой половине 1504 года Ю. З. Кошкин скончался^[123]. Счастлив он был в своей судьбе: высоко летал, познал вкус победы, наслаждался удачным браком. Его супруга, Ирина Ивановна из древнего и знатного рода Тучковых-Морозовых, родила ему шестерых сыновей и пережила мужа на треть века. Третий сын, Роман, стал прадедом первого русского царя из династии Романовых. По нему, Роману Юрьевичу, кстати, династия и получила свое имя.

А вот для его брата карьера полководца еще далеко не была окончена.

Иван III по-прежнему «ставил» на него — как минимум осознавая недюжинный опыт воеводы.

Ни страшный разгром на Ведроши, ни поражение 1501 года под Мстиславлем^[124] еще не остудили пыл литовцев, они пытались сопротивляться. В свою очередь, московское командование переоценило степень ослабления противника. В 1502 году большая рать московская во главе с сыном Ивана III князем Дмитрием по прозвищу Жилка попыталась счастья под Смоленском. Под рукой Дмитрия Ивановича собралась команда отличных военачальников. Сын знаменитого Д. Д. Холмского, Василий Данилович, был старшим из них, а вторым числился Я. З. Кошкин. Поход начался летом, усталые полки вернулись к Москве 23 октября; кампания закончилась неудачей. Смоленск штурмовали, применяли артиллерию, но, как сообщает летопись, «града... не взя, понеже крепок бе». Войска, осаждавшие Смоленск, сумели всего лишь разорить его окрестности. Дмитрий Жилка, оправдываясь, заявил, что его плохо слушались: дворянская конница разъезжалась по богатой Смоленской земле без его ведома, ища возможности пограбить местное население. Виновных после возвращения в Москву арестовали, кого-то били кнутом «на торгу», кого-то «в тюрьму пометали»^[125].

Относительно действительных причин неудачи высказывались разные соображения: помимо самовольного отъезда бойцов московской конницы в дальние волости для грабежа здесь и недостаток продовольствия, и относительная слабость осадной артиллерии, и мощь крепостных сооружений, и лояльность смолян великому князю литовскому, от которого они незадолго до начала осады получили льготную грамоту по налогам; в литовских источниках находили даже намеки на некую эпидемию, выкосившую часть осаждающих. Однако главная причина неудачи, возможно, кроется в ином. На исход осады Смоленска самым скверным образом повлияла слабость московского командования. Дмитрий Иванович Жилка не раз возглавлял большое войско, однако боевые достижения его — неизменно более чем скромные, а в 1506 году он покажет редкое легкомыслие и самонадеянность в драматических битвах под Казанью. Он скорее мешал более опытным военачальникам осуществлять тактическую работу. Воеводы с очевидным тактическим дарованием, то есть прежде всего Яков Захарьин (второй воевода Большого полка) и князь А. В. Ростовский, стоявший несколько ниже в служебной иерархии, не имели решающего голоса, что, по всей видимости, привело к трагическим последствиям. Современный исследователь Н. С. Борисов, знаток

воеводского корпуса Московского государства, резонно заметил о Дмитрие Жилке: «Ни в этом походе, ни в других он не отличился полководческими дарованиями». И далее: «Дмитрий Жилка явно не годился на роль диктатора», — а потому не сумел «железной рукой» восстановить дисциплину в армии, когда осаждающие увлеклись грабежами в ущерб основной цели похода^[126]. Думается, это еще весьма мягкая и щадящая оценка высокородного командующего.

Силы обеих борющихся сторон истоцились. Россия не могла продолжать масштабные наступательные действия, а Литва не имела ресурсов, чтобы перейти в контрнаступление. Начавшиеся переговоры привели к огромным территориальным приобретениям для русской стороны^[127]. Притом обе державы сохранили иллюзию, что ход вооруженной борьбы легко переломить. Москва мечтала о новом сокрушительном ударе, о том, как все русские земли, когда-то, до XIII столетия, являвшиеся частью «Империи Рюриковичей», окажутся под властью государей московских. Западный оппонент искал способ перечеркнуть результат двух сокрушительно неудачных войн, исправить какую-то непонятную ошибку в борьбе с Москвой, еще четверть века назад казавшейся слабым противником...

Василий III ценил Я. З. Кошкина не меньше, чем его отец. Поэтому, когда разразилась новая московско-литовская война (1507–1508), уже немолодого полководца вновь поставили в строй. Яков Захарыч совершил несколько походов, из них два особенно хорошо показали его надежность и энергичность.

На сторону Москвы перешел «инсургент» — русско-литовский князь Михаил Львович Глинский, богатый магнат, влиятельный вельможа. Он поднял знамя восстания, но особенных успехов не достиг. Теперь князю пришлось подумать о собственной голове... Василий III отправил войска ему на помощь.

Весной 1508 года московские рати двинулись навстречу войскам восставших. Я. З. Кошкин вел армию из пяти полков — большую силу. Ему удалось соединиться с Глинским, вывести его из литовских владений, попутно разорив неприятельские области под Минском, у Орши и под Дубровкой. «Они оттудова пошли под Кричев и подо Мстисловль, — сообщают документы того времени, — да и быв под теми городаы и землю Литовскую воевав... отписали к великому князю с рубежа, что они вышли из Литовские земли на брянские места»^[128].

Ни одного города взять не удалось, но все же этот дальний рейд

следует считать тактическим успехом: русские воеводы вытащили союзника из довольно сложной ситуации, угрожавшей ему разгромом, нанесли урон противнику, ушли без потерь. Притом очень хорошо видно, что новая московско-литовская кампания сделала Я. З. Кошкина одним из признанных лидеров русской армии, военачальником, который постоянно возглавляет полевые соединения. Даже в счастливом 1500-м, когда ему сдались Брянск и Путивль, Яков Захарыч не имел столь значительного влияния на военные дела.

Осенью 1508 года литовцы начали масштабную наступательную операцию в районе Дорогобужа. От Смоленска на Дорогобуж двигался литовский полководец Станислав Кишка с войсками. Он попытался отбить город, взятый когда-то Ю. З. Кошкиным и пятью годами ранее по мирному соглашению вошедший в состав России.

Ход боевых действий не вполне ясен, но, видимо, Кишка успел дойти до города и занял своими отрядами как минимум посады дорогобужские (судьба крепости не отражена в русских источниках, а вот литовские сообщают, что Кишка город спалил). Авангардные части литовский полководец отправил далее на восток.

Оборонительная операция потребовала значительных резервов. Навстречу Кишке вышла из Москвы и русская армия во главе с испытанным Яковом Захарыным-Кошкиным. Ему придали отряд, стоявший в Можайске и возглавлявшийся князьями В. Д. Холмским и А. В. Ростовским. Холмский доложил: людей у них мало, требуется пополнение. «3 городов» стали срочно собирать пищальников и посоху для отправки под Дорогобуж. В конечном итоге армия, предназначенная для контрудара, приняла устрашающий вид: туда стянули большие силы.

При соединении двух самостоятельных корпусов первенствующее место получил князь В. Д. Холмский, а Я. З. Кошкин оказался у него в полку вторым воеводой.

Армия готовилась к генеральному сражению. Тем временем литовцы начали строить оборонительные сооружения в Дорогобуже. Они планировали здесь укрепиться.

От Вязьмы к Дорогобужу были заранее выдвинуты легкие силы князя М. В. Горбатого-Кислого, Александра Заболоцкого и Андрея Салтыкова — «литовских людей отведать и языков добывать».

У Дорогобужа передовой отряд литовцев был разбит авангардными частями русского войска и потерял около ста человек. Кишка, как говорилось выше, уже был в Дорогобуже, но, услышав о приближении русских полков, отступил из города. Литовский полководец предпочел

уступить позиции без боя. Московская армия встала на оборону Дорогобужа и осталась там даже после того, как неприятель ушел. Василий III, услышав об успехе своих воевод, немедленно распорядился отправить в Дорогобуж итальянских мастеров «Бартоломея да Мабробона» — ставить новую, мощную крепость. Дорогобуж, пока русская армия не добыла Смоленск, являлся драгоценным форпостом на западном рубеже России, его следовало беречь как зеницу ока...

Итак, русская армия готовилась к большой битве, ее не произошло, но был достигнут серьезный стратегический успех: удалось отбить Дорогобуж и заставить отступить литовское воинство.

Война закончилась тем, что ни одна из сторон не подавила вторую. Никто не достиг своих целей, никто не получил крупных территориальных приобретений. Окончательное решение в судьбе московско-литовской борьбы, еще недавно казавшееся столь близким, отодвинулось в далекое будущее. Многие поколения по обе стороны «литовского рубежа» примут в ней участие.

Но это не должно ронять имени Я. З. Кошкина — седого ратоборца войн с Литвой. Он сделал все, к чему обязывал его долг воеводы, нигде не сплеховал.

По итогам множества кампаний следует признать за Яковом Захарьичем великие заслуги перед государями Иваном III, Василием III и юной Россией. Правители московские заслуги эти видели и оценивали по достоинству. Я. З. Кошкин провел жизнь маститого вельможи. Он не раз вел переговоры с литовцами; наместничал в Коломне, затем в Новгороде, потом опять вернулся в Коломну; он присутствовал на торжественных событиях: составлении Иваном III завещания, помолвке сестры Василия III Евдокии с царевичем Петром и помолвке «сваякини» Василия III Марьи Сабуровой с князем Василием Семеновичем Старо-дубским...

Жизнь боярина завершилась еще бóльшим торжеством. Осенью 1509 года Василий III отправился в Новгород, а Я. З. Кошкина оставил в Москве старшим в боярском правительстве, то есть кем-то вроде своего заместителя. Чего тут больше — почести или ответственности? И того и другого хватало. Яков Захарьич вознесся на доселе небывалую высоту... и умер 15 марта 1510 года^[129].

Так представитель рода Захарьиных-Кошкиных впервые оказался в непосредственной близости от монаршего венца...

Глава 5

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ РОСТОВСКИЙ

Русская история необыкновенно богата большими воинскими победами. Столь богата, что иной раз потомки бесстрашных воинов не обращают внимания на их триумфы «второго ряда». Иной раз на периферии исторического сознания оказываются полководцы и боевые достижения, которые составили бы основные главы в национальной истории народа менее значительного, нежели русский. А мы... мы до такой степени привыкли быть богачами на сей счет, что порой относимся к своему драгоценному достоянию расточительно. Мы время от времени забываем такое, чему никогда, ни при каких обстоятельствах не следует быть забытым.

У нас есть великий Суворов. И в тени его перестают замечать великого Румянцева. У нас есть великий Ушаков. И в тени его размываются черты великого Сенявина. У нас есть великий Пожарский. Многие ли видят рядом с ним других выдающихся полководцев Московского государства? А ведь это была эпоха, когда наша страна быстро расширялась и победоносные русские полки шли в бой под командой незаурядных вождей.

Один из них, своего рода Румянцев XVI века, ныне почти забытый, но для своего времени знаменитый полководец, — князь Александр Владимирович Ростовский. В эпоху московско-литовских войн он одержал как минимум три крупные победы. В 1500 году князь Ростовский взял Торопец, в 1501-м выиграл у литовцев бой под Мстиславлем, а в 1517-м тактически переиграл и заставил отступить гетмана Острожского под Опочкой.

Стоит хорошенько отдраить звонкую медь его имени и заставить ее сиять во всем древнем величии.

Александр Владимирович родился в 1470-х годах.

Тогда разветвленный дом ростовских Рюриковичей должен был искать свое место при дворе Ивана III. Статус удельных князей остался для него в прошлом, родовые земли свои он потерял, и будущность князей ростовских зависела теперь от того, сколь успешно ведущие представители этого дома

встроятся в механизмы московской службы.

В свою очередь, для Московской державы актуальным был вопрос о том, как отбирать представителей подобных семейств в состав военно-политической элиты. Москва должна была нарастить состав правящего класса. Совсем недавно из небольшого Московского княжества родилась громадная Россия. Задачи, которые теперь, после создания централизованного Русского государства, решали ее правители и правительство, многократно увеличились в масштабах. Узкий круг старых боярских семей Москвы справиться с ними уже не мог. Но отбор выходцев из бывших удельных князей, регионального боярства и знатных иноземцев на высшие ступени правящей элиты еще не завершился, он как раз набирал обороты. Личная лояльность государю и личные таланты в ту пору могли не только высоко поднять самого знатного служильца, но и дать всему его роду твердое положение при дворе, в административной и военной системе Московского государства...

Возвращаясь к Александру Владимировичу: от него и его ближайшей родни зависело, какие позиции займет в среде русской служилой аристократии семейство ростовских Рюриковичей. Фактически решалась судьба семейства на несколько поколений вперед. Честной службой и воинским искусством он мог многого добиться для всего Ростовского дома. И на всю жизнь князь избрал этот добрый путь — путь храброго и верного служильца.

Впервые князь получил крупное назначение в 1492 году. В качестве первого воеводы Передового полка в большой пятиполковой армии Александр Владимирович участвует в походе «на Северу». Тогда Северская земля являлась частью Великого княжества Литовского. Поход окончился успешно: московские полки взяли Мценск и Любутск. Вообще прославиться Александру Владимировичу суждено было именно на московско-литовском фронте. Но богатая воинская биография то бросала его против шведов, то под Казань, то ставила во главе живого заслона от губительных набегов крымского хана... Все двадцать с лишним боевых операций с его участием требуют целой книги, в одной главе о них рассказать невозможно. Поэтому стоит сосредоточиться на главных его достижениях.

К началу великой московско-литовской войны 1500–1503 годов, когда воинское дарование Александра Владимировича развернулось в полной мере, за ним числится как минимум пять операций, в рамках которых он выступал либо как полковой воевода в составе крупного полевого соединения, либо как командующий подобным соединением. Попробовал

себя и в наступательных действиях, и в оборонительных. Это солидный опыт, подготовивший князя А. В. Ростовского к самым известным победам его воеводской биографии.

Итак, в 1499 году на службу Ивану III переходят несколько видных верховских князей (до того они подчинялись литовским правителям), из-за чего разражается новая война с Литвой. Для Московского государства она принесла громадное расширение территории, большую воинскую славу и показала его военно-политическое могущество. А для Великого княжества Литовского это вооруженное противостояние обернулось катастрофой.

Война застаёт Александра Владимировича в должности псковского наместника. Он собирает псковичей и наносит удар по северо-восточным окраинам Великого княжества Литовского. Поход князя А. В. Ростовского совершался летом 1500 года. Он довольно скупо освещен источниками, однако можно понять, что на сей раз полководец добился выдающегося успеха.

Ему удалось взять Торопец и пленить тамошнего литовского наместника князя Семена Соколинского; это произошло 9 августа 1500 года. Поход рассматривался современниками как крупное военное предприятие, он даже попал на страницы позднего новгородского летописания, крайне скудного известиями обо всем, что происходило за пределами Новгородчины. Помимо взятия Торопца рать князя Ростовского razорила окрестности Полоцка и Витебска, увела с собой множество пленников. Город Торопец — крупный административный центр, обладавший сильной (хотя и деревянной) крепостью. Удар в этом месте должен был весьма болезненно сказаться на общем положении Великого княжества Литовского. В 1503 году, когда было заключено мирное соглашение, Торопец с окрестными волостями перешел к Московскому государству.

Весной 1501 года Александр Владимирович покинул псковское наместничество: его решили использовать прежде всего не как администратора, а как искусного полководца на литовском фронте. Князю поручили ответственную операцию, где он должен был тесно взаимодействовать с новыми союзниками Ивана III. Чтобы понять, кто эти союзники и сколь важно их участие в войне, требуется сделать небольшое отступление.

По примеру верховских князей на сторону Ивана III перешли два удельных князя, контролировавших ключевые, стратегически важные города у «литовского рубежа»: князь Семен Иванович Можайский и князь Василий Иванович Шемячич. Прежде это были противники Москвы.

Семен Иванович возглавлял войско, активно боровшееся за верховские городки в прошлую московско-литовскую войну. А теперь они отдали Москве под власть свои владения: Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск и Новгород-Северский. С их же помощью Иван III забрал у Литвы Путивль. В литовском доме как будто обрушилась стена. В обороне восточных рубежей появилась чудовищная брешь в несколько сотен километров. Закрывать ее было просто нечем. Великий князь московский склонен был использовать до последней возможности и эту брешь, и военные ресурсы новых своих полуподданных-полусоюзников. Осенью 1501 года войска обоих князей по распоряжению Ивана III были направлены к Мстиславлю, где стоял сильный литовский заслон. По словам летописи, его возглавляли «князь Михайло Ижеславский... да великого князя Александра Литовского воевода Остафей Дашкович з двором великого князя заставою и с желныри», — а также некий воевода Якуш Костевич.

Причина перехода князей на сторону Москвы лежит как в политической, так и в религиозной плоскостях. Великий князь литовский Александр предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным для него последствиям. До конца XV века нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся. М. Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» писал, что «... в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому». Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди всего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила православие. В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 годами был основан бернардинский костел, ему передана была земля, которой до этого владела православная церковь Святого Петра. По причине «нужи о греческом законе» в 1500 году на сторону Ивана III перешли сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру. Религиозно-политический конфликт был серьезнейшей причиной очередной московско-литовской войны. Православие являлось мощным козырем великих князей московских в борьбе за влияние на территории «Литовской Руси». Авторитет московского государя был бы подорван, не прими он энергичных мер к защите православия.

Возвращаясь к ситуации 1501 года: два удельных князя, недавно перешедших на сторону России, явно не располагали достаточными силами, чтобы разгромить литовский корпус под Мстиславлем. Летом 1500

года литовская армия во главе с гетманом князем Константином Ивановичем Острожским была разбита на реке Ведроши, сам Острожский попал в плен. За год литовцы вновь собрались с силами. Как видно, ядро новой армии находилось именно у Мстиславля — город оказался в ту пору на «передовой» — в непосредственной близости от земель, недавно занятых московскими полками; к тому же он с юга прикрывал Смоленск, пока еще занятый литовцами. Сюда пришел и «двор» (или, по крайней мере, часть «двора») великого князя литовского, то есть лучшие боевые формирования. Мстиславль давал литовцам отличную операционную базу для действий против любого наступления воевод Ивана III северо-западнее Стародуба и Брянска.

Поэтому главный элемент в большой пятиполковой армии, предназначенной для разгрома литовской группировки под Мстиславлем, составили московские полки, а не отряды удельных князей. А старшим среди «государевых воевод» был назначен князь А. В. Ростовский.

В воинских документах похода на Мстиславль Александр Владимирович ставится третьим по старшинству после князей С. И. Можайского и В. И. Шемячича. Формально их статус — статус удельных князей — выше статуса служилого аристократа, какой имел в Московском государстве Александр Владимирович. Однако именно князь А. В. Ростовский командовал основными силами армии, развернутой для наступления, то есть фактически являлся главнокомандующим.

В летописном известии о Мстиславльской наступательной операции Александр Владимирович назван «боярином». Можно предположить, что Иван III пожаловал этот высокий чин Александру Владимировичу в награду за взятие Торопца. Обретение боярства — большой скачок в карьере князя. Но и большая ответственность: надо и впредь проявлять себя на поле брани наилучшим образом...

Под Мстиславлем рать князя А. В. Ростовского и удельных князей нанесла литовцам серьезное поражение.

Летопись сообщает: «Приидоша воеводы к граду Мстиславлю ноября 4, в четверток, и срете их из града... И снидошася полки... И, Божию милостию, одолеша полки великого князя... и многих литвы изсекоша, тысяч семь, а иных многих поимаша и знамена их поимаша, а князь Михайло едва утече в град. И воеводы великого князя, постояв у града, землю чиниша пусту, и возвратишася к Москве с многим пленом»^[130]. В результате битвы московские воины «поймали» некоего вражеского военачальника Федня Скрыпова и пожгли посады Мстиславля, поскольку литовские воеводы «утекли» в город и их некому было оборонять.

Иван III, чрезвычайно трезвомыслящий политик, после битвы отправил в войско гонца Ивана Ярова с посланием для военачальников: «Вас... за вашу службу жаловать хотим». За пожалованиями «велел князь великий князю Александру и иным воеводам ехать к себе»^[131]. Значит, Москва признавала высокую значимость победы, одержанной под Мстиславлем. Кстати, среди приглашенных к великому князю воевод Александр Владимирович поставлен на первое место. Тут можно увидеть не только старшинство князя А. В. Ростовского в походе, но и, по всей видимости, признание его особых заслуг на ратном поле.

Для неприятеля поражение у Мстиславля было вдвойне неприятным, поскольку он не сумел расквитаться за разгром на Ведроши и перехватить инициативу.

После первых, исключительно удачных действий Москвы и ее союзников война продолжалась еще долго, и шла она с переменным успехом.

Весной 1503 года между Москвой и Вильно было установлено перемирие, завершившее войну. Вместе с ним закончилась и боевая работа князя А. В. Ростовского на литовском фронте.

Великое княжество Литовское отдало Чернигов, Любеч, Торопец, Путивль, Брянск, Дорогобуж, Мосальск, Мценск, Трубчевск, Серпейск, Новгород-Северский, Рыльск, Гомель, Стародуб, Хотимль и Мглин, Карачев, Радогощ, Белую, а также ряд других городов. Это был самый крупный военный успех за всю жизнь Ивана III, наполненную громкими победами. Россия приобрела земли, сравнимые по площади с громадной Новгородчиной и, видимо, превосходящие ее по численности населения.

Взятие Торопца, успех под Мстиславлем и обретение боярского чина — таковы достижения Александра Владимировича. После Мстиславля он находился в зените славы. В ходе войны он был чуть ли не самым «востребованным» полководцем среди воевод Ивана III, который располагал в ту пору целой «обоймой» блистательных военачальников.

Очередная большая война с Литвой началась в 1512 году и продлилась около десятилетия. Двумя главными ее стратегическими направлениями были борьба за Смоленск и Полоцк.

Зимой 1512/13 года две большие русские армии вошли на земли Великого княжества Литовского. Первая из них двинулась на Смоленск, вторая — на Полоцк.

Весь 1513 год прошел под знаком отчаянных усилий московских воевод взять эти твердыни. Оба города упорно оборонялись, под их стенами полегло немало московских ратников. Полки отступали в

изнеможении, но вскоре возвращались с новыми силами и опять начинали осаду. Никаких успехов! Казалось, вся сила московская будет бессмысленно перемолота в тяжелых боях...

В первой половине 1514 года Москва отдыхала от войны и собиралась с силами. Летом армия в очередной раз подошла к Смоленску. Ее возглавил лично Василий III — великий князь московский, сын и преемник Ивана III.

В итоге город сдался.

Вся оставшаяся часть войны прошла под знаком двух процессов: литвины прикладывают титанические, но тщетные усилия отбить Смоленск, а Москва наращивает столь же тщетные усилия, направленные к взятию еще и Полоцка. Итог войны: Полоцк взять не удалось, но Смоленск остался за Россией.

Смоленский триумф, к сожалению, скоро был омрачен поражением русского соединения под Оршей в том же 1514 году. Однако Литва не сумела реализовать преимущество, которое дала ей удача под Оршей. Победоносные ее войска подошли к Смоленску, ожидая, что город от одного их вида спустит флаг. Вышло иначе: литовцев отбили от Смоленска, они понесли большой урон и бежали, бросив обоз с припасами.

Важнейшим результатом Оршанской битвы да и в целом борьбы за Смоленск стало обессиливание обеих сторон. Их военный потенциал заметно сократился в результате понесенных потерь. Наносить удары прежней мощи не могли ни Великое княжество Литовское, ни Россия. Литовцы захватили несколько малых городков, Москва оказалась способна нанести ряд контрударов и даже занять Рославль, но на выполнение второй стратегической задачи — захват Полоцка — ей уже не хватило сил.

Князя А. В. Ростовского не коснулся позор поражения — он не участвовал в битве под Оршей.

С 1515 (то ли даже с конца 1514-го) года по 1517-й он возглавляет воинскую группировку, занимавшую позиции у Великих Лук. Наместничая в Новгороде на протяжении нескольких лет, Александр Владимирович играл роль идеального военного вождя для северо-западных регионов страны. Он действовал с большой осторожностью. Часть его сил оставалась на своих позициях, составляя заслон против потенциальных атак литовцев. А другую часть князь А. В. Ростовский отправлял вглубь территории неприятеля, тревожа его и не давая перейти в наступление.

Но у литовцев имелись прямо противоположные планы. Они собирались решительно атаковать именно здесь, на участке князя Ростовского.

В июне 1517 года Александр Владимирович вышел с войсками к

Великим Лукам, чтобы продолжить тактику «заслона», активно оперирующего против литовцев.

Судя по списку воевод, князь А. В. Ростовский располагал крупными силами: в каждом полку по два-три воеводы — для небольшого полевого соединения хватало по одному воеводе на полк. Всего у него под началом оказалось десять воевод. Очевидно, разведка полководца загодя установила факт широкомасштабных приготовлений Литвы к наступательной операции на этом направлении.

Посол германского императора барон Сигизмунд Герберштейн проезжал 29 марта через Опочку и знал, что литовцы готовятся осадить ее. «Хотя в тех местах, — пишет он, — из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они тем не менее двигаются прямо, куда бы им ни было нужно, высылая вперед множество крестьян, которые обязаны удалить всякие препятствия: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки». Добравшись до Новгорода Великого, барон по поведению тамошнего наместника князя А. В. Ростовского понял: «Видимо, московиты... разузнали о приготовлениях короля к осаде Опочки»^[132].

Под команду Александра Владимировича был отправлен легкий корпус из-под Вязьмы: еще пятеро воевод с воинскими частями во главе с князем В. В. Шуйским, в том числе воевода полка Лево́й руки Иван Васильевич Ляцкий, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в предстоящем столкновении с неприятелем. Вряд ли у Ляцкого под командой находилось тогда более тысячи человек, скорее он располагал всего несколькими сотнями бойцов. Примерно такими же силами располагал и князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский по прозвищу Лопата, числившийся у Великих Лук вторым воеводой Передового полка в армии князя А. В. Ростовского. Оболенскому также суждено было сыграть в грядущей битве незаурядную роль.

В сентябре 1517 года гетман Константин Острожский, когда-то разбитый на Ведроши, а затем одержавший победу под Оршей, двинулся из Полоцка на псковский «пригород» Опочку. Наместником Опочки и главой тамошнего гарнизона был Василий Михайлович Салтыков. Первым осадную армию Острожского встретил именно он.

Опочка не располагала мощными оборонительными сооружениями. По словам того же Герберштейна, там располагалась деревянная крепость (в отличие от Порхова и Пскова, где имелись каменные крепости), стоявшая «на высоком, островерхом, как конус, холме». Скорее этот холм и река у его

основания обороняли Опочку, нежели ее невеликая крепостица^[133]. Опочка была довольно значительным городом. Историк М. Н. Тихомиров считал, что Опочка в ту пору являлась крупным ремесленным центром со значительным рынком; у нее было богатое торговое прошлое, имелся обширный посад.

Но целью нападения была не одна Опочка. Да, в первой половине XVI столетия этот город мог считаться достойным призом для большой королевской армии, двинувшейся в генеральное наступление. Но за ним открывалась еще более заманчивая перспектива. Если бы Опочка быстро открыла ворота, польско-литовские войска получили бы возможность пойти дальше и захватить Вороноч^[134], Врев, Владимирец, если повезет, то еще и Остров, Порхов, а то и сам Псков. Объектов для осады и захвата в Южном Припсковье хватало.

Наступление готовилось на протяжении многих месяцев. Польский король еще в апреле 1517 года указал собирать войска в Полоцке к сентябрю, к дню празднования Рождества Богородицы. Проезжая Опочку весной 1517-го, Герберштейн уже прекрасно знал, что король польский планирует склонить Москву к «сносным условиям мира», нанеся здесь удар собственными войсками и договорившись с крымцами об одновременном набеге на московские владения с юга. Перед началом кампании сам король Сигизмунд I явился в Полоцк, обсуждал там военные планы и, отправив войска, сам остался в городе «с малыми людьми». Очевидно, король возлагал на гетмана Острожского большие надежды и считал необходимым присмотреть за организацией тыловой поддержки наступления.

Полякам и литовцам удалось сконцентрировать на этом направлении значительные силы, в том числе собственно литовское ополчение Ю. Радзивилла, отряды поляков и центральноевропейских наемников («жолныри», «чахи, ляхи, угорове, литва и немцы... мураве, мазовшане, волохи и сербаве») под командой Я. Сверчовского, татарский отряд, группу военных инженеров («аристотели»), а также «великий наряд пушечный и пищальный». По реконструкции современного историка А. Н. Лобина^[135], сделанной на основе польско-литовских источников, армия гетмана могла насчитывать около десяти тысяч бойцов, включая четыре-пять тысяч наемников. Подойдя к Опочке 20 сентября, Острожский блокировал город со всех сторон, открыл огонь из пушек.

6 октября гетман отдал приказ на штурм укреплений.

Поляки и литовцы были совершенно уверены в успехе дела. Они с

презрением называли маленькую Опочку «свиным хлебом». Тем более поразил их результат приступа.

Воевода и наместник Опочки В. М. Салтыков с гарнизоном и горожанами отбивал приступы из пушек и пищалей «и катки большими и слоны из города» (видимо, бревнами и деревянными чурками). Ему удалось нанести Острожскому большой урон. Погиб вражеский военачальник Сокул, а его знамя стало русским трофеем. Приступ длился весь день, но не привел гетмана к успеху...

Князь А. В. Ростовский скоро узнал о вторжении польско-литовской армии и сообщил тревожные вести в Москву. Определяя способ противодействия столь опытному военачальнику, как Острожский, Александр Владимирович выбрал осторожную тактику: наносить удар небольшими мобильными отрядами, тревожить противника, не давать ему покоя; боевое ядро великолукского полевого соединения постепенно придвигалось к неприятелю, но не дробилось и не провоцировало к решающему сражению. Так началась большая оборонительная операция. По словам летописи, князь А. В. Ростовский послал «наперед себя лехких людей и воевод князя Федора Васильевича Оболенского Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а велели им помогать пригороду Опочке, ото всех сторон войску литовскому мешать, а сами воеводы пошли противу королевых воевод со многими людьми».

Как уже говорилось, отряды, коими могли оперировать И. В. Ляцкий и князь Ф. В. Оболенский-Телепнев, сами по себе не могли разгромить вражескую армию — для этого они были слишком незначительны: едва-едва полтора полноценных полка, если сложить их воедино и добавить прикомандированные к ним части И. А. Колычева, И. Мисинова и П. Лодыгина.

Однако русские военачальники использовали эффект неожиданности. Острожский, занятый организацией штурма, явно не уследил за внешней обстановкой, возможно, пренебрег разведкой и в результате подвергся внезапному удару: «Передние воеводы... князь Федор Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Ляцкий... пришед под литовское войско удариша... с трех сторон, да литовскому войску многих побиша, а иных многих... поимаша и к большим воеводам послаша. В то же время пришла весть И. В. Ляцкому, что многие люди ляхове идут на помощь королеву войску. И Иван Васильевич с своими товарищи щед противу них, бьящесе с ними. И Божию помощию воевод лядцких 4000 войска побита, а иных воевод их поимаша: Черкаса Хрептова и брата его Мисюря, да Ивана

Зелепугина, и многих людей живых поймаша, и пушки у них и пищали взята и к большим воеводам их послаша».

Псковская первая летопись сохранила подробный рассказ об успешном рейде И. В. Ляцкого. Он узнал, что к литовцам от Бряславля («от Брясловля Красногородцкие волости»^[136]) идет подмога во главе с неким паном Черкасом. К тому времени Ляцкий уже переправился через реку Великую «и через Синю реку». Быстрым маршем он подобрался к неприятельскому сикурсу.

Река Синяя протекает намного западнее Опочки, так что Ляцкому пришлось совершить дальний бросок в западном направлении. Литовцы «обсторожились на Ключищах»: заняли холм и построили там острожек, а русских пленников заперли в местном храме. Ляцкий велел блокировать литовский отряд со всех сторон и взять острог приступом. Литовцы долго сопротивлялись, но в конце концов сдали свое укрепление; Черкас заперся в «поповом доме», пытался продолжить бой, однако его людей порубили, а самого военачальника взяли живым вместе с последними его защитниками; русских пленников выпустили на волю. Таким образом, подмоги гетман не получил.

18 октября 1517 года Острожский отступил от Опочки, «видев своего войска падение и юже на нь победу и послышав великого государя Василия больших воевод». Русские легкие воеводы преследовали гетмана и били вдогон. Острожский бросил все воинское имущество, предназначенное для осады^[137].

Иными словами, до генерального сражения дело еще не дошло, а Константин Острожский уже почувствовал, что операция проиграна, и отступил столь стремительно, что оставил русским богатые трофеи. Почему это произошло?

Обстановка вокруг литовской армии ухудшалась постепенно: крепость не сдавалась, с флангов и тыла на расположение осаждающих обрушивались удары русских «легких людей»; потери, таким образом, росли, а победа не приблизилась ни на шаг. Между тем погода портилась. По словам Герберштейна, литовцы совершили стратегическую ошибку: «Войско прибыло слишком поздно, и из-за такого опоздания, а также из-за таяния снега должно было торопиться назад». Противореча себе, в другом месте немецкий дипломат пишет, что польские войска «из-за зимы не могли долго оставаться в поле». В любом случае он признает, что широко задуманное наступление на российскую западную окраину завершилось «безрезультатно», и в качестве главной причины указывает на погоду, не

благоприятствовавшую литовцам^[138].

Что ж, возможно, климатический фактор и сыграл какую-то роль (хотя, стоит заметить, русские войска оперировали в тех же погодных условиях). Но все же главный фактор, заставивший Острожского признать поражение и скомандовать отход, — отнюдь не дожди с морозами. От Великих Лук передвинулось к северо-западу соединение князя А. В. Ростовского — те самые «великие воеводы», о которых «прослышал гетман». Не очень понятно, успел ли Александр Владимирович схлестнуться с литовцами. Если и так, то его полки всего лишь пощипали арьергард Острожского. Но все же участие их в победе — весьма серьезное; только оно не боевое, а иного рода. Об этом говорит рапорт полководца, отправленный им в Москву 24 октября 1517 года.

Князь А. В. Ростовский, главнокомандующий всей оборонительной операцией, доложил Василию III, что И. В. Ляцкий с князем Ф. В. Оболенским «и иными воеводами» литовцев «многих побили и не в одном месте, а иных людей переимали, да и воеводу у них поймали. И под Опочкой людей литовских з города побили многих, и литовского воеводу Сокола убили; а Костянтин Острожский пошел от Опочки в свою землю». Послание было отправлено *из-под Вороноча*, По данным псковского летописания, русские полки стояли за рекой Соротью в Изборщине («в Ызборщины»), а Сороть протекает именно в тех местах, где располагаются ныне городище и деревня Воронин, так что место новой позиции великолукской армии можно считать твердо определенным.

Отсюда видно: если какие-то «иные воеводы» из состава главных сил великолукской армии и участвовали в боевых действиях, то сам командующий руководил оборонительной операцией издали. Главным инструментом воздействия на ситуацию стала в его руках угроза нападения по-настоящему крупных сил на лагерь Острожского. Взглянув на карту Псковщины, легко заметить, что армия князя А. В. Ростовского, передвинувшись с позиции у Великих Лук к позиции у Вороноча, должна была совершить стремительный, более чем стокилометровый марш. Встав здесь, Александр Владимирович загородил неприятелю дорогу на Псков. Вместе с тем он находился примерно в 30–35 километрах от осажденной Опочки, то есть всего в дне конного пути, а значит, мог своевременно посылать ей подмогу или же атаковать всей мощью своих полков.

Для гетмана Острожского такая позиция русского полевого соединения таила серьезную угрозу: литовцев могли обойти с востока и отрезать от главной операционной базы — Полоцка. Собственно, это уже и начали делать Ляцкий с Оболенским. Очевидно, весь расчет гетмана строился на

том, что Опочка падет чрезвычайно быстро. Тогда великолукская армия не успеет закрыть дорогу на Псков, да и ударить в тыл тоже не успеет. Возможно, удастся продолжить успешное наступление, захватить иные населенные пункты, укрепиться — если действовать быстро. В псковском летописании содержится краткое известие, согласно которому Острожский отправлял отряды под Вороноч, Белье и Красный, видимо, планируя в перспективе взять эти малые «городки». Но под Опочкой литвинов остановили капитально, Ростовский успел взять северное направление под контроль, и гетман не стал рисковать: отвел потрепанную армию, пока она оставалась управляемой.

Таким образом, насколько опочецкий наместник В. М. Салтыков с гарнизоном «перестояли» Острожского, превзошли его войско в мужестве, настолько же князь А. В. Ростовский переиграл гетмана с литовцами в маневрировании.

При штурме города одни только вражеские наемники потеряли около 1500 бойцов убитыми и ранеными. А по данным русского пленника Тимофея Рупосова, сбежавшего от литовцев, предварительно получив у них сведения о битве за Опочку, — неприятелю за все время операции на Псковщине был нанесен урон в пять тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. По словам того же Т. Рупосова, король Сигизмунд I с досадой называл Опочку «бесовой деревней».

Даже авторы польских хроник, весьма не расположенные к Московскому государству, признавали: под Опочкой, особенно во время штурма, королевское войско понесло тяжелые потери. Так, Мартин Бельский сообщает: стреляя по атакующим воинам и сбрасывая на них бревна, русские многих убили. Камнем, брошенным из крепости, смертельно ранен был знатный шляхтич Анджей Боратынский герба Корчак, впоследствии скончавшийся от раны в Вильно. Мачей Стрыйковский, последовательный недоброжелатель Москвы, признавал: немало чешских наемников легло тогда у стен Опочки, пораженных стрельбой, а также камнями и колодами, летевшими сверху.

Потери, потери, потери... И всё напрасно.

Императорский посол считал, что поражение под Опочкой разрушило все планы польского короля на достойный мир с Россией. Вот его объяснение: «После того как войско польского короля ничего не добилось под Опочкой, — а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, — великий князь ^[139] сделался высокомерен, не захотел принять мира на равных условиях» ^[140].

Блестящая победа под Опочкой имела и другое значение: со времен взятия Смоленска в 1514 году русская армия не имела крупных боевых достижений. На вражеский успех под Оршей долгое время не удавалось ответить ничем значительным. И вот — новый боевой триумф, вражеская армия с тяжелыми потерями отступает от стен незначительного русского городка. На воевод и рядовых воинов, вот уже пять лет сражавшихся с литвинами за государя Василия III, Опочка должна была произвести ободряющее воздействие: дан ответ за Оршу!

Итоги военной деятельности этого незаурядного военачальника поражают воображение. За четверть века он побывал на всех «фронтах» Московского государства, принял участие более чем в двух десятках боевых выходов, притом около половины операций он возглавлял! Это значит, что князя А. В. Ростовского использовали на ратном поле с необыкновенной интенсивностью как Иван III, так и Василий III. Ему доверяли, его бросали на «критические» направления боевых действий, его держали на первых ролях. И он побеждал. Александр Владимирович занимает выдающееся место даже в галерее «железных волков» Ивана III — блестящих полководцев, коими столь богато было время рождения Московской державы.

Он достоин самого почтительного отношения со стороны русских людей, которым дорога боевая слава нашего Отечества.

Глава 6

БОЯРИН

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ БАСМАНОВ-ПЛЕЩЕЕВ

В истории порой случается так, что один человек становится идеальным выразителем надежд и тревог, главнейших отличительных черт и наиболее ясных тенденций развития целого общественного слоя. Конечно, это возможно лишь тогда, когда он поднимается до вершин государственной деятельности и, соответственно, слова его, мысли, деяния, как державные, так и не выходящие за пределы личного интереса, оказываются в фокусе общественного внимания, а значит, «застревают» в исторических источниках. И, разумеется, такое случается, только если судьбой подобной личности двигают факторы, мощнее всего влияющие на коллективную судьбу всей большой общности, которой он принадлежит.

Боярин Алексей Данилович Басманов-Плещеев — один из лучших наших полководцев XVI века, деятель великих дарований и великих страстей. Большой русский человек — большой в грехах и добродетелях, худо влезающий в театральные прописи положительного героя или классического злодея. И он же — фигура, сконцентрировавшая в своем жизненном пути судьбу обширного сектора русской элиты, состоявшего из старомосковских боярских родов.

Алексей Данилович Басманов-Плещеев был великим человеком, но прежде всего — частью большой семьи, и только после этого всё остальное... В допетровской России предпочтение интересов рода интересам человека, пусть даже самого выдающегося представителя своей фамилии, являлось нормой. Род жил, совместно защищаясь и нападая, совместно добиваясь возвышения и претерпевая опалу. Тот, кто находил возможным пренебречь надобностями родни, не обращать на нее внимания, рисковал не только вскоре сделаться изгоем, но также заработать репутацию психически не вполне здорового человека или, еще того хуже, нравственного уроды.

Нерасторжимая связанность с родом вела Алексея Даниловича по жизни, заставляя его совершать то отвратительные, то величественные поступки.

Басманов на страницах научно-популярной да, в сущности, и научной литературы чаще всего предстает как один из наиболее значительных опричников. И действительно, опричина в какой-то степени затмевает его успехи на поле брани, поистине впечатляющие.

В массовом историческом сознании с опричниной связаны прежде всего две персоны: царь Иван IV и Малюта Скуратов. Однако главным советчиком Ивана Васильевича и, можно сказать, отцом этого причудливого учреждения был другой человек. Пискаревский летописец под 1565 годом сообщает о начале опричины следующее: «В том же году попущением Божиим за грехи наши възъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом»^[141].

Василий Михайлович Захарьин-Юрьев не сыграл в опричнине сколько-нибудь заметной роли, а в 1567 году он умер. Его сын Протасий был записан в опричники, но служил на довольно скромных должностях.

Другое дело — Алексей Данилович Басманов-Плещеев, отдаленная родня В. М. Захарьина-Юрьева^[142]. На протяжении нескольких лет Басманов играл роль наиболее влиятельного лица в опричнине — после самого царя, разумеется. Именно он формировал боевой опричный корпус и вывел на высшие должности собственную родню, в первую очередь сына Федора.

На вершущке военной системы опричины в разное время стояли всего восемь человек: Иван Дмитриевич Колодка Плещеев, Андрей Иванович Плещеев-Очин, Захарий Иванович Плещеев-Очин, Федор Алексеевич Басманов-Плещеев, князя Михаил Темрюкович Черкасский, Федор Михайлович Трубецкой, Андрей Петрович Телятевский и Василий Иванович Телятевский (или Иван Петрович Зубан Телятевский). Все они принадлежали к родовитым семействам служилой знати. Ни один не может ассоциироваться с «худородным», «провинциальным», «городовым» дворянством. Четверо из восьми — родня Басманова-Плещеева. И какая родня! Из четверых только один (!) имел сколько-нибудь значительный опыт военного командования — Захарий Иванович Плещеев-Очин. Да и тот был, что называется, «битым волком». Дважды он терпел тяжелые поражения на литовско-ливонском фронте. Этих полководцев второго сорта удалось — благодаря протекции со стороны «главы клана» — возвести на самую вершину опричного боевого корпуса, они командовали тысячами людей! Более того, помимо них еще Иван Иванович Очин-Плещеев и его

брат Никита Иванович ходили в воеводских чинах; видным воеводой в опричнине был сродственник Плещеевых князь Иван Петрович Охлябинин.

Вот какую власть имел Алексей Данилович.

Он-то и был истинным «отцом опричнины».

Алексею Даниловичу Басманову, до того как он оказался главным советчиком царя в деле учреждения опричнины, предстояло проделать долгий и многотрудный путь от одной смертельно опасной службы к другой.

Басманов — одна из центральных фигур грозненского царствования. Алексей Данилович — выдающийся выходец из среды старомосковского боярства (как и В. М. Захарьин-Юрьев, кстати, упомянутый рядом с ним в известии Пискаревского летописца). Это отпрыск рода, служившего Московскому княжескому дому как минимум с первой половины XIV столетия.

На протяжении нескольких поколений перед выходом Алексея Даниловича на политическую сцену его семейство давало Московскому государству полководцев и администраторов, стоявших на самом верху управленческой иерархии. Дед нашего героя, Андрей Михайлович Плещеев, был видным дипломатом, добился положения боярина, сватал знаменитую Елену Волошанку, вступившую впоследствии в брак с наследником престола. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности. Некоторые из них добились думных чинов, хотя карьерное продвижение семейства затруднялось его близостью ко двору удельного князя Юрия Дмитровского^[143].

При Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева — родителя Алексея Даниловича.

Таким образом, его отец, он сам и его потомство могли по одной только знатности рода в сочетании с заслугами его перед правящей династией претендовать на очень высокие места в армии и административном аппарате.

Алексей Данилович никогда не знал бедности. Большая часть русского дворянства того времени, как провинциального, так и московского, стояла в невидимой иерархии знатности ниже, намного ниже, *несопоставимо ниже* его семейства. Но были люди и повыше его. Десятки семейств, с которыми Плещеевым было не тягаться...

Старинные боярские роды Москвы прошли своего рода «проверку на лояльность» в третьей четверти XV столетия. Тогда Московский княжеский

дом раскололся и началась долгая междоусобная война, полная крови, подлости, предательства... В конечном итоге на московском престоле укрепился государь Василий II Темный. Его сторонники из боярской среды возвысились, а его противники потеряли прежнее влияние. Плещеевы поддержали Василия II и на протяжении нескольких десятилетий получали думные чины, занимали важнейшие должности. При Василии III их несколько подкосила опала, связанная со слишком тесной связью рода с Дмитровским уделом. Однако это было далеко не падение, а лишь некоторое ухудшение карьерных перспектив.

Гораздо важнее другое. Вся среда древнего московского боярства испытывала натиск новой силы. Крепкие кости родов-служильцев, много поколений назад прилепившихся к московским князьям, давали трещины и ломались, когда их начали оттеснять от насиженных мест у подножия престола.

При Иване III Великом и его сыне Василии III территория Московского государства росла как на дрожжах. На службу к московским правителям перешло великое множество титулованной знати из новоприсоединенных земель; немало княжеских родов выехало также из Литовской Руси, предпочтя служить единоверным монархам. Служилые князья на Москве — не редкость, они и прежде выезжали из дальних мест, чтобы устроиться под могучей рукой великого князя. Разница состоит в количестве. Конец XV — первые десятилетия XVI столетия привели в Москву больше «княжат», чем явилось на московскую службу за все предыдущие времена. Для истории Московской Руси несколько десятилетий — очень маленький срок. Можно сказать, пополнение служилой знати прибыло в Москву «залпом».

Все эти гордые и большей частью богатые Рюриковичи, Гедиминовичи, потомки ордынской аристократии превосходили по знатности московское боярство. У их предков (а то и у них самих) имелись собственные бояре... Политическими же амбициями они были как минимум равны старомосковской нетитулованной знати.

Прежних прав на почти полную независимость они лишились. Были «полудержавными властелинами», стали же великокняжескими слугами, людьми подчиненными... В качестве замены требовались им места на вершине власти — у самого трона московских самодержцев. Иван III давал подобного рода «компенсацию» не торопясь, без спешки. Но его сын столь твердой политической воли не имел. К тому же Василий III на протяжении долгих лет вел жестокое, изнурительное противоборство с Литвой и принужден был с особым покровительством относиться к выезжей знати. В

московско-литовском противостоянии чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, любая свежая сила могла оказаться решающей. Вот и давал великий князь Василий Иванович больше, гораздо больше, чем его отец...

И старые роды московских служильцев почувствовали, как для них становится все меньше места у кормила управления страной. Об этом говорилось в главе, посвященной боярам Захарьиным-Юрьевым: уже Иван III «нажал» на старомосковское боярство, распустил дворы тех, в ком видел угрозу или неподчинение, сократил присутствие на Олимпе военного командования, приказал подчиняться княжатам... Теперь его сын еще более стеснил боярские роды Москвы на военной службе.

Главные решения московский великий князь принимал, предварительно обдумав с аристократическим советом — Боярской думой. Право на «думный чин» отличает наиболее влиятельные роды русской знати. Особенно если это высший чин, чин боярина (ниже стояли окольные, думные дьяки, затем появились еще и думные дворяне).

Допустим, семейства нетитулованной московской знати сохранили возможность добиваться думных чинов. Их представителей в Боярской думе оставалось немало — хотя и меньше, чем прежде. Но военная служба... о, это совсем другое дело. Тут шансов сделать карьеру оставалось все меньше и меньше.

Вот и статистика.

Автор этих строк проанализировал, как падали ставки старомосковских нетитулованных аристократов на протяжении почти столетия. Источники дают возможность увидеть, кто назначался на высшие командные должности в нашей армии примерно с 70-х годов XV века, то есть со времен присоединения Новгорода Великого. Цепочка назначений прослеживается на протяжении всего XVI века и уходит далее — в XVII век. Но нет причин забираться столь далеко во времени. Достаточно проследить динамику назначений до указа 1565 года об учреждении опричнины.

Во времена правления Ивана III Великого из отдельных совершенно независимых лоскутков рождалась великая держава, которая вскоре примет имя «Россия». Москва вела наступление на всех фронтах. Верные старинные роды исправно поставляли храбрых, заносчивых, с молодых ногтей приученных к военному делу, весьма энергичных и готовых драться с кем угодно полководцев.

Что ж, представители русской нетитулованной знати занимали в армии весьма прочные позиции.

Каждый год несколько десятков, а то и сотен знатных людей назначались воеводами, во-первых, в крепости и, во-вторых, в полки действующих полевых соединений. Как правило, воевод ставили в каждую крепость больше одного, если это не была совсем уж маленькая приграничная крепостица с ничтожным гарнизоном. Отправляясь туда, воевода знал, что проведет на этой службе примерно год (если его не задержат на второй, а то и на третий), и называл подобную службу «годованием». Самые ответственные воеводские посты занимали те, кого отправляли годовать в Псков, Новгород Великий и Смоленск; во второй половине столетия к этому списку добавились Казань, Астрахань и — ненадолго — Полоцк.

Но еще более важной и еще более ответственной командной работой являлось назначение в полки действующей армии. У России того времени не было постоянно существующих воинских частей и соединений — батальонов, бригад, дивизий, корпусов. Каждый раз, когда требовалось послать на врага армию, ее заново создавали, а после похода распускали по домам, оставив часть войск охранять завоеванные города и крепости. Так вот, формируя армию, Разрядный приказ^[144] составлял ее из «Большого полка», «полка Правой руки», «Передового полка», «полкалевой руки», «Сторожевого полка», «ертаула» (дозорно-разведывательного отряда), «наряда» (армейской артиллерии), «посохи» (толпы невооруженных или слабовооруженных «даточных людей», занимавшихся инженерно-строительными работами) и «коша» (обоза). Когда с армией выступал в поход сам правитель московский, то к ней присоединялся отборный «Государев полк» или «Государев двор». Таков самый полный состав русской армии, развернутой для действий в поле. В подобных случаях боевое ядро соединения составляли десятки тысяч дворян, боевых холопов, стрельцов, пушкарей, казаков, европейских наемников, а посоха по численности своей могла превосходить его (но ее собирали нечасто, в основном — когда ожидалась тяжелые осадные работы). Но, разумеется, в подавляющем большинстве случаев русская полевая армия выходила в меньшем составе: пять полков — без коша, посохи, ертаула, Государева двора; четыре полка — то же самое, но еще и без Сторожевого полка, или три полка — Большой, Передовой, Сторожевой. Иногда «наряд» придавался армии, иногда — нет, особенно если перед ней не ставилась задача взять какую-либо крепость. Чаще всего в поход отправляли три или пять полков. В каждом полку были свои воеводы, причем исключительно редко на полк ставили всего одного воеводу. Чаще — двух, трех, а то и четырех. Но старшим был именно первый. Старшинство назначений в

армии зависело от того, в какой полк попал тот или иной военачальник. В середине XVI века были строго определены иерархические отношения как между полками, так и между их командирами. Например, Сторожевой полк был «честью ниже» Передового, а полк Правой руки превосходил полклевой руки. Безусловно «старшим» среди всех полков был Большой. И тот полководец, которого ставили первым воеводой Большого полка, считался главнокомандующим во всей армии. Прочие командиры обязаны были ему подчиняться.

Списки военачальников, назначенных на посты воевод и на более низкие — голов, есаулов, — каждый год заносились в книги «Государева разряда». Или, проще, в «разрядные книги». Они дошли до наших дней и отлично передают атмосферу борьбы за воинские назначения. Когда воеводам, которым надлежало собраться для очередного похода, давали реестры всех тех, кто в этом походе будет с ними служить, они могли воспротивиться и не взять эти списки. Иными словами, отказаться от службы, что, по понятиям того времени, грозило тяжелой опалой. Тем не менее если кто-то из знатных людей видел, что на равный пост или — не дай бог! — на более высокий назначили человека «худородного», то предпочитал скандал, местническую тяжбу, опалу, тюрьму, даже пострижение в монахи, лишь бы не признавать равным себе или же знатнейшим кого-то, кто был ниже «отечеством». Этот обычай понятен. Ведь каждая новая расстановка воевод четко фиксируется и служит прецедентом на ближайшие десятилетия. Выходит, сегодня ты уступил, признал «местническую потерьку», а завтра твой сын из-за этой «потерьки» угодит на более низкую должность, чем мог бы претендовать. А послезавтра от твоей уступчивости пострадает внук. Нет, невозможно! Интересы рода выше интересов одного человека, он должен страдать, если этого страдания требуют родовая честь и родовая выгода. А государь между тем мог наказать, но мог и дать бумагу, где сказано: «В поход идут без мест», то есть «потерька» не будет засчитана, а мог и «войти в положение» и назначить другой воеводский состав.

В Москве к таким проблемам относились очень серьезно. Конечно, могло случиться, да и случалось так, что в боевой обстановке местнический спор приводил к срыву операции, невыполнению задачи, а то и просто к разгрому. Но эти тактические потери все-таки компенсировались стратегическим выигрышем. Сложная система местничества давала военно-служилому классу возможность гасить внутренние распри мирным путем. С помощью суда государева или, если монарх пожелает, по решению боярской комиссии, специально назначенной для разрешения тяжбы. В

противном случае борьба за первенство в верхних эшелонах власти, особенно в армии, могла бы принять вооруженные формы. Дрались бы каждый с каждым, лили бы кровь не на поле боя, а еще не отправившись в поход. Теряли бы силы напрасно. Так вышло в Польше и Литве: магнаты смертным боем бились друг с другом, напуская на села и города неприятеля банды небогатой шляхты... Нет, русское местничество — поистине великое социальное изобретение! Оно избавило страну от многих бед, оно предотвратило великое кровопролитие.

Другое дело, что военная документация со всей очевидностью показывает: позиции старомосковского боярства в этой местнической иерархии очень быстро, буквально на протяжении жизни одного поколения, резко ухудшились. И в этом — сердцевина чрезвычайно важных изменений в жизни русской аристократии, которая почти вся, за редкими исключениями, крепко связана была с армией и военным делом.

Поэтому придется окунуться в глубины общественных изменений в среде знати. Когда на поверхности войн России того времени реют яркие стяги, конница ходит в сабельные атаки, грохочут осадные пушки и слышатся победные кличи, внизу, на дне, под темными пластами холодных административных вод, сокрыты ледяные источники воеводских кадров; из них то одни работают интенсивнее, то другие; тут нет никакой эпической поэзии, сплошная проза цифр, но от невидимого ритма этих источников зависит вся жизнь державы.

Читатель, наберись терпения! Не разобравшись в «придонной цифири», невозможно в полной мере понять, из какой среды выходили лучшие воеводы Московского государства, в каких условиях они принимали под команду полки и водили их в бой.

Итак, если взять времена Ивана III Великого, когда на московской службе уже пребывало немалое количество князей, но все же не так много, как окажется их при его сыне, то положение старинных боярских родов выглядит благополучным. В сорока двух произвольно взятых походах 1460-х — 1505 годов командующими отдельными соединениями^[145] 36 раз назначаются персоны княжеского рода и шесть раз — боярского. Общее соотношение, таким образом, 14 процентов к 86 процентам. А вот на 88 титулованных аристократов, которым доверяли командовать отдельными полками в составе полевых соединений, приходится целых 52 нетитулованных! Всего, таким образом, 37 процентов к 67 процентам. На этом уровне отпрыски боярских родов успешно соперничают с представителями княжеских семейств. Военная элита России последней трети XV — начала XVI столетия (то есть самые востребованные

полководцы) состоит из двадцати человек. Если рассматривать ее состав в целом, то социальные ее составляющие таковы: представителей титулованной знати — 80 процентов, из них четверть (то есть 20 процентов от общего числа) составляют Гедиминовичи. Представителей старомосковских боярских родов — 20 процентов. Если попытаться перевести эту картину на язык современных понятий, получится вот что: в «маршалы» нетитулованную знать пускают нечасто, но все-таки пускают, а вот на «генеральские» должности она идет в массовом порядке.

Уже первые годы правления Василия III принесли заметные изменения. В двадцати произвольно взятых походах 1505–1512 годов полковых воевод без княжеского титула всего 18, в то время как титулованных — целых 53! Правда, на уровне командования армиями резкого разрыва с прежним положением вещей не видно: на 15 командующих-князей приходится пять человек из боярских родов. Зато вторая половина княжения Василия III являет иную картину: на материале других двадцати произвольно взятых походов видно, какое преобладание получила титулованная знать. Ее представители становились во главе армий 18 раз, а выходцы из московского боярства только два раза. Соотношение полковых воевод — 58 к 20. Иными словами, в начале 30-х годов XVI столетия, на закате правления Василия III, старомосковское боярство должно было чувствовать себя в условиях армейской службы гораздо менее уверенно, чем при Иване III.

Среди военачальников, которым при Василии III доверяли командование самостоятельными полевыми соединениями, в источниках чаще всего звучат имена боярина князя Александра Владимировича Ростовского, боярина князя Михаила Васильевича Горбатого-Шуйского по прозвищу Кислый, а также упомянутых выше князей Д. В. Щени и В. В. Шуйского-Немого, притом последний — абсолютный лидер по количеству назначений. У каждого из них — четыре и более боевых операций, в рамках которых они возглавляли самостоятельные полевые соединения. Кроме того, при Василии III самостоятельное значение в воеводском корпусе имеет широкий слой так называемых «служилых князей». А. А. Зимин емко охарактеризовал этот слой: «В первой трети XVI в. в Русском государстве существовала влиятельная прослойка так называемых «слуг», или «служилых князей», образовавшаяся в основных своих чертах в результате присоединения к России западнорусских земель. Это Мстиславские, Одоевские, Глинские, Воротынские, Бельские, Трубецкие и др. Они по своему положению занимали как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси,

потерявшими к концу XV — началу XVI в. суверенные права на старые княжения. Основное отличие «удела» от княжения служилых князей сводилось к тому, что княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков «слуги» или пожалованная ему великим князем) и обуславливалось несением военной службы московскому государю. Удел же — часть общерусских земель, завещанная великим князем своим прямым потомкам... Служилые князья в первой трети XVI в. не составляли единой сплоченной корпорации». Выше прочих стояли Шемячичи и Стародубские (Северские), они считались как бы патронами северских княжат, часто находившихся во время войн на юге и западе под их командованием. Ниже — Бельские, Глинские, Мстиславские. Они связаны родственными узами с Василием III. Одоевские и Трубецкие таких связей не имели, но они, как выразился Зимин, «сохраняли корпоративные связи на местах». Нечто среднее представляли собой Воротынские, которым земли были пожалованы великим князем, но в районах их старинных вотчин. Сохраняя за «служилыми князьями» часть их привилегий в их окраинных вотчинах, «Москва формально поставила их выше старомосковского боярства, но удалила их от реального управления страной»^[146].

Если в начальные годы правления Василия III «служилых князей» на военной службе четко отделяли от «государевых воевод», не только ставя на первые места в разрядах, но и делая формальные оговорки, то уже с 1510-х годов это различие исчезает, проявляясь лишь в редких случаях. Среди «служилых князей» своего рода «рекордсменами» по числу наиболее значительных воеводских назначений являются князь Иван Михайлович Воротынский, а также князь Василий Семенович Одоевский-Швих; к ним «подтягивается» князь Михаил Львович Глинский, перебежавший со стороны литовцев, а в начале 1530-х годов — князь Иван Иванович Белевский. У каждого из названных военачальников не менее четырех назначений на командование самостоятельными полевыми соединениями.

Князь И. М. Воротынский представляет собой феномен. Он ставился во главе больших ратей полтора десятка раз, и сравниться с ним по количеству подобного рода назначений может один лишь князь В. В. Шуйский-Немой.

Особое отношение Василия III видно к двум удельным князьям, занимавшим верхние позиции среди князей служилых: они сохранили полунезависимое положение, и московская разрядная документация никогда и ни при каких обстоятельствах не смешивает их самих, а также их войска с «государевыми воеводами» и государевыми полками. Это князь

Василий Семенович Стародубский и князь Василий Иванович Шемячич. Вместе с тем оба князя по много раз выходили в поле, чтобы стоять под стягами великого князя московского. Судьба их хорошо известна: первый, брачный свойственник Василия III по первой супруге великого князя Соломонии Сабуровой, видный военачальник, жестоко пострадал в результате конфликта с Шемячичем, скончался, оставив свои громадные владения великому князю; второй, несмотря на крупные военные заслуги в обороне южнорусских рубежей, был арестован, провел несколько лет в заточении и скончался, так и не выйдя на свободу.

Резюмируем: все наиболее востребованные в правление Василия III командующие самостоятельными полевыми соединениями — выходцы из титулованной знати, притом наполовину — из служилых князей. Это не значит, что старомосковское боярство совсем не назначалось на такого рода должности. Однако частота назначений представителей нетитулованной аристократии значительно ниже. Заметнее других Яков Захарьич Кошкин, имевший два подобных назначения. Но это — всё! Предел!

И трудно было Василию III поступать иначе. Он слишком долго и слишком трудно воевал с Великим княжеством Литовским. Одна из русско-литовских войн, состоявшихся в его правление, заняла более десяти лет! В такой обстановке московский правитель обязан был находить высокие должности для русских князей, выезжавших из Литвы, обеспечивать им почетное положение и раздавать богатые земельные владения. Даже если это шло вразрез с интересами старинного, верного боярства. Иначе эти князья вновь «выехали» бы... только уже в Литву из России. Трудно определить, не слишком ли далеко пошел по этому пути Василий III. Не слишком ли много он дал пришельцам?

Но то, что произошло дальше, представителю московской служилой среды во времена Ивана III не могло бы присниться даже в самом дурном сне.

За все годы со дня смерти Василия III (1533) до второй половины 1550-х годов из боярских родов только четыре раза был взят военачальник на должность командующего крупным самостоятельным полевым соединением^[147].

Всего четверо! За четверть столетия!

Это Иван Васильевич Шереметев Большой, вышедший в поход против крымского хана в 1555 году. Поход, к слову сказать, кончился поражением в тяжелой и кровопролитной битве. Это В. А. Шереметев, Ф. С. Воронцов и И. П. Яковля (Яковлев), возглавлявшие небольшие армии в разное время. Причем между 1545 и 1554 годами ни один нетитулованный аристократ не

был в главнокомандующих. Только «княжата»! И так, на два с лишним десятилетия военная карьера для московского боярства стала худшим поприщем из всех возможных. Для всей этой среды служебный рост «замерз». *На протяжении приблизительно полусотни (!) походов ни один отпрыск боярского рода не оказывался во главе войска.* Между поражением Шереметева и созданием опричной системы в 1565 году положение боярства меняется слабо: лишь считанные единицы оказываются в роли «командармов» на второстепенных направлениях (Д. Ф. Адашев, С. В. Яковлев).

Более того, при Елене Глинской (1533–1538) и в годы «боярского царства» (1538–1547) даже полковых воевод из боярской среды выбирают не чаще, чем в одном случае из пяти-шести. Выходит, целое поколение молодых людей знатного рода, честлюбивых, отважных и амбициозных, должно было осознать: им никогда не подняться выше отцов; им даже никогда не подняться на тот уровень, которого достигли отцы!

Царствование Ивана IV, породнившегося с могущественным боярским семейством Захарьиных-Юрьевых, приносит московской нетитулованной знати некоторое облегчение. Со второй половины 1540-х годов до середины 1560-х она дает приблизительно 25 процентов от числа всех полковых воевод. Иными словами, возвращается норма времен Василия III, но никак не Ивана III.

Что это значит в конечном счете? Старомосковские боярские роды в середине XVI века должны были чувствовать себя жестоко обиженными и несправедливо обойденными на военной службе.

Очевидно, А. Д. Басманов как представитель старого боярства разделял его тревогу и недовольство.

С другой стороны, при дворе Ивана IV служили десятки знатных, богатых, настроенных на блестящую карьеру выходцев из той же среды, и, надо полагать, немногие из них были избавлены от ревнивого чувства в отношении высших родов «княжат». Вот грянула опричина. Традиционный порядок переменялся. Старинные боярские семейства добились своего шанса на реванш. Они полновластно уселись в опричной Боярской думе, нашли себе должности администраторов и судей, они пришли в опричный боевой корпус и получили там высокие воеводские посты. В опричной Думе первого призыва преобладало старомосковское боярство. Там были: Иван Чеботов, Лев Салтыков, Федор Умной-Колычев, Алексей Басманов, Захарий Плещеев-Очин, Василий Яковлев, возможно, Василий Захарьин-Юрьев. В опричной армии до середины 1570 года также преобладала старомосковская боярская среда. В числе выдающихся

опричных военачальников был Василий Иванович Умной-Колычев, возглавлявший отдельные отряды опричников. А Плещеевы составили 50 процентов главнокомандующих опричными войсками до 1570 года! Таким образом, в опричнину попало немало умных, опытных в военных и административных делах представителей старомосковских боярских родов. Как уже говорилось, это был своего рода реванш нетитулованной знати, хотя и кратковременный...

Но.

Даже на богатом фоне цветущего честолюбия, новых карьерных возможностей, управленческих и полководческих талантов выше всех поднялся все-таки Басманов.

Именно его личные психологические особенности, именно его ум и командирский дар превратились в тот рычаг, с помощью которого был перевернут государственный строй России. Мало того, оный «рычаг», обладая душой и волей, сумел заставить работника, взявшего его в руки, действовать так, как ему, «рычагу», казалось правильным и полезным...

Алексей Данилович — столь крупный деятель середины XVI столетия, что без него, быть может, не случилось бы никакой опричнины, а хоть бы и возникла опричная система, кадровый ее состав и важнейшие принципы устройства, надо полагать, сложились бы совершенно иначе.

Этот человек перенес ограничения на военном поприще столь тяжелые, как, может быть, никто другой. Он показал на ратном поле большую личную храбрость, расторопность, энергию и тактический талант. *Но сами условия службы позволяли ему оказываться на первых ролях только по воле случая.* Иначе говоря, Басманов должен был хвататься за любую, самую фантастическую возможность, чтобы возглавить армию и проявить в бою свои способности. Полное преобладание титулованной знати в военном командовании делало из Алексея Даниловича фигуру, лишенную права на самостоятельное действие.

Он всегда при ком-то.

На протяжении долгих лет он «вечный второй».

Первую сколько-нибудь заметную должность Алексей Данилович получил в первой половине 1544 года. Его отправили третьим воеводой в маленькую Елатьму. Не бог весть что, однако, как тогда говорили, тоже «именная служба». Между тем Басманову уже около тридцати лет. Отец его умер, когда он еще агукал в пленках, то ли даже не родился^[148]. По обычаям XVI века уже к двадцати годам молодой человек из знатной семьи должен был приобрести изрядный служебный опыт. А к тридцати иной

служилый аристократ удостоивался командовать армиями^[149]... Как видно, служебный рост Алексея Даниловича, безотцовщины, на первых порах шел очень медленно. Пришлось ему лет десять, а то и пятнадцать тянуть лямку вместе с командирами младшего звена. Или, может быть, вообще редко появляться в действующих войсках, исполняя какие-то, не очень видные, придворные службы.

У воинских документов XVI века есть одна особенность: они тем лучше «улавливают» имя служилого человека в сеть списков, чем более высокие посты он занимал. Благодаря этому источнику столь многое известно о воеводах. А вот о воинских головах — служильцах чином ниже воевод — разряды содержат на порядок меньший объем информации. А уж сотники, есаулы и командиры еще более низкого ранга встречаются там крайне редко. То же самое можно сказать и о «дворовых», то есть придворных служильцах. Так что о молодых годах Алексея Даниловича можно предполагать одно из двух. Скорее всего, он ходил в чинах ниже воеводских, а может быть, долгое время не мог подняться даже до уровня армейских голов. Менее вероятно другое: Басманов мог начать карьеру по преимуществу с назначений судебных или административных, а о них до наших дней почти не дошло сведений. Второе предположение выглядит сомнительным по одной простой причине: всю вторую половину жизни Алексей Данилович проведет в походах и войнах, являя очевидный тактический дар. Неужели так легко сменил он карьеру судьи, управленца на карьеру военачальника, притом начав с малого?

Около 1543 года положение Басманова осложнилось. В ту пору тринадцатилетний подросток Иван Васильевич номинально занимал престол великих князей московских. За реальную же власть боролись придворные аристократические группировки. Басманов связался с «партией» Шуйских и принял участие в избиении царского любимца Ф. С. Воронцова. А бывшее всевластие Шуйских уже клонилось к закату, скоро они потерпят поражение... Так что участие в дворцовых интригах скорее худо повлияло на карьеру Алексея Даниловича. Возможно, обретя какой-то вес на «дворовой», то есть придворной службе, Алексей Данилович все потерял, поставив не на тех людей, и отправился воеводствовать в небольшую провинциальную крепость?

Все это предположения. Был ли отпрыск древнего боярского рода военачальником с молодых лет, перешел ли он на путь военной карьеры в силу поражения в придворных интригах — бог весть. Можно только строить гипотезы. В любом случае, если партия Шуйских даже и потеряла своего человека при дворе, то русская армия приобрела способного

командира.

До взятия Казани (1552) он так и оставался на маловажных постах: вторым воеводой «на Бобрике», вторым в Пронске, в подчинении у великого полководца князя Семена Микулинского на Мещере... И только один раз ему доверяют командование небольшим отрядом, выступавшим из Мурома против казанских татар осенью 1548 года. Впрочем, это был малозначительный эпизод, ничего не изменивший в службе Басманова. Первыми же, то есть старшими воеводами над ним — вторым или третьим, — во всех случаях назначались аристократы княжеского происхождения.

Во всех!

К 1552 году Алексей Данилович получает высокий думный чин окольного. Для его рода это обычное дело, тем более в возрасте, когда сорокалетие не за горами... Ничего выдающегося. Басманов оказался среди того самого поколения нетитулованной знати, которое столь много потеряло по части возможностей армейской карьеры. Между 1544 и 1563 годами он шесть раз вступал в местнические тяжбы на почве конфликтов об «отечестве». Из них четырежды — с «княжатами».

Как полководец он постепенно накапливал опыт, набирался знаний о самой тяжелой войне из всех, какие вело Московское государство в XVI столетии, — войне с татарами, то и дело вспыхивавшей по всей восточной и южной границе России. Нет известий о каких-либо великих делах, совершенных им до «казанского взятия».

Казань подарила ему возможность отличиться. Новоиспеченный окольный несет там караульную службу, числится есаулом при особе государя. Это, конечно, почетная должность, но далеко не высокая. Не десятый, не двадцатый и даже не пятидесятый человек в огромной русской армии, пришедшей к стенам города. Алексей Данилович был тогда бесконечно далек от должностей, позволявших принимать тактические решения. Разъезжая ночами «для береженья» между русскими полками, осадившими татарскую столицу, уже далеко не юный Басманов мечтал о случае, который помог бы ему показать себя перед государем. И этот случай военачальнику в конце концов представился.

Алексея Даниловича отправили с отрядом на усиление передовых частей. Когда князь М. И. Воротынский со своими людьми двигал туры [\[150\]](#) поближе к стенам, на него внезапно напали татары. Сначала они разогнали христианское войско, но потом их с новыми силами атаковали русские воеводы. В то же время ногайско-казанский отряд «князя Зейнеша» ударил на русское расположение у туров во фланг. Их натиск также с успехом отбили. Однако угроза новой вылазки с самыми непредсказуемыми

последствиями нависала над осаждающими.

Тогда царь отправил своего окольного Алексея Басманова и казначея Фому Петрова с частью сил Государева двора на подмогу потрепанным отрядам при турах. Вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским, душой всего дела под Казанью, Басманов принял участие в штурме, который закончился захватом башни и большого участка городской стены.

Дело было жарким, крови пролилось немало с обеих сторон. Летопись рассказывает о нем в красках: «Царь... благочестивый выйде ко граду, и виде воины царя своего^[151], и вскоре вси устремишася на брань и мужественнее бравшеся с неверными на мостах... и воротех... и стенах. Ис пушек же беспрестани стреляху, и из пицалей стрельцы. Воины же бьющееся копыи и саблями, за руки имаяся. И бысть сеча зла и ужасна, и грому сильну бывшу от пушечного бою и от зуку и вопу от обоих людей и от трескости оружии, и от множества огня и дымного курения. И згустившуся дыму, и укрыл дым град и люди. Богу поспешствующе крестияном, были крестияне на стенах градных и в воротах града от Арского поля»^[152].

В лагерь к государю и воеводам отправилось донесение князя Воротынского: успех! татары несут огромные потери, можно давать команду на общий приступ. Но штаб по какой-то причине счел неуместным бросать главные силы в бой. Как сообщает летописный источник, не все полки были готовы к делу, поскольку совокупное наступление армии на Казань в тот день не планировалось.

Так и сидели два дня Воротынский и Басманов да их ратники на захваченных позициях перед носом у татар. Положение их было таково, что каждый час мог принести последний бой с неприятелем и гибель за отечество. Оторванные от русского лагеря, они могли полагаться лишь на собственные силы. Но все же выстояли, не ушли с занимаемых позиций.

А когда генеральный штурм Казани все-таки начался, Басманов неизбежно оказался на самом опасном участке и сумел добиться успеха. Во всяком случае, его «заметили». После того как русская армия отправилась домой, он был оставлен одним из воевод в завоеванном городе. Доблесть Алексея Даниловича обеспечила ему высокий пост: его назначили третьим воеводой «на вылазку». Опять — не первым. Но все-таки это была уже видная и ответственная должность. Начать поход есаулом, а закончить его воеводой — значит добиться признания своих заслуг.

И вот уже имя его мелькает в «свадебных разрядах» — списках почетных гостей на торжествах, связанных с венчанием важных особ: царя,

членов царской семьи, служилых татарских царевичей, наиболее знатных русских аристократов. Так, вернувшись из Казани, Алексей Данилович побывал на свадьбе служилого татарского «царя» Семиона Касаевича, взявшего в жены Марью Андреевну Кутузову-Клеопину (ноябрь 1553-го). А в следующем году оказался на свадьбе князя И. Д. Бельского с Марфой Васильевной Шуйской.

До конца 1550-х годов судьба этого военачальника была накрепко связана с южным, степным «фронтом» Московского государства. А значит, приходилось биться с самым опасным противником России того времени — подданными крымского хана.

В 1555 году под Тулу, против подступающих крымцев, отправилась небольшая русская армия под командованием Ивана Васильевича Шереметева Большого. Для этой рискованной операции — как будто специально! — были отобраны исключительно те командиры, кто происходил из нетитулованных фамилий. Благодаря подобному стечению обстоятельств Алексей Данилович, пребывавший тогда в ореоле славы, добытой под Казанью, занял весьма высокую должность. Его поставили во главе Передового полка, фактически сделав одним из первых лиц в полевом соединении.

Но поход 1555 года закончился героически и... страшно. Армия Шереметева столкнулась с превосходящими силами крымцев у Судьбищ, выдержала отчаянную рубку, на начальном этапе даже потеснила врага, однако была разбита после того, как Шереметев получил тяжелое ранение. Отступавшие русские части могли превратиться в легкую добычу врага.

Один из видных военачальников того времени, князь Андрей Курбский, через несколько десятилетий после битвы Шереметева с крымцами дал ее краткое описание в «Истории о великом князе московском»: «Сошлись оба войска около полудня в среду, и была битва до самой ночи. В первый день Бог помог нам, множество басурман было побито, в христианском же войске мало было потерь. Вот только по излишней смелости врезались некоторые наши полки в басурманские — и был убит один сын знатного отца и два дворянина попали в плен. Их привели к царю^[153], который приказал пытать их, и один вел себя как положено храброму и благородному воину, а другой, безумный, устранился мук и рассказал все по порядку. «Войско, — говорит он, — в малом числе и того лишь четвертая часть на твой стан^[154] послана». Царь татарский имея намерение той же ночью уйти в Орду, ибо боялся войска христианского и самого великого князя, но, послушав того безумного пленника, задержался.

Утром в четверг, на рассвете, началась битва и продолжалась до полудня, и то наше малочисленное войско так храбро билось, что все полки татарские были разогнаны. Царь один остался с янычарами (их было с ним тысяча с ручным оружием и немалым количеством тяжелых орудий). Но по грехам нашим в тот час сам полководец христианского воинства сильно был ранен и конь пал под ним и к тому же сбросил его с себя (так обычно бывает с раненым конем), но защитили его храбрые воины, сами едва живые, из которых половина погибла. Татары видели своего царя с янычарами и при орудиях, а наших воинов без полководца, как бы в замешательстве, хотя были при них и другие храбрые воеводы, но не так они были храбры и известны. Потом еще была битва... но как сказано в пословице: «Если бы и львов стадо было, то без доброго пастыря оно не споро»^[155].

Наступил критический момент: нашим полкам грозило уничтожение. Именно тогда Басманов впервые сыграл на поле боя выдающуюся роль. И главное, *самостоятельную*. Вместе со своим помощником Степаном Сидоровым он собрал разрозненные толпы русских и приказал создать из полковых обозных телег укрепленную позицию, используя овраг. Хан обрушился на отряд Басманова всеми силами — тщетно! Бросил против него команду Пищальников — никакого продвижения! Велел открыть по кошевым возам артиллерийский огонь, однако и тут не преуспел. Воевода с бойцами «отсиделись», положив на месте множество атакующих. Боевое ядро армии все-таки уцелело и дождалось отступления крымцев, так и не сумевших взять обозную «крепость».

До наших дней дошло красноречивое летописное свидетельство о той сече: Алексей Данилович со Степаном Сидоровым «наехали в Дуброве коши^[156] своих полков и велел тут бити по набату и в сурну^[157] играти; и к нему съехались многие дети боярские и боярские люди и стрельцы тысяч с пять, с шесть и тут отсекися^[158]. И царь^[159] к ним приступал со всеми людьми и с пушками, и с пищалями и до вечерни, и Божиим милосердием дал Бог Алексей Данилович тут от царя отсиделся, из луков и пищалей многих татар побии. И которых крымской царь поймал детей боярских, те ему сказали, что царь^[160] и великий князь на Туле, а чают его на царя приходу. И крымской царь пошел назад наспех и Сосну перелез назавтрее. И пришел Олексей ко государю на Тулу в неделю со всеми людьми дал Бог здорово, а Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену, а на бою его копием ранили, и лежал пять недель и не стало его в чернецах в скиме на Москве»^[161]...

И жаловал государь воевод и детей боярских, «которыя билися с

крымцы». Битва была страшная, из тринадцати тысяч наших бойцов полегло и оказалось в плену более семи тысяч.

Так Басманов одержал первую большую победу в своей жизни.

И за нее получил высший думный чин, став к осени 1555 года боярином. А летом 1556 года он выступает в очередной поход против крымцев как один из бояр в свите государевой. С этого момента Иван IV должен был хорошо знать Алексея Даниловича.

Слава? Карьера? Да! Но против тех же крымцев на степной юг Алексею Даниловичу еще придется выходить неоднократно... под командой воевод-князей. Притом не то чтобы вторым или третьим человеком в армии, а... третьим в том же Передовом полку. Иными словами, примерно десятым в масштабах всей армии. Заслуги заслугами, а знатность знатностью.

Разве могло это не уязвлять гордости Басманова?

В 1558 году началась Ливонская война. На ее начальном этапе Басманов стал одним из военачальников, использовавшихся в боевых действиях с наибольшей частотой. Он опытен. Он храбр. Он талантлив. Он, в конце концов, давно разменял пятый десяток. И что же? Кем же его назначают в ударных армиях Московского государства?

Зимний поход 1558 года — *второй* воевода в Передовом полку;

большой поход на Феллин 1560 года — *второй* воевода в полку Правой руки;

взятие Полоцка в 1563 году — *третий* воевода в Передовом полку.

И только осенью 1559 года, когда собирали корпус для похода против ливонского магистра, рвавшего к Юрьеву, Басманов получил под команду Передовой полк. Да и то сказать, единственным воеводой с княжеским титулом был в Юрьевском корпусе Ю. И. Темкин, быстро смещенный. Если бы не это, если бы пришлось и здесь конкурировать с титулованной аристократией, не видал бы заслуженный и прославленный Басманов поста первого полкового воеводы как своих ушей...

О Ливонской войне усилиями публицистов и — что горше и печальнее — профессиональных историков создано несколько мифов. Один из них, возможно самый распространенный, касается причин ее. Сколько раз писали и говорили по телевизору о том, что России надо было «прорубить окно на Балтику» или, иначе, «встать твердой ногой» на балтийском побережье. К этому обычно добавляют несколько прочувствованных слов о необходимости «наладить морскую торговлю с Европой», получать «стратегически важные грузы», свободно принимать иностранных специалистов — инженеров, врачей, военных наемников.

Но в действительности Россия воевала в Ливонии и на литовском фронте не за море, а за землю. За богатые, превосходно освоенные угодья.

Ливония, истерзанная междоусобиями, управляемая несколькими слабыми государственными образованиями, была не особенно опасным противником. Но, будучи «больным человеком» XVI столетия, могла попасть в руки великих держав, чье присутствие рядом с русскими рубежами оказалось бы несравненно опаснее. Балтийские государства немцев располагали значительным фондом издавна обрабатываемых земель, притом земель с *крестьянами*. Ни Казань, ни Крым ничего подобного предложить не могли: там устойчивых очагов земледелия не имелось. Между тем небогатые и воинственные «служилые люди по отечеству» давно испытывали недостаток доброй помещной земли. К середине XVI столетия русское дворянство было измучено «земельным голодом». Реальные «дачи» заметно уступали положенным им земельным «окладам». В коренной России катастрофически не хватало пахотных земель с крестьянами, которые государь мог бы пожаловать служилым как поместья. «Городовые» и «выборные» дети боярские составляли основу вооруженных сил, самую надежную опору трона. Ведение войны в их интересах соответствует интересам самого государя. Есть документальные свидетельства, что русские дворяне получали поместья в завоеванных землях на территории Ливонии. Грамот по русскому землевладению в завоеванной части Прибалтики известно довольно много. Орденские власти проводили враждебную к России политику: старались не допустить в Москву искусных инженеров и ремесленников, не пропускали стратегически важные товары из Западной Европы, арестовывали товары русских купцов. Наконец, на территории Ливонии и Речи Посполитой кипела борьба католиков с протестантами, причем среди протестантов попадались помимо умеренных лютеран гораздо более радикальные кальвинисты и антиринитарики самого отчаянного пошиба. Волны Реформации, подкатывающие к самым стенам России — страны-крепости, — тревожили правительство и Церковь. В ближайшем будущем «конфессиональный натиск» мог стать серьезной опасностью и для самого Русского царства.

Тут более чем достаточно причин для войны, но все они, скажем так, «сухопутные».

Ну а как же тогда «нарвская торговля», то есть торговый маршрут, проложенный между Европой и Россией через Нарву? Ее плодами с такой выгодой воспользовался Иван Грозный к благу Московского государства! А как же корсары, коих нанимал он для борьбы с неприятелем на Балтике?

Ответ один: прежде нужно было захватить столь значительный, давно обустроенный и великолепно защищенный порт, как Нарва, чтобы потом получать все многочисленные прибыли от обладания им. Да, иностранным судам со «стратегическими грузами» и специалистами на борту гораздо быстрее и легче было добираться до русских владений по Балтийскому морю, к Нарве, чем плыть по бескрайним просторам северных морей, к тому же в исключительно сложной для навигации обстановке. Да, ради защиты таких выгод стоило принять под свое крыло корсаров-иностранцев, если до строительства собственного флота не дошли то ли руки, то ли ум... Вот только на первом этапе Ливонской войны для захвата Нарвы или иного большого порта не предпринималось никаких действий. Нарву отдали России счастливый случай и воинская доблесть малой горсти наших ратников. И когда в Москве почувствовали, сколь важно владеть таким портом, когда распробовали все преимущества подобной собственности, тогда и только тогда в русском государственном уме зародились проекты, связанные с морем, с морской торговлей, с маршрутами, которые жизненно важно контролировать.

Более того, вопрос с портом мог быть решен и мирно: у России имелся выход на Балтику — и в устье Невы, и по побережью Финского залива, и на той же реке Нарове, так что вопрос стоял лишь в том, чтобы построить там собственный порт, удобный для приема иноземных купцов. Что и было сделано в 1557 году, то есть еще до начала войны, близ русской крепости Ивангород. Это был скромный «проект», решавший второстепенную задачу, осуществленный в условиях, когда всех выгод обретения большого порта с высокоразвитой инфраструктурой и доброй международной репутацией Москва еще не осознавала полностью, но в условиях конфликта с конфедерацией ливонских немцев желала «настоять на своем».

Как совершенно справедливо пишет историк В. В. Пенской, мотивировка строительства портовых сооружений у Ивангорода проста: царь и Боярская дума решили сделать это из-за «недружелюбной политики властей конфедерации по отношению к Москве, серьезно задевавшей ее, Москвы, торговые и иные интересы в регионе»^[162], — в частности, ограничение не только торговли с Россией, но и переправки туда европейских специалистов.

Не «нарвское плаванье» (или какое-либо иное «плавание», связанное с захватом удобной гавани) было целью Ливонской войны. Напротив, «нарвское плаванье» стало важным стимулом для возникновения русских геополитических проектов морской направленности. Не напрасно позднее армии Ивана IV с необыкновенным упорством рвались к большому

прибалтийским портам. Не напрасно для взятия таких пунктов правительство бросало колоссальные военные ресурсы. К сожалению, последний период Ливонской войны не дал успехов, аналогичных нарвскому, а в результате поражения России Нарва и вовсе была потеряна... Возникновение Архангельского города и Соловецкой твердыни видится результатом того, что в Москве, отведав выгод нарвской торговли, а затем утратив ее, постарались закрепить хотя бы то, что еще оставалось в составе державы.

Итак, в основе серьезного поворота русской внешней политики было взятие Нарвы. Оно же долгие годы обеспечивало Московскому государству тесную связь с европейскими торговыми контрагентами, доставлявшими к нам серебро, золото, военные грузы.

Ну а основой для взятия Нарвы послужил тактический дар боярина и воеводы Алексея Даниловича Басманова-Плещеева. Плюс отвага, воинское искусство, опыт немногочисленных бойцов его отряда. Если бы не это, Ливонскую войну, и без того невероятно тяжелую, России пришлось бы вести в еще худших условиях.

Успех Басманова под Нарвой выглядит как чудо. За день до него в Москве даже не подозревали о возможности такого триумфа, а военное командование ордена вряд ли в самых дурных снах могло увидеть столь феерический провал.

Итак, Ливонская война началась зимой 1557/58 года. На первых порах она еще не приняла столь грандиозных масштабов, которые стали свойственны ей с 1560-х годов. Русская армия действовала успешно. На протяжении нескольких месяцев ею на территории Ливонии был захвачен город Костер, немецким отрядам трижды нанесено поражение в поле, богатые волости неприятеля подверглись разорению.

На этой стадии наши войска занимались в большей степени операциями устрашения. Сохранялась возможность разрешить противоречия между Россией и орденом с помощью переговоров. Однако ливонские немцы очень давно не воевали с Московским государством, поэтому плохо представляли себе, насколько опасным противником оно стало в последние десятилетия, насколько возросла его сила. Они всё еще задирались.

Иначе не назовешь, например, бомбардировки Ивангорода, которые устраивали немецкие пушки нарвского гарнизона. Две крепости стояли неподалеку друг от друга, через реку Нарову, по которой проходила граница. В марте ивангородские воеводы сообщили в Москву об этих обстрелах. Отвечать без государева указа не смели: в Ивангороде было

известно, что боевые действия перемежаются переговорами, боялись нарушить перемирие и навредить русской дипломатии огнем русской артиллерии. Немцы не постеснялись осыпать ядрами русскую крепость даже на Страстной неделе, даже в день Воскресения Христова!

Иван IV отписал: «Изо всего наряду стрелять в Ругодив!»^[163] Небольшая ивангородская крепость располагала тем не менее мощным артиллерийским парком. Неделя пальбы по Нарве нанесла городу такой ущерб, что тамошние жители, по словам летописи, «били челом воеводам, чтобы им государь милость показал, вины отдал^[164] и взял в свое имя». Желая прекращения губительной канонады, нарвские жители даже отдали нескольких «лучших людей» в заложники — на время переговоров. В мае 1558 года эти переговоры закончились большой удачей для России: город переходил под власть московского государя, выйдя из состава орденских земель.

Но... Все то время, пока шло обсуждение, пока скрипели перья писцов Посольского приказа, русские пушки молчали. Как следует отдохнув, нарвские жители усомнились в прежнем своем решении. Стоит ли становиться частью России? Может, у страха глаза велики? Они запросили помощь у орденского магистра Фюрстенберга и других немецких властителей.

Как видно, в Москве предчувствовали подобный поворот. Загодя в Ивангород был отправлен отряд — на тот случай, если придется подкреплять силу дипломатических документов силой оружия. Отряд возглавил Алексей Данилович Басманов-Плещеев. У него в подчинении находился второй воевода — Д. Ф. Адашев, а также стрелецкие головы Т. Тетерин и А. Кошкаров. Басманов располагал незначительными для большого дела силами: он получил всего лишь порядка 1500 бойцов. Из Гдова к нему под начало прибыл еще отряд Михаила Афанасьевича Бутурлина, но, по всей видимости, совсем незначительный. Между тем за Наровой стоял богатый, многолюдный, отлично укрепленный город.

По обычаям того времени для осады подобного города снаряжали большую армию, десятки тысяч бойцов. Так и будет, когда русские войска отправятся брать Феллин, Полоцк, Венден... Басманов же получил под команду «ограниченный контингент», который предназначался, скорее всего, для новых «акций устрашения». Алексей Данилович мог с такими силами переправиться через реку, разорить область вокруг Нарвы и показать, таким образом, решимость Москвы довести дело до конца.

Вряд ли кто в здравом уме и твердой памяти мог всерьез обдумывать

осаду Нарвы и тем более штурм города столь малым числом ратников. И все же Алексей Данилович добился неожиданного, почти фантастического успеха.

События развивались стремительно.

Басманов, как и предполагалось, устраивал против Нарвы «диверсии». Он перебросил за город, на Колыванскую^[165] дорогу, группу «сторожей» — разведчиков. Те столкнулись со значительными партиями вооруженных людей, двигавшихся с пушками к Нарве.

На выручку «сторожам» Басманов отправил стрельцов — их в отряде боярина было всего около пятисот. Пятью верстами ниже города по течению Наровы русские воинские люди начали переправляться на свою сторону. Немцы обнаружили переправу и обрушились на стрельцов с превосходящими силами. Но те так встретили немецкое ополчение, что «боевой выход» нарвских жителей обернулся для них полным разгромом: многие легли на поле боя, а 33 человека попали к стрельцам в плен. Как сообщает летопись, «языки» поведали Басманову: «Ругодивцы^[166] царю и великому князю изменили». Дав заложников и отправив ложных дипломатических представителей в Москву, они «к маистру^[167] тот же час послали, чтобы их не выдавал. И маистр прислал князьца Колыванского да другого Белянского, а с ними тысяча человек конных, да пеших с пищальми семьсот человек, да с нарядом. Люди и ругодивцы промеж собою крест целовали, что им царю и великому князю не сдаться»^[168].

Таким образом, Басманову противостояло большее число бойцов, чем он сам имел под командой^[169].

11 мая 1558 года в Нарве вспыхнул пожар, быстро распространявшийся по городу^[170]. Басманов направил из Ивангорода представителей, напомнивших нарвским жителям об их долге сдать город русским властям — на чем целовали крест их доверенные лица. Те, разумеется, отказались. Но появление русских послов имело, как видно, иной смысл, помимо продолжения переговоров. Они исполнили разведывательную службу. Убедившись в том, что дела немцев плохи, Басманов решил нанести стремительный удар. Боярин, использовав замешательство неприятеля, лодками и плотами переправил отряд на вражеский берег, а потом захватил город в коротком решительном штурме.

Летопись сообщает: «И воеводы к городу приступали со всеми людьми. В Русские ворота велели приступать головам стрелецким Тимофею да Андрею с стрельцы, а в Колыванские ворота Иван Андреевич Бутурлин, да с ним головы з детьми з боярскими. И немцы билися с ними

жестоко. И головы стрелецкие ворота у них те взяли и на горок взошли, и в те ворота вошли Алексей и Данило, а в Колыванские Иван Бутурлин, и немцев побили многих. И собрались все в Вышегород^[171]. И к Вышегороду воеводы приступали до вечера со всех сторон и из наряду с Ываны города. И из Ругодива из их же наряду стреляли по Вышегороду^[172]. И прислали немцы бити челом, чтобы воеводы пожаловали, их князьца выпустили с прибыльными людьми. И воевода князьца и немцев выпустил, а Вышегород и Ругодив Божиим милосердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прощением и правдою его взяли со всем нарядом — пушек больших и меньших 230 и с пищальми и з животы^[173] с немецкими»^[174]. Таким образом, от воли, решительности и смелости Алексея Даниловича зависело, насколько русские войска смогут воспользоваться неразберихой в стане противника. И ему удалось, командуя меньшими силами, атакуя сильные укрепления, принудить врага к сдаче. Поистине блистательная победа!

Существует еще один рассказ о взятии города, принадлежащий князю Андрею Курбскому. Аристократ-перебежчик был враждебно настроен к роду Басмановых-Плещевых, стоявших у истоков опричнины. Недоброе отношение Курбского побудило его вставить в «Историю о великом князе Московском» очень странный фрагмент. Князь пишет: «Все немцы сбежались в крепость из города от большого пожара, не были они способны хоть чем-то помочь себе. Русские же, увидев, что пусты городские стены, тотчас устремились через реку — кто на разных лодках, кто на досках, кто снял ворота у своего дома и поплыл. Следом устремились и войска, хоть и настойчиво препятствовали этому по случаю перемирия их военачальники, но не слушались те, видя явный Божий гнев, обрушившийся на немцев, а нашим дающий помощь»^[175]. Все выглядит так, будто Басманов и остальные русские «стратеги» просто вынуждены были присоединиться к собственным войскам, бросившимся вслед за разгневанными народными массами... Ну конечно. Разумеется. Басманов так свято берег перемирие, что незадолго до того отправил своих людей воевать на другой стороне Наровы. И вся его армия вышла из-под контроля, хотя и знала, что наступление на неприятеля без приказа чревато самыми тяжелыми наказаниями. Более того, за реку ринулись буквально все, не слушаясь военачальников, целыми подразделениями... Ясно видно, как хочется Курбскому лишить Басманова той великой чести, которая полководцу досталась после «нарвского взятия». И картина, им нарисованная, выглядит в высшей степени искусственной.

А вот то, что он пишет дальше, совершенно совпадает с приведенным выше летописным текстом: «А когда пришло от города к крепости наше войско, немцы стали оказывать сопротивление, делая вылазки из крепостных ворот, так что сражались они с нами часа два. А наши взяли пушки, которые стояли в воротах немецкого города и на стенах, и начали стрелять по немцам из этих пушек. Потом подоспели русские стрелки со своими стратегами, так что вместе с ружейным огнем обрушили на немцев множество стрел. Загнали тогда их в крепость, и вот, то ли от большого жара, то ли от стрельбы, которая велась по крепостным воротам, то ли от большого множества народа, поскольку крепость тесна была, стали они снова просить, чтобы дали им начать переговоры»^[176] и т. п.

Для ордена это была ошеломительная потеря. Для России — приобретение крупного портового центра на Балтике и к тому же своего рода конфессиональный триумф. Вскоре после падения города туда прибыли из Новгорода Великого архиепископ, архимандрит Юрьевский и Софийский протопоп. Они совершали крестные ходы по Нарве, «обновляя» ее «от веры латынские и люторовы». Здесь решено было воздвигнуть несколько православных церквей.

Мало того, Алексей Данилович не остановился на взятии Нарвы. Располагая более чем скромными силами, он продолжил наступление, и в июне 1558 года его люди взяли немецкий «городок Адеж».

Взяв Нарву, Басманов занял пост первого воеводы в захваченном городе и получил почетное государево «жалование». Однако вскоре его призвали в действующую полевую армию и... возобновилась игра во «второй — третий». Царь приметил наконец боярина и стал давать ему разного рода дипломатические поручения. Алексей Данилович задолго до опричнины, еще в первой половине 1560-х годов, участвовал в переговорах с датчанами, шведами, литовцами. Тогда же он был наместником новгородским. Но все это никак не поднимало его статуса в военной иерархии России. Сам государь, не желая ломать давно сложившуюся систему, не рискуя, быть может, пойти на открытый конфликт с княжатами, не имел возможностей возвысить Басманова на армейской службе.

Алексей Данилович одержал замечательную победу, притом малыми силами и малой кровью! Но даже это не дало воеводе ни единого шанса сокрушить карьерный потолок. Скорее он отбил бы себе голову...

В 1559 году Басманов сражался с ливонцами под Юрьевом. Его отправили сначала в Псков — как видно, на «усиление» командных кадров в критической ситуации, когда немцы большими силами начали наступление, нарушив перемирие. У него имелась инструкция от государя:

организовать контрнаступление. Русское командование ожидало прорыва ливонцев в общем направлении на Юрьев, туда впоследствии передвинули основные силы псковской группировки и начали активные действия. Там, по собственной оплошности, дважды потерпел от неприятеля поражение самонадеянный воевода З. И. Плещеев-Очин, что заметно ухудшило положение царских войск. Магистр добрался до Юрьева и осадил его. Однако взять не смог и вынужден был отойти с уроном. В 1560 году Алексей Данилович участвовал в победоносном походе большой русской армии, когда был взят Феллин. На протяжении многих лет он оставался на литовско-ливонском театре военных действий, однако высоких воеводских должностей, как уже говорилось, не занимал.

А годы уходят. В великом походе 1562–1563 годов, когда войска Ивана IV взяли Полоцк, Басманов — почти невидимка. Он всего лишь один из многих. В двух шагах от шестидесятилетия, имея репутацию отважного и хладнокровного командира, владея славой нарвской победы, Алексей Данилович не попал даже в десятку старших воевод армии.

Обстоятельства «Полоцкого взятия» 1563 года сложились для Алексея Даниловича обидно.

Поход на Полоцк замыслился давно, готовился долго и собрал лучшие военные силы Московского государства. Москва боролась с Литвой за Полоцк на протяжении нескольких десятилетий. Этот город был одним из самых богатых и многолюдных в домонгольской Руси. Батыево разорение его не коснулось. Долгое время Полоцк являлся столичным центром большого княжества, фактически самостоятельного. Однако в XIV веке он должен был подчиниться Литве. Подчинившись, однако, сохранил многие права и привилегии, восходящие к временам независимости. Один из давних правителей Полоцка, князь Андрей Ольгердович, даже величался королевским титулом... В XV веке город опять ненадолго принял роль столицы: в 1430-х годах отсюда князь Свидригайло Ольгердович несколько лет правил эфемерным государственным образованием — Великим княжеством Русским. Позднее Полоцк утратил былую самостоятельность, но обрел взамен Магдебургское право (1498) и оставался богатейшим торговым центром. Московские воеводы и прежде пытались его взять, однако эти попытки не увенчались успехом. Ахиллесовой пятой Полоцка стала религиозная рознь. На протяжении многих веков православие было в нем основой всей жизни. Но в XV–XVI столетиях на позиции православных повели наступление католики, в городе образовалась мощная иудейская община, прижились протестантские учения радикального толка. Для России взять Полоцк означало не только вернуть исконно русский

город в границы Русского государства, но еще и ликвидировать плацдарм иноконфессиональной экспансии у себя под боком. Кроме того, Полоцк был ключом к Западной Двине. Кто владел им, тот контролировал важный торговый путь.

Великий поход на Полоцк начался осенью 1562 года. Войска возглавил сам государь, и в будущем он станет очень гордиться этой победой. Более того, Иван Васильевич благоволил тем военачальникам, способности которых с наилучшей стороны раскрылись во время «полоцкого взятия».

Разумеется, для столь крупного военного мероприятия должны были отобрать самых надежных и самых талантливых полководцев. Лучших из лучших. В их число попал уже немолодой А. Д. Басманов-Плещеев. Это естественно — с его-то опытом и командирским талантом! Но...

Кем он туда попал!

Его должность в армии, отправленной к Полоцку, оказалась весьма низкой — на грани оскорбления. Он числился третьим среди воевод Передового полка, выше которых был поставлен еще и татарский царевич. Непосредственно под командой боярина Басманова состояло всего 513 служилых людей по отечеству — втрое меньше, чем под Нарвой^[177]. Согласно иерархии воинских чинов крупной полевой армии, третий воевода Передового полка не попадал даже в первый десяток военачальников... Так что у Алексея Даниловича был исчезающий малый шанс как-то повлиять на ход дел, предложить собственное тактическое решение.

Собственно, вся старомосковская нетитулованная знать оказалась на вторых ролях.

В старших по чести Большом полку и полку Правой руки вообще нет воевод из боярских родов.

В Передовом полку, помимо Басманова, Иван Васильевич Шереметев Большой числится *вторым* воеводой.

В полкулевой руки Иван Васильевич Шереметев Меньшой — *третьим* воеводой.

В Сторожевом полку Иван Михайлович Воронцов — *третьим* воеводой.

В ертауле Иван Андреевич Бутурлин — *вторым* воеводой.

«У наряда», то есть при артиллерии, Михаил Иванович Воронцов-Волынский — *вторым* воеводой, Борис Иванович Сукин — *третьим*.

Поразительно однородная картина!

Лишь в Государевом полку первым «дворовым» воеводой выступает боярин Иван Петрович Яковля (Яковлев).

Данные русской воинской документации свидетельствуют: армия Ивана IV, двинувшаяся под Полоцк, состояла из немногим менее двадцати тысяч дворянской конницы, а с ними из числа казаков, служилых черкасов, мордвы, татар набрали около двенадцати тысяч. Трудно сказать, указаны в этом разряда вооруженные дворовые люди дворян или (что вернее)^[178] нет, поэтому число бойцов дворянского ополчения может быть и значительно выше. Летопись, а также сочинение Файта Зенга дают численность стрельцов (не вошедших в разряд) — 12–20 тысяч, но, по мнению современных ученых, реальная численность стрельцов составляла четыре-пять тысяч человек^[179]. Псковский летописный свод 1567 года говорит о 81 тысяче человек, составивших «посоху» — толпы людей, предназначенных для транспортных, погрузочно-разгрузочных и инженерных работ. Отсутствуют данные о посохе по другим городам, кроме Пскова. Следует поставить данную цифру под сомнение: демографический потенциал Псковской земли XVI столетия довольно скромнен, вряд ли она могла дать 80 с лишним тысяч посошан. Явно речь идет о посошанах, вызванных из разных городов России^[180].

Стоит разобраться в этих цифрах. Иностранцы, посещавшие Московское государство в XVI столетии, нередко писали о колоссальных армиях, собиравшихся по воле наших государей: 200 тысяч бойцов, 300 тысяч бойцов... Но до какой степени это можно считать правдой? Страна ни в экономическом, ни в демографическом смысле не могла обеспечить боевой выход такого количества полноценно вооруженных, обученных, с конями и всем необходимым снаряжением ратников. Впечатление многолюдства создавала как раз посоха — многочисленная, плохо вооруженная или же вообще безоружная: обозники-«кошевые», служба артиллерийских орудий... Это, конечно, второстепенные по своей боевой значимости силы, они в принципе не способны сыграть в бою сколько-нибудь значительную роль. Посохи под Полоцком могло быть 30 тысяч человек, как полагает современный историк А. Н. Лобин, поскольку этого количества хватило бы для обслуживания артиллерийского парка нашей армии. Ее могло быть в несколько раз больше (и это более вероятно): Псковская летопись четко говорит о 81 тысяче посошан, причем у псковичей была возможность подсчитать численность посошной рати, поскольку они занимались ее материальным обеспечением; да и рабочие руки посошан требовались не только при обслуживании пушек, но и для многообразных инженерных работ. Однако все эти десятки тысяч нельзя было поставить в строй при вооруженном столкновении с неприятелем.

Поэтому надо признать: численность посошной рати слабо влияла на реальную боеспособность армии.

Боевое ядро составляли четыре силы: во-первых, дворянское ополчение, во-вторых, служилые иноземцы и инородцы (европейские наемники, татары, мордва, черкасы, ногайцы и т. д.), в-третьих, казаки и, наконец, в-четвертых, стрельцы. Если высчитать силу этого боевого ядра в полоцком походе, то она минимально составит порядка 36 тысяч воинов. По современным представлениям в начале Ливонской войны количество «боевых холопов» или, иначе, «боевых слуг», приведенных с собою помещиками, составляло в среднем несколько менее одного дополнительного полноценного бойца на одного дворянина^[181]. Таким образом, по чисто умозрительным соображениям численность дворянской конницы следует увеличить на 18–19 тысяч бойцов (итого ее будет примерно 35–40 тысяч). Тогда численность всего боевого ядра русского войска составит 55 тысяч ратников — без учета иностранных специалистов.

Известно, что «наряд» (артиллерийский парк) армии Ивана Грозного был огромен. По современной реконструкции, в него входили четыре гигантские осадные пушки (ядра весом от 160 до 320 килограммов), 36 «верховых» и «огненных» Орудий, три крупнокалиберные пищали, а также 100–110 орудий меньшего калибра. При «наряде» находилось около 1500 дворян и 1000 казаков, возможно, к его обслуживанию были привлечены английские, немецкие, итальянские инженеры и артиллеристы^[182]. В распоряжении историков нет сведений о более масштабной артподдержке какой-либо наступательной операции вооруженных сил России в XVI столетии.

Поход проходил в чрезвычайно трудных условиях. Во-первых, зимой. Во-вторых, московское командование со времен «казанского взятия» 1552 года не имело опыта в управлении столь значительными полевыми соединениями. Поэтому на дороге все время возникали заторы, тяжелая артиллерия отстала от основных сил на неделю, к тому же не удалось предотвратить предательство. Прямо из полков сбежал за литовский рубеж окольный Богдан Никитич Хлызнев-Колычѳв, отпрыск знатного боярского семейства. Он загодя предупредил врага о приближении русской армии.

Однако московская военная машина того времени обладала изрядной гибкостью и централизацией. Все эти трудности постепенно преодолевались. Огромную армию удалось привести под город, стянуть

кольцо осады и дожидаться прибытия тяжелых орудий. Их огнем затем были буквально снесены полоцкие укрепления. Литовцы бросили на подмогу осажденным небольшой корпус. Он появился в тылах русской армии, однако был отбит и никакой помощи оказать городу не сумел.

Передовой полк, где служил тогда Алексей Данилович, расположился на позициях в Задвинье, у Якиманской слободы, перекрывая Виленскую дорогу. Основные боевые действия шли по другую сторону реки. Отличиться было трудно. Как видно, некоторые отряды из состава полка привлекались для осадных работ на передовой. Тот же И. В. Шереметев Большой (второй воевода полка) двигал со своими ратниками «туры» в сторону полоцких укреплений, отражал неприятельскую вылазку и получил тяжелую контузию. Вылазку же успешно отбили, взяв «языка». Но был ли рядом с ним Басманов — неизвестно. Когда Шереметев выбыл из-за контузии, на его место назначили не Алексея Даниловича, следующего по старшинству, а князя Ю. Кашина. Летопись и разряды ничего не сообщают о боевой работе Басманова под стенами Полоцка. Он остался совершенно незаметен.

Своего рода «компенсацию» за низкую должность под Полоцком Басманов получил, лишь бив челом на И. В. Шереметева Большого, ибо считал, что тому неуместно было стоять выше его среди воевод Передового полка. В этой тяжбе Алексей Данилович одержал полную победу^[183].

Но незадолго до полоцкой кампании его сын Федор проиграл местническое дело князю И. Ю. Лыкову. Так что в целом род Басмановых-Плещеевых сочетал местнические «находки» с «потерьками».

Горько ли было воеводе? Рвала ли обида ему сердце железными когтями?

Наконец судьба дала ему последний шанс на возвышение. И его-то боярин не упустил.

1563-й стал годом триумфа русского оружия. Известие о взятии Полоцка прокатилось по половине Европы, вызывая страх и уважение. Одни призывали общими силами «остановить московита», другие хотели бы видеть его своим союзником. От того времени сохранилось множество «летучих листков» — своего рода мини-газет, сообщающих на разных языках о «полоцком взятии».

Собственно, Полоцк был пиком успехов России во всей Ливонской войне. В 1570-х годах наша армия еще окажется способной вести наступление, брать небольшие города, вести сражения в поле, но ничего сравнимого со взятием Полоцка русские воеводы не добьются. А тогда, в 1563-м, Иван IV всматривался в чертежи дорог, ведущих от Полоцка на

запад. Например, к Вильно — столице Великого княжества Литовского. У него были все основания смотреть в будущее с доброй надеждой. Да и воинство русское, надо полагать, грезило о великих одолениях: вот победоносная дворянская конница входит в литовские замки, вот православные хоругви несут по улицам Кольвани...

Но ничего этого не произошло.

1564 год надолго поставил точку в русском натиске на запад.

Мечтания пали на мерзлую землю с небесных высей и разбились в пыль.

На сторону литвинов переметнулся князь Андрей Курбский — высокопоставленный воевода, имевший представление о многих военных секретах. Несколько месяцев спустя он явится в составе большого литовского войска отбивать Полоцк. Тогда литвинам не удастся захватить город и они отойдут без всякого успеха. Но в их стан перебежит еще один служилый человек русского царя — новоторжский сын боярский Непейцын... Большая русская армия подверглась разгрому на реке Уле близ местечка Чашники, наступая в районе Орши. Первым воеводой Большого полка, то есть главнокомандующим в ней, стоял именитый полководец князь Петр Иванович Шуйский. Поражение стоило ему жизни — из похода он не вернулся. Так Россия лишилась не только ударной армии, но и опытного полководца. Наконец, между царем и титулованной служилой знатью постепенно росло напряжение... У войны в Ливонии нашлось немало противников. Она затянулась. Она вытягивала из страны всё новые и новые ресурсы, стоила дорого во всех смыслах.

А государь постепенно стал вести себя жестче в отношении своей служилой знати. Ведущие политики предыдущего десятилетия были удалены от дел. Кое-кто лишился жизни.

Вторая половина 1564 года стала преддверием политического кризиса. И тут ко всему добавилось нашествие крымского хана на рязанские земли. На главной позиции у реки Вожи татар отбили. Тогда хан Девлет-Гирей повернул свои силы для обходного маневра. Прорыв татар по направлению к Рязани застал государевых «больших воевод» врасплох. Там значительных сил «в сборе» не было и выставить перед ханом «живой барьер» из полков Москва не успевала.

Летопись содержит краткий, но выразительный рассказ о событиях осени 1564 года: «В то же время на Рязани были во государском жалованье в поместье боярин Алексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на Рязанскую Украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми...

крымских людей побили и языки поймали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам (Алексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сущу бо тогда служилым людям никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати... У града же тогда крепости нужные... едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметам и с огнем многожды прихождаху и хотяху взятии град. Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов русских молением граду ничто успеха и от града отступиша в своя страны»^[184].

Другая летопись сообщает, что после отступления основных сил Девлет-Гирея вернулся отряд ширинского князя Мамая в четыре тысячи бойцов. Однако Мамаю разбили, взяли в плен, а отряд его уничтожили, взяв 500 пленников.

Это была общая победа боярина Басманова и Михайловского воеводы князя Федора Татеева^[185].

За рязанскую службу Иван IV наградил А. Д. Басманова-Плещеева и его сына золотыми монетами^[186]. Посланный с наградным золотом князь Петр Хворостинин также обязан был зачитать победителям похвальную речь монарха.

Боярин Басманов остановил крымцев на пути прорыва в центральные области России, да еще и в тот момент, когда русская армия не была готова к отпору с этой стороны. Иными словами, нападение татар завершилось благополучно для Московского государства, а могло бы привести к тяжелым, чуть ли не катастрофическим последствиям. Например, как в 1521 году...

Значение этой победы многократно возросло на фоне больших неудач на «западном фронте». Громкая, красивая победа Басманова была одержана в тот момент, когда ее так не хватало! Надо полагать, вся Россия воспрянула тогда от уныния. Алексей Данилович оказался в зените славы, царь благоволил ему, по достоинству оценив истинные заслуги этого человека.

Что представлял собой Алексей Данилович Басманов к концу 1564 года? Это доверенное лицо государя, человек, сопровождающий монарха в составе его свиты, ведущий по его распоряжению важные переговоры. Это полководец, овеянный славой двух больших побед — Рязань и Нарва, а также спасительного для русской армии «сидения» под Судьбищами, участник взятия Казани, Феллина, Полоцка, многих походов на всех фронтах Московского государства. Его заслуги перед Россией и тронном очевидны. Если бы Алексей Данилович скончался в октябре 1564 года, сразу после Рязани, то вошел бы в русскую историю как безусловно светлая личность, защитник отечества, талантливый военачальник.

Но притча, рассказанная Богом людям через судьбу боярина Басманова, оказалась и длиннее, и сложнее. В 1564-м ему пятьдесят. Для XVI столетия — изрядный возраст. В ту пору мужчины жили меньше, чем сейчас, изнашивались быстрее. Пятидесятилетний воевода — почти старик. Как видно, война не пощадила Басманова: больше он никогда не выйдет в поле с полками и не встанет во главе крепостного гарнизона — надо полагать, этого уже не позволяло здоровье. Алексею Даниловичу, однако, предстояло сыграть роль, сделавшую его более знаменитым, чем все успехи на поле брани.

Итак, Басманов к преклонным годам добился великой славы и высокого положения при дворе. Безотцовщина. Аристократ, в котором подозревали бастарда. Военачальник, вышедший в воеводы весьма поздно. Взлетевший «вопреки всем законам аэродинамики». По сути, исключение из правил. Но из того, что правила оказалось возможным обойти, никак не вытекает их полная отмена. За спиной боярина Басманова стоял весь его многочисленный род, в том числе любимый старший сын Федор. И если отец не порадеет сынку, если великий человек не потянет за собой наверх родню, до чего же стыдно будет ему на смертном одре! Но как позаботиться о них? Правила-то оставались в силе! И трудно всем пойти по пути одного, не обладая его способностями, отвагой, волей. Вокруг полным-полно боярских родов, «застрявших» на вторых ролях. Отчего Басмановым-Плещеевым должно оказываться предпочтение перед ними?

Здесь автору остается выйти за пределы источников и реконструировать разговор, не попавший на страницы летописей, записок иностранцев и публицистических произведений того времени. Нам не дано знать, была ли та беседа однократной или же повторялась раз за разом, пока Басманов не убедил царя. Мы даже приблизительно не знаем, с какими словами боярин пришел к Ивану IV.

Можно лишь предполагать вот что:

«Великий государь! Видишь ли ты, как не прямят тебе ленивые богатины? Они родом чванятся, да вотчинами, да престолами, на которых сидели их деды или прадеды, а для воинского дела слабы. Один князюшка бежал, будто пес от хозяина, другие Литве скормили большое войско, третьи затевают против тебя крамолу. В службишках же стали неприлежны, и с врагом пить смертную чашу боятся. То ли дело мы, твои верные слуги, старинные бояре, что еще предкам твоим верно служили! Правь сам, отгони княжье, порушь нынешний обычай, а мы как собаки у твоих ног будем грызть — что внешнего супротивника, что внутреннего! Все мы, холопы твои, послужим тебе лучше этих высокоумных княжат. Смилуйся, великий государь, пожалуй!»

Княжата об этих разговорах знали. Не напрасно голос русского княжя, Андрей Курбский, с такой ненавистью писал о Басманове, обращаясь к царю: «Знаю я из Священного Писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист. И ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который и сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, он и есть антихрист: не пристало тебе, царь, иметь таких советчиков. В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммонитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входят»...» И еще разок, с неменьшим чувством: «...знаменитый прихлебатель, маниак... и губитель... святорусской земли»^[187]. Еще бы! Алексей Данилович Басманов собирался отменить порядок, при котором титулованная знать получила абсолютное преобладание. Это, знаете ли, враг. И рисовал его князь-перебежчик сплошь черным цветом. Не помяная о мужестве Басманова, о его победах...

Так чего хотел Алексей Данилович, укладывая первые камни в фундамент опричной системы? Всего-навсего подкорректировать существующий порядок, потеснить княжат. Дать больше простора для карьеры своей родне, да и вообще отпрыскам древних родов, столетиями поставлявших верных слуг московским государям.

А Иван Васильевич внимал заслуженному воеводе, соглашался да в конце концов и сотворил опричнину. Которая на шестом году существования сожрала самого Басманова...

Итак, в январе 1565 года появилась опричина.

Алексей Данилович оказался среди тех, кто определял список опричных дворян «первого набора»^[188]. Он же, став лидером опричной

Боярской думы, имея большое влияние на царя, мог распоряжаться лучшими опричными должностями на благо семьи.

И все огромное семейство Плещеевых должно было каждый день поминать в молитвах столь рачительного и заботливого человека!

Ближайшая родня его без проблем получила то, к чему он с таким упорством шел всю жизнь. В первую очередь Алексей Данилович позаботился о сыне-любимце.

У Федора Алексеевича Басманова-Плещеева к началу опричнины за плечами имелось всего две «именные» службы^[189]. Во-первых, в полоцком походе зимой 1562/63 года Федор Алексеевич занимал очень скромную должность поддатни (помощника) у рынды (оруженосца и почетного охранника) с третьим саадаком (набором вооружения конного лучника), а затем просто присутствовал в царской свите^[190]. Во-вторых, после взятия города 15 февраля 1563 года его отправили из-под Полоцка с реляцией о победе ко двору Старицких. Когда в 1564 году Алексей Данилович заперся от крымских татар в Рязани и отстоял город, сын был вместе с ним. Вот, собственно, и всё. После учреждения опричнины Ф. А. Басманов получил дворовый чин кравчего, но в первые годы на военной службе оставался малозаметной персоной. Он был «воеводой для посылок» в походе осенью 1567 года, прерванном на полпути, и лишь весной 1568 года получил пост Первого воеводы Передового полка, развернутого в составе трехполковой опричной рати против литовцев под Вязьмой.

И вот в 7077 (видимо, весна — лето 1569-го) году его ставят первым воеводой большой пятиполковой опричной рати под Калугой и даже подчиняют ему «лутчих людей» из земского войска^[191]. Триумф! Отец Федора Алексеевича, на протяжении всей жизни тяжело продвигавшийся по лестнице военных чинов, но так и не удостоенный статуса командующего полевой армией, обеспечил сыну эту должность. Притом триумфу Федора Алексеевича предшествовал на редкость краткий служебный маршрут. Для таких постов он был просто... щенок. Пустое место.

Вместе с тем это было последнее его воинское назначение перед опалой... Р. Г. Скрынников сообщает некоторые данные о службах Федора Алексеевича, на первый взгляд способные изменить представление о его боевом опыте в сторону увеличения; однако данные эти не отличаются достоверностью и могут лишь ввести в заблуждение. Так, Р. Г. Скрынников пишет: «Во время выступления опричной армии к литовской границе в 1568 году он возглавлял опричный Передовой полк. Около того же времени

Федор Басманов был назначен первым наместником Старицы...»^[192] Р. Г. Скрынников ссылается на записки Г. Штадена. Но передача Штаденом фразы Ф. А. Басманова-Плещеева: «Этот уезд (Старицкий. — Д. В.)... отдан теперь мне»^[193] — еще не свидетельствует, что тот был именно наместником старицким.

Иными словами, Федор Алексеевич на военной службе не проявил себя ни самостоятельными победами над неприятелем, ни долгой честной работой на переднем крае, но очень быстро выскочил на самый верх армейской иерархии.

Еще С. Б. Веселовский собрал о нем ряд крайне негативных высказываний: князь Андрей Курбский, немцы-опричники И. Таубе и Э. Крузе, а также долго живший в Москве А. Шлихтинг пишут о нем одинаково неприязненно^[194]. По их свидетельствам, Басманов-младший делал себе карьеру «содомским блудотворением» с царем, к тому же он жестокими интригами вызывал гнев государя против других вельмож. Его считали виновником гибели князя Д. Ф. Овчины-Оболенского. Князь поссорился с Федором Басмановым и обвинил его в противоестественных отношениях с царем. Подобная дерзость сильно оскорбила Грозного. Вызвав воеводу во дворец, он велел псарям задушить его. Курбский даже считал, что Басманов-старший намеренно жертвует сыном. Г. Штаден также полагал, что с Федором Алексеевичем «великий князь предавался разврату»^[195]. Допустим, показание Курбского, ненавидевшего новое окружение Ивана IV, заведомо должно быть подвергнуто сомнению; допустим, Таубе и Крузе собирали злые сплетни и порочили всю опричнину от вершков ее до корешков; но слова Шлихтинга и Штадена, у которых не было явных причин питать предубеждение против Басманова, должны быть приняты во внимание. Более того, Штаден сам испытал благоволение со стороны Федора Алексеевича^[196] и тем не менее пишет о нем неодобрительно. Из XXI столетия невозможно определить, был ли тяжкий содомский грех на совести царя и Басманова-младшего или все-таки ничего подобного не случилось, и только сплетни ходили по палатам княжат. Но, во всяком случае, у современников он оставил впечатление человека скверного и порочного. Что же касается движения по карьерной лестнице, то для этого Федору Алексеевичу — был он содомитским фаворитом Ивана IV или нет — хватало влияния боярина-отца и женитьбы на княгине В. В. Сицкой, племяннице царицы Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Также, по мнению Курбского, Федор Алексеевич «зарезал рукою

своею отца своего Алексея»^[197] — надо полагать, отводя от себя обвинения в измене и показывая верность Ивану IV. Однако это известие вызвало сомнения по части достоверности у целого ряда исследователей. Во всяком случае, Басманов-младший не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Точная дата и обстоятельства его смерти неизвестны, однако отца он пережил ненадолго. Лишь С. Б. Веселовский указывает на одну довольно странную деталь: «Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано «По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь... 100 рублей». Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора»^[198].

Честолюбивый сынок был у Алексея Даниловича. Высоко взлетел — не по правде. А потом больно грянулся оземь со всем родом, и виден в этом высший суд.

Совсем другая история — с Иваном Дмитриевичем Плещеевым Колодкой. Только милостью Алексея Даниловича можно объяснить неожиданный взлет И. Д. Плещеева. В семействе Плещеевых он был старшим представителем. Его отец, Дмитрий Михайлович, добился когда-то околичества, но сам Иван Дмитриевич ни заслугами, ни высокими чинами до опричнины отмечен не был. В «Дворовой тетради»^[199] он числился заурядным дворовым сыном боярским по Переславлю-Залесскому. Разрядами до опричнины он просто не замечен (!) и, надо полагать, совершенно не обладал командным опытом. Не ходил в воеводах, не бывал и в головах. Еще раз, для ясности: в русской армии он был никто.

И вдруг — высшее и несколько просто высоких назначений в опричном корпусе!

Судя по разрядной росписи опричного выхода под Калугу весной 1568 года, Иван Дмитриевич был назначен опричным «главнокомандующим» — первым воеводой Большого полка. Одновременно с этим войском в районе Одоева и Мценска разворачивалась вторая опричная армия — под командой А. И. Плещеева-Очина. По свидетельству росписи совместного похода одоевских и калужских полков, который так и не был совершен, Иван Дмитриевич стоял выше А. И. Плещеева-Очина: в случае схода тот должен был подчиниться^[200]. Весной 1568 года И. Д. Плещеев Колодка возглавлял небольшой отряд опричников в той же Калуге. В конце 1568-го — первых месяцах 1569 года стоял с крупными силами опричнины (отряды еще трех военачальников) во Ржеве Володимирове как первый воевода. В 1569 году, видимо на весенние и летние месяцы до августа включительно,

его назначили первым воеводой полка Правой руки вместо умершего А. П. Телятевского в большой опричной армии, стоявшей под Калугой, а затем передвинутый к Туле. И. Д. Плещеев оказался в подчинении у своего родственника Ф. А. Басманова-Плещеева, который на этот раз был поставлен главнокомандующим. В мае 1570 года Ивана Дмитриевича расписали первым воеводой в отряде, стоявшем «у Онтонья Великого» по вестям^[201]. Возможно, тогда часть подчиненных ему сил участвовала в разгроме крымских татар, совершившемся 21 мая под Зарайском.

Это немыслимая, фантастическая карьера! По современным понятиям, не будучи даже капитаном, Иван Дмитриевич прыгнул сразу в маршалы. Даже Федор Басманов двигался вверх не столь стремительно.

С. Б. Веселовский ошибочно писал об И. Д. Плещееве, что он «на службе в опричнине ничем не отличился»^[202]. Между тем одно время в опричной военной иерархии Иван Дмитриевич стоял на первом месте! Более справедливо, думается, мнение Р. Г. Скрынникова, считавшего Ивана Дмитриевича «высокопоставленным опричником»^[203]. После падения А. Д. Басманова-Плещеева в службах его родича виден перерыв на полтора года. После этого он получает скромное назначение третьим воеводой Сторожевого полка (1572); вскоре идет в маленький Орешек «по ореховским вестям» для «береженья»^[204].

Очевидно, этот человек на деле доказал, что силен не одними лишь родственными связями, но и воинским умением. Поэтому он уцелел в период опалы на Плещеевых и смог через некоторое время возобновить подъем по карьерной лестнице. После нескольких низких должностей он вновь идет в гору. Ивана Дмитриевича постоянно отправляют на передний край «ливонского фронта». В 1573 году он уже назначается воеводой Юрьева-Ливонского. Правда, позднее его будут ставить большей частью вторым или третьим воеводой в Юрьеве, но и это — заметная должность. В 1575–1576 годах он возглавил гарнизон недавно захваченной Пайды. В 1582 году Ивана Дмитриевича поставили первым воеводой Передового полка в одном из последних больших походов Ливонской войны. Таким образом, он вернулся почти на тот уровень, каким располагал в годы опричнины.

Двумя годами позднее, в первый же месяц правления царя Федора Ивановича, И. Д. Плещеева поставят вторым по значению воеводой полевой армии, отправленной под Серпухов «для приходу крымского царя и нагайских мурз»^[205].

Вскоре этот военачальник был отставлен от службы, вероятно, по

«ветхости» лет. В 1577 году он еще фигурирует в «боярском списке» (статья «дворяне»), но в аналогичном документе 1585–1587 годов против его имени уже стоит пометка: «Нет. В деревне»^[206]. Что ж, на сей раз опричнина и родственная поддержка сделали крупным московским военачальником дельного человека. Не видно, чтобы он блистал полководческим талантом, во всяком случае, это никак не проявилось в боевой обстановке. Но его, скорее всего, считали толковым, надежным командиром, иначе не ставили бы на протяжении шестнадцати лет на воеводские должности.

Хорошая биография, изобилующая неожиданными поворотами: несправедливое возвышение, честная служба, падение по чужой вине, опять честная служба, возврат прежнего высокого положения... и вновь — честная служба. Этот человек на всякий новый зигзаг карьеры отвечал простым служебным усердием. Не проваливал дел, ему порученных. Не марал рук палачеством. Не роптал. Не строил заговоров. Не бегал через литовский рубеж в стан неприятеля. Как подставил хребтину, так и волок груз до старости. И не важно, уменьшался или увеличивался этот груз... Что ж, Бог не дал Ивану Дмитриевичу прославиться, но зато уберег его от преждевременной смерти и бесчестия. Хорошая биография.

Другим Плещеевым выпало иное.

Захарий Иванович Плещеев-Очин был родней А. Д. Басманову, хотя и не столь близкой: семейства Очиных и Басмановых восходили к единому предку — боярину Даниле Борисовичу Плещееву, большому вельможе времен Василия II Темного и Ивана III Великого. Захарий Иванович имел самый богатый опыт и самый солидный послужной список среди всех главных воевод опричнины. Он отстаивал честь русского оружия во многих битвах, проявил себя как энергичный, инициативный и храбрый командир. Однако его карьера показывает: самостоятельно командуя крупными полевыми соединениями, Захарий Иванович нередко приводил их к поражению; особого полководческого таланта у него, таким образом, не видно.

Осенью 1554 года на Захария Ивановича свалилась очень странная радость. Летопись сообщает о том, что в Москву доставлены были пленный хан астраханский Емгурчи и его семья. Их встретили с почетом. Среди «цариц астраханских» была «меншица» (младшая?) Ельякши, родившая по дороге в Москву царевича Ярашты. «И приехав к Москве, царь и великий князь государь велел царевича крестити и с матерью; и наречено царевичю имя Петр, а матери его Ули-янея. И царь великий государь пожаловал царицу, велел ее дати замуж за Захария Ивановича

Плещеева, а царевича велел кормити матери его, доколе возмужает»^[207]. Таким образом, с одной стороны, семейство старомосковской нетитулованной знати получило прибавку «царской крови», хотя и татарской... а с другой — З. И. Плещееву-Очину достались чужая жена и чужой ребенок. Впрочем, как знать, не влюбился ли Захарий Иванович в Ельякши-Ульянию и не добивался ли сам такой необычной почести? С. Б. Веселовский считал, что «этот политический брак обеспечил Захарию Ивановичу милостивое отношение царя»^[208]. Но это не подтверждается фактами: два или три раза на воеводу обрушивались опалы, и последней он не пережил. Очевидно, царская милость не заходила слишком далеко.

В 1555 году Захария Ивановича отправляли вместе с князем А. И. Ногтевым-Суздальским и П. П. Головиным расследовать причины вооруженного конфликта на шведско-новгородской границе в Карелии (и заодно поставили командовать Сторожевым полком в формирующейся для отпора шведам рати). После того как стало ясно, что война неизбежна, военачальник остался в полосе конфликта и действовал удачно. В частности, вместе с князем Ногтевым он разбил шведский осадный корпус у Орешка. Затем пошел первым воеводой полка Левой руки в составе большой русской армии, наголову разгромившей шведов под Выборгом^[209]. Осенью 1557 года его отправили в Путивль, по всей видимости, для землеописания (сказано: «в Путивле пишет»). Служба Захария Ивановича на ливонском театре военных действий складывалась не столь успешно, как на карельском. Его назначили командовать Сторожевым полком в армии, вставшей под Юрьевом-Ливонским. В октябре — ноябре 1559 года он совершил ряд удачных набегов на земли ордена, однако позже два раза терпел поражение; во второй раз его разбили всерьез: воевода потерял обоз и более тысячи человек одними убитыми. По свидетельству летописи, в столь тяжком разгроме виноваты несогласованность в действиях русских воевод и беспечность самого Плещеева-Очина: он не наладил караульную службу. К тому же военачальник вступил в жестокий местнический конфликт с Замятней Сабуровым, что ощутимо помешало служебной деятельности. В течение нескольких лет его имя не всплывает в разрядных списках: с высокой долей вероятности, государь положил на него опалу. В октябре 1562 года ему «сказано» окольниковство, и он вместе с Д. Г. Плещеевым на Можайске раздает дворы; в большом зимнем походе к Полоцку Захарий Иванович участвовал вместе со всем цветом русских командных кадров. Воевода нигде в боевых действиях не отличился, но 17 февраля 1563 года ему

доверена была ответственная служба: вместе с тремя иными командирами охранять полоцкого воеводу Станислава До-войну и других знатных пленников; 18 февраля его перевели на должность первого воеводы в острог «за городом», где он, видимо, и остался после возвращения русской армии^[210]. За поражение большого русского войска под Улой в январе 1564 года Захарий Иванович и князь И. П. Охлябинин, бывшие в нем воеводами, подверглись опале. Тогда они оба попали к литовцам в плен, а помимо двух этих «имянных людей» пленниками стали многие русские дворяне; неприятель захватил и обоз^[211]. Главный виновник поражения, старший из воевод князь П. И. Шуйский, имевший славу удачливого полководца, бежал с поля боя и погиб от рук литовских «мужиков»^[212]. Это было не просто поражение, а еще и позор, и утрата стратегической инициативы.

В 7074 (1565/1566) году 26 «князей и детей боярских» подписали поручную запись на боярина З. И. Плещеева-Очина «в том, что ему... в Литву не бежати и них которому государеву недругу нигде в удел не отъехать и не постричься... А побегит он... в Литву или х которому ко государеву недругу в удел отъедет, или пострижетца, или безвестно где денетца, ино... на порутчикех четыре тысячи рублей денег и... порутчиковы головы в его голову место»^[213]. Иными словами, воеводе перестали доверять. Вернувшись из недолгого плена, Захарий Иванович длительное время не мог восстановить прежнее доверие Ивана IV и свое высокое положение. Его должность в большом осеннем походе русской армии 1567 года, свернутом на полпути, показывает, как много он потерял в карьерном смысле: его поставили всего-навсего вторым воеводой «на посылку» — ничтожный пост!

Очевидно, в 1567 году он и попал в опричнину, где удостоился боярского чина^[214]. Как видно, без протекции со стороны Алексея Даниловича Басманова-Плещеева тут не обошлось. Положение Плещеева-Очина начало понемногу восстанавливаться — вот он уже вновь в воеводских чинах.

Итак, Захарию Ивановичу следовало опять-таки благодарить родню: Басмановых. Они в конечном итоге вывели воеводу на высоту, которой до опричнины у него не было... Родня же и свела Захария Ивановича в могилу: очевидно, его коснулась общая опала 1570 года на Плещеевых: имя опричного боярина попало в синодик казненных^[215].

Дорог ли был «подарок» боярина Басманова опричной армии? Захарий Иванович — воевода хотя и опытный, однако же неудачливый и, по всей видимости, безыскусный. Его поражение в 1559 году поставило в тяжелое

положение самого Алексея Даниловича и его войсковую группировку на ливонском фронте. Но Басманов поддерживал родню даже и в тех случаях, когда ему приходилось терпеть от нее неприятности. Захарий Иванович получил по службе больше, чем стоили его способности, и заведомо больше, чем он мог претендовать по знатности. Но его-то Бог не уберег, как Ивана Дмитриевича Плещеева Колодку...

Достались служебные «подарки» и другим Плещеевым, перечислять которые здесь будет слишком долго и утомительно. Род высоко поднялся вслед за А. Д. Басмановым — вот очевидный факт.

Алексей Данилович взял свое в этой жизни. На закатной ее поре ему могло не хватать лишь власти, влияния. Иными словами, возможности вершить большие государственные дела. Он это получил. Вероятно, Басманову требовалось насолить старинным соперникам московского боярства — княжатам, взять над ними верх. Тут он преуспел. Княжатам из числа знатнейших путь в опричнину оказался заказан на первые пять лет ее существования... Еще боярину требовался инструмент, с помощью которого он мог бы возвысить родичей — ближних и дальних. О! Эту задачу ему удалось выполнить целиком и полностью. Если взглянуть на раннюю опричнину глазами одного из ее «отцов-основателей», то она предстанет как «семейное дело». Как богатый и перспективный «подряд», выданный великим государем нескольким боярским родам, но прежде всего — именно Плещеевым. Более того, если говорить современным языком, этот «подряд» изначально являлся еще и «проектом», выпестованным Алексеем Даниловичем.

Так что такое опричнина, если глядеть с колокольни боярина Басманова? Безусловное благо. Отдых после нескольких десятилетий служебных тягот. Исправление ситуации, при которой вся социальная среда, породившая этого человека, терпела униженное состояние. Обеспеченное будущее для всего рода. Долгожданный реванш.

Вот только упоительно прибыльный «проект» обернется большими сложностями. В том числе и для самого «отца-основателя» боярина Басманова. Причина проста: одного хотели от опричнины старинные боярские роды Москвы, другого искал в ней государь Иван Васильевич, а жизнь направила ход событий по третьему руслу. И в итоге получилось нечто такое, чего не ожидал никто.

Прежде всего никто не рассчитывал, что опричнина вызовет столь концентрированное недовольство и даже открытое сопротивление. Во-вторых, никто, помимо самого монарха, даже не мог представить, сколь свирепыми мерами будет подавляться это сопротивление. А порой и просто

ть, возможность сопротивления...

Многие видные опричники последовательно проходили через цепь испытаний, делавшихся от раза к разу все более жестокими; проверялось, как далеко может зайти человек, желая сохранить свое положение в опричной иерархии. И далеко не всегда те, кто стоял у истоков опричной иерархии, могли переступить через себя — через веру и совесть.

Подобные испытания выпали и на долю Алексея Даниловича. С первым из них ему пришлось столкнуться осенью 1568 года.

У опричнины было немало противников. Еще летом 1566 года, после того как завершился Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны, открыто выступила оппозиция. Ее вожди били челом великому государю об опричнине: «не достоин сему быти». Некоторые из них поплатились за свою дерзость головами... Позднее открылся заговор (то ли видимость заговора, якобы возглавленного высокородным вельможей Иваном Петровичем Федоровым). Но самым упорным и самым серьезным действительным врагом опричных порядков оказался митрополит Филипп.

Заняв митрополичью кафедру в Москве летом 1566 года, он начал с того, что потребовал у царя отменить опричнину. Тогда Ивану IV удалось достигнуть компромисса с суровым духовным пастырем. Однако расследование «дела Федорова» привело к массовым репрессиям — впервые в политической истории России. Митрополит сначала тайно увещевал государя, вымаливая милосердие для своей паствы. Это ничуть не помогло. Тогда он выступил открыто.

Филипп публично отказался благословить царя. Мало того, он начал принародно обличать опричнину, поскольку видел в ней нарушение Христовых заповедей.

Ранняя опричнина стояла на представителях старинных московских боярских родов. Колычёвы-Умные, близкая родня митрополита, как уже говорилось, вошли в тесный круг семей, руководивших ею бок о бок с монархом. Очевидно, именно они способствовали возвышению Филиппа. Прежде он был игуменом Соловецкого монастыря, то есть настоятелем далеко не самой известной русской обители на самом краю христианской ойкумены. И вдруг его вызвали в Москву, поставили на митрополичью кафедру... Колычёвы-Умные, очевидно, полагали увидеть в родиче все ту же старинную «доблесть» — умение порадеть за семейство. Да высокие роды нетитулованной знати, надо полагать, с облегчением вздохнули, когда предшественник Филиппа, несговорчивый митрополит Афанасий, покинул кафедру, а на смену ему пришел «свой человек». Вероятно, Умные, подготавливая взлет Филиппу, говаривали другим столпам опричнины что-

либо вроде: «Да он из наших!»

И впрямь Филипп, в миру Федор Степанович Колычев, был выходцем именно из этой среды. Вот только он сломал в своей личности все душевные устремления, на которые могло бы опереться чувство родовой взаимовыручки. Он прошел суровую монашескую школу на Соловках. Он возвысился там до настоящих духовных подвигов. И не собирался возвращаться к бытовой правде: «Как не порадеть своему человечку?»

Так что на место Афанасия, недовольного опричниной, но не смевшего возвыситься до публичного словесного бичевания опричников, пришел митрополит-кремень, дерзнувший и самому государю бросать укоризны.

Всю первую половину 1568 года длилось противостояние государя и митрополита. Иван Васильевич требовал повиновения. Филипп не повиновался. Напротив, он все усиливал свои обличения опричных кровопролитий, ибо видел в них попрание Христовой веры, за которую он готов был принять мучение.

Митрополита попытались обвинить в гомосексуализме. Обвинения скоро были опровергнуты. Большая «комиссия» следователей отправилась на Соловки — производить «дознание» о тех годах, которые Филипп провел там на игуменстве. Отношения с царем накалились до предела, доходило до ссор в присутствии множества людей.

Осенью 1568 года гром грянул.

Странные и некрасивые события произошли, по разным источникам, то ли 4-го, то ли 8 ноября^[216].

Митрополит Филипп служил в Успенском соборе, когда под церковные своды ворвалась воинская команда во главе с великим опричным боярином Алексеем Даниловичем Басмановым-Плещеевым. Он сыграл роль главного распорядителя.

Алексей Данилович объявил Филиппу волю царя: «Ты недостойн святительского сана!» Из-за спины его вышли приказные люди и принялись зачитывать показания лжесвидетелей. Филипп смиренно смотрел на своих гонителей, не говоря ни слова в свое оправдание и не пытаясь с ними спорить. Как только смолкли голоса чтецов, Басманов подал своим людям знак, и те бросились на Филиппа, сорвали с него архиерейское облачение со знаками сана. Митрополит оставался спокоен. Его позорили, его пытались выставить в жалком свете, но вышло иначе. Он не выдал ни словом, ни жестом страха или удивления. Как сообщает Житие Филиппа, стоя в разорванных одеждах, митрополит отворотился от опричников и недрогнувшим голосом промолвил, обращаясь к священнослужителям: «О чада! Скорблю, расставаясь с вами, но радуюсь, что послужил Церкви.

Церковь наша овдовеет, и будут в ней пастыри как презренные наемники»... Подскочившие опричники не дали ему попроситься. Они напялили на митрополита рваную монашескую рясу, сшитую из лоскутов. Затем Филиппа вытолкали из храма, нанося удары метлами, и посадили на воз. Пока его вывозили из Кремля, охрана изощрялась в брани. Опальному архиерею грозили страшными наказаниями.

Филипп произнес: «Чего Бог не позволит, того человек не совершит, ибо Он нам помогает. Нам думать не о мимо-текущем, а о лучшем и вечном, а Бог наши тщания повернет к делу...» Что было тогда «мимотекущим» для злобного эскорта? Не боясь Высшего судии, выслужиться перед начальством, избив старика в лоскутной рясе.

В сохранении опричных порядков Алексей Данилович был кровно заинтересован. Именно так! Его вел голос крови. Ведь боярину удалось привести на высокие воеводские посты и придворные («дворовые», как тогда говорили) должности добрый десяток родственников. Далеко не все они перечислены выше — басмановских «выдвиженцев» было больше. Его сын оказался главнейшим царским фаворитом. Если бы Иван IV отменил опричнину, все они рисковали лишиться положения... кроме самого боярина Басманова, поднявшегося честно — кровью и потом.

Его руками государь Иван Васильевич свергал и позорил митрополита Филиппа, позднее причисленного Русской православной церковью к лику святых... Главе нашей Церкви еще предстояло пройти немало унижений, ссылку и смерть от рук Малюты Скуратова. Среди гонителей пастыря видное место занял Алексей Данилович, опричный боярин.

Что, некрасиво? Басманов — великий человек, сильный человек, полководец, украшенный многими заслугами перед отечеством. И — такое нравственное падение.

Алексей Данилович попал тогда в трагическое положение. Борясь, быть может, с голосом веры, он избавлял родню от угрозы, исходившей от митрополита-обличителя. Тяжело, наверное, приходилось этому человеку идти против совести, защищая семью... А о том, что совесть у него была и он отнюдь не являлся бездушным палачом, говорит история его гибели.

В конце 1569-го — в 1570 году царь совершит с опричным войском поход по северным русским землям, разоряя города и совершая душегубства в массовом порядке. Больше всего пострадал тогда Новгород Великий с областью, поэтому иногда этот поход именуют «новгородским». Новгородцев обвиняли в измене, архиепископу Новгородскому Пимену инкриминировали переговоры с неприятелем, целью которых якобы была передача Новгорода и Пскова под иноземное владычество.

Известно, что после окончания большого опричного похода старые вожди опричнины — князь Афанасий Вяземский и Алексей Басманов-Плещеев также оказались в числе обвиняемых. Их объявили первыми пособниками Пимена; Басманова в 1570 году казнили вместе с родственниками. Известно, что Вяземский предупреждал Пимена о готовящейся карательной акции. Видимо, и Басманов так или иначе противился кровавому походу. Возможно, и он пытался сообщить новгородцам о том, какая беда ждет их в ближайшем времени. А может быть, просто попробовал отговорить царя от столь страшного плана.

«Отцы-основатели» опричнины были самостоятельными людьми, а не бездумными исполнителями. Они свое положение считали прочным хотя бы потому, что получили его заслуженно. Они готовы были допустить казни — ради сохранения опричнины. Много казней. Ведь «семейное дело»! Они готовы были даже замараться делами неприятными и душевредными — как, например, эпизод со свержением митрополита Филиппа. Но для них все-таки существовала нравственная граница. Они изначально не являлись ни палачами, ни карателями. Тем более не обретался в них революционный дух, требовавший перевернуть традиционные основы русской жизни, вздыбить ее и уничтожить всех противников такого переворота. Они желали кое-какие детали поправить, но не искали способа перевернуть старинные устои вверх тормашками. И однажды кровавые «постановки» царственного «режиссера» стали приводить их в ужас. Надо полагать, Вяземский и Басманов дошли до той черты, которую не смогли переступить. Еще до большой опалы на Плещеевых пострадали несколько человек из их рода. Быть может, Алексей Данилович наивно верил, что сможет «повлиять» на царя, отговаривая его от жуткой затеи, и дорого расплатился за свою веру. В этой его «измене» проступают человеческие черты. Тут он опять выбился из рода, как выбивался, когда выходил на поле боя и единолично принимал победные тактические решения. Тут он интересами семейства рисковал ради чего-то более высокого и в житейском смысле проиграл... Но нравственно — выиграл. А потому достоин доброй памяти как человек, сумевший вовремя остановить помрачение собственной души.

Итак, карьера А. Д. Басманова-Плещеева рухнула, потащив за собой в пропасть карьеры многочисленных родственников. Причем некоторых казнили вместе с ним, других пораньше или чуть погодя, третьи потеряли в чинах... Сложилась ситуация, в которой можно прозреть некую притчу, рассказанную Богом: великий царедворец пошел против Него, боясь за положение родни, и вот скатилась голова вельможи, а вслед за тем

свершилось то, чего он так опасался. Как уже говорилось, современники рассказывали печальную историю: если один сын боярина, Петр, погиб вместе с главой семьи, то другой, Федор, тот самый фаворит Ивана Грозного, будто бы зарезал отца, желая сохранить собственную жизнь [\[217\]](#) ... Если это действительно так, то выходит, что родная кровь лихо отплатила боярину за заботу.

А для нашего современника хорошо бы помнить: боярин Басманов пробыл в опричнине всего лишь пять-шесть лет. Получив своего рода «клеймо» отъявленного опричника в памяти народной и в исторической науке, он не столь уж много внимания привлекал в иной роли, а именно в роли полководца. Между тем за его спиной Казань, Судьбищи, Нарва и Рязань, а также более двадцати лет военной службы в командных чинах. В судьбе этого человека стоит отделить зерна от плевел; многое достойно славы, и слава да пребудет с ним; многое достойно порицания, и нет причины от этого порицания его спасать; пускай останется в истории «пестрым» — как и его семья, как и старомосковское боярство грозненской эпохи в целом.

Глава 7

КНЯЗЬ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ

Между юной Россией и Великим княжеством Литовским в XV веке существовала широкая «буферная зона». За контроль над нею два гиганта боролись десятилетиями. «Лента» спорных земель состояла из нескольких княжений — больших и малых, которыми правили «полугосудари». Право местных удельных князей на власть в этих местах опиралось на древнюю традицию. Их предки правили тут десятилетиями, а то и веками. Одни большей частью принадлежали к многолюдному и разветвленному Черниговскому дому Рюриковичей (в основном их земли лежали по Оке), другие вышли из Московского дома, но когда-то предпочли службу Литве, третьи относились к числу потомков Гедимина и от высокой родни получили здесь богатые пожалования. Все они сохранили, кто-то в значительном объеме, а кто-то в меньшем, права почти что суверенитета. Их зависимость от великих центров государственности оставалась слабой, ограниченной.

Когда Москва и Вильно вступили при Иване III в титаническую борьбу, местные князья в подавляющем большинстве своем встали на сторону Москвы. И великий князь Иван Васильевич в награду за союзничество или как минимум за покорность сохранил за многими правителями из «буферной зоны» широкие права автономии. Они имели собственный двор, собственную, притом порой весьма многочисленную армию, самостоятельно рассуживали подданных, вели независимую финансовую политику. Их разве что лишили прав на суверенную дипломатическую деятельность, отобрали монетную регалию да обязали выставлять полки в поле по первому требованию Москвы. Но так не могло продолжаться вечно. Постепенно Москва отбирала у них прежнюю самостоятельность, превращала их владения в области единого Русского государства с общим централизованным управлением, а их самих, взамен, включала в состав военно-политической элиты России, делившей власть над страной с самим монархом. Где-то процесс инкорпорирования шел быстрее, где-то медленнее, но шел он повсюду, неотвратимо. И чем более значительными землями обладали бывшие «полугосудари» или их потомки, тем трагичнее, тем болезненнее проходил слом их древних полномочий.

Москва неотвратимо сносила громадные утесы старины удельной — как море разрушает скалы жестокими штормами.

Князь Михаил Иванович Воротынский оказался в числе этих самых утесов меркнувшей удельной эпохи.

Князь Михаил Иванович Воротынский был чудовищно богат.

Князь Михаил Иванович Воротынский никогда не был изменником, но в силу одних только своих прав на необъятную родовую собственность то и дело оказывался под подозрением.

Князь Михаил Иванович Воротынский всю сознательную часть своей жизни был доблестным, но неудобным человеком.

После кончины нескольких родственников Михаил Иванович оказался владельцем колоссальной области, включавшей несколько городов. В 1566 году князь составил завещание, где были перечислены все необъятные земельные владения рода Воротынских, одно время сосредоточившиеся у него в руках. Среди них: Перемышль, Старый Одоев, Новосиль, часть Воротынского уезда, Чернь и другие волости^[218]. Фактически князь Воротынский был хозяином территории, равной европейскому государству средних размеров. К тому же в отношении своих земель он имел права полусамостоятельного правителя. Этого хватило бы вполне, чтобы сделаться *полностью самостоятельным* государем, независимым и от Москвы, и от Литвы. Доходы, которые он получал с нескольких городов, а также войско, которое он мог выставить в одиночку, без каких-либо союзников, позволяли такой оборот событий. Препятствовало подобному кулбиту по большому счету одно. Если посмотреть на карту, станет ясно: «держава» Воротынского располагалась к югу от основного течения Оки, по соседству с Диким полем. Поэтому, порвав с сюзеренитетом московских государей, Воротынский оказался бы под ударом с трех сторон. Его «княжество» превратилось бы в «трофей» для той же Москвы, для Литвы и — хуже всего! — для воинственных крымцев, которые разорили бы его города за два или три года. Без союзников на юге в ту пору было не выжить...

Для простого выживания требовалось, чтобы на главный оборонительный рубеж русских земель, к Оке, выходили «государевы большие воеводы» с грозными полками Московского царства. И они регулярно делали это — с 1510-х годов. Пока сила государевых полков нависала смертельной опасностью над пестрыми отрядами татарских «царей», «царевичей», «уланов» и «мурз», за Окой могло существовать русское землешество, могли цвести русские города.

Эти обстоятельства повлияли на весь ход судьбы князя, на всю его

карьеру.

Во-первых, его старались не использовать как военачальника в Карелии, на литовском и ливонском рубежах. Почти всегда — на юге и юго-востоке. Это и выглядит естественно: здесь князь мог свободно располагать воинскими силами своих городов, быстро собирать их и бросать на отпор неприятелю. К тому же он был кровно заинтересован в том, чтобы принадлежащие ему земли не разорялись от татарских набегов... Так Воротынский волей-неволей оказался «специалистом» по южному направлению.

Во-вторых, благодаря полной экономической самостоятельности и политической силе Михаила Ивановича московское правительство вечно опасалось измены с его стороны. Когда перебежчиком становится провинциальный сын боярский — это по большому счету ерунда в масштабах всего государства. Когда бежит за рубеж окольный или боярин (особенно если это значительный воевода) — это болезненная проблема, крупная неприятность... Но в общем подобная «авария» тоже исправима. А вот переход на неприятельскую сторону такого «полудержавного властелина», как Воротынский, или хотя бы какая-то тайная договоренность его с крымцами (скажем, о беспрепятственном пропуске их войска через владения князя) могли обернуться катастрофой. Михаила Ивановича побаивались, за ним приглядывали, его «обезвреживали» опалой; исход судьбы князя отчасти предрешен был высочайшим его положением. Такой крупный человек жерновами московской государственности не перемалывался, не становился меньше — настолько меньше, чтобы стать безопасным... Смерть притягивала к себе Воротынского, притягивала, звала, несколько раз приближалась вплотную, заглядывала в самые очи, но медлила; под конец она все-таки добралась до князя. И была она так нехороша, никому не пожелаешь такой смерти. Он ушел из жизни в терновом венце опального победителя, фальшивого изменника. Ушел страшно. Неудобный человек, он принадлежал минувшей эпохе. В XV веке десятки таких властителей правили лоскутной Русью. В XVI остались двое-трое. Но и этого было слишком много, ибо время поменяло цвета. Единодержавие утверждало себя сталью и кровью. Оно было благом и в то же время — тяжким бременем для страны.

Воротынские происходили от черниговских князей-Рюриковичей. Их семейство перешло из литовских владений на службу великому князю московскому Ивану III Великому в 1487 году. Затем они служили — иногда удачно, иногда не слишком — его наследнику Василию III.

Исчерпывающее «резюме» всей карьере отца нашего героя, князя

Ивана Михайловича, принадлежит перу историка А. А. Зимина: «И. М. Воротынский при дворе Василия III занимал высокое положение «слуги», сохраняя остатки былой независимости. В военных действиях он принимал участие только тогда, когда речь шла о южных и западных границах Руси, то есть о территориях, непосредственно связанных с его уделом... В военных службах при кн. Иване, как и при других служилых князьях, то в первых, то во вторых воеводах неотступно находились московские военачальники, как бы страхуя Василия III от возможной измены Воротынского князя. Самостоятельное руководство крупными вооруженными соединениями И. М. Воротынскому не поручалось»^[219].

Среди «служилых князей» Иван Михайлович Воротынский был своего рода рекордсменом по числу наиболее значительных воеводских назначений. На общем фоне таких же князей, еще недавно имевших почти полную независимость, а ныне впрягшихся в тяжелую лямку российской государственности под рукой сурового возницы — великого князя московского, И. М. Воротынский представляет собой необычный феномен. Он ставился во главе больших ратей полтора десятка раз, и из всех крупных полководцев эпохи Василия III сравниться с ним по количеству подобного рода назначений может один лишь князь В. В. Шуйский-Немой, доверенный государев служилец. Иначе говоря, он с редкими перерывами без конца исполнял воеводскую службу. Это, думается, свидетельствует о незаурядном доверии к Воротынскому со стороны Василия III и не менее того — о тактическом таланте князя. Не вполне прав А. А. Зимин, когда пишет, что самостоятельное командование полевыми соединениями ему не поручалось. Нет, и такое бывало, притом бывало неоднократно. Но даже если Воротынского и сопровождали в походе великокняжеские воеводы, он имел право на значительный диапазон самостоятельных действий.

С другой стороны, особое положение Ивана Михайловича при великих князьях московских может быть связано и с особым положением его до перехода под власть Москвы (это произошло еще при Иване III). По меткому замечанию современного историка М. М. Крома, под управлением великих князей литовских «в отличие от своей «братии» — других черниговских княжат, Воротынские и Одоевские не превратились в обычных вотчинников и сохранили к концу столетия княжеские права... Как подобает князьям, Воротынские и Одоевские имели собственных бояр и слуг, которых жаловали за службу селами... Воротынские располагали, можно предположить, внушительными отрядами вооруженных слуг — судя по их набегам на соседние территории в 80—90-х гг.»^[220].

Иначе говоря, московское правительство стремилось как можно чаще использовать самостоятельный военный ресурс удела Воротынских.

Летом 1535 года Иван Михайлович умер.

В лице своего отца Михаил Иванович получил наилучшего наставника по тактике, какого только можно представить. Князь Иван полжизни провел в боях и походах и стал для сына живой военной академией.

Остается добавить: ни отцу Михаила Ивановича, ни ему самому долгое время не давали думных чинов, позволявших проявить себя у рычагов центральной власти. Отец князя ушел из жизни, так и не получив боярского (и даже окольного!) чина. Михаилу Ивановичу боярство досталось всего за несколько лет до гибели. Причина проста: все та же осторожность московского правительства, все то же крайне разборчивое отношение его к богатым служилым князьям. В ряде случаев этот расчет полностью себя оправдывал. Так, в регентство Елены Глинской бежали в Литву князь Семен Федорович Бельский и окольный Иван Васильевич Ляцкий, две очень крупные фигуры. Первый из них впоследствии наводил татар на русские «украины».

В середине XVI столетия переходы представителей русской служилой знати в Литву стали довольно часты. Тут было чего опасаться...

В первую опалу Михаил Иванович попал вместе с отцом, как раз по делу о перебежчиках Бельском и Ляцком. Летопись бесстрастно доносит историю большой трагедии: «Со службы... из Серпухова побежали князь Семен Федорович Бельской да окольный Иван Васильевич сын Лятцкого с сыном. А советников их, брата князя Семенова князя Ивана Федоровича Бельского же да князя Ивана Михайловича Воротынского же *и з детьми* (а значит, и с юным Михаилом Воротынским. — *Д. В.*), велел поимати князь великий и мати его великая княгиня и, оковй, за приставы посадити»^[221]. Это произошло летом 1534 года. Какие-то связи между Воротынскими и Ляцким действительно могли иметь место. Так, Иван Михайлович был женат первым браком на Анастасии Ивановне Захарьиной — близкой родственнице И. В. Ляцкого. Подозрения в том, что князь сыграл роль «советника» в «изменном деле», как тогда выражались, небеспочвенны.

Видимо, условия содержания под стражей оказались тяжелыми — через год Воротынского-старшего не стало. Для него это была вторая большая опала. Первая, относящаяся к 1522 году, продлилась три года и, надо полагать, подкосила его здоровье. Что ж, дети не отвечают за грехи отцов, но часто следуют дорогами, которые когда-то избрали их родители. Так вышло и в судьбе Михаила Ивановича.

В каком возрасте он попал под тяжкую правительственную длань?

Точно сказать трудно. От ареста до первых служб его отделяет почти десятилетие. В 1534 году его считают еще слишком молодым для того, чтобы играть самостоятельную политическую роль, но все же не настолько, чтобы от него совсем не исходило угрозы правящему дому. Елена Глинская, прожив после смерти мужа, Василия III, пять лет, всей огромной властью регентши обрушивалась на малейших врагов своих маленьких сыновей, оставшихся без отца. Она не щадила никого и в любом неповиновении могла усмотреть опасность для потомства. В будущем так же станет действовать Екатерина Медичи... Так вот, младенца Елена Глинская, быть может, еще пощадила бы, но юноша должен был отправиться в заключение вместе с отцом. Таким образом, Михаилу Ивановичу тогда было, всего вероятнее, где-то между пятнадцатью и восемнадцатью годами. Для московской старины 15 лет — возраст очевидной зрелости, пора на службу, да и жену можно заводить... Возраст, когда человек еще юн, но уже может представлять угрозу. Стало быть, родился будущий «командарм» приблизительно между 1516 и 1519 годами.

Вместе с тем, по свидетельству князя А. Курбского, князь Воротынский умер, немного не дожив до шестидесятилетия. Толи нескольких месяцев, то ли нескольких лет — по тексту понять невозможно. Это произошло в 1573 году. Следовательно, речь идет о 1516 годе рождения плюс-минус год-другой.

Начало служебной деятельности вышло у Воротынского довольно успешным. Его карьера стартовала без особого блеска — с точки зрения военного искусства. Вплоть до взятия Казани в 1552 году Михаил Иванович не проявлял выдающихся полководческих талантов. Иногда в нем виден честный служилец, иногда — нечто худшее и меньшее, нежели простой честный служилец. Правда, за долгие годы «работы» на южном направлении князь Воротынский накопил колоссальный боевой опыт, который впоследствии очень ему пригодится.

Знатность и богатство Михаила Ивановича с первых служб выдвигают его в высший эшелон военной иерархии.

В 1539 году он вместе с братом Александром воеводствует в Одоеве.

В августе 1542 года участвует с отрядом из Одоева в погоне за отступающими крымцами. Погоня заканчивается боем на поле Куликовом, выигранным русскими.

В июне 1543 года мы видим Михаила Ивановича в роли первого воеводы с отрядом у Белёва. Годом позже Воротынский служит в Калуге наместником, а заодно числится вторым воеводой в Большом полку армии, вышедшей для «береговой службы».

Спустя полгода, в декабре 1544-го, князь, что называется, сплеховал. Впрочем, не он один. «Безвестно» к Белёву и Одоеву пришло большое войско крымцев во главе со старшим сыном хана, «царевичем» Имин-Гиреем. Это не было «великое нашествие», как, например, в 1541 году. Для русских воевод, оборонявших тогда южный рубеж, — князей Петра Щенятева, Константина Курлятева и Михаила Воротынского, — не составило бы особого труда отбить «царевича». Но они сами разрушили боевое единство, затеяв тяжелую местническую свару. Летописец с ужасом сообщает: «Того ради не пошли помогать тем местам, из-за чего татары, захватив многих пленников, ушли». Это был большой позор.

И следующее назначение князя Воротынского свидетельствует о том, что его постарались вразумить. Он «годует» на воеводстве в далеком и опасном Васильурске. Должность явно не по нему, уровнем ниже. Что же, впредь — наука, когда надо проявлять быстроту и расторопность...

В 1547–1550 годах Михаил Иванович принял участие в двух больших царских походах против Казани, возглавляя отдельные полки. В ту пору он не снискал ни большой славы, ни большого позора. Просто отныне он хорошо знал не только крымское, но и казанское направление.

С весны 1550 года князь Воротынский поставлен в наместники на Костроме. Несколько месяцев спустя в этой должности он участвует в отражении крымских татар. Весну 1551 года воевода встречает в своем Одоеве. А осенью сторожит ногайцев на Рязани.

Любопытно, что к началу 1550-х относится получение Воротынским высокого звания «слуги» государева — на всю Россию таких было лишь несколько человек среди служилых князей. Но это звание он мог получить после нескольких лет военной службы главным образом по знатности и богатству. На его положение в системе чисто армейских чинов оно не повлияло. Лишь подчеркнуло особый почет, которым пользовался Михаил Иванович в силу особого положения удельного князя и услуг, оказанных царю на бранном поле.

В чисто человеческом смысле Михаил Иванович был личностью, что называется, положительной. Проявлял черты заботливого семьянина: был трижды женат и в завещаниях неизменно выделял своим супругам значительные владения на «прожиток»; произвел на свет двух сыновей и двух дочерей. Имел тягу к книжности и составил себе библиотеку. Полагался в сей жизни на Господа Бога и в отношении Церкви выказывал себя весьма щедрым жертвователем. Всегда и неизменно доказывал древнюю славу своего рода личной отвагой, не раз проявленной в боях и походах. Имел достаточно ума, чтобы участвовать в дипломатической

деятельности, и достаточно любви к отечеству, чтобы, не считая, тратить собственное достояние, когда казенных средств не хватало на достойное отправление обязанностей российского посланника в другой стране. Так, например, отправившись с посольскими делами в Литву, Воротынский сильно одолжал, потратив на державное дело свои деньги. Что ж, лучшие представители русской служилой знати все еще чувствовали себя частью огромного коллективного хозяина земли Русской, Рюрикова рода, хотя московский самодержец уже показывал им самыми суровыми мерами, что хозяин нынче уже не коллективный, а единоличный.

Настоящую большую славу принесет Воротынскому Казань. До нее князь выглядит как один из множества русских воевод, ничем не прославившихся и мало известных даже современникам.

Когда огромная русская армия двинулась к Казани, крымский хан Девлет-Гирей нанес отвлекающий удар. Под Тулой явилась орда из семи тысяч конников под командой одного из крымских «царевичей». Возможно, целью этого удара был срыв большой экспедиции под Казань.

Семитысячный отряд прошелся под Тулой «скорым изгоном», разведал обстановку и вызвал отвод из состава главных сил Ивана IV некоторых частей под командой пятерых опытных воевод. Одним из них был князь Воротынский.

Рейд крымцев ввел в заблуждение и русское командование, и... самого Девлет-Гирея. 21 июня тульский воевода князь Григорий Иванович Темкин-Ростовский отправил гонца: отражаем малые силы неприятеля. В ответ пошли на помощь Туле те самые отряды пяти воевод. Подумав, Иван IV на всякий случай остановил Государев полк, ядро всей армии, и развернул его на оборонительной позиции в районе Каширы. Татары же, вернувшись из рейда, доложили Девлет-Гирею: у Тулы и далее на север сколько-нибудь крупных сил у русских нет. 22 июня у стен города появился сам крымский хан с артиллерией и в сопровождении отряда турецких янычар. Вот это уже было очень опасно. Разворот Государева полка в подобной ситуации оказался весьма уместен.

Маленький гарнизон Тулы героически отбил первый приступ, а население погасило пожары, начавшиеся от вражеской пушечной стрельбы. Однако те, кто заперся в Туле, знали: от главных сил Девлет-Гирея им не отбиться. Новый штурм мог оказаться для защитников города последним. Оставалось молить Бога о быстром приходе подмоги...

Но как только на горизонте появились облака пыли от русских отрядов, шедших на помощь Туле, крымцы отступили. Они уже знали, что армия Ивана IV задержалась и могла в любой момент обрушиться на них

всей массой. За три часа до подхода передовых сил русских воевод Девлет-Гирей покинул позиции у города. Князь Темкин-Ростовский, совершив вылазку, нанес татарам серьезный урон. Он захватил несколько пушек с боеприпасами, перебил множество крымцев, в том числе ханского шурина Камбирдея.

Ни сам Иван IV, ни пятеро царских воевод *не дошли* до Тулы. Не успели. Оказывается, два маленьких гарнизона — из Пронска и Михайлова — отправились выручать своих. Именно эти воинские команды Девлет-Гирей принял за основные силы Ивана IV. Они же долго гнались за крымцами, отбивая добычу и пленников, громя отставшие банды захватчиков.

Туле очень повезло.

24 июня все было кончено. Отряды воевод, направленные к Туле, вернулись в состав большой армии — среди них и отряд Михаила Ивановича.

Ее движение возобновилось.

Когда русские войска пришли к Казани, Воротынский числился вторым воеводой Большого полка. Первым воеводой этого полка, формально считающимся главнокомандующим во всей русской армии, помимо царского Государева полка, числился князь Иван Федорович Мстиславский. А Государев полк возглавлял князь Владимир Воротынский, старший брат Михаила Ивановича. Мстиславский — молодой, неопытный военачальник, поставленный выше своего второго воеводы исключительно по знатности. К тому же 27 августа, в бою у стен Казани, Мстиславский получил два ранения от стрел, и, видимо, его дальнейшее участие в боевых действиях было ограниченным. Таким образом, на Михаила Ивановича фактически пало командование Большим полком. Во всяком случае, ему пришлось принять на себя часть обязанностей Мстиславского.

Через два месяца после тульских боев, в двадцатых числах августа, полки Ивана IV блокировали Казань, начав правильную осаду. На их стороне были мощная артиллерия, общий высокий боевой дух, огромная численность войска, наличие опытных иностранных военных инженеров, а также присутствие в армии самого царя, что само по себе укрепляло волю осаждающих. За казанцев были отчаянная решимость защищаться, значительные силы, собранные для защиты города, мощные укрепления и сильная рать, оставленная за его пределами для нападений на русские позиции извне. Впрочем, эту рать в результате ожесточенных боев к середине сентября разгромили князья А. Б. Горбатый-Шуйский и С. И. Микулинский.

А вот сама столица ханства доставила царскому войску немало хлопот.

Часть Большого полка, подчиненная Михаилу Ивановичу, спешила и занялась самой рискованной и самой тяжелой работой. Людям князя велено было подкатывать к стенам крепости туры — осадные укрепления в виде башен. Делалось это под жестоким огнем противника. Тогда-то и начались деяния Воротынского, принесшие ему славу души «казанского взятия». 26 августа 1552 года перед четырьмя воротами Казани — «Царевыми», «Арскими», «Тюменскими» и «Аталыковыми» — началось строительство мощных земляных укреплений, а туры двинулись к стенам города. Перед турами пошли служилые казаки, боевые холопы, а также стрельцы, постоянно бившие по татарам из пищалей.

За громоздкими деревянными башнями двинулись хорошо вооруженные дворяне под командой самого воеводы. Сзади Воротынского поддерживали стрельбой из осадных орудий.

Успех дался непросто. Казанцы устроили вылазку, бросившись на казаков и стрельцов. Воевода с дворянами контратаковал. «И была сеча велика и преужасна, от пушечного бою и от пищального грому, и от воплей с обеих сторон, и от трескотни оружия не стало слышно команд. Стоял как бы гром великий с молниями от множества пушечного огня и пищального стреляния и дымного курения. Бог помог православным, одолели они безбожных, убили множество татар и во град вбили их, и городские мосты наполнились мертвецами», — вещает летописец. Отряды Воротынского поставили туры всего в 50 сажнях от крепостной стены. Между ними князь велел прорыть окопы и стоять на завоеванной позиции. Всю ночь казанцы дерзкими наскоками пытались выбить русских из окопов, но их с потерями отбрасывали назад. Воротынский со своими людьми стоял крепко, не уступая ни пяди захваченного пространства. Время от времени Иван IV направлял на передовую бояр с подмогой. К утру казанцы обессилели и прекратили вылазки. Трое их знаменитых вождей погибли в сражении, а вместе с ними множество менее значительных князей, мурз и простых воинов. С русской стороны пал голова Л. Б. Шушерин.

Чуть погодя воевода М. Я. Морозов передвинул пушки к турам и окопам. С такого расстояния, можно сказать в упор, артиллеристы не могли промахиваться по стенам, башням и воротам Казани.

Итак, первый раунд борьбы за Казань окончился явным успехом русских. Во многом это произошло благодаря стойкости и отваге князя Воротынского.

4 сентября был достигнут еще один тактический успех. Воинам Ивана IV удалось взорвать подземный ход, по которому осажденные ходили к

реке за водой. Тайник завалило, от взрыва осела, а кое-где и рухнула стена. Казанцы попытались выкопать новые колодцы, но лишь в одном месте нашли худую, вонючую воду, ставшую источником болезней. В городе началась рознь: многие сочли дальнейшее сопротивление бессмысленным.

На позициях князя Воротынского даровитый военный инженер дьяк Иван Выродков соорудил мощную передвижную тринадцатиметровую башню из дерева. Ее поставили против «Царевых» ворот. Бомбардировка из орудий и пищалей, установленных на башне, наносила казанцам страшный урон, укрепления перед нею были полуразрушены. Но татары продолжали сопротивление. Они рыли «норы» и лазы, выскакивали оттуда по ночам и атаковали русские позиции или неожиданно открывали пальбу из тайных ям... Осажденные настроились драться до конца.

Тем временем Воротынский понемногу придвигал туры все ближе и ближе к стенам. В конце концов он поставил их прямо перед крепостным рвом. Татары с бешенством атаковали раз за разом, но терпели неудачу. Лишь однажды, в обеденное время, когда многие русские воины ушли с переднего края, чтобы поесть в более спокойном месте, целая туча казанцев вылезла из секретных нор и прогнала тех, кто оставался на страже тур.

Настал критический момент. Если противник спалит осадные укрепления, то всему огромному труду и прежним успехам — конец. Русские воеводы возглавили контратаку дворян, личным примером воодушевляя бойцов. Бой был страшный. Полегли многие русские и татары. Князь Воротынский получил множество ударов, но их в основном выдержал прочный доспех. Сам воевода отмечен лишь легким ранением в лицо. Сражавшемуся рядом окольниковому Петру Морозову лицо обезобразили страшным ударом. С этой тяжелой раной он едва встал на ноги... Князю Юрию Кашину нанесли рану в грудь. Воевод старались выбить в первую очередь: глядя на них, билось и все войско, а их смерть или ранение моментально ослабляли боевой дух...

Воротынский выстоял и здесь. Из расположения Государева полка на подмогу пришел со свежими силами окольниковый Алексей Басманов-Плещеев. Тогда казанцев загнали в норы. Осадные укрепления Воротынский с Басмановым счастливо отбили. По всей линии наших позиций враг с позором откатился за городские стены.

Бомбардировка города с близкого расстояния продолжалась.

30 сентября рванули русские мины, поставленные каскадом в разных местах. На большом участке городская стена перестала существовать. Заранее изготовившиеся к приступу отряды русских воевод переждали, пока закончится дождь из бревен, и ринулись на штурм.

Началась рукопашная.

Казанцы, ошеломленные взрывами, позволили осаждающим ворваться в город. Пали «Арские» ворота, захвачены были часть стены и башня. Князь Воротынский вместе со своими бойцами взошел на стены. Прочие участки городских укреплений пострадали от пожара. Кое-где от них остались одни головешки. В других местах выгорели деревянные срубы, поставленные в основании стен и углубленные в землю: почва тут осыпалась и вместо земляного вала появлялись ямы.

Казанцы срочно заделывали бреши, сооружали новую стену против «Арских» ворот.

Михаил Иванович отправил к царю гонца с требованием большого общего приступа... Но его не последовало.

Воротынский и Басманов сидели с бойцами на казанской стене в течение двух дней. Все это время им никто не шел на помощь: полки то ли не были готовы к решающему штурму, то ли оробели перед генеральным сражением... День и ночь Михаил Иванович не смыкая глаз ждал ответного удара татар, видел, как они возводят оборонительные сооружения заново, и недоумевал: почему нет штурма, почему армия бездействует?

Русское командование не решилось ворваться в город на плечах отступающего противника. Мало того, и те отряды, которые увлеклись преследованием врага после взрывов, были по царскому приказу отозваны. Возможно, опасались беспорядочного уличного боя, в котором авангард штурмовых частей запросто сложил бы головы, так и не сломив сопротивления татар... А может быть, просто боялись поверить своей удаче и упустили выгодный момент.

К защитникам отправилось посольство с предложением мирной сдачи. Ответ не оставлял надежд на бескровный исход дела: «Пусть Русь стоит на стенах и в башне! Мы поставим иную стену. Или погибнем все, или отсидимся!»

Армия готовилась к последней битве основательно.

Воины исповедовались и причащались у священников. Царь провел ночь в беседах с духовным отцом протопопом Андреем, затем облачился в доспехи и с оружием отстоял литургию. Тем временем городские рвы заполнялись фашинами. Пушкари мешали восстановительной работе казанцев, сокрушая остатки стен.

В предрассветный час, когда царское моление на литургии подходило к концу, ужасающей силы взрыв поднял на воздух укрепления казанцев. Михаил Иванович с помощью немецкого «розысла»^[222] вывел подкоп под позицию неприятеля, закатил туда 48 бочек с порохом и...

Второй взрыв прогремел у «Ногайских» ворот^[223].

Итак, Воротынский дождался общего штурма. Его люди вновь оказались на острие главного удара. Они прорвали оборону татар и оказались на улицах города. Первым из всех воевод об этом успехе доложил именно Михаил Иванович. Но радость победы омрачилась тягой к грабежу и мародерству, охватившей штурмовые отряды. Немногие продолжали честно биться, прочие же бросили своих товарищей и занялись поисками ценной добычи. Как тогда говорили о подобных мерзавцах, «пали на сокровища»...

Казанцы вскоре опомнились, и сражение закипело с новой силой. Страшный копейный бой перегородил улицы от стены до стены. В этой давке даже мертвецы, нанизанные на копья, продолжали стоять. Никто не хотел уступать ни шагу.

Воротынский запросил подкреплений.

Увидев упорство татар, трусы и мародеры, оставив храбрых бойцов на произвол судьбы, обратились в бегство. Толпы негодяев, выбегая из города, в ужасе орали: «Секут! Секут!» Тут даже царь заколебался. Не сгинет ли армия в боях за каждый переулок, за каждый дом? Не уготовил ли ему этот день поражение вместо победы, срам вместо славы? Да и удастся ли выжить в обстановке всеобщего бегства?

Государь, по словам князя Андрея Курбского, участвовавшего в штурме, потерял твердость духа. Видя беглецов, он «не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, *распорядились* воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, *и самого царя, взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили*, были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов^[224], состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка... сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым... воинам»^[225].

Таким образом, военачальники с многочисленными пешцами из состава Государева полка направились на поддержку Воротынского. Прибытие свежих войск дало русским решающий перевес. В кровавых уличных стычках они теснили и теснили врага. «Головы же царские с детьми боярскими мужественно нападают на иноверных, и бьются царевы

воины во многих местах... хватали друга друга с врагами за руки, дрались копьями и саблями, в тесноте резались ножами», — рассказывает летописец.

Последний очаг сопротивления пылал у ханского дворца и мечети Кулшериф. Здесь храбрейшие из татар дали последний бой. Наконец, сюда подоспел Воротынский со своими отрядами. Помолившись Богу о помощи, он напал на казанцев, «зло сеча их... Так они и были побиты. Пали тут... князи и мурзы казанские, и вси люди могутии воинские, и вси жильцы дворовые казанского царя, и вси воины, способные носить оружие. И пролилась их кровь, как вода по удолиям...»^[226]. Автор воинской повести «Казанская история» так рассказывает о бесславном конце последних защитников города: «Безжалостно настигали русские воины казанцев своими мечами и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали их насквозь, и нещадно резали их, словно свиней... И вбежали казанцы... на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы — словно трава посечены».

Казанская пахота закончилась, последняя борозда завершилась у межи...

Иван IV во главе победоносных полков, под православными хоругвями торжественно въехал в поверженный город.

Слава искусного полководца и отчаянно храброго человека быстро сказала на статусе Михаила Ивановича. Осенью 1552 года большая русская армия возвращалась на Русь из похода. Она разделилась на две части. Первая шла речным путем, на судах. Вторая же отправилась домой «позем», на конях. Она состояла из трех полков, и первым воеводой Большого полка, то есть главнокомандующим, поставили князя Воротынского. Это было поручение, сопряженное с большой честью для имени самого воеводы и всего рода Воротынских.

Князь Андрей Курбский, знавший Михаила Ивановича по «казанскому взятию», писал о нем: «Славный между русскими князьями» и «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный»^[227].

Казанская страда ушла в прошлое, победители вернулись на родину, и героическое напряжение, овевавшее русские войска на протяжении нескольких месяцев, спало. Вступили в силу будни обычной боевой работы.

Князь Михаил Иванович Воротынский должен был вновь принять на себя обязанности «специалиста» по южному направлению. А вместе с тем и довершать завоевание Казанской земли. «Черемиса», населявшая прежнее Казанское ханство, еще много раз поднималась на мятеж, причем первые годы, то есть середина 1560-х, — ее восстания отличались особенным размахом.

То ли осенью 1553 года, то ли в начале 1554-го Воротынский во главе обширной администрации заступил на «годование» в Свияжск — место крайне беспокойное, но стратегически очень важное. Фактически Свияжск рассматривался как ключ от Казани^[228]. Так вот, Михаил Иванович просидит на этом месте в самый разгар черемисских мятежей необыкновенно долго — до осени 1555 года, когда его наконец сменил князь В. С. Серебряный-Оболенский. Можно сделать вывод, что Воротынскому тогда в высшей степени доверяли... и в то же время не особенно его берегли. Полезный человек, дельный, да... но не из любимцев государевых.

Полководцу дали отдохнуть от службы всего несколько зимних месяцев — после возвращения на Русь.

В июне 1553 года, еще до отправки на свияжское воеводство, а затем с весны 1556-го по 1562 год князь Воротынский постоянно несет разные службы на юге, в оборонительной войне против крымцев. В разное время он командует гарнизонами в Одоеве, Калуге, на Туле. Время от времени назначается полковым воеводой на «береговую службу» — во главе Передового полка или вторым воеводой Большого полка. Воротынский превосходит в боевом опыте и богатстве князей Ивана Дмитриевича Бельского и Ивана Федоровича Мстиславского, но по части знатности он обоим уступает. Поэтому, когда один из них командует полками на южном рубеже, Михаил Иванович получает второстепенную должность. Но когда они заняты на других службах, Воротынскому доверяют самостоятельное командование оборонительными силами на Оке. Впервые князь получает такое назначение в июне 1558 года. Тогда его поставили против крымцев, нападения которых ждали в самом скором времени.

Документы не донесли до нашего времени известий о каких-либо значительных сражениях с татарами, в которых мог тогда принимать участие Воротынский. Стычки, очевидно, были — это норма состояния южных границ Московского государства.

Разве что в начале 1559 года, зимой, на Русь тайно пошел сын крымского хана «царевич» Магмет-Гирей с большой армией. Крымцы надеялись, что основные силы московского государя заняты на ливонском

театре военных действий. Но из показаний взятых «языков» они скоро узнали: русские полки исправно стоят на «береговой» службе. Не веря в победу над оборонительной армией Ивана IV в открытом столкновении, крымцы и их союзники ногайцы пошли прочь. Воротынский выступил в спешном порядке из Калуги — преследовать врага, уходившего с «полоном». Но крымцев он догнать не сумел. Его людям удалось взять лишь нескольких «языков». Неприятель бежал, убивая и бросая лошадей и верблюдов, испытывая недостаток в продовольствии. Люди и скот умирали от голода. Татары ушли с позором, но заслуга Воротынского тут невелика. Скорее худо, что он не поспел за татарами...

Михаила Ивановича в ту пору не щадят: назначения сыплются с интервалом в несколько месяцев... Но ему всё еще доверяют. Так, однажды Михаил Иванович получил ответственное поручение: выбрать наиболее удачную позицию для выхода Государева полка далеко на юг, под Дедилов.

Но в 1562 году имя князя Воротынского исчезает из воеводских списков на три года.

Доверие кончилось.

Началась опала.

13 сентября 1562 года Иван IV вернулся в Москву из Можайска, где готовил величайшее военное предприятие всего царствования — поход русской армии на Полоцк. Через два дня после приезда, едва ознакомившись с текущими делами, царь положил опалу на братьев Воротынских — князей Михаила и Александра Ивановичей. Формулировка опалы не предвещала ничего хорошего: воевод наказывали за «их изменные дела». У рода Воротынских была отобрана их семейная вотчина — Новосиль, Одоев, Перемышль, Чернь и принадлежавшая им часть Воротынска. У них конфисковали деньги, меха, драгоценности, праздничное платье, дорогую посуду. Удар страшный. Но этим дело не ограничилось. Михаил Иванович с супругой отправились в тюрьму на Белоозеро, а его брат с женой — в далекий Галич, под арест. Вельможе, еще недавно купавшемуся в серебре, позволили взять с собой лишь дюжину слуг. Он не нищенствовал, получал от царя своего рода «жалованье» на прокорм, притом немалое, но время от времени нужда подступала к Михаилу Ивановичу вплотную. В далекую Москву из северных краев шли грамотки: Воротынскому с семьей и свитой не довели рыбы, специй, вина, ягод... Когда-то невероятно богатый человек вынужден был челом бить о присылке одежды, обуви — его родня обносилась и ходит в рванине... Князь жил в униженном состоянии: от воли царя зависело, получит ли он всё необходимое, немного меньше, чем

всё, намного меньше, чем всё, или вообще ничего не получит. Вместе с богатством исчезла и драгоценная независимость Воротынского. Тяжелую царскую руку Михаил Иванович чувствовал на плече своем. И каждый день росчерк пера в перстах этой руки мог завершить ссылку казнью. История некоторых знатных и могущественных родов русской аристократии XVI века порой так и заканчивалась...

Итак, наказали обоих Воротынских, причем вина Михаила выглядела в представлении царя более тяжелой. Чем же они провинились?

Современный историк Н. С. Борисов выразил уверенность, что причина — в необыкновенном богатстве рода: «Опала на Воротынских была связана с обнародованием в январе 1562 года царского указа о княжеских вотчинах. Согласно этому указу выморочные княжеские вотчины не переходили к вдове или к братьям умершего, как было прежде, а отбирались «на государя» в казну. При таком порядке наследования Михаил и Александр Воротынские теряли надежду получить временно находившийся в руках княгини-вдовы удел своего умершего старшего брата Владимира. Это была лучшая часть Воротынского княжества, треть его территории. А территория эта была отнюдь не малой: в состав удельного княжества Воротынских входили Новосиль, Одоев, Перемышль. Княжество тянулось примерно на 200 километров с севера на юг вдоль Оки и по ее притокам. Впрочем, дело было не только в материальном ущербе. Речь шла о землях, издавна принадлежавших роду Воротынских, политых кровью предков. Эти раздольные заливные луга в пойме Верхней Оки, эти могучие дубравы, даже эти невзрачные заросли тальника по берегам маленькой речки Высса, на которой стоит Воротынск, — все это было для Воротынских своим, родным. Эту землю они любили как нечто живое, ощущали почти как часть своего тела. Своим решением царь нанес им не просто ущерб, но боль и оскорбление. Оно было тем более тяжким, что Воротынские ничем не заслужили этого удара. А между тем царь своим указом метил прежде всего в них. Он опасался иметь на самой границе с Литвой и Диким полем самостоятельное удельное княжество. Быстро развившаяся в нем подозрительность давала первые горькие плоды: царь стал опасаться того, что Воротынские перейдут на литовскую службу, откроют врагу свой участок «берега» — оборонительной линии по Оке. Можно предположить, что, не сдержавшись, Михаил Воротынский в прямом разговоре «нагрубил» царю. Воротынский был из тех, кто мог сказать царю такое, чего не посмел бы вымолвить никто другой. В ответ царь распорядился арестовать Воротынских «за изменные дела» и конфисковать их владения»^[229].

Такова красивая, можно сказать, романтическая версия. К сожалению, более вероятно другое: опалу правдоподобнее объяснить провалом большого дела, которое Воротынским было поручено. А важнее этого дела на Руси в ту пору ничего не существовало^[230].

Летом 1562 года царь посетил Можайск, занимаясь военными приготовлениями, накапливая на западном рубеже силы для последующего сокрушительного удара. В то же время московские полки привычно вышли к Оке и сосредоточились в районе Серпухова. Во главе царских войск стоял Михаил Иванович — первый воевода Большого полка. Полком Правой руки командовал Александр Иванович Воротынский. Всего рать состояла из пяти полков. К ним присоединились удельные отряды князя Владимира Андреевича Старицкого. Солидные силы!

Так вот, в июле русскую оборону вновь попробовали на прочность татары. Крымский хан с войском в 15 тысяч всадников вышел на Мценск. 15 тысяч — совсем немного для набега самого хана. Атака крымцев была способом «отработать» деньги, присланные им из Литвы. Летописец говорит о Девлет-Гирее: «Приходил в невеликой силе... а раньше никогда «царь» не являлся [на русские земли] со столь малым собранием»^[231]. Татарам удалось выжечь значительную часть мценских посадов, остальные же отбил храбрец местный воевода — князь Федор Иванович Татев-Хрипунов. Кстати, его дочь стала второй супругой Михаила Ивановича.

Узнав о том, что не все силы переведены на западный рубеж и у Серпухова стоят воеводы «со многими людьми», Девлет-Гирей, захватив добычу, решил отступить без большого сражения. Часть его людей отделилась от орды и попыталась «распустить войну» под Волховом и Белёвом. Тут их отряды были наголову разбиты карачевским воеводой Василием Бутурлиным. Ему удалось «полон отполонить». Но ядро армии крымцев безнаказанно уходило в степь с полоном, взятым у Мценска. Воротынский привел армию под Мценск и Девлет-Гирей уже не застал. Он организовал погоню, однако действовал слишком медлительно, и крымцы с полоном успели оторваться от преследования.

Михаил Иванович проштрафился не первый раз, причем опять допустил ту же оплошность, что и в 1544-м, и в 1559 годах. Он не особенно торопился догонять крымцев, отбивать у них пленников, захваченных на Руси. Он *не успевал*. А для стремительной войны на юге России это было серьезным пороком. Вся она состояла из молниеносных рейдов, засад, погонь и носила маневренный характер. «Кунктаторы» тут всегда оказывались проигрывающей стороной. Под Казанью, когда противник

никуда не бежал, а с яростью оборонялся, Воротынский был хорош. А в ситуации игры маневров и контрманевров он не проявлял достаточной скорости действий. И в Москве могли заподозрить худшее: а не стало ли это «неуспевание» результатом договоренностей с крымским ханом? Давненько он не приходил под города, принадлежащие Воротынскому...

Подозрение, касающееся столь крупного человека, рискованно решать в его пользу.

Отсюда и наказание.

Не было ли оно слишком суровым?

Трудно сказать. Можно лишь повторить сказанное в другой главе: русская элита XVI столетия жила в почете и богатстве. Но в нужный момент она обязана была победить; победа все оправдывала, а поражение ставило вопрос: зачем такой человек нужен государю да и всему русскому обществу?

Воротынского не казнили, помня его прежние заслуги времен «казанского взятия». И это можно рассматривать как милостивое решение вопроса.

Простили полководца лишь в 1565 году. К тому времени уже существовало разделение страны на «опричнину» и «земщину». В опричнину царь забрал Новосиль из обширной конфискованной «вотчины» Воротынских...

Осенью 1565 года Михаил Иванович был назначен возглавлять земскую армию, вышедшую на южный рубеж, к Туле. Снятие опалы сопровождалось большим пожалованием со стороны Ивана IV. Князю Воротынскому дали боярский чин в Земской думе. Более того, ему вернули часть огромного «удела» — Одоев и Новосиль. Впоследствии Воротынский потерял эти города^[232], но в 1572 году вернул себе Перемышль, а также получил от государя другие пожалования — в Поволжье. Царь «тасовал» земельные владения, входившие в бывшее удельное княжество Воротынских, он давал Михаилу Ивановичу то больше, то меньше, то опять больше, порой отписывал ему огромные области, никогда не входившие в состав родового княжения Воротынских, например Стародуб Ряполовский с окрестными землями. И сам Михаил Иванович уже никак не мог повлиять на размеры и конфигурацию земель, с которых получал доходы. Решала милость царская... или немилость. В 1562 году закончилась история самостоятельного Воротынского княжества — всё!., княжеский удел исчез. Вместо этого Воротынские получали от Ивана IV земли на правах вотчин, и никакие признаки автономии, никакие прерогативы удельных князей за ними не сохранились. Они оставались

немыслимыми богачами, однако превратились в таких же «государевых служильцев» без каких-либо прав на политический суверенитет, что и вся остальная знать России.

Пребывание Воротынского на Белоозере не носило столь мучительного характера, как сидение в тюрьме, погубившее его отца в 1535 году. Михаила Ивановича сносно содержали, ни о каких «оковах» речь не шла. Но государева опала наносила урон чести рода. Она означала позор, утрату влияния и временную потерю состояния. Человек, испытывавший все прелести опалы на протяжении трех лет, мог выйти из тюрьмы озлобленным, с мыслями о мести государю или о переходе на сторону Литвы. Выпустив столь высокородную персону из «нютства», как тогда говорили, Иван IV рассчитывал в будущем на ее благодарность и, разумеется, верную службу. Пожалование боярского чина и назначение на пост главнокомандующего южнороссийской оборонительной армией стали дополнительным стимулом для примирения между царем и вельможей.

Политика ранней опричнины (1565–1567) обходилась без масштабных репрессий, ставших нормой позднее. До 1565 года Иван IV делил власть над страной с влиятельными родами высшей аристократии. Ему весьма затруднительно было задействовать какой-либо экономический, политический или военный ресурс, если те оказывали сплоченное сопротивление. Но вот из состава единой державы выделился «государев удел», где царь мог всевластно распоряжаться всем и всеми. Иными словами, у него появились ресурсы для *оперативного использования*. Прежде всего, опричное землевладение, которым обеспечивались служилые люди из опричного боевого корпуса. Этот корпус должен был стать ядром новой, легкоуправляемой армии, а также решающей силой в очередных военных кампаниях России. Заглядывая вперед можно сразу сказать: этого не произошло. Но на первых порах, надо полагать, Иван IV планировал направить развитие страны именно по такому пути. И масштабный террор в картину военно-политической реформы не вписывался^[233]. Людей наиболее неугодных царь подверг смертной казни в первые же месяцы опричнины, но их было немного — всего пятеро. Среди них, правда, оказался весьма популярный военачальник, герой Казани князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Освобождение Воротынского, такого же героя «казанского взятия», стало актом лавирования по отношению к служилой знати. Царь пока еще не шел на трагическое обострение конфликта с ней. Он показывал: кого-то жалую, а кого-то, не менее достойного, казню...

Возврат Михаила Ивановича диктовался и кадровыми проблемами. За

несколько лет Россия лишилась четырех крупнейших полководцев: князь Семен Микулинский умер от смертельной раны в 1559-м, Алексей Басманов-Плещеев одряхлел и больше не участвовал в сражениях, Михаилу Морозову шел восьмой десяток, князь Петр Шуйский трагически погиб в 1564-м, а жизнь князя Александра Горбатого-Шуйского прервалась плахой. Высший командный состав требовал пополнения.

Правда, доверие Ивана IV в полной мере к Михаилу Ивановичу не вернулось. В апреле 1566 года три боярина, два окольных и семь других представителей служилой знати подписали «поручную запись» по князю Воротынскому. Они поручились за воеводу в том, что он не «отъедет» в Литву, Крым, иное государство и не перейдет на службу к удельным князьям (например, к тому же Старицкому). В противном случае они обещали заплатить 15 тысяч рублей — на эти деньги можно было армию «в силе тяжкой» для похода снарядить или несколько каменных соборов построить.

Однако в те годы Михаил Иванович при всех сложностях своего положения ведет жизнь влиятельного вельможи. По словам современного биографа Воротынского В. Г. Ульянова: «В материале русско-шведских дипломатических отношений за 1569–1573 гг. говорится о М. И. Воротынском как о руководителе Земской Боярской Думы. Иван IV приказывал М. И. Воротынскому и другим боярам встречать русское посольство, возвращавшееся в 1569 году из Швеции, и проводить его в Вологду, в царскую резиденцию, а также встречать шведское посольство, разместить его в Москве, позаботиться о его содержании. Документально известно о том, что М. И. Воротынский присутствовал на обеде в честь шведского посольства, участвовал в переговорах».

В конце 1560-х — начале 1570-х годов военная деятельность князя Воротынского полностью сосредоточилась на «крымской угрозе». Его используют как военачальника исключительно для обороны Поочья.

Воротынский в оборонительной армии, выходящей к окскому рубежу, как правило, командует Передовым полком или полком Правой руки, в то время как главнокомандующими назначаются князья И. Д. Бельский или И. Ф. Мстиславский. Михаил Иванович — третье лицо в земской армии и Земской думе. Иногда, прежде всего в случае занятости двух первых военачальников, ему дают самостоятельное командование полевыми армиями. Так, зимой 1568/69 года он ходил во главе «легкой» рати из двух полков под Рязань — отражать очередного крымского «царевича». Когда московское командование планирует бросить за Оку, навстречу крымской орде, русский корпус, то опять фигурирует имя Воротынского. Доверие? Не

совсем. Если в рамках одной оборонительной операции участвует земский полководец князь Воротынский и опричный — например, Федор Басманов, — то общее командование ею отдается опричному воеводе. Даже если он на порядок уступает Воротынскому по части боевого опыта.

В августе — сентябре 1570 года князь в очередной раз вышел как первый воевода Передового полка стоять на пути у крымцев. Однако помимо этого рутинно-опасного «боевого дежурства» его мысли были заняты другим делом. Последнее время вооруженные силы Московского государства все больше и больше переключались с южного, «степного» театра военных действий на ливонский. Туда уходили лучшие силы, там были заняты лучшие полководцы. Соответственно, оголялся юг, откуда не исчезла все та же смертельно опасная для державы возможность глубокого прорыва крымцев. В перспективе это грозило крупными неприятностями. А значит, следовало наладить сторожевую и караульную службу наилучшим образом — чтобы задолго узнавать о появлении вражеского войска недалеко от русских границ, знать его намерения, иметь представление о его численности. Последнее время сторо́жи несколько раз ошибались, обнаруживая крымские рати там, где их не было...

Придя с этими мыслями к Ивану IV, князь Воротынский получил высокое назначение: с 1 января 1571 года он «ведал» станицы и сторо́жи «и «всякие государевы польские службы»^[234].

Вскоре Михаил Иванович собрал в столице людей, постоянно служивших на беспокойном юге и знавших особенности театра военных действий — «станичников» да «стороже́й». В большинстве своем они были знакомы воеводе по совместной службе. Посоветавшись с ними, Воротынский вынес на обсуждение Земской думы документ, который считают первым уставом пограничных войск России (по мнению иных специалистов, — первым русским воинским уставом). Именовался он «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По решению Думы он вступил в силу 16 февраля 1571 года.

«Боярский приговор» четко регламентировал службу постоянных дозорных застав («сторо́ж») и разведывательных отрядов, совершавших глубокие рейды в сердце степи («станиц»). Служилым людям были указаны точные сроки их дежурств, основные маршруты движения, способы оповещения основных сил на Оке, количество и качество коней, нормы выплат за пребывание на опасных участках и т. п. Документ, разработанный Воротынским «со товарищи», предусматривал суровое наказание за оплошку: «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторо́жи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей

учинится война, и тем сторожам быть казненным смертью». Русским «пограничникам» предписывалось также, останавливаясь на ночлег, не расседлывать коней, не разжигать огня для приготовления пищи в одном месте дважды за день, не оставлять наблюдения за врагом после того, как он обнаружен. По «Боярскому приговору» можно судить: пограничная служба в XVI веке была смертельно опасной. Только очень рискованные люди могли отважиться на такую «работу». Летописи и разряды пестрят случаями, когда вести о неприятеле приходили от «сторожѣй» и «станичников» задолго до его появления у Оки, оказываясь, таким образом, спасительными для всей системы русской обороны. Но время от времени «станичник» оказывался в плену у татар, и жить ему оставалось столько, сколько выдержит человеческая плоть под скорой и беспощадной пыткой...

Введенный зимой 1571 года «Боярский приговор» улучшил качество пограничной службы. Но он никак не мог повлиять на количество сил основной оборонительной армии. Тем более на схему ее управления. А тут всё было худо... Несколько лет государственного легкомыслия пришлось оплатить по самому жестокому тарифу.

В мае 1571 года Девлет-Гирей прорвался через Оку в районе Кром. В распоряжении хана находилась огромная сводная армия, куда помимо крымцев вошли ногайцы, турки, азовцы и «кочевые татары».

Ему противостояли значительные силы, но...

Во-первых, командование земскими и опричными полками не было единым, поэтому координация их действий оставляла желать лучшего;

во-вторых, большая армия вела боевые действия в Ливонии, причем ее усилили частью опричного боевого корпуса, поэтому на юге оборонительная армия оказалась меньше, чем могла бы быть;

в-третьих, крымцам помогли русские дворяне, как видно, решившиеся на измену, после того как их затронули массовые репрессии опричных времен;

наконец, в-четвертых, и это главное: допустим, дальние «сторожи» сделали свое дело — московские войска вышли к Оке заранее, они ждали Девлет-Гирея, но в самих полках разведка и караульная служба велись отвратительно, и когда крымский хан обошел оборонительную армию по флангу, о его движении стало известно в последний момент...

Узнав об обходном маневре татар, русские полки форсированным маршем пошли к столице.

За день до прибытия татар под Москву к столичным предместьям подошли земские и опричные воеводы. В том числе и князь Воротынский с земским Передовым полком. Он встал на отшибе, несколько в стороне от

общей позиции — «на Таганском лугу против Крутицы». Поэтому главный удар крымцев пришелся не по нему. Когда Девлет-Гирей поджег дальние посадки, ветер разнес пламя по всей Москве. Опричный отряд, Большой полк и полк Правой руки фактически погибли в огне. Что же касается Передового полка, то он, по всей видимости, уцелел и продолжал оказывать сопротивление.

Поэтому в тот момент, когда Девлет-Гирей увидел Москву опустошенной, на руины великого города его все еще не пускал Воротынский. «Распустив войну» по южным уездам, добывая повсюду пленников, грабя и сжигая села, крымцы отправились назад. Михаил Иванович преследовал их, отбивая «полон», до Дикого поля. Однако сил его полка явно не хватало для большого сражения. Если бы Девлет-Гирей развернулся против него, скорее всего, полку пришлось бы либо бежать, либо погибнуть. Все, что мог Воротынский в подобных обстоятельствах, — «покусывать» врага, беспокоить его, бить его отдельные отряды...

После московского разгрома князь Воротынский оказался старшим из земских воевод. Бельский погиб, Мстиславского представили народу как виновника поражения, хотя он и не был таковым. Теперь старшим в Земской думе да и в земской армии стал Михаил Иванович.

На следующий год Девлет-Гирей ждали с новой ордой. Он обещал союзникам, что воцарится здесь, что за год завоюет всю Русскую землю из конца в конец. Хан даже давал купцам грамоты на беспошлинную торговлю по Волге — в русских владениях! Иван IV изъявлял готовность отдать хану Астрахань, счастливо присоединенную к России в 1550-х, — за мир. Но Девлет-Гирей вел себя с оскорбительной дерзостью, к тому же хотел еще и Казань, а это громадное, жизненно важное приобретение никто ему отдавать не собирался.

Мирного соглашения не состоялось. Оставалось готовиться к битве насмерть.

Роль главнокомандующего всей предстоящей оборонительной операцией естественным образом досталась Воротынскому. Тут других вариантов просто не было.

Зная, что одной из причин страшного поражения под Москвой был недостаток сил, отвлеченных от обороны юга борьбой со шведами, ливонцами, поляками и литовцами, Иван IV все-таки не собирался завершать тяжелую Ливонскую войну. Ему казались недостаточными те приобретения, которые уже добыло для него русское оружие. Он решил, не считаясь с жертвами, довести до победного конца борьбу со многими противниками одновременно. Поэтому через пол года после Девлет-

Гиреева погрома он отправил в Карелию, против шведов, большую рать. Поход не принес удачи, а вот потери оказались значительными. Эта авантюрная политика следующей весной поставит Россию на грань жизни и смерти.

Михаил Иванович перед весенне-летней кампанией 1572 года получил «наказ» (инструкцию), подробно расписывавший, какие действия следует предпринимать по организации обороны. Так, броды и «перелазы» на Оке следовало укрепить плетнями и «чесноком» — особыми устройствами из дерева и прутьев, затруднявшими действия вражеской конницы. 900 вятчан с пищалями и луками во время перехода крымцами Оки должны были подойти на стругах и открыть по ним огонь с близкого расстояния. В том случае, если крымцев придется встречать не на берегу реки, Воротынскому указывали отыскать «место крепкое», то есть местность, которую удобно укрепить, где можно вырыть земляные ячейки для стрельцов, поставить «гуляй-город». Воеводе строго запрещалось сходить с татарами «на походе», так как даже слабые укрепления на порядок повышают боеспособность русских войск: в открытом поле они могут отступить, а в самых мелких и неказистых окопах «перестоят» любой удар. Эта национальная особенность ведения войны стала явной именно в XVI столетии... Наконец, как только начнутся боевые действия, воевода обязан был «без вести не держати» ни Москву, ни самого государя, иными словами, спешно отправлять гонцов с докладами обо всем происходящем.

В числе прочих предписаний Воротынскому велели провести большой воинский смотр.

Итак, в апреле 1572 года царь явился на Коломну, где сосредоточилось ядро южной оборонительной армии. Там Воротынский повелел устроить большой смотр — специально для Ивана Васильевича. Проезжая на коне перед войсками, государь видел: людей стало меньше, чем в славный год завоевания Казани и при взятии Полоцка. Много молодых лиц: опытных бойцов старшего возраста повыбило. И, главное, столь сильное ранее дворянское ополчение сократилось в боях, походах, от эпидемии, недавно обрушившейся на Московское царство, а также от массовых опричных репрессий. Всё больше казаки, стрельцы, наемники, а лучших бойцов — дворян — катастрофически не хватает. Людей так мало, что разделить их на опричные и земские полки уже невозможно. С несчастной весны 1571 года опричный боевой корпус перестал существовать. У каждого полка, по московским воинским обычаям, двое-трое воевод; но теперь среди них смешались как те, кто числился в опричнине, так и те, кто был в земщине. Так же и боевые отряды стояли в одном строю вне зависимости от того,

опричный ли, земский ли уезд их выставил. Опричный боярин князь Н. Р. Одоевский, гораздо менее опытный военачальник, чем Михаил Иванович, попытался было местничать с ним: «бил челом в отечестве». Но царь не одобрил челобитья, и молодой аристократ так и остался на посту первого воеводы полка Правой руки, в то время как Воротынский остался командующим.

Можно представить, как по итогам смотра царь со вздохом говорит Воротынскому: «Встанешь против татар сам, без меня. Дела ждут твоего государя в Новгороде». Царь не решился возглавить это войско. Слишком мало людей. Слишком боялся он новых изменников. Слишком уверенно вел себя Девлет-Гирей после прошлогодней победы. Слишком сильна была вражда в людях, разделенных опричною чертой и озлобленных друг против друга.

Когда крымский хан приблизится со своим войском, Иван IV действительно будет в Новгороде. Государь готовился тогда к худшему и даже писал завещание...

Между тем князь Воротынский, пусть и с ослабленной армией, не терял надежды. Ему опять, как когда-то в Казани, следовало встать насмерть. Не пускать врага во внутренние области страны ни при каких обстоятельствах. И он готовился победить или умереть. Незадолго до решающих событий в расположение его войск прибыл из Новгорода князь Осип Щербатый с «государевым жалованным словом и з денежным жалованием». Зная, что теперь поставлено на кон, царь пытался ободрить армию.

На исходе июля сторо́жи сообщили князю: татары идут. Он выдвинул армию на центр окской позиции — к Серпухову.

Какими силами располагал Михаил Иванович?

В его распоряжении находилось, по разным подсчетам, 20–30 тысяч бойцов плюс небольшой отряд казаков Михаила Черкашенина, не учтенный в общей численности войска^[235]. Под непосредственной командой Михаила Ивановича находилась часть Большого полка в 1840 конников-дворян. Вроде бы значительная сила. Но дворян во всей армии — менее четырнадцати тысяч. Да и стрельцов немного: всего порядка двух тысяч. Отряд немецких наемников обладал высокой боеспособностью, но он был очень невелик. Что же касается остальной массы — казачьей, то она ценилась меньше всего и в бою решала немного. Для сравнения: в походе под Полоцк зимой 1562/63 года у Ивана IV под рукой находилось примерно на десять тысяч дворян больше! Разительная перемена...

Кроме того, в данном случае русское командование не решилось

использовать служилых татар, как делалось в Ливонии и даже под Казанью. Очевидно, боялись, что они перейдут на сторону крымцев.

В Москве тем временем готовился к осадному «сидению» воевода князь Юрий Иванович Токмаков.

Орда Девлет-Гирея, по самым скромным подсчетам, превосходила московские полки по численности в полтора раза. Вся сила Крымского ханства шла с ним, к ней прибавилось еще 20 тысяч ногайцев (возможно, численность ногайцев преувеличена, но в любом случае она была значительной) плюс отряды черкесов и беглых астраханских татар. Несколько знатных турок сопровождали ханский походный штаб. Наиболее правдоподобные цифры численности двух воинств предложил после всестороннего анализа современный историк В. В. Пенской. По его мнению, Девлет-Гирей располагал 40–50 тысячами воинов (мнение автора этих строк — скорее пятьюдесятью), в то время как русские воеводы имели под командой около 30–35 тысяч бойцов.

26 июля 1572 года Девлет-Гирей появился перед Окой. Его не интересовали Рязань, Владимир и Мещёра. Он хотел взять Москву и добить русскую мощь. По сообщению летописца: «Лета 7080-го... прииде «царь» (крымский хан. — Д. В.) с великими похвалами и с многими силами на Русскую землю, и росписав всю Русскую землю, комуждо что дати, как при Батые. И прииде преже на Тулу и посады пожег, и от Тулы к берегу»^[236].

Его встретил Передовой полк князя Ивана Шуйского и, как видно, отбил. Ока во многих местах была укреплена земляными насыпями с частоколом, из-за которого метко палили пищальники, стоя в длинном мелком окопчике. Девлет-Гирей остался у выгоднейших для наступления на Москву «перелазов» через Оку, а ногайцев отправил во главе с Теребердеем-мурзой в обход.

27 июля Теребердей-мурза, разгромив заслон из двухсот дворян, перешел Оку на Сенькином перевозе. Неся потери от «плетней» и «чеснока», ногайский военачальник велел выкопать их, разрушить частокол и лишь потом устремился в сторону Москвы. В ночь на 28 июля он обошел позиции Воротынского.

Тем временем на протяжении второй половины 28 июля шла перестрелка из пушек и пищалей на направлении главного удара. Девлет-Гирей пытался перейти Оку, но его успешно отбивали огнем. В конце концов крымский хан уверился в бесперспективности этой затеи. 28 июля в ночь он оставил перед главными силами Воротынского две тысячи конников, наказав им отвлекать внимание русских, имитируя попытки перейти Оку, а сам пошел по пути, открытому на Сенькином перевозе

Теребердеем-мурзой. В понедельник 29 июня он уже стоял на московском берегу Оки. Ногайцы к тому моменту приблизились к Москве и блокировали дороги. Зловещим признаком стало их необычное поведение: отряды Теребердей-мурзы не «распускали войну», то есть не отправляли отряды за добычей и пленниками, они концентрировались для разгрома русской армии. Очевидно, «малые призы» в виде беззащитных сел татар уже не интересовали, они мечтали о «царском призе» — Москве со всеми ее богатствами. В то же время Теребердей-мурза не отважился в одиночку штурмовать столицу России. Он просто перерезал коммуникации за спиной у Воротынского и ждал прибытия самого Девлет-Гирея.

Путь ногайцам попытался преградить полк Правой руки, но второй воевода, Федор Шереметев, бежал с поля боя, бросив оружие. Первый воевода, князь Никита Одоевский, честно сражался, но выправить положение не смог — его оттеснили с дороги.

29 июля началась «гонка»: крымский хан быстро двигался к Москве на соединение с ногайцами, а на хвосте у него сидел Воротынский. Михаил Иванович разгадал отвлекающий маневр Девлет-Гирея, поскольку за Окой было установлено постоянное наблюдение, и переход основных сил татар на нашу сторону не стал для него неожиданностью. В авангарде русской армии шел Сторожевой полк князей Андрея Хованского и Дмитрия Хворостинина. Их пробный удар опрокинул арьергард крымцев, шедший во главе с «царевичами». Девлет-Гирею стало ясно: его стремление к Москве бесцельно и опасно, покуда в тылу у него — неприятельское войско, решившее драться всерьез.

Пришло время разворачиваться против Воротынского.

Сначала Девлет-Гирей направил 12 тысяч крымцев и ногайцев для контрудара по Сторожевому и Передовому полкам. Русские быстро отходили... отходили... и навели татар на «гуляй-город», который встретил неприятеля жестоким артиллерийским огнем. Всадники один за другим падали в ров, спешно выкопанный незадолго до их появления. Неприятельская рать рассеялась. Таким образом, тактический успех, достигнутый крымцами ранее, сошел на нет. Оборонительная операция принесла русским полкам первые удачи.

Но тогда же крымский хан вновь усилился, соединившись с ногайскими союзниками.

Русские продолжали наступать, отбрасывая арьергардные отряды татар. До большого боя дело не доходило. Девлет-Гирей, уже перешедший Пахру, наконец развернул основные силы и пошел на русскую армию. В момент разворота он был менее чем в одном дне пути до Москвы.

30 июля, в среду, началось генеральное сражение, от которого зависела судьба Московского царства. У Воротынского были в прошлом заслуги и неудачи, но Бог даровал ему главный звездный час: ради спасения русской цивилизации Он привел «командарма» на поле близ деревни Молоди. Этим страшным многодневным сражением у Молодей, этой победой, спасительной для страны, полководец и вошел в русскую историю.

Центром и основой нашей позиции стал «гуляй-город» — легкое укрепление из телег с деревянными щитами. Его поставили на всхолмии близ речки Рожай. Из «гуляй-города» по крымцам били пушки и пищали, из окопов палили по ним стрельцы, дворяне осыпали атакующих татар стрелами. За «гуляй-городом» встали конные дворяне и казаки. Их берегли для контратак.

Волна за волной татары накатывали на «гуляй-город», бились с чудовищным упорством, получали по флангам удары конных полков и отходили прочь, устилая поле трупами. Армия Воротынского стояла непоколебимо. Погиб ногайский предводитель Теребердей-мурза. В плену оказался крупный полководец Дивей-мурза^[237], а также некий «астраханский царевич», несколько мурз и трое «ширинских князей». Для Девлет-Гирея битва в среду окончилась полной неудачей. В четверг и пятницу крымский зверь зализывал раны, не решаясь опять ударить на русские порядки. Тут и там вспыхивали отдельные стычки. Татары надеялись вызвать русских на прорыв: в лагере Воротынского начались голод и конский падеж, не хватало воды. Пленный Дивей-мурза высокомерно издевался над русскими военачальниками: «Если бы крымский царь был взят в плен вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы пленниками в Крым!.. Я выморил бы вас голодом в вашем «гуляй-городе» за 5–6 дней»^[238]. Обоз был брошен Воротынским во время погони за крымцами, а отпустить полки с позиции по соседним деревням на фуражировку и за пищей не представлялось возможным: нельзя было расплыть силы, когда их и без того совсем немного. Приходилось резать боевых коней и питаться их мясом. Михаил Иванович твердо придерживался оборонительной тактики. В атаках на «гуляй-город» татары понемногу растрачивали численное превосходство, а открытое сражение сразу поставило бы московских воевод в проигрышную ситуацию. В такой — патовой по большому счету — ситуации главнокомандующему оставалось молиться, призывая помощь Божью.

Решающий бой произошел в субботу 2 августа. Скупые на подробности военные документы той поры сохранили картину страшного

напряжения той битвы: «...татаровя пришли к «гуляю» и изымались у города за стену руками. И тут многих татар побили и руки пообсекли безчисленно много. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошел с своим Большим полком крымских людей долом, а пушкарям приказал всем из большого наряда, из пушек и изо всех пицалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всего наряду, и князь Михайло Воротынский прилез на крымские полки ззади, а из «гуляя-города» князь Дмитрий Хворостинин с немцы вышел»^[239]. Удар с двух сторон ошеломил крымцев и отнял у них инициативу. Они бежали, больше не помышляя о взятии «гуляй-города», оставив на поле многих бойцов.

Девлет-Гирей оказался на перепутье. С одной стороны, он все еще был силен и мог продолжать военные действия. С другой стороны, большие потери и неудачи подорвали боевой дух его войска. Ждали триумфального шествия на московские пепелища, а вышла беспощадная сеча, где уже сложила голову ханская родня...

Неизвестно, как сложились бы обстоятельства. Воротынский одолел татар раз, другой. Возможно, отбросил бы их и в третий, и в четвертый раз... А может быть, стойкость его людей иссякла бы. Война — стихия ошибок. Их допускают все. Побеждает тот, кто делает меньшее их количество и готов сражаться до конца. При Молодях победил не только талант князей Воротынского и Хворостинина, да и не только их мужество, победило прежде всего русское упорство. Девлет-Гирей наши ратники «перестояли».

И еще помог победить героизм безвестного русского человека, вечная ему память и добрая слава! Его «подсунули» с фальшивым донесением крымскому хану — на верную смерть... Девлет-Гирей, колебавшийся — уйти или продолжить бой — прочитал донесение и лишился воле к победе.

Вот как об этом рассказывает Пискаревский летописец: «А в полках учал быти голод людем и лошадем великой; аще бы не Бог смилосердовался, не пошел царь (Девлет-Гирей. — Д, В.) вскоре назад, быть было великой беде. А князь велики (Иван IV. — Д. В.) в ту пору был в Новгороде в Великом со всем, а на Москве оставил князя Юрья Токмакова с товарищи. А как царь (Девлет-Гирей. — Д В.) стоял на Молодях, и князь Юрья, умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идетъ рать наугородца многая. И царь (Девлет-Гирей. — Д. В.) того гонца взял, и пытал, и казнил, а сам пошел тотчас назад»^[240].

Как его звали, этого гонца, отдавшегося в плен с грамотой князя Токмакова? Где могила его? Есть ли на ней крест или татары бросили

мертвое тело псам на съедение? Ничего не известно. А ведь какой это был человек! На таких-то камнях русский дом и стоял столетиями.

Выставив заслон из трех тысяч конников, Девлет-Гирей устремился за Оку, домой. На «перелазе» также осталось еще две тысячи крымцев. Князь Воротынский, пребывавший в тревоге всю ночь, наутро 3 августа узнал об отступлении врага. Два неприятельских заслона были разбиты и большей частью уничтожены. Преследовать Девлет-Гирея за Окой Воротынский не решился. А может быть, и сил у армии не осталось: всякому напряжению есть предел...

Полки встали на свои прежние места. Они поредели. Возможно, из трех бойцов только один мог вновь выйти на Оку. Но кто мог — все вышли на государеву службу. От Ивана IV из Новгорода вскоре прибыл Афанасий Нагой с наградным золотом.

Тут добавить-то нечего. Такие дела в пышных комментариях не нуждаются. Наверное, хватит одного простого слова: выстояли! Есть в Молодинском сражении множество черт, роднящих его с битвой за Москву в 1941 году.

Во второй половине 1572 года солнце князя Воротынского стояло в зените. Слава его распространилась по всей Руси. Многие историки считали его победу главным поводом для отмены опричнины^[241].

А в следующем году его не стало.

В апреле 1573-го он вышел «на берег», к Серпухову, с оборонительной армией юга России. Ничто не предвещало беды.

Вдруг возникло большое местническое дело между воеводой Сторожевого полка князем Василием Юрьевичем Голицыным и Михаилом Ивановичем, далеко превзошедшим его в военной иерархии: пост первого воеводы Большого полка, то есть командующего армией, давал Воротынскому полное и неоспоримое преимущество. О степени знатности обоих можно дискутировать... но факт остается фактом: Иван IV встал на сторону Голицына. Он получил 11 июля 1573 года так называемую «невместную грамоту». В этом документе говорилось от царского имени: «Мы тебя пожаловали, велели быть со князем Михаилом Воротынским без мест... А как вам береговая служба минетца и будет тебе до князь Михаила Воротынсково дело в отечестве, и мы тебя пожалуем, велим тебе на Воротынского суд дать и велим вас в вашем отечестве счести»^[242]. Когда же Голицын вернулся со службы (между августом и октябрём 1572 года), никакого суда не состоялось, поскольку князь М. И. Воротынский был взят под стражу и отправлен в Москву, где его подвергли мучениям вместе с

первым воеводой полка Правой руки князем Н. Р. Одоевским и вторым воеводой Большого полка М. Я. Морозовым. Все они оказались под арестом, подверглись опале и ушли из жизни. Причем Морозов даже не успел заступить на береговое «дежурство» в апреле.

Значит, какое-то расследование по «делу трех воевод» началось еще весной 1572 года, в апреле. Следствие шло как минимум до середины июля. А вскоре после этого все трое были мертвы^[243].

Гибель трех крупных военачальников, фактически командной «головки» всей армии, выглядит загадочно. Московское правительство и сам царь никогда не давали на этот счет никаких объяснений. Опалу и казнь невозможно объяснить служебной оплошностью, поскольку один из казненных не успел прибыть на службу, следовательно, не мог совершить на ней никакой ошибки. Само местническое дело не становилось тогда поводом для смертной казни: в худшем случае строптивного местника отправляли в тюрьму. Казнь ему полагалась только за военное поражение, случившееся из-за местнического спора во время боевых действий. Да и трудно сыскать такие примеры... Скорее князь Голицын почувствовал какой-то разлад между царем и князем Воротынским, да и постарался его использовать себе на благо: на пустом месте обрел местническую «находку». Опальный вельможа становился источником местнических «потерек» для всего рода, его не щадили...

Вообще в молодости, до Казани, Михаил Иванович проходил через местнические тяжбы — с князьями Шуйскими, Ростовскими, Щенятевыми, Одоевскими, Курлятевыми. Но с тех пор прошли десятилетия, в течение которых никто не задибался с Воротынским, а если и происходило столкновение (как в 1572 году), то царь становился на защиту воеводы. На этот раз все шло иначе. Полководец явно потерял благорасположение государя, и окружающие это увидели.

Значит, еще весной, в самом начале «береговой службы», Иван IV увидел в чем-то очень крупную вину трех воевод. Что за вина?

Князь Андрей Курбский, современник Воротынского и эмигрант, неплохо осведомленный о событиях Молодинской битвы, предложил следующую версию событий: Михаил Иванович ни в чем не был виноват, его оговорили по распоряжению царя. Имеет смысл полностью привести объемный рассказ Курбского: «Потом были убиты славный... Михаил Воротынский и Никита, князь Одоевский, родственник его с детками младенцами... Спустя примерно год (после Молодинской битвы. — Д. В.) велел он (Иван IV. — Д. В.) схватить, связать, привести и поставить перед собой этого Победоносца и защитника своего и всей земли Русской. Найдя

какого-то раба его, обокравшего своего господина, — я же думаю, что тот был подучен им: ведь тогда еще князья эти сидели на своих уделах и имели под собой большие вотчины, а с них, почитай, по несколько тысяч воинов были их слугами, а он им, князьям, завидовал и потому их губил, — царь сказал князю: «Вот свидетельствует против тебя твой слуга, что хотел ты меня околдовать и искал для этого баб-ворожеек». Но тот... отвечал: «Не привык я, царь, и не научился от предков своих колдовать и верить в бесовство, лишь хвалить Бога единого, в Троице славимого, и тебе, царю и государю моему, служить верой. Этот клеветник — раб мой, он убежал от меня, меня обокрав. Не подобает тебе верить ему и принимать от него свидетельства как от злодея и предателя, ложно на меня клеветующего». Но он тотчас повелел блистательнейшего родом, разумом и делами мужа, положив связанным на дерево, жечь между двух огней. Говорят, что и сам он явился как главный палач к палачам, терзающим Победоносца, и подгребал под святое тело горящие угли своим проклятым жезлом... Велел он также подвергнуть разным пыткам и... Никиту Одоевского... А того прославленного победителя, без вины замученного и обгоревшего в огне, полумертвого и едва дышащего, велел он отвезти в темницу на Белоозере. Провезли его мили три, и отошел он с этого жестокого пути в путь приятный и радостный восхождения на небо к своему Христу...»^[244] Похоронили его в Кашине.

Оговор? Это возможно. Царь по характеру своему был мистиком, верил в волхование и даже в прорицания колдунов. Мог бы он поверить в реальную опасность для себя и своей семьи, если бы Воротынского, а то и нескольких воевод сразу, оговорил, подсунув клеветника, например... тот же Голицын (все они стояли выше его в воинской иерархии по воеводскому списку 1573 года)? Да, мог. Сбрасывать эту версию со счетов нельзя.

Возможно, Иваном IV двигали иные причины — политического, а не мистического характера. Курбский считал, что Иван Васильевич из «зависти» разрушал крупные уделы знатных князей. Мотив? Нет, никакой не мотив. Царь уже распорядился достаточно вольно огромными владениями Воротынского, отправляя его в ссылку десять лет назад. И прекрасно обошелся при этом без казни самого Михаила Ивановича, а также его родни. Непонятно, к чему было дополнять очередную конфискацию земель убийством их владельца плюс одного из родственников, но оставить при этом в живых прочих молодых наследников — а род Воротынских далеко не «извелся» на Михаиле Ивановиче^[245]. Не клеится. И при чем тут Морозов? Тоже какая-то родня

Воротынских? Было бы красиво закончить жизнеописание полководца, замкнув сюжет на возвращении сына к истории отца, слишком могущественного, а потому подозрительного для московских правителей человека... Но... эта версия не объясняет всех фактов.

Допустим, царь увидел в трех военачальниках, контролировавших основные силы южной армии, потенциальных военных заговорщиков. Ведь их объединяет лишь одно — служебное положение в апреле 1573 года. Могли у Ивана IV возникнуть подобные подозрения? Да, могли. Есть одно «но». Тогда Воротынского и казнили бы за попытку заговора. При чем тут колдовство?

Однажды Иван IV допрашивал под пыткой русских беглецов из крымского плена. Задавал им вопросы о том, кто из русских вельмож имеет тайные сношения с ханом. Царь услышал отрицательный ответ на свой вопрос о том, имел ли сношения с крымцами князь Воротынский. А услышав его, пытками выжал из допрашиваемого признание в измене Михаила Ивановича... который был к тому времени мертв. И казнили князя не по обвинению в сношениях с крымцами, а по обвинению во вредоносном колдовстве. Зачем? Очевидно, царь знал, что за Воротынским нет вины. Но ему требовалось показать воеводу персоной кругом виноватой — и в том, и в этом...

Тогда, возможно, царь взревновал к славе Воротынского. Князь победил крымцев, в то время как сам Иван IV отсиживался в Новгороде Великом. Современники честили царя на все лады за этот эпизод. Такие разные люди, как Курбский и Штаден, писали о «новгородском сидении» первого русского царя весьма пренебрежительно, поскольку сочли его трусом^[246]. Если же вспомнить бегство от Девлет-Гирея в 1572 году, картина выйдет совсем некрасивая. Иван IV мог жестоко страдать из-за косых взглядов и дурных разговоров, связанных с двойным позором в его жизни. Между тем авторитет Воротынского рос. В январе 1573 года русская армия во главе с Иваном IV взяла Пайду. Царь вернул себе лавры отважного человека и удачливого полководца. Теперь он мог уничтожить Воротынского, не вызывая пересудов о зависти к этому человеку.

Однако и тут есть свои «но». Допустим, князя Воротынский и Одоевский справедливо пользовались славой героев, сражавшихся с крымцами в 1572-м и одолевших опаснейшего врага. Но пользовались ею также и князь Дмитрий Хворостинин, иной герой битвы у Молодей (допустим, слишком мелкий человек, чтобы вызвать у царя зависть, к тому же бывший опричник, то есть «свой»), или, скажем, Иван Шуйский (этот уж совсем не мелок). Допустим, кто-то вел себя поскромнее, а кто-то

слишком гордился своей победой. Допустим также, что самыми большими гордецами оказались Воротынский и Одоевский. Но Морозов-то вообще не присутствовал среди полковых воевод на Молодях, вот незадача! Как можно ревновать к славе человека, который ее не имеет?

Возможно, Михаил Яковлевич Морозов к делу Воротынского не причастен, да и вообще не существовало никакого «дела трех воевод». Морозов только что прибыл из Ливонии, где числился вторым воеводой Большого полка в армии князя И. Ф. Мстиславского. Эта армия потерпела тяжелое поражение под Коловерью. Морозов, хоть и получил там ранение, но все же мог быть или одним из реальных виновников разгрома, или удобной кандидатурой для обвинения в срыве похода, в поражении русских войск и т. п. Ведь Мстиславе кого-то царь уже простил. И он к тому же считался «столпом царства», а таких людей трогают лишь по очень серьезному поводу.

Можно выбрать версию по вкусу, но, видимо, в любом случае Морозова стоит отделить от князей Воротынского и Одоевского. Курбский, например, этой связки не видит. И никаких обвинений по поводу колдовства в отношении Морозова не выдвигалось — нет таких сведений. А вот за Коловерь он мог ответить жизнью, как отвечали в то царствование иные воеводы за иные поражения. Хотя «командармом» он был выдающимся и прежде умел приносить победы Московскому государству.

Михаила Яковлевича казнили в возрасте мало не восьмидесяти лет — как он только в походы ходил! Одновременно лишили жизни его жену и двух сыновей. А в 1583 году царь отправил в Троице-Сергиев монастырь большой персональный вклад по душе Морозова — 100 рублей. Князя Воротынский и Одоевский такой почести удостоены не были. И тут — отличие.

Итак, было, по всей видимости, два дела: одно — Морозовых и другое — Воротынского с Одоевским. Отсюда вывод: «фигурантов» второго дела могли казнить по одной из двух причин: либо из-за ревности Ивана IV к победе у Молодей, либо из-за какой-то служебной оплошности (ведь, отделив Морозова, мы можем вернуться и к этому варианту). Из всех версий наиболее вероятной представляется та, которая объясняет смерть Воротынского и Одоевского недобрым чувством Ивана IV к их боевому успеху при собственных неудачах. И на этом можно, с некоторым сомнением, остановиться. Более точно раскрыть тайну гибели Михаила Ивановича не представляется возможным.

Был ли князь Воротынский талантливым полководцем? Трудно

сказать. Южные рубежи России он оборонял небезупречно. Когда приходило время «испить смертную чашу» в бою против татар, он одолевал неприятеля мужеством, стойкостью, опытом. Но талантом ли? Яркий, острый талант был у князей Хворостинина и Микулинского. Склонность к затейливой «игре» с неприятелем, то есть тактический дар, можно увидеть в действиях князя Шуйского. А Михаил Иванович Воротынский был честным, умным, бесстрашным человеком. В нем видна та разновидность воинской доблести, которая делала победителями спартанских гоплитов: лучше им было погибнуть, нежели опозориться, отступив, побросав щиты. Таков и Воротынский, медлительно-стойкий воевода. Не самый расторопный из наших «командармов» грозненской эпохи, он был, может быть, самым твердым в прямом бою с татарами. Именно это свойство вывело Михаила Ивановича в спасители России.

В любом случае свое место среди фигур прочих замечательных полководцев на памятнике «Тысячелетие России» Воротынский заслужил честно.

Глава 8

КНЯЗЬ

СЕМЕН ИВАНОВИЧ МИКУЛИНСКИЙ

Почти все «командармы» Ивана Грозного, почти все, кто входил в военную элиту времен его царствования, должны были миновать две темные полосы. Во-первых, опричные годы, выбившие из русской армии немало хороших воевод. Во-вторых, конец Ливонской войны — время черное, страшное... В опустевших уездах тщетно искали новобранцев, полки не желали идти на фронт, а грозный неприятель разгрызал одну русскую твердыню за другой, пока не разбил лба о Псков.

Но были и «счастливчики», умершие намного раньше. Тогда русская военная машина была на подъеме, крепости и царства падали под копыта низкорослых ногайских лошадок, которыми пользовалась наша конница, а знамена московского государя восходили на чужие стены. Лучшим из этих «счастливчиков» был искусный полководец князь Семен Иванович Пунков-Микулинский.

Ныне забытый напрочь.

Он происходил из семьи родовитой и богатой. Ее история связана с Тверской землей.

В Великом княжестве Тверском было несколько уделов. Они доставались родичам правителей, а также представителям боковых ветвей Тверского правящего дома. Как раз из такой младшей ветви выросли роды князей Микулинских, Телятевских и Пунковых. Все они представляли «наследников по прямой» одного из величайших политических деятелей Руси XIV века — великого князя Михаила Ярославича. Но Тверь понемногу слабела, а Москва усиливалась. С середины XV столетия отпрыски семейства по одному переходили на службу к великому князю московскому. В 1485 году Тверь лишилась независимости. Вся земля Тверская присоединилась к Московскому государству, а вместе с ней и последние княжеские роды, сохранявшие верность тверскому сюзерену.

Пунковы, хотя и родовитые Рюриковичи, относились, стоит повторить, к одной из младших ветвей разветвленного семейства. Они не отличались ни богатством, ни высокими чинами, ни влиянием при московском дворе. Отец Семена Ивановича служил честно, однако в большие чины не вышел. Время от времени его ставили командовать полками, но в Боярскую думу

не пустили. Между тем старшая ветвь, владевшая старинным родовым гнездом — городом Микулин^[247] — и носившая гордое имя князей Микулинских, добилась существенно бóльших успехов на московской службе. Собственно, пока был жив старший родич Пунковых, князь Василий Андреевич Микулинский, их самих не очень-то звали Микулинскими, в документах чаще видишь: Пунковы да Пунковы...

В отличие от большинства русских воевод XVI века почти точно известно, когда родился Семен Иванович, — в 1509 или 1510 году. А супругой его стала дочь Василия Григорьевича Морозова из старинного боярского рода, издавна служившего московским правителям.

Впервые имя Семена Ивановича появляется в воеводском списке мая 1533 года. Его назначили командовать Передовым полком в армии, развернутой для противодействия крымским татарам. Неизвестно, занимал ли он до того должности менее высокие.

С этой даты князь постоянно присутствует на «степном фронте» Московского государства, протянувшемся колоссальной дугой от Мещёрской земли до Новгорода-Северского. Он проведет здесь 20 лет и ни разу не проиграет дѣла.

Система обороны русского юга строилась на протяжении долгих десятилетий^[248]. Она возникла из тактического опыта, щедро оплаченного кровью воинов и пеплом городов. К началу царствования Ивана IV она представляла собой хорошо отлаженную машину.

В русских городах, расположенных южнее и восточнее линии Угра — Ока, стояли гарнизоны с пушками и пищалями. Они вряд ли могли самостоятельно отбиться от большой армии крымцев, казанцев или ногайцев, но вполне способны были отбить набег малого отряда или выдержать натиск основных сил неприятеля в течение нескольких дней. Перед ними постоянно ездили «сторóжи». Они несли дозор на тех дорогах, где чаще всего появлялись вражеские рати. По линии Угра — Ока выросло ожерелье мощных крепостей, где из года в год сосредоточивались главные силы Московского государства. Это Муром, Рязань, Коломна, Кашира, Серпухов, Таруса и Калуга.

Для того чтобы понимать психологию защитников России от татарских набегов, надо усвоить две «детали» в устройстве нашей обороны.

Во-первых, «большие воеводы» с полками выходили из Москвы на берег, то есть к Оке, *каждый год*. Есть ли известия о движении татар, нет ли их, — все равно полки отправляются из столицы и выстаивают положенные несколько месяцев, когда опасность нападения особенно

велика. Московское командование могло поменять отдельные отряды — усилить, передвинуть, отвести вглубь России, произвести «рокировку» свежих полков и уставших, могло бросить их на строительство нового опорного пункта, а могло заменить воевод... Но в любом случае заслонная армия присутствует на «степном фронте» из года в год, без исключения. Не важно, как идут дела на других театрах военных действий — в Ливонии, в Карелии или, скажем, в Сибири. Любая подвижка в сторону ослабления «живого заслона» быстро заканчивалась крупными неприятностями. Сокращение ее численности стало одной из главных причин страшного разгрома Москвы в 1571 году полчищами Девлет-Гирея. Таким образом, русская цивилизация должна была ежегодно обеспечивать вывод нескольких десятков тысяч хорошо вооруженных воинов с одной-единственной целью — чтобы выжить. И все от мала до велика в России знали: это необходимо, без этого стране наступит конец. Лучше всего понимали простую истину «степного фронта» русские воеводы. Им татарин с луком и нагайкой не раз втолковывал ее самыми простыми и действенными способами.

Во-вторых, все, кто жил южнее Оки, добрую половину года, примерно с марта по октябрь, знали: каждый день может прийти татарин с нагайкой и луком. Тот, кто не успеет добежать до крепости, либо умрет, либо отправится на работоторговый рынок. Сеешь ли ты хлеб, играешь ли свадьбу, вышел ли рыбу поудить, а может, хоронишь родню, — послушивай: нет ли громового стука копыт с полуденной стороны? Поглядывай: не видно ли сигнальных дымов? И будь резвым! В твоих ногах — твоя судьба. А когда прибежал в крепость, можешь перевести дух да и всходи на стену. Там в самом скором времени понадобятся твои руки, чтобы стрелять, рубить, лить кипяток на бритые татарские черепа, подтаскивать ядра и переворачивать котлы с кипящей смолой. Ты должен знать: если из-за Оки успеют подойти «большие воеводы» государевы, то всё в твоей жизни будет хорошо: хлеб досеешь, свадьбу доиграешь, гроб до могилы донесешь, рыбу из реки выловишь. Но такая благодать снизойдет на тебя лишь в одном случае: *если свои не выдадут*, поспеют вовремя из-за Оки! Если свои не побоятся хорошей драки! И если свои осият неприятеля... А те, кто за Окой, знали: если они не поспеют вовремя, если струсят, если дадут слабину, то через несколько дней там, где побывали нежданные гости, останутся только мертвецы да пепел.

Так и жили из года в год.

Пока не пали Казань, Астрахань, Ногайская Орда и Крым. И как только сворачивали шею очередному хищнику, легче делалось и свободнее

всему «христьянству», как тогда говорили, смешивая православный народ с крестьянами-землепашцами.

Государевы большие воеводы, пробывшие несколько лет на «линии фронта», узнавали характер и привычки противника. Обычно татары приходили не для «прямого дела», они избегали лобового столкновения с основными силами русских. Вели их не «цари» (ханы), а «царевичи» или же «бии». Их больше интересовало ограбление городов и уездов, а потом — безнаказанный отход с «полоном». Но бывали случаи, когда степной враг решался на генеральное сражение. В некоторых случаях сама величина атакующей орды укрепляла желание ее вождя силой прорвать оборону на Оке, дотянуться до самых богатых, давно неграбленных уездов Московского государства, а то и до русской столицы. Иногда и сами русские воеводы глубоко заходили на территорию, которую неприятель считал своей. Или, иначе, сам ход боевых действий мог привести к неизбежности открытого боя.

Поэтому полки, шедшие из центра, могли в любой момент вступить в бой с сильным врагом. Их поражение означало одно: теперь единственной линией обороны становится московская крепостная стена. Обычно им удавалось одним своим движением отогнать татар. Чаще всего осада какого-нибудь окраинного городка в заокских далях кончалась в тот момент, когда татары узнавали о приближении «государевых больших воевод». Русским командирам оставалось дать бой легким отрядам врага, задержавшимся в разбое у соседних сел, да гнать вражеский арьергард, стараясь отбить «полон», уводимый в степь. Но это — чаще всего. А раз в несколько лет все-таки происходило жестокое столкновение лоб в лоб. Тогда дрались до смерти, на уничтожение, не щадя ни себя, ни врага. Надеяться в таких случаях можно было только на себя да еще на Бога.

Вот чем был Русский Юг в XVI и XVII веках.

Вот каким его увидел Семен Иванович в 1530-х годах.

Первый раз он наблюдал врага в том же году, когда получил воеводское назначение. Август — сентябрь 1533-го застал его вторым воеводой на Туле. Тогда крымцы «с многими людьми» разорили Рязанщину.

Минул год, и опять татары — азовцы и крымцы — появились на Рязанской земле. Ока делает здесь два поворота, закладывает широкие петли в южном направлении. Тянутся к югу реки Проня и Цна, но течение их таково, что дорогу захватчикам они не преграждают. И весь окский «угол» далеко выдается к юго-востоку, представляя собой окраину державы. В силу подобного расположения Рязанщина в течение столетий служила идеальной мишенью для татарских набегов.

В 1534 году Семен Иванович стоял на Рязани воеводой «за городом», то есть с войском, предназначенным для разведки и защиты от легких татарских отрядов. Имея незначительные силы, князь бросился на врага, надеясь смелостью своих действий отпугнуть его. Маневр удался. Ударив по татарам на реке Проне, воевода опрокинул их, многих положил на месте да еще в Москву отправил 53 пленника.

Первая победа!

В ту пору великий князь московский еще не вышел из младенческого возраста и за него правила мать — регентша Елена Глинская. С удивлением великая княгиня вглядывалась в лицо молодого воеводы, жалуя его от имени сына. До сей поры Семена Ивановича никто не знал. Мудрено ли! Ему едва исполнилось 24 года.

Теперь узнали.

Позднее князь все так же несет службу «на берегу» в небольших чинах.

Осенью 1539 года происходит новая его встреча со «старыми знакомыми» — крымцами, явившимися на Русь. Крымский «царевич» Имин явился в конце октября «на Каширские места» с сильным отрядом. От Рязани двинулся им наперерез Семен Иванович, как видно, уже уходивший с «боевого дежурства». Ему удалось захватить «языков». Не зная, какими силами располагает русский воевода, татары почли за благо отступить, не взяв «полона». По словам летописца, не столько силой, сколько «Божьим страхом» Имин и его люди «дрогнули и пошли прочь от украины великого князя».

Еще один успех в послужном списке молодого воеводы.

И в конце 1539 года (то ли в первой половине 1540-го) он уже командует небольшой армией из трех полков на Рязани.

До сих пор у Семена Ивановича была обычная карьера: пять воеводских назначений, из них два в ранге первого лица. Победы принесли ему очевидное возвышение — командование трехполковой ратью, но это могло быть и частным случаем. Бог весть, сумел бы он удержаться на этом уровне или нет. До того весь рисунок служб князя Микулинского напоминал первые шаги Дмитрия Ивановича Хворостинина, рассказ о котором впереди. Ничего блестящего в начале командирской деятельности, много трудной работы и второстепенных постов в ее середине... Такое же будущее ждало, по всей вероятности, и Семена Ивановича. Боевые успехи, как и в биографии Хворостинина, время от времени *незначительно* повышали бы его статус, сдерживаемый иным статусом — в местнической иерархии знатности. Да, так бы все и было... если бы не одно

обстоятельство, враз переменившее судьбу Семена Ивановича.

Как раз около 1540 года умер его старший родич, князь Василий Андреевич Микулинский. И на молодого полководца свалилось наследство, моментально сделавшее его человеком богатым и влиятельным. Ему достались титул микулинского князя, вассалы и сам город, где Семен Иванович оказывался полновластным владыкой. Почти что удельным князем давних времен, хотя и на службе у государя московского^[249].

Теперь перед тридцатилетним военачальником открылись возможности для совсем другой карьеры.

И он ими блистательно воспользовался.

Еще один год спустя произошло то самое прямое столкновение, от которого никогда не были застрахованы воеводы на Русском Юге.

Август 1541 года князь Семен Иванович Пунков-Микулинский встретил первым воеводой в Зарайске. Или, как говаривали в старину, «у Николы Заразского». Крымский хан Сагиб-Гирей явился с большим войском к побережью Оки.

На Москве в ту пору было смутно. Великая княгиня Елена скончалась еще в 1538 году. У подножия трона, занятого маленьким мальчиком, воцарилось боярское правление. Придворные партии вырывали друг у друга кормило власти.

Но в ту пору наша политическая элита — бояре, князья, семейства больших московских дворян — крепко держала в своих руках судьбу страны. Затевая междоусобные свары, ни во что не ставя государя-отрока, она все же с полным единодушием выходила в поле, когда требовалось отбить от ворот Руси опасного неприятеля. Московское государство управлялось очень гордой и очень амбициозной, но притом еще и очень ответственной элитой. Это были сильные духом люди...

Русская оборонительная армия вышла на окский рубеж в традиционном составе: пять полков. Большой полк под командой князя Д. Ф. Бельского (он же главнокомандующий всеми полевыми силами на Оке), князей И. М. Шуйского и М. И. Кубенского расположился, очевидно, где-то в районе Коломны. Кроме того, на общий расклад сил влияли гарнизоны соседствующих городов, и там тоже были поставлены крепкие воеводы. «У Николы Заразского» (Зарайск) — князья С. И. Микулинский и В. С. Серебряный-Оболенский. На Рязани (за пределами города) стоял крупный отряд, возглавленный князем М. А. Трубецким. Трубецкому подчинялись младшие воеводы С. И. Жулебин, Ю. Чавкин и князь Ю. И. Деев. На Туле гарнизоном командовали князья П. А. Булгаков и И. М. Хворостинин, а в Калуге — князь Р. И. Одоевский, коему подчинялись И. П. Федоров-

Челяднин, С. К. Заболоцкий, а также князь М. Мавкин Умар. Судя по количеству воевод, наиболее крупные воинские контингенты защищали Рязань и Калугу.

Об угрозе вторжения знали заранее. В Москву «прибежали... ис Крыма два полоняника», сообщившие, что крымский хан информирован о стратегических трудностях обороны на южных границах России: часть Государева двора и дети боярские семнадцать служилых городов оперировали в тот момент на казанском направлении, невозможно было спешно перебросить их на Оку^[250]. Из Москвы в Путивль, к тамошнему наместнику Ф. Очину-Плещееву, был отправлен приказ: осуществить разведку. Разведчики обнаружили в степи «сакмы великие»^[251]. Станичник Алексей Кутуков принес в Москву «с поля» новое известие: он обнаружил врага «на сей стороне Дона на Сновах». 21 июля князь С. И. Микулинский доложил из Зарайска: известия подтвердились, большое вражеское войско идет к Оке^[252]. Бывшие крымские «полоняники» и русские станицы в степи передавали весьма тревожные сведения: крымский хан шел со своими людьми, «царевичем» Имином (Эмином), при поддержке ногайцев, турецкого отряда^[253], с мощной артиллерией и наемными стрелками из пищалей. Всего — более ста тысяч бойцов. Счет вражеских сил производился в ту пору путем внешнего наблюдения и «по сакме» — конским следам, широкую полосу коих оставляла движущаяся армия. Разумеется, подсчеты эти нельзя считать в полной мере достоверными. Весьма вероятно, они преувеличены. Однако ясно было, что крымцы шли «в силе тяжкой». Это, а также присутствие в армии вторжения самого крымского хана Сагиб-Гирея с сыном да еще в сопровождении изменника — знатного аристократа князя С. Ф. Бельского (обещавшего хану показать броды на Оке) — наводило московское правительство при малолетнем Иване IV на печальные мысли. Очевидно, замышлялось большое нашествие, вроде новой Батыевой рати, похода Едигея 1408 года или же великого нашествия крымцев 1521 года.

Историк В. В. Пенской оценил контингент, которым располагало русское командование, в 25–30 тысяч ратников. По его словам, со стороны Сагиб-Гирея в московской экспедиции 1541 года «могли принять участие до 40 тыс. воинов, в том числе до 1000 мушкетеров-тюфенгчи с 60 небольшими пушками-зарбузанами (Фальконетами) и примерно с 200 повозками, снабженными деревянными щитами с бойницами, не считая прочего обоза»^[254].

Полученные сведения вызвали перегруппировку оборонительных сил.

Армию, сконцентрировавшуюся во Владимире для действий на казанском направлении, все же не тронули, но стали к ней стягивать отряды из отдаленных районов. На будущее она могла стать резервом для обороны Москвы, если на Оке Сагиб-Гирея остановить не удастся. Значительный отряд под началом князя Ю. М. Булгакова был выдвинут в качестве заслона к Пахре. С ним отправился «царевич Шигалей» со служилыми татарами Городецкими. Но основные силы во главе с князем Д. Ф. Бельским, как уже говорилось, встали под Коломной.

Где именно располагались все полки, помимо Большого, неясно. В летописи говорится об отправке воевод в Серпухов и на Угру.

В столице по-настоящему встревожились за южный рубеж. Но даже при самой скорой скачке от Зарайска до Москвы — неближний свет, а потом еще из Москвы в разные города... И где появятся крымцы? Предугадать невозможно. Приходилось расставить не столь уж большие силы (с учетом отсутствия армии, стоящей во Владимире) на огромной дистанции друг от друга. Русские полки и отдельные самостоятельные отряды оказались «размазаны» на колоссальном пространстве. От устья Угры до Серпухова по дороге — более 100 километров. От Серпухова до Коломны — около 120 километров. Таким образом, по самым скромным подсчетам, одна армия князя Д. Ф. Бельского прикрывала фронт протяженностью более 220 километров! Притом правофланговый полк ее мог стоять и намного западнее устья Угры, а левофланговый — восточнее Коломны. Таким образом, протяженность оборонительного рубежа, если считать его по дорогам, могла быть и значительно большей.

На всякий случай готовились к осаде в самой столице. Бояре думали даже вывезти государя-мальчика из города — по опыту Едигеева нашествия 1408 года, когда Василий I выехал из города и не сидел в осаде. Но митрополит Иоасаф отсоветовал. Да и сам державный отрок Иван Васильевич предпочел остаться в городе, а не бежать из него. Москва во главе с Освященным собором и самим митрополитом молилась у своих святынь об «избавлении от нахождения иноплеменников». А ратные люди расставляли орудия по стенам, ставили по улицам надолбы, расписывали караульные команды.

Передовой отряд крымцев ударил на городок Осетр близ Зарайска^[255]. Тамошний воевода Назар Глебов с частью гарнизона и вооруженными горожанами неожиданно напал на татар, когда они входили на городские посады. Потеряв девятерых бойцов пленными, крымский авангард бесславно откатился. Татар допросили. Полученные сведения полетели в Москву.

В результате отряд князя Булгакова, стоявший в готовности на Пахре, был немедленно переброшен «на берег», чтобы пополнить армию князя Бельского. Там его включили в Большой полк. На место сил Булгакова из Москвы выдвинулась часть Государева двора во главе с князем В. М. Щенятевым и конюшим И. И. Челядниным.

Что показывает начальная фаза подготовки к отражению крымцев? Во-первых, Москва научилась чрезвычайно быстро мобилизовывать значительные силы. Во-вторых, гарантией от неожиданного нашествия служила глубинная разведка «станциями», работавшая в степи на значительном расстоянии от окского рубежа. В-третьих, пока крымцы не открывали направления атаки, обороной всего Русского Юга руководила Москва; лишь после выхода вражеской конницы на Оку в определенном месте тактическая необходимость принимать решения как можно быстрее делала первого воеводу Большого полка в армии, стоящей «на берегу», центральной фигурой военного командования.

30 июля Сагиб-Гирей вышел со всей ордой к Оке напротив Ростиславля. Ему противостояла армия князя Дмитрия Бельского, базировавшаяся на Коломну. Русские полки самым скорым ходом двинулись к Ростиславлю, намереваясь защищать от татар переправы. Гарнизоны близких крепостей снимались для содействия основным силам. Пошел на неприятеля и Микулинский с маленьким зарайским отрядом, поскольку находился ближе других к месту возможного прорыва.

Ядро боевых сил Бельского с гарантией не успевало занять окские переправы, к которым вышел Сагиб-Гирей. Но маленький Передовой полк — успевал. И, значит, ему оставалось намертво вцепиться в переправы, отбивая татар, пока не явится подкрепление. Полковой воевода князь Иван Пронский-Турунтай знал, во что ему станет сражение с превосходящим по численности противником: если князь Бельский с Большим полком задержится, то вся рать князя Пронского ляжет на переправе.

Перед всей вражеской громадой оказался один полк, не имевший шансов победить. Люди, вставшие заслоном на пути крымцев, готовились к смерти. Незадолго до этого страшного стояния на Оке от имени великого князя в армию пришла грамота. В ней обещалось «великое жалование» тем, кто защитит державу от чужой орды, а также семьям погибших; воевод просили крепко стоять за христианство, не имея между собой розни. Когда содержание грамоты стало известно не только военачальникам, но и всей армии, она ответила: «Мы готовы, мы вооружились, хотим с татарами смертную чашу пить». Теперь настал черед выполнять сказанное.

Татары на лошадях и плотах устремились к русскому берегу. Русские

воеводы приказали отбивать их стрелами. По Оке поплыли мертвые тела...

Обороне полка помогало крайне неприятное для крымцев обстоятельство: между ханом Сагиб-Гиреем и его знатным вассалом Бакы-беем начались распри. Бакы-бей не торопился выполнять приказы хана. Натиск армии вторжения замедлился и ослаб. Но не прервался...

Вторая попытка штурма сопровождалась пищальным огнем: наемники по приказу хана попытались свинцовым градом сбить полк с занимаемых позиций. Турецкие пушкарки встали к орудиям, и в наших воинов полетели ядра. Крымцы вновь полезли в воду. Полк стоял, как мог. Дворяне один за другим падали с лошадей, и без того малые силы полка таяли, таяли, таяли... Все меньше стрел падало на головы татарских штурмовых отрядов.

Наконец, многострадальный Передовой полк дрогнул. Русские конники стали понемногу отходить от берега, освобождая место татарам. И быть бы прорыву через Оку... но тут на выручку подоспел зарайский отряд Микулинского. Крымцы опять несли тяжелые потери, опять против них стояли свежие войска. Перестрелка возобновилась.

Первый, самый страшный натиск вражеской армии удалось сдержать. Понемногу начали прибывать части Большого полка, явился вместе с главными силами и русский главнокомандующий, князь Дмитрий Бельский. Доплывших до нашего берега татар секли топорами и саблями. Прибыла московская артиллерия, и вскоре турки с проклятиями побросали свои разбитые орудия. Русские стрелки открыли огонь из пищалей, ветер носил густой дым над гладью реки, треск пальбы не прекращался ни на минуту. А за спинами подоспевших сил виделись в отдалении всё новые и новые полки...

Поражение крымцев стало очевидным.

С русского берега неслись оскорбительные предложения: «Освободите место! Мы сами переправимся и побьем вас!»

Сумерки поставили точку в сражении на переправе. Ночью в лагерь Бельского прибыл «большой наряд» — тяжелая артиллерия. Узнав об этом, хан с основными силами орды ударился в бегство. Наутро покинул берег Оки его сын, а потом и прочие вожди татарской армии. Они бежали к спасительному югу, «с великим срамом... — по словам летописца, — ... бросив пушки и пищали, и телеги, и всякую рухлядь воинскую»^[256].

Немногие крымцы беспечно остались, мечтая заняться грабежом ближних волостей. На них обрушился князь Микулинский, уничтожая последние татарские отряды у Оки.

Самым неугомонным оказался царевич Имин. Он «отворотил» от

войск отца, ринувшись на «Одоевские места». Но тут его встретил местный воевода князь Владимир Иванович Воротынский. Его контрудар и здесь опрокинул татар, а полсотни самых медлительных отправились пленниками к великому государю.

От них стало известно, что Сагиб-Гирей все еще не смирился с поражением. Хуже воинской неудачи его сердце жег позор: собрать великую армию и ничего не совершить с нею! Это роняло авторитет хана в самом Крыму. Да и высокий союзник, Турция, перестанет относиться к нему как к серьезной силе, если он сейчас отступит без всякого успеха. Татарская знать, видя в бесславном отступлении поруху и своей чести, напомнила хану о Тамерлане: Железный Хромец ходил на Русь с огромным войском, но ограничился тем, что спалил и разграбил маленький город Елец. Так не взять ли на щит какой-нибудь русский городок, покрыв большой неуспех малой победою? «Пусть не говорят, что хан приходил на Русь, но не учинил ей ничего»^[257], — кратко передает летописец содержание их речей. Прикидывая так и этак, выбрали в качестве мишени Пронск, расположенный неподалеку.

Крымцы обложили Пронск, открыли по нему огонь из оставшихся пушек, пошли на штурм. Но маленький гарнизон во главе с Василием Жулебиным из боярского рода, исстари служившего московским князьям, встретил их ответной пальбой. Запершись в крепостице, горожане не уstraшились татар, приняв решение стоять насмерть. Крымские мурзы, видя большую убыль в боях, начали было переговоры с Жулебиным, обещая милостивое отношение, если воевода добровольно сдаст Пронск. Тот ответил: «Божьим попущением город ставится, а без Божией воли кто может его взять? Хан же пускай помедлит под стенами еще немного: как раз идут по его следам государевы воеводы»^[258]. Сагиб-Гирей в ярости приказал готовиться к новому приступу. Жулебин в ответ вызвал всех, кто мог носить оружие, на стены. С мужьями пришли и жены. У маленьких башен складывали заостренные кольца, которыми собирались сбивать татар с лестниц, груды тяжелого камня, ставили котлы с кипятком. Тайком в Пронск пробрались семеро бойцов из отряда князя Микулинского. Они подали весть: «Держите оборону! Мы спешно идем к городу с большими силами». Осажденные радовались доброй вести, ждали скорого избавления. Один из горожан попал тогда в плен к татарам. От него-то хан и узнал о приближении русского войска. Не столь уж многое грозило крымцам: Микулинский располагал легким отрядом, прочие же воеводы не решились преследовать Сагиб-Гирея. Русские военачальники опасались покидать

окский оборонительный рубеж: не попробует ли противник под видом отступления перейти реку в другом месте? Но на воображение хана продолжала действовать страшная картина: несокрушимый строй огромного московского войска, стоящий на высоком берегу Оки... Убоявшись полного разгрома, враг опять ударился в бегство, бросив осадные сооружения и уничтожив собственные пушки. Быстро переправившись за Дон, крымцы бежали, не останавливаясь...

Столица да и вся Русь праздновали большую победу. От имени государя-отрока воевод, побывавших в деле, щедро одаривали шубами, драгоценными кубками... Надо полагать, награды удостоился и Семен Иванович. Он со своим отрядом оказался в центре оборонительной операции. Его действия спасли Передовой полк и обеспечили тем самым успех всего сражения.

На следующий год крымцы опять попробовали крепость русской обороны — история битвы на Оке и неудачной осады Пронска получила бурное продолжение.

Ранней весной, как только зазеленела трава, на северские места пришла рать крымского царевича Имин-Гирея, уже битого русскими год и три года назад. Татары наплывали широкой волной, грабя волости под Стародубом, Путивлем, другими городами. Однако царевича вновь хорошенько стукнули: в Москву отправились 20 пленников, остальные крымцы в столкновении с русскими полками частично погибли, частично же рассеялись.

Вскоре начались переговоры с Казанью и Астраханью, складывавшиеся к пользе России. Год начинался удачно...

Но на всякий случай в июне 1542-го мощная оборонительная армия князя Д. Ф. Бельского была развернута в районе Коломны. Князь Микулинский командовал Передовым полком, а его помощником назначили Дмитрия, родного брата Семена Ивановича. Как выяснилось, «в поле» было кого останавливать: весенняя атака царевича сыграла роль разведки боем. В августе крупная орда крымцев явилась «на рязанские места», затем свернула к Зарайску. Тамошние воеводы, ободрив немногочисленный гарнизон, сделали вылазку. Не ожидавшие отпора татары вновь отступили на рязанские земли и, откатываясь, спешно брали «полон», занялись грабежом, поджогами. Эта жадность стоила им дорого. По пятам шел зарайский воевода, из Рязани устремился на преследование Передовой полк во главе с Микулинским, легкие отряды бросились вдогон отступающему врагу из Тулы, Одоева, Серпухова, с окских переправ. Бешеная погоня шла день и ночь. За Доном, на поле Куликовом, как раз на

том месте, где Дмитрий Донской более полутора веков назад разгромил Мамай, русский авангард настиг татарские «сторóжи» и сцепился с ними. Быстрый конный бой закончился разгромом крымцев. Теряя людей, они ушли в степь и там доложили мурзам, возглавлявшим основные силы, что русская кавалерия дышит в спину. Тогда побежало все войско, бросая награбленное.

За первые десять лет службы князь Микулинский минимум четырежды видел спину неприятеля и ни разу не показал ему своей. Он знал, какими бывают большое сражение... и большая победа.

Молодость полководца подарила ему лучший боевой опыт из всех мыслимых. Никто из грозненских «командармов» не начинал так блестяще, как Семен Иванович.

В 1540-х годах инициатива наступательного действия перешла к русским. Самым близким было Казанское ханство, в котором московское правительство видело очень опасного врага.

Весной 1545 года под Казань отправляется по Волге «судовая рать», то есть корпус, посаженный на речные суда. Три полка под командой князя Микулинского отплыли из Нижнего в апреле, по высокой воде. С Вятки под Казань отправился на стругах второй отряд. Обе рати сошлись в указанном месте с небывалой точностью. О дальнейшем летописец сообщает: «Воеводы великого князя князь Семен с товарищи, придя к городу Казани многих людей казанских побили, кабаки царевы (казанского хана. — Д. В.) пожгли. А на Свягу реку посылали от себя воеводы детей боярских, и тамо Божиим милосердием такоже многих людей казанских побили». Князь Микулинский захватил также знатного пленника — некоего мурзу «княжеского» рода. «Государь воевод и детей боярских жаловал великим своим жалованием: кто о чем бил челом, тех всех по челобитью их жаловал»^[259].

Москва и Казань то враждовали, то мирились с XV века. Наступал решающий раунд их борьбы, сделаны были первые шаги.

В феврале 1547 года Семен Иванович вновь идет к Казани — вторым воеводой Большого полка под общей командой князя Бориса Александровича Горбатого-Шуйского, которому Микулинский немного уступал в знатности. На землях вокруг Казани обитала «черемиса» — коренные народы, имевшие разные обычаи и разную степень воинственности. Часть ее отложилась тогда в пользу Москвы, и русская армия отправилась им на поддержку.

А в декабре того же года на Казань пошла большая московская армия с молодым царем во главе.

Поход сразу не задался. Из-за дождей пушки долго передвигали к Владимиру, а оттуда — к Нижнему Новгороду. Когда армия вышла от Нижнего и двинулась на вражеские земли, открылась оттепель. Лед покрыла вода, пушки и люди то и дело проваливались в полыньи. Отойдя от Нижнего совсем недалеко, Иван IV остановил армию у речки Роботки. Дальше двигаться было рискованно. Государь стоял три дня, «ожидая путного шествия, и никако же путь не обретется». Войско могло потерять всю артиллерию и добрую половину бойцов...

На военном совете царь с воеводами приняли решение: главные силы вернутся в Москву, но небольшой отряд пойдет дальше — разорять казанские земли, беспокоить неприятеля. Во главе «мобильного корпуса» поставили служилого татарского «царя» Щигалея и того же князя Бельского. Семен Иванович взял на себя Передовой полк. Шел февраль 1548 года.

То, что произошло в дальнейшем, показывает две важные черты в характере князя Микулинского. Во-первых, личную смелость. Он отважился забраться в самое логово неприятеля и не торопился оттуда уходить. Вероятно, его удивляло отсутствие у татар такой же мощной системы обороны, что и у русских. А раз ее нет, вторгшийся отряд мог чувствовать себя почти безнаказанно. Во-вторых, в крови у большинства русских военачальников того времени кипело стремление отогнать татар, отбить «полон», самим взять на чужой территории «рухлядишки»... Микулинский был настроен иначе. Он стремился не отогнать, а уничтожить противника, а потому всегда оказывался сторонником решительных действий.

Вторжение московских полков оказалось неожиданным для казанцев. Современник досадовал: жаль, не взяли тогда столицу ханства, снаряженных к бою людей там стояло совсем немного... Неприятельские земли преданы были огню и мечу: русские вели себя на территории татар точно так же, как те — на территории русских.

Хан Сафа-Гирей, казанский правитель, охотился тогда неподалеку от своей столицы. Он нарвался на русскую армию, располагая лишь «небольшой дружиной» да охотничьими псами. Тем не менее хан решил принять бой и был разбит таранным ударом одного Передового полка князя Микулинского, «втоптавшего» Сафа-Гирея в город. Победителям достались шатры, казна, даже пища хана.

Когда русское нашествие удалилось от стен Казани, хан собрал оставшихся людей и отправил сильный отряд в погоню. После нескольких дней преследования татары утомились и решили, что враг ушел. Они

остановились на ночлег, но не выставили охрану и даже караульных при конских табунах. И вот среди ночи казанцев разбудил беспощадный неприятель, ударивший из укрытия. Большая часть татар полегла на месте, многие оказались в плену, и лишь незначительной части удалось скрыться. Небывалый разгром!

Иван IV вновь раздает дары военачальникам.

Русские воеводы могли уйти из Казанской земли, вдоволь набрав «полона» и разорив противника. Но им требовалось не только это, но также истребление живой силы неприятеля. И они дважды вступали в «прямое дело», хотя такой задачи перед ними не ставилось. В чем тут причина? Прежде всего в том, что все они, в том числе и князь Микулинский, знали: следующая встреча с теми, кого они пощадили на чужой земле, может состояться на своей.

По границам России того времени проходил «цивилизационный разлом», там шла борьба разных вер, этносов и мировоззрений, а потому рубежи страны кипели беспощадно жестокой войной.

В следующем большом походе против Казани Семен Иванович числится одним из бояр в царской свите и вторым воеводой Государева полка. Пост — далеко не самый высокий. Первым воеводой в том же полку шел князь Иван Федорович Мстиславский, бывший намного моложе, менее опытным, зато более знатным, нежели Семен Иванович. В январе 1550 года войско, возглавленное самим царем, вышло из Нижнего. На этот раз главные силы русских сумели добраться до Казани, но здесь их ждала неудача.

Зима выдалась студеной. От мороза гибли люди и лошади. Весна началась с проливных дождей. В русском лагере начались разговоры о «казанских волхвах», губивших воинство с помощью колдовства.

Штурм города принес обеим сторонам страшные потери. Казанцы стояли крепко, сбросить их со стен не удавалось.

Надвигалась полная распутица или, как выразился летописец, «аерное нестроение». Пушки не могли действовать из-за дождей, дороги развезло, земля у стен Казани превратилась в жидкую грязь. Простояв 11 дней у столицы ханства, русская армия была вынуждена оставить город в покое. Началось медленное отступление.

Добравшись до реки Свияги, молодой царь заметил живописную гору Круглую. Взобравшись на нее, Иван IV увидел, насколько неприступной может быть крепость, если воздвигнуть ее на горе. Очевидно, именно тогда, в феврале или марте 1550 года, ему в голову пришла мысль о создании тут нового городка. Этой идее суждено надолго определить

течение жизни Семена Ивановича.

Но пока князь нужнее всего в коренных землях Московского царства. Несколько месяцев он отдыхал от ратных забот, а в июле вышел в царской свите для нового похода. Войско пошло к Коломне. Ждали двадцатитысячную орду из Крыма. Никто не знал, где ждать очередного нашествия.

В начале августа пришли грозные известия: да, с крымским «царевичем» идет тридцатитысячное войско на Рязань и Мещёру. Иван IV посылает туда Семена Ивановича с пятью полками. Вскоре сам царь, помолившись «у Николы Зарайского», отправился вслед за полками в Рязань. Как видно, в тот год ждали нового масштабного столкновения. Но уже 16 августа Иван Васильевич возвращается в Москву: большого сражения не произошло. По всей вероятности, татары, узнав о выдвигении крупных сил, не решились вступать в противоборство и повернули назад.

Воеводе достается еще один глоток мирной жизни перед большим военным делом. Через несколько месяцев после «рязанской тревоги» он отправится на Свяягу...

Казанские походы принесли Семену Ивановичу громкую славу. По свидетельству современника, князь превосходно владел оружием, был красив и отличался большим долготерпением к житейским неудачам. Царь ценил его как человека, способного дать мудрый совет. Врагам же его присутствие в войске внушало тревогу: «Многие русские воины и вражеские бойцы видели издали, когда сходились для боя полки, как скачет он, словно огненный, на своем коне, и меч его и копье, словно пламень, во все стороны обрушиваются на врагов и посекают их, пробивая в них улицы, и конь его, казавшийся змеем крылатым, летает выше знамен...»^[260] Воевода князь Андрей Курбский, знавший Семена Ивановича по походам начала 1550-х годов, называл его человеком «очень храбрым и искусным в героических делах»^[261].

Помимо известности полководец обрел также боярский чин — высший в Думе. Богатство, знатность и очевидные заслуги перед государем позволили ему «перескочить» через чин окольничего. Это произошло около 1549 года. Боярские списки середины XVI века показывают: Микулинский считался ровней высокородным Шуйским, Палецким, Глинским, Пронским и явно превосходил в статусе большинство аристократов из старых боярских родов Москвы — Шереметевых, Шеиных или, скажем, Заболоцких. Ну а «верхнему ярусу» служилой знати, тем же заоблачным Гедиминовичам — Бельским, Мстиславским или, например, Щенятевым,

он уступал... Правда, совсем немного.

Для русского командования после нескольких тяжелых походов на восток стало очевидным: переброска войск с русской территории до Казани сопряжена с опасным разрывом коммуникаций. Для успеха под стенами чужой столицы требовался опорный пункт, вынесенный далеко в земли неприятеля. А чтобы создать его и удержать в отсутствие большой армии, нужен был человек великого мужества и рассудительности. Ведь никто в Москве не собирался вечно держать крупное полевое соединение на восточной окраине России. И, значит, следовало кому-то доверить судьбу новой крепости в окружении воинственных народов.

Царь призвал князя Микулинского.

Семену Ивановичу с легкой ратью пришлось пойти на Круглую гору — начинать строительство города. А впереди него с малым числом людей двинулся князь Петр Серебряный, который, собственно, первым и встал на месте строительства будущего города, в 15 или 20 верстах от Казани. Это произошло 17 мая 1551 года. 18-го он ввязался в жестокий бой на казанском посаде, понес потери, но поста своего на Свяге все-таки не оставил. Одновременно на разных направлениях по казанцам ударили отряды русских служилых людей, отвлекая их внимание от свияжского строительства. А ученый дьяк Иван Григорьевич Выродков, талантливый военный инженер, в тот момент с помощниками рубил в лесах под Угличем стены и дома, предназначенные для перевозки к будущей крепости.

Московское командование проводило сложную, многоходовую операцию.

К месту на Волге, так понравившемуся Ивану IV, отправилась на стругах большая рать во главе со служилым «царем» Щигалеем и боярином князем Юрием Михайловичем Булгаковым. Через неделю после того, как князь Серебряный занял место для строительства, она вышла на Свягу и доставила Выродкова с его строениями. Как выяснилось, запасенных «деталей» хватало лишь на половину работы. Пришлось в срочном порядке доделывать дело на месте. 24 мая 1551 года на месте будущего Свяжска застучали русские топоры. По периметру будущей стены прошел крестный ход... А всего через месяц город был готов.

30 июня 1551 года на месте пустынном, заросшем лесом и людьми покинутом, стоял новый город Свяжск.

В Свяжске видели не только крепость и не только базу, где на складах будут храниться порох, свинец и провизия. В этом городе с самого начала видели заставу на переднем крае христианства. Военные экспедиции против Казани мыслились царем, митрополитом и их современниками как

своего рода крестовые походы. Соответственно, Свияжск задумывался в качестве твердыни православия, со всех сторон окруженной иноверцами и предназначенной для наступления на «басурманскую веру». Поэтому в город привезли заготовки не только для укреплений, хозяйственных и административных зданий. Туда из дальних мест доставили также срубы древнейших церквей Свияжска.

Современник пишет: «Поставили... деревянную соборную церковь Рождества пречистой Богородицы и построили внутри города шесть монастырей, в одном из них — храм преподобного Сергия-чудотворца. И все воеводы и бояре, и купцы, богатые люди и простые жители поставили себе в городе светлые дома и хорошо устроили свою жизнь. И наполнились все люди радостью и прославили Бога»^[262]. Место, где ныне стоит Свияжск, овеяно сказаниями о многих знамениях, связанных с его возникновением.

Любопытно, что современный Свияжск в какой-то мере вернул себе изначальное предназначение. Это остров православия на просторах мусульманства, по преимуществу Татарстана. И это остров в прямом смысле слова: в остров его превратило частичное затопление от разлива водохранилища. В советское время он подвергся страшному разорению, по сравнению с началом XX столетия население уменьшилось в десять раз. С 1551 года сохранилась основа деревянного Троицкого храма, стоящего ныне на территории Иоанно-Предтеченского монастыря^[263]. Главной, соборной была в Свияжске Богородице-Рождественская церковь. Именно ее-то и привезли в виде разобранного сруба из-под Углича. Впоследствии на месте скромного деревянного храма вырос величественный каменный преемник... В советское время собор был взорван.

Вернемся в XVI век.

Местная «черемиса» и чувашаи, почувствовав, что у земли меняется хозяин и больше казанскому хану их господином не быть, приходили к Свияжску, чтобы «бить челом» о переходе под руку царя московского. Теперь их знать схватывалась уже с казанцами.

В Казани ядром сил сопротивления, упорно наскокивавших на русских, служили приезжие крымцы и ногайцы. Как только они потерпели поражение в боях с русскими отрядами, местная знать решила пойти на серьезные уступки. Она сдала русским воеводам своего хана Утемыш-Гирея с семьей (из крымцев), уступила России часть территории ханства, и без того отложившуюся и управляемую последние месяцы из Свияжска, а также обещала посадить на ханский престол служилого «царя» Щигалея,

который был ставленником Ивана IV. Более того, Казань обещала отдать всех русских пленников, находившихся на территории ханства. И действительно, из города вышли около семи тысяч пленников, а в целом со всей Казанской земли — 60 тысяч...

Когда Щигалей занял ханский престол, при нем осталось сравнительно небольшое войско. Русская армия, оставив также гарнизон в Свияжске, ушла домой. Ханство фактически утратило статус самостоятельного государства и стало полузависимым от России политическим формированием. В Казани сидел правитель, поставленный из Москвы, а в Свияжске, недалеко от него, — воинская сила, всегда готовая поддержать хана силой оружия.

Эта громадная перемена совершилась всего за несколько месяцев. В августе 1551 года Щигалей уже утвердился на казанском престоле. А русский гарнизон, оставленный на Свияге, возглавил князь Микулинский. Его, как тогда говорили, посадили в новом городе на «годование» — боевое дежурство, длившееся год. И за сохранность главного форпоста России на востоке теперь отвечал он.

Семену Ивановичу досталась беспокойная должность. Зимой город жил бедно, припасов не хватало. Люди умирали от голода, жестоко страдали от цинги. Но отвод русских войск со Свияги обернулся бы катастрофой. Щигалей сидел в Казани непрочно. Человек жестокого нрава, он конфликтовал с подданными. Подливало масло в огонь и то, что русских пленников, оставшихся у местных, после отхода большой рати князя Булгакова отдавали очень неохотно. А Иван IV нажимал в посланиях к Щигалею: если хотя бы один христианин не вернется на Русскую землю, то придется вновь применить силу. Часть казанской знати обратилась к Ивану Васильевичу с просьбой дать Казани русского наместника вместо непопулярного «царя» Щигалея.

И Щигалей продержался недолго. В марте 1552 года он сошел с Казани. Обещая местным «мурзам» и «уланам» мирное прощание, он попросил сопроводить его до Свияжска. Но, дойдя до русского города, велел взять под стражу более восьмидесяти знатных людей.

Своевольная казанская «аристократия» не имела единого мнения: принять ли действительно русского наместника или же вернуть себе независимость? Переговоры с князем Микулинским велись сначала в самом благожелательном тоне. Вроде бы Казань готовилась подчиниться ему как представителю Ивана IV. Однако потом в городе произошли волнения и верх взяли противники подчинения. Старая договоренность оказалась нарушенной. Семена Ивановича не пустили в Казань. Он

приказал арестовать представителей города, но посадов пока не жег и к стенам не приступал. Отчасти он надеялся все-таки окончить дело миром, отчасти же просто вел себя осторожно: за его спиной стояла Москва с ее многотысячными ратями, но здесь, в Свияжске, князь располагал лишь маленьким воинством полумертвых от цинги людей. Семен Иванович старался сохранить силы для обороны своей деревянной крепости, если дело дойдет до настоящей войны.

Так и произошло. Казанцы, осмелев, попытались вернуть силой «горную черемису», перешедшую под власть русского царя. Почуввав слабость свияжского гарнизона, местные князьки принялись баламутить народ: не перекинуться ли опять под руку Казани?

Князь Микулинский отправил отряды блокировать «перевозы» через Волгу и запросил немедленной подмоги у Москвы. С великим поспешанием помощь ему была отправлена, и прибыла она вовремя. Казанская земля превратилась в кипящий котел. «Черемиса» изменила всё, полностью. На русские отряды постоянно совершались нападения, пленники подвергались казни, исчезали «воеводские стада». В Казань тайно пробрался астраханский и ногайский «царевич» Едигер, ставший новым казанским ханом. Во всей этой кровавой каше единственным несокрушимым оплотом русской власти оставался Свияжск.

Семен Иванович держал его крепко и не собирался отступать.

Учитывая прибывшее на помощь войско, в распоряжении русских оказалось около пятнадцати тысяч конных воинов да несколько тысяч стрельцов. Явно недостаточно, чтобы контролировать все казанские земли. В Москве пришли к выводу, что нового большого похода не избежать. И начали готовить армию.

Митрополит Макарий, желая укрепить сердце князя Микулинского и дух его подчиненных, отправил в Свияжск послание, написанное в мае 1552 года. В нем митрополит увещевал войско, больше года простоявшее вдалеке от семей и родных домов, удерживаться от содомского греха. Макарий требовал также у воеводы и всего свияжского гарнизона соблюдать Господни заповеди, быть образцом христианской добродетели в земле, на которую должен быть распространен свет православия. В послании, среди прочего, говорилось: «Чада! Вам следует исполнять евангельские заповеди и апостольское и отеческое предание. Вы обязаны также учить и наказывать во благо тех, кто вам подвластен, поскольку вы — голова, и не попускайте прочим заблудить от истинного пути Божия»^[264].

Наконец отряды для очередного похода соединились.

Летом 1552 года на Казань пошла новая русская армия, собравшая в кулак вооруженные силы всего государства. С нею шел и сам Иван IV. Поход безуспешно пытались сорвать крымцы, но были отброшены под Тулой. Русские полки неотвратно двигались к своей цели.

Тем временем на территории Казанского ханства готовили отпор. Бунтовавшая «черемиса» начала собираться для контрудара, но князь Микулинский, узнав об этом, вышел из Свияжска и разгромил ее. В июле об этом доложили Ивану IV, а в августе воевода уже и сам встречал царскую рать в Свияжске. К гарнизону присоединились четыре тысячи черемисских бойцов под командой «замиреной» знати.

Огромное войско отдыхает после долгого перехода, набирается сил, молится в недавно построенных храмах. Несколько дней спустя оно выходит для последнего броска к столице ханства, и вместе с ним прощается со Свияжском и Семен Иванович. Ему вновь достался Передовой полк.

Долгое, трудное, опасное «свияжское сидение» закончилось. Князь Микулинский провел на этой рискованной службе год и три месяца. В его жизни не было ничего более ответственного и более важного для судьбы всей России. Что же, дело он свое сделал, Свияжск удержал.

Русская армия приступила к решению тяжелой задачи: осаде и взятию Казани.

В истории казанской эпопеи князю Микулинскому отведена особая страница. Когда город был плотно обложен русскими полками, за спиной у них оказались крупные силы татар и «черемисы», изо дня в день беспокоившие наших. Две вражеские рати, конная и в стругах, составляли около двадцати пяти тысяч бойцов. Порой очередной набег на русские позиции превращался в настоящее сражение. Воевода князь Андрей Курбский, участник «казанского взятия», жаловался впоследствии, что войску наносили большие потери отряды татар, укрывшиеся в лесах и нападавшие на тылы русских полков. Не хватало продуктов, даже сухарей. Всякую ночь многие люди оставались без сна, стоя в караулах при артиллерийских орудиях. Курбский, в частности, пишет: «Хуже всего от этих набегов было тем христианским полкам, которые, как мы, стояли на Арском поле у Галицкой дороги со стороны луговых черемисов... А что бы я рассказал о том, какой урон наносили нам в людях и лошадях, когда ездили наши слуги добывать траву для лошадей, притом что командиры, охраняя их со своими отрядами, не всегда могли защитить их вследствие коварства басурман и стремительных, внезапных и быстрых их набегов? Действительно... не написать в подробностях, сколько их убито и

ранено»^[265].

Бедствия, испытанные армией под Казанью, поколебали решимость монарха продолжать осаду. Разделились мнения и его воевод. Многие, видя неудачу открытых приступов, минной войны и особенно страшный ущерб от действий внешних отрядов, поговаривали о возвращении домой. Семен Иванович оказался среди тех, кто старался укрепить волю Ивана IV к одолению неприятеля.

В конце концов русское командование выделило особый трехполковой корпус, предназначенный для ликвидации деблокирующей группировки неприятеля. Его сняли с осадных работ и направили для борьбы с внешними силами врага. Начальником корпуса стал боярин князь Александр Борисович Горбатый, а Передовой полк отдали Семену Ивановичу. По сведениям Курбского, под их руководством находилось около 30 тысяч дворянской конницы, а также 15 тысяч казаков и стрельцов. Возможно, это преувеличение, но в любом случае силы, отобранные для внешнего рейда, были весьма значительными.

В первом бою, недалеко от русских осадных укреплений, наши воеводы заманили противника под удар из засады и разгромили его наголову. Путь к отступлению отрезали стрелецкие сотни. Враг, оставляя на поле боя бесчисленное множество мертвых тел, обратился в беспорядочное бегство. Около тысячи воинов попали в плен (по другим данным, около четырехсот).

Но в лесах оставались бóльшие отряды. Поэтому 6 сентября 1552 года корпус Горбатого-Шуйского отправился искать встречи с основными силами неприятеля.

Роль главной базы, опираясь на которую действовали внешние отряды татар и «черемисы», играл Арский острог. Русским полкам достался крепкий орешек: острог стоял на высокой горе, среди болот и оврагов, мощные стены с башнями и бойницами преграждали путь штурмовым отрядам, а защитники готовились к решительному отпору. У Арского острога русский корпус стоял два или даже три дня. Первый приступ окончился неудачно: дворяне, сошедшие с коней, пошли в атаку вместе со стрельцами, но их встретил плотный огонь из пищалей, луков и пушек. Горбатый-Шуйский, оставив князя Микулинского, попытался найти обходной путь в болотах, но неизвестно, удалось ли ему найти уязвимое место в обороне Арского острога. Семен Иванович и его помощник Данила Романов со своими бойцами оказались основной силой, штурмовавшей укрепления. Князь Микулинский, не зная, удастся ли затея начальника, видел перед собой только один маршрут для приступа, и он упирался в

главные ворота острога. Воевода, не тратя сил напрасно, дождался подхода артиллерии. Он сосредоточил мощную батарею против ворот острога, поставил рядом с ней стрельцов и велел бить по цели до полного сноса укреплений, не давая «черемисе» отвечать огнем со стен. Артиллерийская бомбардировка оказала решающее действие: защитники сдались. В остроге оказалось «двенадцать арских князей», «семь черемисских воевод», 200 или 300 «сотников и старейшин», а также до пяти тысяч бойцов^[266]. Русским полкам досталась богатая добыча.

Всего ночь отдыхали в захваченном остроге войска Горбатого-Шуйского и Микулинского. Затем они отправились в сторону большого Арского городища или Арского города — регионального центра. Его «черемиса» побоялась защищать и сдала без боя. Так же как и множество других городков, сел, деревень, не оказавших никакого сопротивления после того, как пала главная твердыня — Арский острог. На протяжении десяти дней русские полки прошли всю Арскую область, захватывая скот и пленников. Голодная армия отъедалась на богатых хлебах. Как напишет через много лет Курбский, войско «застряло» там, «потому что в земле той большие поля, чрезвычайно изобильные и щедрые на всякий плод... села часты, а хлеба всякого такое множество, что поистине невозможно рассказать и поверить — сравнимо, пожалуй, со множеством небесных звезд! Бесчисленно также множество ценной добычи и стад разного скота...». Пригнав скот к полкам, осаждавшим Казань, воеводы сняли их с «голодного пайка».

В Арском остроге и других населенных пунктах русский корпус освободил от многолетнего рабства множество пленников, отправленных впоследствии на Русскую землю через Васильсурск.

Вернувшись из похода, Семен Иванович успел принять участие в решающем штурме Казани. Официальная летопись сообщает, что князя под конец битвы отрядили перехватывать татарские отряды, пытавшиеся пробиться из города, когда его участь была окончательно решена. С этим делом Микулинский успешно справился, однако его «работа» в тот день далеко не ограничивалась ловлей беглых казанцев.

Из воинской повести «Казанская история» известно, что Семен Иванович с частью полка дрался на ответственном участке не только *после*, но и *во время* общего штурма. Он прорывался в Муралиевых воротах, расположенных в северной части Казани, у самого ханского дворца. Князь оказался в гуще рукопашной схватки. Здесь ему нанесли множество легких ранений. Через несколько дней лекари поставят Семена Ивановича на ноги. Но тот решающий штурм принес ему потерю горшующую, нежели кровь,

вытекшая из его ран. Выстрелом из казанской пушки убило его брата Дмитрия. Обезображенное тело Дмитрия Микулинского слуги едва смогли вытащить из груды трупов.

Ожесточенный бой был перенесен от ворот и брешей в стенах на улицы города. Русские постепенно преодолевали сопротивление защитников. Был миг, когда русских бойцов явно не хватало, исход всего дела заколебался. «С некоторых... казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами (служилыми татарами Ивана IV. — Д. В.), смешавшись в яростном бою с... воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери. И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других... Отчаявшись остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копья, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других...»^[267] Подход свежих подкреплений окончательно решил дело в пользу русского войска. В итоге последние казанские воины, еще державшие в руках сабли, либо погибли, либо сдались на милость победителя.

2 октября 1552 года город был взят.

Московские ратники захватили самого хана казанского Едигера. Напротив, многие тысячи русских пленников, пребывавших у казанцев в рабстве, были освобождены и отправлены домой.

Казань перестала быть страшной угрозой всей восточной окраине Московского государства. На протяжении нескольких десятилетий местные жители поднимали бунты, но неизменно бывали разбиты. Постепенно произошло «замирение» края и переселение туда множества выходцев из центральнорусских областей. Казанское ханство влилось в Россию и стало частью ее территории.

А князь Микулинский получил пост наместника на Двине, и трудно понять, награда это или опала... Там, впрочем, воевода пробыл совсем недолго.

Весной — летом следующего года Семен Иванович вновь был призван на службу. В Серпухове он стоял как царский воевода рядом с войсками удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. И царские полки, и удельные выставлены были «на берег» для защиты от крымцев. 1 августа князя «отпустили» из Серпухова «для казанской службы».

Это означало следующее: после покорения Казани очень быстро начался первый мятеж «луговой черемисы». Несколько месяцев Микулинский готовил к походу армию, во главе которой отправился

воевать в отлично ему знакомые места. Войско двинулось под Казань в декабре 1553 года. По дороге к нему присоединился отряд из свияжского гарнизона, а также мощный корпус служилых татар.

А в феврале 1554 года из тех мест в Москву прибыл от князя Микулинского гонец Назар Глебов. Он сообщил о полной и совершенной победе.

Русские полки прошли мятежные земли вдоль и поперек, уничтожая неприятельские отряды. Они двигались по «Арским местам», где, неподалеку от Казани, жила «черемиса», по землям чувашей, по рекам Каме, Меше и Вятке, добрались до Уржума. Основная база мятежа, городок на Меше, был сожжен. Огнем и мечом князь Микулинский очищал область от бунта. В конечном итоге представители местной знати запросили мира, изъявив готовность покориться, платить дань.

Русское войско взяло в плен шесть «честных людей», то есть представителей знати, военачальников, а также освободило еще восемь тысяч русских пленников.

К 1554 году князь Семен Иванович Микулинский подошел зрелым человеком. Ему 44 года, он знаменит по всей России своими победами и полностью погружен в военное дело. За блистательными военными успехами «командарма» стояла нелегкая судьба. Отец и братья полководца к тому времени ушли из жизни. Жену он видел в перерывах между походами. Лучшая часть жизни прошла в службах, сидении по дальним городам да в сражениях.

Может быть, Семен Иванович хотел от этой жизни чего-то еще, чего-то большего, ему не хватало каких-то простых радостей. Поэтому, когда бес лукавый подвел его под соблазн, князь поддался. В душе, как видно, стало пустовато, и служба ту пустоту не закрывала полностью.

В 1554 году блистательная карьера князя Микулинского прервалась по политическим причинам.

Еще в 1553-м на Москву легла тень смуты. Молодой царь тяжело заболел и потребовал от вельмож дать присягу малолетнему сыну Дмитрию... Но у тех были свои соображения по поводу того, кому отдать престол. И на месте малыша-наследника многие видели его взрослого родича — князя Владимира Андреевича Старицкого. Был в одной «думе» с аристократической партией, которая хотела служить князю Владимиру Андреевичу Старицкому, и князь Микулинский. Но тогда его «шатание» осталось для царя тайной. Иван IV выздоровел, вопрос о престолонаследии был снят сам собой, а в поле зрения государя оказались только явные бунтари.

На следующий год за рубеж пытался бежать князь Семен Лобанов-Ростовский, входивший в эту группировку, но попался и в ходе расследования выдал многих, в том числе и своего тайного единомышленника — князя Микулинского. Масло в огонь мог подлить тот факт, что воевода стоял тогда в Серпухове по соседству с удельной армией Владимира Андреевича Старицкого: это наводило на мысль о подготовке военного переворота... С тех пор Семен Иванович на три-четыре года исчезает из летописей и воеводских списков. Очевидно, его постигла опала... Бог весть, сколь суровым вышло наказание. Тот же князь Лобанов-Ростовский чуть не лишился головы, но, по заступничеству митрополита, сохранил жизнь, отправившись в тюрьму на Белоозеро. Надо полагать, с недавним победителем «черемисы» обошлись мягче, однако к важнейшим государственным и военным делам его больше не допускали. Какое-то время князь сидел (по второму разу) наместником на далекой Двине, затем, в 1557/58 году попал на воеводское «годование» в не менее далекую Казань.

Соблазн политической интриги скопил многих знаменитых «командармов» грозненского времени. Некоторые «удостоились» опалы, ссылки, насильственного пострига в монахи, кое-кто впал в бесчестие, а кого-то и жизни лишили. Они летали высоко, наши полководцы того времени. Но все дело в том, что военная элита на две трети была тождественна элите политической. Судьбы страны, государственных учреждений и самой династии нередко держали в руках те самые «командармы», которым назавтра после очередного заседания Боярской думы надлежало убыть на «боевое дежурство» куда-нибудь в Серпухов — отражать крымцев. И чуть только поддавался аристократ, военная косточка, соблазну подправить нечто большее, нежели порядок старшинства подчиненных ему воевод, как его сейчас же могло постигнуть большое несчастье. Тех, кому ведомы вершины жизни этой, Господь знакомит и с пропастями, с самым их дном...

Лишь в связи с началом Ливонской войны Семена Ивановича вновь призывают на царскую службу. Ему повезло «воскреснуть» от государевой опалы.

Ливонская война, которая принесет России и великие победы, и великие тяготы, начиналась триумфально. Русским воеводам сдались Юрьев, Нарва, Раковор и многие другие города. Однако в конце 1558 года власти Ливонского ордена опомнились и собрали силы для контрнаступления. Войска орденского магистра нанесли несколько

чувствительных ударов. В перспективе это грозило Московскому государству потерей стратегической инициативы.

Тогда из Москвы пришел приказ: провести акцию устрашения, которая надолго отобьет у ливонцев охоту к такого рода затеям.

В декабре 1558 года «на ливонские немцы» отправилась рать из пяти полков под командованием князя Семена Ивановича Микулинского. Старшим по знатности в этом войске формально был служилый татарский «царевич» Тохтамыш, двигавшийся со своим «двором», однако управлял боевыми действиями не он, а князь Микулинский. С русскими полками шел огромный сводный корпус служилых татар и представителей северокавказских народов. Псковский летописец с изумлением перечисляет их отряды: «...черкасы пятигорские и царевич Тохтамыш и татары и черемиса юрьевские».

Семен Иванович не взял с собой осадную артиллерию, поскольку в его планы не входило осаждать мощные крепости. Но на санях с армией князя передвигался «легкий наряд», предназначенный, надо полагать, для огневой поддержки во время полевых столкновений.

Как полагает историк В. В. Пенской, «поместной конницы с воеводами было порядка 9—10 тысяч...» (считая боевых холопов). Служилых татар Семен Иванович имел под рукой две тысячи или чуть более, а «стрельцов и казаков, посаженных на конь», — от тысячи до трех тысяч человек^[268].

Армия князя Микулинского в январе 1559 года ворвалась по широкому фронту на земли ордена и архиепископства Рижского в районе Алыста (ныне Алуксне). Другая ее часть двигалась в общем направлении на Кесь (иначе Цесис, Венден) и Ригу. Стояли страшные морозы, и старожилы удивлялись, как можно воевать в такую стужу! Тем не менее воевода «распустил войну» на огромной территории. «Не было места, где бы ни воевали, — сообщает летописец. — И разорили той зимой 7 городов, множество кораблей пожгли в море под Ригою»^[269]. Жители Риги, утратив уверенность в собственных боевых возможностях, своими руками сожгли городское предместье, лишь бы не отдавать его русской коннице на поживу.

Собственно, ее главная задача и была: карать за дерзость, разорять и устрашать, при этом обогащаясь добычей.

У Чествина (Зессвегена) ливонцы выставили заслон, который атаковал Передовой полк русских. Или, скорее, бросился на один из малых отрядов, отделившихся от основных сил, а нарвался на целый полк. Подробности боя неизвестны, но, судя по потерям, сеча выдалась жестокая... В сражении противник был разгромлен, причем на месте полегли 400 воинов врага,

погибли «воеводы немецкие Гедерт и Ганус».

Боевые действия начались в середине января 1559 года, а уже 17 февраля армия вернулась на русские земли с «бесчисленным множеством» пленников, среди них — 34 дворянина и некий Янатов, «печатник» архиепископа Рижского. По официальному отчету Семена Ивановича, ливонцы принуждены были оставить 11 «городков», которые были выжжены московскими воеводами. Русские отряды вывезли оттуда колокола, артиллерию и ценное имущество, но гарнизоны оставлять в опустевших и выгоревших укреплениях не стали, поскольку те располагались далеко от русского рубежа и вовремя поддержать их в случае контрнаступления ливонцев все равно не удалось бы.

Это был серьезный успех. Прежде всего русские войска провели масштабную акцию устрашения, вернув себе инициативу. Ударный кулак ордена, и без того не особенно грозный и многолюдный, утратил боеспособность. Бить стало нечем, да и отбиваться — тоже. Иван IV, вполне удовлетворенный действиями князя Микулинского, «послал с жалованием» ему и его воеводам^[270]. Вскоре на ливонском театре военных действий установилось полугодовое перемирие.

В воинской повести «Казанская история» рассказано о смерти князя. Возвращаясь из ливонского похода, Семен Иванович нес «на шее своей смертельную рану», от которой вскоре скончался на пятидесятом году жизни^[271]. Князь навеки закрыл глаза 2 августа 1559 года. Его тело «проводил до могилы» сам царь. Похоронили воеводу в родовом гнезде — Микулине, в каменном храме, построенном по распоряжению покойного. Богомольный, значит, был человек...

Этот храм дошел до нашего времени. Он имеет древнюю историю и является семейной усыпальницей князей тверского рода. Предположительно, первая церковь на этом месте возникла между 1397 и 1399 годами: ее возвели по приказу князя Михаила Александровича. А в середине XVI века Семен Иванович выстроил на месте обветшалого здания новый пятиглавый храм из камня, удивительно красивый, поражающий до сих пор необыкновенной гармонией архитектурных форм^[272]. Здесь он и лег навеки, близ гробов своей родни, рядом с женой Овдотьей Морозовой, родившей ему сына Петра.

Автор «Казанской истории» повествует о кончине князя печальными словами: «Прегорькая, злая смерть, ни красоты человеческой не милующая, ни храброго мужа не щадящая, ни богатого не почитающая, ни царя, над многими властвующего, не боящаяся, но всех равно из этой жизни

забирающая и в темный гроб кладущая трехлокотный, засыпаемый землей! И кто может избежать крепкой твоей хватки? И куда девается тогда красота, храбрость и слава — все мимо проходит, словно сон».

Но так ли горька гибель от смертельной раны в 49 лет?

Ведь это — превосходная смерть для полководца. По сравнению с прочими «большими воеводами» того времени князь Микулинский — настоящий счастливчик. Наши «командармы» грозненской поры жили трудно. Колотушка войны часто выбивала их из жизни до срока, а кому-то доставалась смерть пострашнее военной. Петр Шуйский погиб от рук жадных крестьян после тяжелого поражения, Ивана Шуйского убили за интригу, Алексей Басманов ушел из жизни при трагических обстоятельствах, Ермак погиб в бою, Иван Бельский задохнулся от огненного жара и дыма, Михаила Воротынского истребили по причинам, до сих пор непонятым, Юрий Токмаков умер в походе... Везло на хорошую кончину немногим. Разве что Дмитрию Хворостинину да в какой-то степени Ивану Мстиславскому.

Так вот, Семен Иванович скончался дома, как победитель, в чести и славе человека, никем никогда не битого.

Что может быть лучше для «командарма»?

Глава 9

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОРОСТИНИН

Понятия «военный талант», «слава искусного полководца» в разное время наполнялись разным смыслом. Для эпохи раннего Средневековья, домонгольского периода исключительно важной была личная храбрость князя — предводителя дружины. В период петербургской империи и СССР талант военачальника скорее определяли по его тактическим способностям, реже — по способностям стратегическим. Между этими двумя эпохами лежит героическое время, когда создавалась Россия. При великом князе московском Иване III на месте лоскутного одеяла самостоятельных русских земель и княжеств возникло единое Московское государство. Оно просуществовало около двухсот лет, прошло череду реформ при Петре I (годы правления 1689–1725) и превратилось в Российскую империю.

Имена воевод Московского государства известны историкам по летописям и старинным грамотам. Заслуги их перед отечеством очевидны. Но, кажется, их современникам, людям русского Средневековья, были незнакомы понятия «воинская слава», «триумф полководца»... Их заменяло словосочетание «государева служба». Не слава была важна, а то, исполнена ли «приказанная» служба, и если да, то насколько полно. Про старомосковского воеводу неуместно говорить «знаменитый». Скорее «искусный», «преданный государю», «стойкий».

В конце XV — начале XVI века страна взрывообразно расширилась. Тогда появилась целая плеяда полководцев, получивших опыт в наступательных войнах. Маневренная, атакующая тактика была их стилем. Блестящими практиками этого стиля были князья Даниил Холмский, Даниил Щеня и Александр Ростовский. Позднее, во второй половине XVI века, Московское государство перешло к обороне своих бесконечных границ. И тогда в воеводах стали в большей степени ценить стойкость, способность противостоять превосходящим силам неприятеля. Успешно справлялись с этими задачами князья Иван Шуйский и Михаил Воротынский. Между тем для России именно тогда открылись просторы Сибири, и туда устремились многочисленные «русские конкистадоры».

Первым и, наверное, самым известным из них был казачий атаман Ермак. Наконец, XVII столетие блистает именем князя Дмитрия Пожарского, освободителя Москвы от польских интервентов в эпоху Смуты. Выдающихся полководцев, как можно убедиться, хватало. Да и перечислены здесь лишь верхи великого сонма даровитых воевод... Очень трудно выделить среди множества «служилых людей по отечеству» человека, очевидно превосходившего других полководческим дарованием. Удобнее всего положиться в этом вопросе на внешнего наблюдателя, не связанного русскими нравами и обычаями того времени.

В 1588–1589 годах Московское государство посетил Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I. Впоследствии он создал трактат «О государстве Русском», где подробно описал состояние России тех времен. Флетчер встретил холодный прием и был настроен по отношению к «Московии» отрицательно, даже враждебно. Кроме того, известно, что английский посол собирал информацию о стране разными способами, в том числе и конфиденциальными. Особенно его интересовала русская армия: ее численность, вооружение, полководцы... В той части трактата, где речь идет о вооруженных силах государей московских, Флетчер деловит, сух, точен, беспощаден к недостаткам военного дела в России и внимателен к его достоинствам. Англичанин перечисляет аристократические роды, из которых обыкновенно назначают главных воевод, но лишь один человек удостоивается пристального внимания: «... теперь у них первейший муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками...»

И действительно, Дмитрий Хворостинин был настоящей военной звездой России XVI столетия. Главная его заслуга перед страной — победа в жестоком и кровавом сражении у деревни Молоди в 1572 году, одержанная вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским. Именно благодаря этому он остался в памяти потомков. Но личный триумф Хворостинина наступил лишь через два десятилетия после памятной молодинской победы, да и вся его жизнь с младых ногтей прошла в битвах и походах. Это был истинный человек войны, для нее рожденный и живший ею.

Дмитрий Иванович появился на свет в 30-х годах XVI века, точная дата рождения неизвестна. Осенью 1550 года вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной

книге» — списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1535 года. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору — «Дворовая тетрадь», — составлен был скорее всего в 1551 или 1552 году и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50-х годов XVI века. Дмитрий Иванович в нем числится. К тому же во второй половине 1550-х годов известны первые его воеводские службы. Исходя из этого, можно предположить, что князь родился, скорее всего, между 1535 и 1540 годами.

По роду своему он принадлежал к младшей ветви Ярославского княжеского дома. Хворостинины не были «захудалым» семейством, однако же не блистали ни особой знатностью, ни большими богатствами, ни значительными заслугами на государевой службе. В среде многочисленной старомосковской служилой аристократии они были «средняками». Между тем в XVI–XVII столетиях знатность рода, как уже не раз говорилось, много значила при назначении на военные должности. Весьма часто она имела приоритетное значение.

Это и понятно: как уже говорилось в главе, посвященной боярам Захарьиным, в состав высшей старомосковской аристократии вошли и боярские роды, вот уже несколько столетий верно служившие князьям московским, и княжеские роды из присоединенных к Москве русских земель, и беглые князья из Литовской Руси (а помимо них и выезжая знать греческого, ногайского, северокавказского происхождения)... Если бы не была создана система местничества, о которой сейчас принято говорить как о сугубом зле, то все эти знатные люди то и дело устраивали бы усобицы и перевороты, споря за место у кормила власти. Сложная система местнических счетов иной раз приносила немалый вред. Однако она худо-бедно примиряла служилых аристократов, определяла, кому на какой должностной уровень можно претендовать. Местничество фактически спасло Московское государство от тяжелых внутренних войн, борьбы всех против всех. Вместо силовых способов борьбы за место при дворе, в управленческом аппарате, вооруженных силах знать использовала возможность судиться. Таким образом, местнические тяжбы заменили собой и дуэли, и групповые вооруженные столкновения, столь частые, например, в среде польско-литовской магнатории. Да и русская фронда так и не состоялась во многом из-за существования местничества...

Хотя, конечно же, тем, кого местническая иерархия отбрасывала от вершины власти, от этих ее преимуществ было не легче. Как, например, Алексею Даниловичу Басманову.

Что же касается Дмитрия Хворостинина, то ему, по местническим

счетах, путь к высшим постам армейским и думным оказался до крайности затруднен.

Впрочем, не были Хворостинины и «бедными родственниками» в среде русской служилой аристократии. Отец четверых сыновей — Дмитрия, Андрея, Петра и Федора, князь Иван Михайлович Хворостинин известен по воинским документам еще со второй половины 1530-х годов, где он фигурирует с довольно скромными служебными назначениями. Но положение его в армии постепенно улучшается. К первой половине 1560-х, после нескольких десятилетий ратной службы, Иван Михайлович выслужил думный чин окольничего. В 1564 году он упоминается в последний раз: из действующих воевод и, надо полагать, из Думы он выбыл — скорее всего из-за возраста^[273]. Перед его сыновьями стоял добрый пример отца: аристократа-воина, долгой честной службой вырвавшего у судьбы высокий чин. Примерно такая же биография ожидала лучших из них... Если бы не воинский талант, дарованный Богом Дмитрию Ивановичу и позволивший ему подняться значительно выше отца. И еще — если бы не удачные брачные комбинации Хворостининых.

С чего начинал Дмитрий Иванович? С понимания того, что он сам своей судьбе хозяин. Род не располагал сколько-нибудь значительными вотчинами, к тому же землю отца пришлось поделить между четверьмя сыновьями, и каждому досталось совсем уж немного. Есть известия, что братья жестоко ссорились между собой за землю. Таким образом, только служба могла дать молодому человеку его положения высокий статус в обществе.

Лет в пятнадцать юноша обязан был впрячься в государеву службу, начав с невеликих должностей. В молодости князь служил по Коломне и Белой (1550-е годы): там у него были поместья, очевидно незначительные. О карьере юного князя известно мало. Впервые о Дмитрии Ивановиче сообщают воинские документы под 1558 годом. К тому времени Хворостинин добился уже определенного положения: его назначили воеводой в небольшую южную крепостицу Шацк, построенную всего пятью годами раньше. Этой службе, вероятно, предшествовали более низкие воинские посты, но о них источники того времени информации не донесли.

Что такое воевода в Шацке? Очень рискованная работа. От большого набега крымских татар стены этого молодого укрепления не спасли бы: такие городки захватчики брали и палили мимоходом, можно сказать, закусывали ими на завтрак. Зато подобные крепостицы идеально годились на роль опорных баз для сторожевых отрядов и для отпора небольшим

татарским бандам, из года в год приходившим на Русь, чтобы захватывать рабов.

Князю Хворостинину досталась беспокойная, опасная и очень нужная для России служба.

В одном из более поздних походов русской армии на юг мы видим Дмитрия Ивановича воинским головой (должность рангом ниже воеводской). Затем, в конце 1559-го или в 1560 году, его ненадолго ставят во главе гарнизона Нижнего Новгорода — это уже очевидное повышение по сравнению с Шацком.

В течение десятилетия разряды и летописи XVI столетия скупо освещают биографию князя Хворостинина. Как и все военачальники московских государей того времени, он мало походил на толстых бояр из старых советских фильмов. Служить приходилось постоянно, большая часть жизни «служилых людей по отечеству» проходила в дальних городах, в разъездах, стычках с неприятелем и больших сражениях. Не столь уж многие доживали до глубокой старости. В Московском государстве любили и уважали дородных людей, но, видимо, — как большую редкость. Ведь дворяне были в большинстве своем поджары, вроде хороших гончих псов, подвижны, неутомимы и невероятно выносливы.

Хворостинин дрался на двух «фронтах». То его отправляли возглавлять небольшие отряды на южную, степную границу, и там он участвовал в маневренных играх со стремительной и хищной крымской конницей. А ежегодные татарские набеги нависали смертельной угрозой над Русским Югом... То Дмитрий Иванович получал назначение против западных соседей — шведов, литовцев и поляков. В 1558 году как раз началась 25-летняя Ливонская война или, иначе, война за ливонское наследство, в которой Россия принимала участие с переменным успехом...

Осенью 1561 года он выступил вместе с отрядом из Алы-ста в роли головы при воеводе князе В. М. Глинском. Отряд вошел в состав большой рати, отправленной против «ливонских немцев». Но летом 1562 года Хворостинин вновь на юге — участвует в отражении крымцев под Мценском.

Пока он никому не известен и ничем не выделяется из общей массы младших воевод Московского государства, коим счет шел на десятки и сотни.

Первый взлет в его карьере связан с событиями зимы 1562/63 года. Московское государство совершило тогда одно из звездных деяний своей военной истории.

К тому времени Ливонская война осложнилась: против России

выступил новый сильный и могущественный противник — Польско-Литовское государство. Иван IV планировал нанести ему сокрушительный удар и вывести таким образом из войны. Осенью 1562 года он начал готовить масштабное вторжение на земли Руси Литовской. Рать собиралась по полкам в семнадцать городах, не считая сил, которые вышли с царем из самой Москвы. Столичная рать выступила 30 ноября.

На 5 января 1563 года был назначен общий сбор всех сил в Великих Луках. Дисциплина и организованность русского войска стояли тогда на высоком уровне, и огромная армия действительно собралась перед литовским рубежом в один день. Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже для последующих столетий.

На протяжении четырех дней в Великих Луках формировались из отдельных отрядов полки, назначались воеводы, определялись маршрут и порядок движения. Для того чтобы избежать дорожных заторов, полкам велено было выходить из города с интервалом в один день. У русского командования за период без малого 11 лет, прошедших со времен «казанского взятия» 1552 года, не было иного опыта в управлении столь значительными полевыми армиями. Поэтому, когда Государева армия выступила из Великих Лук (9 января), движение все-таки совершалось медленно, то и дело возникали «пробки».

Боевую силу царского воинства, как уже говорилось в главе, посвященной А. Д. Басманову-Плещееву, составляла дворянская конница с боевыми холопами, казаки, служилые татары, черкасы, мордва и отряды стрельцов. Вместе они составляли, по всей видимости, около пятидесяти тысяч бойцов — без учета иностранных специалистов и пушкарей с их начальниками. С армией шел очень значительный «наряд» — войсковые «средние» и «легкие» орудия, а также артиллерия «главного удара» — мощные осадные пушки.

Но помимо весьма значительного боевого элемента армия оказалась нагружена колоссальными «кошами»-обозами и многотысячной «посохой». Так именовали в XVI веке слабоорганизованные толпы людей, привлеченных для инженерных работ: мощения мостов, создания осадных приспособлений и переноски грузов. Эта толпа и создала главные сложности при передвижении войска.

Однако, преодолев наиболее сложный участок маршрута, 31 января войска Ивана IV прибыли под Полоцк, и военачальники принялись разводить полки по позициям, добиваясь максимально плотного обложения города.

Полоцк славился мощными стенами. Правда, добрая репутация обороноспособности города несколько устарела. По мнению современных историков, «городская и замковая артиллерия... была слабой, устаревшей, малокалиберной и серьезных неприятностей осаждавшим доставить не могла. Полочане в общей сложности могли выставить 23 орудия разного качества и калибра, 4 мортиры и 87 гаковниц... Чтобы отразить штурм многотысячной армии, этого было недостаточно. Деревянная крепость над Западной Двиной могла выдержать долгую осаду не очень многочисленного войска без крупнокалиберной артиллерии... но непрерывный штурм многочисленного воинства с тяжелой осадной артиллерией не оставлял городу никаких шансов»^[274]. И всё же взятие Полоцка делом простым не являлось: цитадель городскую, Верхний замок, обороняла сама природа: крепость стояла на холме и была с двух сторон защищена реками. Польско-литовский гарнизон во главе со Станиславом Довойной насчитывал до двух тысяч бойцов, настроенных отстаивать город до последней крайности, ему оказывала поддержку часть горожан. Таким образом, он не был легкой добычей. Особенно когда на фланге русских войск появился легкий неприятельский корпус, направленный в поддержку осажденным...

В то же время Полоцк представлял собой желанное приобретение. Богатый торгово-ремесленный центр, бывшая столица самостоятельного княжества, Полоцк к тому же оказался в центре конфессионального конфликта. Католичество, радикальные формы протестантизма и традиционное православие сошлись тут в долгом противоборстве. Наступление русской армии имело образ «крестового похода», направленного на восстановление позиций православия в Полоцке.

Этот «крепкий орешек» был разгрызен удивительно быстро: 15 февраля, всего через две недели после начала осады, город пал. Решающую роль тут сыграла русская осадная артиллерия, прибывшая через неделю после начала боевых действий. Ее огонь сокрушил полоцкие укрепления.

Однако не обошлось без нескольких столкновений между гарнизоном и полками Ивана Грозного. 5 февраля стрельцы впервые попытались ворваться на стены и даже имели успех на одном участке. Но основные силы не получили приказа к общему штурму, поэтому стрелецкий отряд принужден был отступить. 9 февраля Станислав Довойна приказал своим войскам оставить Великий посад, составлявший бóльшую часть города, и, запалив его, перейти в Верхний замок — полоцкую цитадель. Жителей посада принялись насильственно «забивать» туда, а пламя должно было расчистить место для действия крепостной артиллерии и стрелков. К тому

же захват Великого посада отдавал русским полкам в руки богатейшую добычу, и начальник гарнизона предпочел предать ее огню.

Вот здесь-то и появляется князь Д. И. Хворостинин.

В походе он играл скромную роль воинского головы в Государевом полку. Ему надлежало «за государем ездити» во главе небольшого отряда из двухсот дворян. Рядом и отец его, Иван Михайлович, в чине окольного следовавший в свите государя. Пока войско шло к Полоцку, Хворостинин должен был разбираться с заторами, продвигая по забитой людьми и повозками дороге полковые обозы. 30 ноября 1562 года его поставили в боевое охранение во главе заставы на том месте, где на следующий день разместится царская ставка.

Именно на его долю выпало главное столкновение с гарнизоном Полоцка — бой за горящий Великий посад.

Летопись рассказывает о действиях Дмитрия Ивановича 9 февраля следующее: «Стрельцы царева и великого князя и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи начали биться», стремясь отбить посадское имущество. Тогда «царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей... побережи... из острогу выслати». Острогом летопись называет посадские стены. Головы из Государева двора и были — князя Дмитрий Иванович Хворостинин и Дмитрий Федорович Овчинин. Они действовали в высшей степени удачно: «...ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государских людей отвели здорово. А которые люди Полоцкого повета сельские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государский полк и воеводские полки...»^[275] Один Государев двор принял более одиннадцати тысяч русских беженцев из горящего Полоцка.

После падения Полоцка Хворостинин одним из первых вошел в Верхний замок и оставался там на «боевом дежурстве».

По всей видимости, Иван IV именно тогда отметил храброго и расторопного военачальника. Вообще полоцкий поход 1562–1563 годов стал важной ступенькой для карьеры многих честолюбивых служильцев, оказавшихся впоследствии в опричнине. Царь много раз выходил в дальние походы, но до учреждения опричнины лишь дважды узнал вкус большой победы: под Казанью и у стен Полоцка. Боевые действия под Казанью не оставили в памяти Ивана IV впечатления триумфа. Руководили войсками воеводы из числа знатнейших людей России, и они всё делали по-своему, не церемонясь с молодым государем. Казанская победа была на всю жизнь отравлена для Ивана Васильевича ощущением, что он сыграл роль марионетки в чужих руках. Под Полоцком ему было уже не 22 года, а 33, и

он стал полномочным распорядителем. Полоцкое взятие в значительной степени его заслуга — как полководца. Люди, отличившиеся под Полоцком, показавшие себя в деле или хотя бы вовремя попавшие царю на глаза, оказались на особом счету. Ведь именно с ними были связаны чуть ли не лучшие воспоминания в его жизни!

Очевидно, и Дмитрия Ивановича царь не забыл. Через несколько месяцев князь получил от государя ответственное поручение. Оно стало в какой-то степени и проверкой «на политическую благонадежность».

Опальный вельможа князь Д. И. Курлятев-Оболенский содержался в Рождественском монастыре на острове Коневец посреди Ладожского озера. Он принадлежал к сообществу правительственных деятелей, которое позднее было названо в сочинениях Андрея Курбского «Избранной радой». Одно время Курлятев считался одним из вершителей судеб всей страны... Позднее, потеряв прежнее влияние, князь пытался пересечь литовский рубеж и уйти в стан врага, но был схвачен. Через несколько лет этот план окажется выполнен другим служилым аристократом — тем самым князем А. М. Курбским... В 1563 году расследование деятельности Курлятева привело царя к печальному выводу: князя следовало перевезти к месту более строгого заключения. Для этой работы требовалась надежная охрана. У Курлятева хватало доброхотов, способных организовать побег. На роль главы «конвоя» государь избрал Хворостинина, который справился с этим заданием.

Подобного рода надежность дорого стоила в глазах Ивана IV: в те годы постепенно разгорался конфликт между ним и гордым высокородным «князьем». Царь чувствовал, что почва у него под ногами колеблется. Он имел основания сомневаться в ком угодно, вплоть до самых близких людей.

Дмитрий Иванович не подвел.

Он вообще был таким, как когда-то Д. Д. Холмский, вроде хорошо откованного меча — не подводил тех, кому служил.

В том же году князь получил первое в своей жизни назначение на должность полкового воеводы. Его расписали вторым воеводой Сторожевого полка в армии, собравшейся у Великих Лук «по вестям». А на следующий год Дмитрий Иванович отправился уже первым воеводой Большого полка, то есть командующим всей ратью. Под его руку поставили небольшой корпус, предназначенный для поддержки недавно завоеванного Полоцка^[276].

В 1565 году царь Иван IV разделил Московское государство на две части: земщину и опричнину. Каждая из частей имела собственное войско, собственную администрацию и собственный двор. В опричнине

полновластным, ничем не ограниченным правителем стал сам царь. Земщина, которой царь управлял через земскую Боярскую думу, оказалась объектом репрессий. Одна из важных целей, которые преследовал Иван IV, состояла в наделении конфискованным земельным фондом дворян из опричного войска. А сделать это можно было, лишь отобрав имения у тех, кто попал в земщину. Другой целью стало устранение от власти людей, сопротивлявшихся политическому курсу государя, прежде всего представителей богатейших и знатнейших княжеских родов. А «устранение» могло означать и лишение жизни...

Но изначально казней было немного: апогей террора, осуществлявшегося от имени Ивана IV, приходится на период с зимы 1567/68 года по 1571 год. Более значимым инструментом царя стала кадровая политика. До сего времени Иван Васильевич был, по обычаям того времени, ограничен в выборе людей, получавших места в Боярской думе, направляемых на ключевые воеводские посты, в судебные и гражданские управленческие учреждения. Создание опричнины открыло для Ивана IV возможность *внутри опричной Думы, армии и т. п.* иметь свободу рук, отказаться от следования традиции. Иначе говоря, назначать своих избранников на высшие посты, ни с кем не советуясь и не зная ограничений. Ведь царь — и это, наверное, самое важное — стремился получить армию с командным составом, куда входили бы лишь преданные ему люди, и легко управляемую администрацию.

Не принадлежавший к высшему эшелону служилой аристократии, Хворостинин попал в число опричных воевод и получил шанс на относительно быстрое возвышение. Следовательно, Иван IV доверял ему и считал способным военачальником.

Действительно, в середине 1560-х годов карьера князя пошла в гору. Первое опричное воеводское назначение он получил как раз осенью 1565 года, в корпусе, отправленном из Москвы под Волхов, против крымцев. Весь этот корпус состоял из одних опричных отрядов. По данным историка В. В. Каргалова, за храбрость в боях с крымцами у Волхова Дмитрий Иванович награжден был золотой монетой^[277]. Разрядные документы говорят об ином: золотые монеты были отправлены из Москвы в награду воеводам из земщины, получал ли их кто-либо из опричных военачальников, неизвестно. Впоследствии Дмитрий Иванович командовал полками в разных опричных походах (в частности, возглавил Сторожевой полк в походах под Калугу 1567 и 1569 годов). Ему также доверили командовать небольшой ратьей, отправленной зимой 1567/68 года под Великие Луки «по вестям» о подходе неприятельских отрядов.

С 1569 года князь упоминается в документах как окольный — второй по значению «думный» чин после боярского. Это — свидетельство признания его заслуг.

Весной 1570 года Хворостинин то ли возглавлял гарнизон в Зарайске, имевшем мощный каменный кремль (стены сохранились до наших дней), то ли числился вторым воеводой сторожевого отряда опричников. Этот отряд был выдвинут после того, как командование русской армии получило известие о набеге крымского хана Девлет-Гирея. Документы не дают возможности четко сказать, какой именно пост занимал тогда Дмитрий Иванович. Во всяком случае, воеводство в сильной Зарайской крепости считалось бы намного более почетным, нежели в захолустном Шацке.

Именно там, под Зарайском, князь Хворостинин с помощником Федором Львовым в мае 1570 года вышел против войска крымцев и разгромил неприятеля наголову^[278]. Полководец обеспечил себе преимущество, напав неожиданно, ночью. Его отрядом были взяты пленники. Вражеское войско угоняло в рабство множество русских людей, и их удалось отбить. Такова первая самостоятельная победа Хворостинина. И единственный, кстати, крупный боевой успех, добытый опричным корпусом без поддержки земских ратей.

Хворостинин показал, таким образом, что он как тактик тяготеет к постоянной подвижности, атакующему стилю, характерному для «железных волков» Ивана Великого.

Через несколько месяцев Дмитрию Ивановичу доверят опричный отряд, выставленный «по вестям» «на Рязани».

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей с большой ордой прорвался через заслоны на южной границе, дошел до Москвы, ограбил пригороды и поджег сам город. В колоссальном пожаре исчезла почти вся столица государства. Неудачные действия полков на степном рубеже обернулись настоящей военной катастрофой. Это неудивительно. В годы опричнины казнили множество опытных военачальников, разделение российских вооруженных сил на опричное войско и земское усложняло координацию общих действий. Кроме того, силы державы истощила тяжелая Ливонская война...

Не сумев взять русскую столицу, Девлет-Гирей велел запалить ее. Хан намеревался разграбить все, что не смогут защитить государевы воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день — московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратно убивал

город. Земские ратники и незначительный опричный отряд оставались в Москве. Не покидая позиций, они бились с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погибли боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь И. Д. Бельский, а также множество простых воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было — лишь несколько сотен чудом уцелевших дворян...

У нас нет надежных данных ни о численности населения Москвы в XVI столетии, ни о потерях русской столицы в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 года: «12 мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей^[279]. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время... Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах... На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены... Большое число (людей) сгорело в погребах и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Филд, Джон Уересли, ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие... Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобного зрелища. В ночь после того, как

собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке... Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его. Скажу только, что из окрестностей Москвы на 60 миль и более и восьми человекам не удалось спастись в городе... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»^[280]

Вот известие из Польши (лето 1571 года): «...прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили (территорию) около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч (людей) того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они (татары) дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохнулись в дыму; что около 120 штук пушек утонули в реке Москве, не могли их увезти; что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую на 18 миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится большое озеро, окружающее его...»^[281]

Для Дмитрия Ивановича прорыв Девлет-Гирея означал и великое горе, и серьезную остановку в карьерном росте.

В огромной армии, выставленной против Девлет-Гирея весной 1571 года, князь Хворостинин числился третьим воеводой Передового полка. Отряд из трехсот бойцов с немцем-опричником Генрихом Штаденем во главе входил в состав этого полка. Штаден, не получив соответствующего приказа, ринулся на татарскую орду, переправившуюся через Оку, и в скоротечном бою положил все три сотни. Хворостинин считал необходимым отступить и уберечь людей от боя, где они были обречены на поражение, но сделать уже ничего не мог.

Большая часть опричного корпуса ушла за Москву, а оттуда к Ростову, даже не вступив в сражение с татарами. В боях за столицу из опричных войск участвовали лишь несчастные Сторожевой и Передовой полки, в последнем и служил Хворостинин. Воеводе повезло уцелеть.

Но царь считал главными виновниками московского разгрома именно опричных воевод Передового и Сторожевого полков, обвиняя их в том, что они не сумели наладить сторожевую и разведывательную службу. Отчасти это было правдой: во главе Передового полка стоял крещеный

кабардинский царевич М. Т. Черкасский, поставленный на эту должность больше по знатности рода и родству с самим царем, чем по способностям и боевым заслугам... Его и подвергли казни (то ли, по иной версии, тайно умертвили, подозревая в измене). Помимо него казнили второго воеводу Передового полка — князя В. И. Темкина-Ростовского, а также второго воеводу Сторожевого полка боярина В. П. Яковлева.

Иван IV не усмотрел в действиях Дмитрия Ивановича столь серьезной вины, чтобы и его отправить на тот свет вместе с этими военачальниками. Но совершенно невиновным также, надо полагать, не считал. Поэтому в следующем большом походе, зимой 1571/72 года, Хворостинина поставили на должность с заметным понижением — всего лишь третьим воеводой Сторожевого полка.

Таким образом, большой карьеры в опричнине князь Хворостинин не сделал. Да, он получил думный чин окольного. Однако его воеводские назначения показывают одно: царь постоянно использует его как искусного и надежного военачальника на ответственных участках, но возвышать в армейской иерархии не спешит. Распространенное мнение о взлете семейства Хворостининых в годы опричнины верно лишь отчасти.

Положение страны было отчаянным. Повторение похода крымцев грозило России гибелью и распадом.

В 1572 году Девлет-Гирей вновь вышел к русским границам с твердым намерением довершить начатое в прошлом году дело. А в распоряжении Ивана IV оставалось не столь уж много сил.

Русское военное командование объединило земскую и опричную рати. «Большим» (то есть главным) государевым воеводой назначили князя Михаила Воротынского в чине первого воеводы Большого полка. В Передовом полку вторым воеводой шел князь Дмитрий Хворостинин. На него пришлась главная тяжесть битвы, состоявшейся у деревни Молоди.

Тогда и пришел звездный час воеводы Хворостинина. Именно он становится главным помощником Воротынского, а не первый воевода Передового полка князь Андрей Петрович Хованский. Именно Дмитрию Ивановичу дают наиболее ответственные поручения, надеясь на его опыт и искусство. Именно его имя ставят русские летописи рядом с именем Воротынского, повествуя о великой победе, хотя в объединенной опрично-земской армии числились несколько воевод более высокого ранга.

Русская армия, как уже говорилось, значительно уступала противнику по численности. Когда татары переходили через Оку недалеко от Серпухова, Хворостинин не имел достаточно сил, чтобы сорвать переправу. Из Передового полка, объединявшего около четырех с половиной тысяч

дворян, казаков, иностранных наемников и стрельцов, ему подчинялись всего лишь 950 бойцов^[282]. Он отступил, однако затем Передовой полк с Хованским и Хворостининым во главе нагнал стремительно идущего к Москве неприятеля и нанес ряд чувствительных ударов по обозу и арьергардным отрядам Девлет-Гирея^[283].

30 июля 1572 года в полусотне верст от Москвы произошло решающее столкновение.

Роль центра русской позиции сыграл «гуляй-город», развернутый на холме у речки Рожай. «Гуляй-город» представлял собой крепость из толстых деревянных щитов, перевозившихся на телегах. В случае опасности ее собирали с необыкновенной быстротой. У Молодей в «гуляй-городе» засел целый полк. Другие полки прикрывали его с флангов и тыла, а заслон из стрельцов выдвинулся вперед.

Обороной деревянной крепости руководил именно Хворостинин. В войске было полным-полно воевод выше его рангом, но на самое ответственное и самое опасное место Воротынский поставил именно его. О чем это говорит? Выдающиеся способности Дмитрия Ивановича к тому времени стали очевидны для военной элиты России. А когда надо было победить или погибнуть, смотрели не на знатность, а на воинский талант. У Молодей как раз наступил такой «момент истины» — как для всей военной системы Московского государства, так и лично для князя Хворостинина.

При первом штурме русской позиции татарская конница разметала стрельцов, но у «гуляй-города» встретила плотный ружейно-пушечный огонь и понесла страшные потери. Русская дворянская кавалерия удачно контратаковала по флангам. Повторные атаки также не принесли успеха Девлет-Гирею. Мало того, попал в плен крупный татарский военачальник Дивей-мурза, погибли несколько знатных командиров... Вечером 30 июля попытки штурмовать «гуляй-город» прекратились. Однако, по словам немца-опричника Генриха Штадена, современника и, по всей видимости, участника Молодинской битвы, положение русских полков также было тяжелым. Над осажденными в «гуляй-городе» нависла угроза голода.

До 2 августа крымцы приводили в порядок растрепанное войско, подсчитывали потери, сосредоточивались для нового удара. Затем началось очередное наступление на «гуляй-город». Татары шли вперед с отчаянной храбростью, не боясь потерь и упорно преодолевая огневой шквал со стороны русских полков. Смельчаки прыгали на деревянные щиты, пытались повалить их, забраться внутрь, открыть дорогу для стремительной конной атаки. Бойцы Хворостинина во множестве отсекали им руки саблями и

топорами. Бой шел с невиданным ожесточением. Упорная оборона «гуляй-города» раз за разом приносила русским успех...

Пользуясь удачным моментом, Воротынский зашел Девлет-Гирею в тыл с основными силами. Пока совершался этот маневр, сравнительно небольшой отряд под командой князя Хворостинина продолжал сдерживать натиск атакующих в «гуляй-городе». Вечером, когда напор крымцев ослаб, Хворостинин открыл огонь из всех орудий и пошел на вылазку с отрядом немецких наемников ротмистра Юрия Францбека (Фаренсбаха). Он многим рисковал: если бы Воротынский не успел вовремя обрушиться на татар с тыла, вылазка могла стоить Дмитрию Ивановичу жизни, а всей русской армии — проигранной битвы. Но Воротынский в нужное время поддержал контратаку Хворостинина. Зажатые с двух сторон татары потерпели сокрушительное поражение и обратились в бегство.

Вельможный историк XVIII столетия князь М. М. Щербатов цветисто описал грандиозное вооруженное столкновение двух народов: «Приятна была российским воинам самая смерть, когда пролитием крови татарской отмщали за отечество свое и останавливали нынешнее врагов стремление на вящее его разорение. Такими мыслями быв побуждены, которые каждого воина героем учиняли, не было препон, которые бы их храбрость сдержать могли. С другой стороны, татары, быв весьма отдалены от отечества своего, и, между победой и погибелью не зря себе посредства, с упорностию же сопротивлялись... по три дни сие продолжалось; и солнце на западе последними своими лучами освещало храбрые подвиги сражающихся войск, а при воз-хождении своем те же начинающиеся подвиги зрило. Но наконец, в третий день, когда уже мертвыми... исполнился весь стан татарский, земля обагрилась кровью их... тогда татары принуждены были в бегство обратиться, потеряв множество избитых»^[284].

В страшной сече полегла родня Девлет-Гирея, нашли свою смерть многие мурзы и прочая татарская знать. К тому же хан получил ложные известия о подходе главных сил русских. Орда отступила. Русские воеводы организовали преследование и разгром отдельных отрядов.

В исторической литературе не раз высказывалось мнение, согласно которому победа в Молодинской битве была достигнута в основном усилиями Хворостинина. Известный советский историк Руслан Григорьевич Скрынников выразил это мнение в наиболее четкой форме: «Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского

главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при деревне Молоди был не он, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин...»^[285] Другой специалист по военной истории, В. В. Каргалов, осторожно поддержал эту точку зрения: «Даже если это преувеличение, важная роль опричного воеводы Хворостинина... несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев...»^[286] Трудно определить, насколько верно подобное мнение. С одной стороны, Михаил Воротынский — опытный военачальник. Помимо Молодинской битвы на его счету, как можно было убедиться, несколько других значительных заслуг. Он удачно действовал во время осады и штурма Казани в 1552 году; на протяжении нескольких лет возглавлял всю оборону юга России; в 1571 году разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который считается первым воинским уставом в нашей стране. По свидетельству современника, князь Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Он намного превосходил Хворостинина знатностью рода и богатством. С другой стороны, в ходе битвы у Молодей на Дмитрия Хворостинина действительно возложены были самые сложные задачи; их отличное исполнение в конечном счете и привело к разгрому Девлет-Гирея. Видимо, правильным было бы считать обоих военачальников в равной степени творцами победы.

Опричная военная машина утратила доверие царя после сожжения Москвы крымцами. Она быстрыми темпами расформировывалась. Со второй половины 1571 года опричные воеводы отправляются в походы в одних полках с земскими и даже у них под командой. А значит, Дмитрию Ивановичу предстояло вновь столкнуться с конкуренцией со стороны более знатных аристократов.

В опричнине он лишь раз оказался в состоянии местнического спора, да и то с самим главнокомандующим опричным корпусом — Иваном Дмитриевичем Колодкой, принадлежавшим к всесильному клану Плещеевых. Теперь ему предстояло сталкиваться в больших местнических разборательствах со многими великими родами титулованной знати. В 1572 году, пока Хворостинин по изложенным выше причинам ходил в низких воеводских чинах, ему это не грозило. Но как только он начнет получать самые скромные повышения по службе, названная угроза немедленно реализуется. Дмитрий Иванович — один из «рекордсменов» по части

местнических дел. За период между 1573-м и началом 1590-х годов его имя связано с двадцатью двумя местническими тяжбами! В среднем выходит примерно одно разбирательство каждые восемь месяцев...

Ученым неизвестна точная дата отмены опричнины. Это был процесс, разделенный на несколько стадий. Опричное войско, как говорилось выше, перестало выполнять самостоятельные задачи уже в 1571 году. Тогда же правительство принялось возвращать владельцам поместья и вотчины, переведенные несколькими годами ранее в опричнину. Во второй половине 1572 года (примерно август — сентябрь) вышел указ, запрещающий поминать опричные порядки. Тогда же, очевидно, исчезла и опричная Боярская дума. Таким образом, к опричным временам стали относиться крайне отрицательно...

В результате на протяжении нескольких лет Хворостинину давали относительно невысокие должности. В 1573–1574 годах на него была наложена опала. Хворостинин не смог дойти до отрядов восставшей на казанских землях «луговой черемисы» из-за «снегов великих», то ли просто опоздал к месту сбора войск. Иван IV снял его с командования, обрядил в женское платье и заставил молоть муку — дескать, не полководец этот Хворостинин, а сущая баба!

Не вспомнил государь, как «баба» защищала Москву у Молодей с последней горстью боеспособных войск... [\[287\]](#)

Тогда же Дмитрий Иванович проиграл местническое дело с князем Ф. М. Троекуровым, в 1577–1579 годах Хворостинины понесли жесточайшее поражение в местническом деле с Бутурлиными. Самого князя Дмитрия за упорство в отстаивании интересов рода на неделю отправили в тюрьму и взыскали с него в пользу Ф. А. Бутурлина огромный по тем временам штраф — 150 рублей [\[288\]](#).

Между 1573 и 1578 годами карьера князя «замерзает». Дмитрий Иванович участвовал в дюжине походов. Его отправляли то на юг против крымцев, то на ливонский фронт. Он видел победы русской армии — взятие Пайды и Кеси (Вендена), видел и поражение под Колыванью, потерю той же Кеси, неудачную попытку вернуть эту крепость... Сам удачно действовал против татар под Воскресенском. Но на протяжении всего этого периода ему ни разу не дали командовать не то что отдельной ратью, а хотя бы полком. Хворостинина все время расписывали вторым воеводой. В худшем случае — вторым в Сторожевом полку, который был «честью ниже» прочих, в лучшем случае — в полку Правой руки.

Летом 1578 года дело дошло до обидной несправедливости.

Хворостинина первый раз за много лет назначили командовать Сторожевым полком. Не столь уж великое назначение! Он участвовал в счастливом взятии ливонской крепости Полчев. Но из-за нового местнического спора — с князем М. В. Тюфякиным, который не пожелал быть под Хворостининым вторым воеводой, Дмитрия Ивановича отправили из победоносной армии в Москву...

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вскоре половина воевод этой рати переместничается и армия потерпит страшное поражение под Кесью, при очередной попытке возвратить город. Четверо русских воевод погибли, еще четверо оказались в плену, другие с позором бежали. А русская артиллерия досталась неприятелю как трофей.

Бог уберег Дмитрия Ивановича от этой беды.

Лишь в самом конце 1570-х — начале 1580-х он сделал скромный шагок вверх. Отчасти это связано с напряженной военной деятельностью, которую Хворостинин вел в тот период. Это был крайне несчастливый для русского оружия период. Русские армии потерпели несколько поражений от шведских и польских войск, пали наши крепости Полоцк, Сокол, Великие Луки, Заволочье, Холм, Старая Русса, Нарва, Ивангород, Ям, Копорье. Страна истощила людские и материальные ресурсы в бесконечной Ливонской войне... Отчасти же царь вынужден был понемногу продвигать нелюбимого военачальника: командный состав русской армии понес чудовищные потери, выбыли из строя десятки полководцев. Кем-то надо было затыкать дыры, постоянно возникавшие в русской обороне, и тут Дмитрий Иванович пришелся как никогда кстати. Точь-в-точь при Молодях, когда требовалось защищать «гуляй-город» от таранных ударов татарской конницы.

Хворостинин поднимается до положения второго воеводы в Большом полку, то есть основного помощника при главнокомандующем. В этой должности он записан в разряде летом 1580 года, когда русская армия стояла у Ржевы Владимировой, защищая западные земли России от войск Стефана Батория, только что взявшего крепость Заволочье. Дмитрий Иванович был повышен до первого воеводы Передового полка. Затем, в январе 1581 года, его переводят первым воеводой в Новгород Великий, а это уже более высокий пост^[289].

В том же 1580 году князя поставили воеводой в Тарусу.

Весной 1581 года большая русская армия выступила из Можайска на литовские земли. Она осуществила глубокий рейд и потрепала польско-литовские отряды. Разрядная запись рассказывает об этом походе следующее: «Воеводы ходили... под Дубровну, да к Орши, и у Орши

посады пожгли, и под Копысью и под Шкловым. Из Шклова вылазили литовские люди. И на том деле убили воеводу Романа Дмитриевича Бутурлина... И у Могилева посады пожгли и много товаров поймали и людей побили и много полону поймали и сами вышли со всеми людьми на Смоленск, дал Бог, здорова»^[290]. На фоне общего трагического положения на ливонском фронте эта операция выглядит большим успехом.

Наградой для командного состава стали золотые монеты от государя.

В начале 1580-х Дмитрия Ивановича несколько раз отправляли на юг, для обороны русских городов от крымцев. Но его основная «боевая работа» совершалась все-таки на ливонском театре военных действий. Московское государство почти утратило здесь способность давать отпор. Шведы развивают успешное наступление, постепенно захватывая старинные новгородские земли.

В 1582 году полки Ивана Грозного отправляются против осмелевших шведов на север, за Неву. Передовой полк, где старшим воеводой числился Хворостинин, столкнулся с противником под селом Лялицы и опрокинул его. Еще раз можно убедиться в том, что Дмитрий Иванович любил атаковую тактику и высокую активность — прочие воеводы за ним не успевали. Так, сражение у Лялиц происходило в основном за счет его полка, вырвавшегося вперед: «Божиею милостию и Пречистые Богородицы молением немецких людей побили и языки многие поймали. И было дело: наперед Передовому полку — князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину да думному дворенину Михаилу Ондреевичу Безнину, — и пособил им Большой полк, а иные воеводы к бою не успели... И государь послал к воеводам с золотыми»^[291]. Эта оплеуха показала врагу: Россия еще способна сопротивляться!

Историк XVIII столетия М. М. Щербатов несколько изящнее, но в том же духе выразил суть лялицкого успеха, вызвавшего царское пожалование: «Сия победа была довольно важна, дабы заслужить внимание государево, или он ее уважил в разсуждении, что по толь долгом продолжении нещастий сия, яко луч надежды к новым успехам и к возвращению прежней славы подавала»^[292].

Ливонская война постепенно отгорала. Начались переговоры с польским и шведским королями, и для русских воевод настала пора переходить с одного театра военных действий на другой. Лучшие военачальники отправляются на «замирение черемисы», поднявшей восстание на казанских землях, да на южную «береговую службу».

Осенью 1582 года Хворостинин идет вторым воеводой Большого

полка «на Казань... горной черемисы воевать, что черемиса заворовалась». На следующий год получает назначение к южным рубежам. В январе 1584 года Дмитрию Ивановичу дали под команду полк Правой руки в армии, отправленной против бунтовавшей «луговой черемисы» в Казанской земле.

Двенадцать лет, прожитые им после Молодей, до отказа наполнены сражениями и походами. Один только список боевых действий, в которых участвовал тогда Хворостинин, вызывает мысль, что он работал на износ, как безотказная военная машина. Хворостинин воюет из года в год, причем на самых ответственных и опасных участках. Даже для тех служилых аристократов, которые прочно вошли в военную элиту России и связали свою жизнь не с Боярской думой и не с управлением приказными делами, а именно с военной службой, «график назначений» Дмитрия Ивановича выглядит необыкновенно жестким.

Как видно, князь относился к той драгоценной породе русских людей, которая способна была, взвалив большое дело себе на плечи, волочь его до полного исполнения, не щадя сил и не прося поблажек. Они-то и поднимали великие царства. Отвагою своей, выносливостью, превосходящей всякое вероятие, и чудовищной энергией в деле.

Иван Грозный, как уже говорилось, относился к службе бессменного «командарма» без особой благодарности. В марте 1584 года государь Иван Васильевич скончался. На закате жизни он сдал полякам и шведам русские завоевания в Ливонии и даже отрезал в их пользу большой кусок русской территории с городами и крепостями...

При его преемнике военную деятельность князя Хворостинина оценили по достоинству. Царь Федор Иванович пожаловал князю высший «дворовый» (то есть придворный) чин боярина, дававший право участвовать вместе со всей Боярской думой в обсуждении важнейших государственных дел. Да и в воеводских чинах Дмитрий Иванович при новом царе поднялся весьма высоко.

Правда, действительные заслуги перед Россией, обретенные на поле боя, сыграли тут не первую роль. Признание и возвышение Хворостинина при Федоре Ивановиче связано с тонким обстоятельством семейных связей. Вся русская служилая аристократия пронизана была нитями родства, игравшими роль самых прочных скреп. Родство делало человеку карьеру, оно же могло и погубить его, когда высокопоставленная родня попадала в опалу, а то и на плаху.

Так вот, князь Дмитрий Иванович Хворостинин приходился родней Годуновым: его дочь Авдотья вышла замуж за Степана Степановича Годунова. А Борис Федорович Годунов был шурином самому царю.

Именно он стоял за спиной Федора Ивановича, на протяжении многих лет удерживая под своим контролем кормило высшей власти в Московском государстве. Царствовал сын Ивана Грозного, но «главным управленцем» примерно с 1586 или 1587 года, когда прочие аристократы потерпели поражение в борьбе за власть, являлся Борис Годунов.

Любопытно, что дети Степана Степановича — Василий, Андрей и Агрипена — через много лет будут погребены «в ногах» у князя Хворостинина. Что ж, до прихода Лжедмитрия С. С. Годунов играл видную роль при дворе: сын великого вельможи боярина Степана Васильевича Годунова, сам стольник, затем окольный (уже после смерти Дмитрия Ивановича), к тому же богач... Завидный жених! И вот драматичная перемена судьбы: воцарение самозванца одарило его воеводством... в далекой Сибири, где он и скончался.

Любопытно, что по другой линии брачного свойства Хворостинины оказались связаны с иным знаменитым родом полководцев — князьями Пожарскими.

Хворостинины стали верными сторонниками придворной «партии» Годуновых, им поручались ответственные дела, они участвовали в борьбе с главными врагами Годуновых — Шуйскими. Невенчаный монарх Борис Федорович отвечал Хворостининым милостями и «жалованием». Как пишет историк А. П. Павлов, «Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званых царских обедах, участвуют во многих крупных походах»^[293].

Воевода постепенно оказывается крупным землевладельцем. За ним и его сыновьями по документам конца XVI — начала XVII столетия числятся многие тысячи четвертей земли.

И конечно, Дмитрий Иванович резко идет вверх в армейской иерархии. Он становится крупнейшей фигурой в организации обороны степных окраин Московского государства от нападений татар.

В конце 1584 года его назначили первым воеводой Большого полка в трехполковой рати, отправленной к Рязани. Однако в командование он вступил не сразу — первое время его замещал другой военачальник, князь Василий Федорович Жировой-Засекин. Документы того времени глухо сообщают: Хворостинин «прислал к государю... бить челом, сказался болен». Это случай для русской армейской жизни крайне редкий, а для безотказного Дмитрия Ивановича и вовсе странный. Ведь он должен был радоваться подобному повышению по службе... Одно из двух: либо он и впрямь слег — ведь самый крепкий человек с трудом выдержит тот бешеный «режим эксплуатации», в котором жил воевода; либо мутная

политическая обстановка в Москве требовала его постоянного присутствия и он решил пожертвовать столь высокой честью ради более важных дел.

Видимо, всему виной была именно хворь: через полгода, в июле 1585 года, Хворостинин оказывается все-таки во главе этой рати и совершает бросок под Шацк «по ногайским вестям». Тогда он фактически принял на себя функции командующего всеми оборонительными силами юга России.

Играть эту высокую роль ему придется и позднее.

Так, весной 1587 года в Москве становится известно, что орда крымского хана двинулась для вторжения в порубежные земли Московского государства. Навстречу ей выставили значительные силы, разошедшиеся по городам и крепостям. А затем, в конце мая, три полка ударных сил отправились под командой князя Д. И. Хворостинина в район Тулы. Через месяц крымцы общей численностью в 40 тысяч рискнули прорываться в районе Кропивны, взяли острог, однако до большого вторжения дело не дошло. Объединенные силы русской армии сконцентрировались у Тулы, угрожая неприятелю. Был там и Дмитрий Иванович — как первый воевода Передового полка при главнокомандующем Иване Васильевиче Годунове. Татары побоялись тогда прямого столкновения и отошли.

Осенью 1587-го и весной 1588 года Дмитрий Иванович выходит с войсками для обороны южнорусских земель в высоких воеводских чинах. На него то и дело «бьют челом» иные служилые аристократы, добиваясь местнического суда. Наконец, в марте 1588 года он сам в ярости обвиняет князя Кашина в «бесчестии». Тот сидел воеводой в Новосильской крепости и жаловался, что-де родовая честь ему не велит подчиняться Хворостинину — одному из двух главных воевод в оборонительном корпусе на юге России^[294]... Несмотря на челобитья недоброжелателей положение Хворостинина при дворе остается прочным. В октябре и ноябре того же года царь Федор Иванович приглашает его к себе на почетный пир, и это знак большого благоволения государя к полководцу.

А весной 1589 года воеводу опять отправляют на юг.

Таким образом, с 1585 по 1589 год Дмитрий Иванович постоянно занимается одним делом: налаживанием надежной охраны городов, поставленных в лесостепной полосе России, на беспокойных южных рубежах. За это время ни крымцы, ни ногайцы ни разу не смогли прорваться к центральным областям или даже создать серьезную угрозу прорыва.

Россия жила в те годы предчувствием новых больших войн с западными соседями. Большого столкновения с Речью Посполитой —

Польско-Литовским государством в Москве не хотели. Конфликт с нею вновь привел бы к затяжной и тяжелой борьбе: пересечение самых прямых интересов двух великих держав Восточной Европы на границе между русским Смоленском и литовским Полоцком неизменно наполняло войны между ними невиданным ожесточением и упорством. В Шведском королевстве видели менее серьезного противника. Да и не была конфигурация восточных рубежей жизненно важной проблемой для Стокгольма. Проблема состояла в том, что шведской короной владел Юхан III, а польской... его сын Сигизмунд III. И отец ждал от своего отпрыска широкой военной поддержки. А сын мог запросить таковую у отца — в случае серьезных осложнений с Московским государством.

Спасение русской дипломатии состояло лишь в одном: давным-давно польские монархи утратили значение истинных правителей страны. Важнейшие дела решала магнатерия, опиравшаяся на многочисленную и своевольную шляхту. А она не желала нового столкновения с Россией. Поэтому, когда срок русско-шведского перемирия истек, два давних недруга нашей страны не сумели объединиться.

Разразилась война за русские города и земли, потерянные Московским государством еще при Иване Грозном. Русская армия действовала в целом удачно и смогла вернуть многое из утраченного. Именно тогда Хворостинин выиграл последнее свое большое сражение.

В августе 1589 года он идет вторым воеводой Большого полка в Новгород Великий, где армия сосредоточивается для наступления. Через несколько месяцев в штаб прибывают царь Федор Иванович и Борис Годунов. Крупная операция готовится долго и тщательно, силы стягиваются со всей России. Хворостинина расписывают в Передовой полк. Лишь в январе войска выступают из Новгорода и пересекают русско-шведскую границу. За краткое время они берут Ям и оказываются под Нарвой. Хворостинин обнаруживает в районе Ивангорода четырехтысячный шведский корпус и нападает на него. Полку Дмитрия Ивановича пришлось преодолеть упорное сопротивление шведов. Рубка шла полдня. В конце концов противник отступил. Это была вершина военных успехов князя Хворостинина.

Несколько месяцев спустя военные действия затихли. Плотная блокада Нарвы и особенно сокрушительное действие нашей артиллерии привели шведский гарнизон в отчаянное положение. Остатки полевого шведского корпуса, разбитого у Ивангорода, не могли помочь осажденным, поскольку этому препятствовал сильный русский отряд, выставленный в «заслон». Там-то и действовал князь Хворостинин.

В результате было заключено перемирие, выгодное для русской стороны: у шведов оставалась Нарва, но они отдавали, помимо уже захваченного нашими воеводами Яма, также Ивангород и Копорье.

На этом война еще не закончилась. Дальнейшее ее развитие привело только к горшему для шведов результату: в 1595 году, когда заключался Тязвинский мир между Россией и Швецией, они должны были присоединить к потерянным ранее городам еще и Корелу с уездом...

Однако Дмитрий Иванович об окончательной победе России уже не узнал. Его служба завершилась в феврале 1590 года, когда под Нарвой было заключено первое перемирие. Старый воевода устал от нескончаемых военных трудов и принял постриг с именем Дионисий в Троице-Сергиевой обители. Старость и недуги одолевали его тело, изношенное в походах и сражениях. Ивангородская победа стала «прощальным поклоном» московского «командарма». 7 августа 1590 года Дмитрия Ивановича Хворостинина не стало.

Погребли его в Троице-Сергиевой обители, близ прочих Хворостининых, рядом с отцом, который также скончался в иноческом чине с именем Иосиф. Здесь, на площади между Свято-Троицким собором и церковью в честь Сошествия Святого Духа, около Михеевского храма, похоронено было 11 Хворостининых, семь из них легли в землю иноками или инокинями.

Великому полководцу наследовал выдающийся отпрыск. В браке Дмитрий Иванович был счастлив: жена Евдокия Никитична подарила ему трех сыновей — Ивана, Юрия и Григория. Она пережила мужа на 43 года и скончалась осенью 1633-го «во инокинях скимница Евфросиния». Старший, Иван, сыграет видную роль в годы Великой Смуты как воевода богатой Астрахани.

Дмитрий Иванович Хворостинин был в числе блистательных полководцев героической и жуткой эпохи Ивана Грозного, отстаивавших завоевания предков государя и вернувших в царствование Федора Ивановича то, что было потеряно его отцом. И для князя Хворостинина, и для других «больших государевых воевод» того времени лучшей эпитафией будут слова: «Служили честно».

Глава 10

КНЯЗЬ

ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ

Этот герой в равной мере обласкан памятью народной и памятью книжников, интеллектуалов, то есть образованной части русского общества. И. П. Шуйского любили и любят как защитника земли Русской, стойкого и отважного. И действительно, история жизни его, ратных трудов, испытаний и побед наполняет радостным трепетом русское сердце. Вот был человек-громада, богатырь из той эпохи, когда богатырей, казалось, уже и быть не могло. Судьба его величественна, кончина трагична, память свята.

О таких личностях говорят: «Входит в большой национальный миф». Так и есть: Шуйский является частью большого исторического мифа русской нации, притом частью прекрасной, благородной. Роль его в анналах российской истории трудно переоценить.

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в боевую летопись русской истории одной-единственной победой: отстояв Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжение польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников того времени.

По роду своему он принадлежал к аристократической верхушке старомосковского общества, к тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и Мстиславские, Одоевские, Микулинские или Воротынские.

Князья Шуйские были Рюриковичами, и происходили они от ветви, ближайшей к той, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился младшим братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно

от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата — в 1248 году и правил до 1252 года, когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». Поэтому после смерти царя Федора Ивановича в 1598 году они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену — сыновьям одного из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великого князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского^[295]. Еще в первой половине XV века их предки сохраняли положение независимых правителей. Затем они попали в зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но всё еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями — Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины. В 50—70-х годах XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил в Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV века перешло на службу к московским государям.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей московских им оказывалось большое доверие. В 1512 году князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус, да и позднее сохраняли его — вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, царствовавшего с 1606 по 1610 год. Они всегда были у кормила важнейших политических дел, неизменно присутствовали в Боярской думе. В конце 1530-х — начале 1540-х годов установился даже период «шуйского царства»: при малолетнем государе Иване IV придворная партия Шуйских захватила власть в стране и могла

даже самовольно свергать митрополитов московских... Затем доминирующее положение было ими утеряно, однако прочные позиции на высших ступенях власти все-таки сохранились. В зрелые годы первый русский царь не любил и опасался Шуйских, но от их службы отказываться не собирался.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилась недобрая слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русского монарха и самим захватить монарший трон.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и бездеятельные личности не задерживались надолго. А многолюдное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этаже отечественной политики в течение века. Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного помимо князя Ивана Петровича Шуйского в армейскую элиту Московского государства входили также князья Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайший родственник князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Это была семья «командармов». На Шуйских легло тяжелое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны, и сейчас же образуется громадная брешь, которую непонятно, кем закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII века именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г. В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей — Андрея Михайловича^[296], в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие от всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни

одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах»^[297].

Это действительно так. Шуйские высоко летали не только в детские и отроческие годы Ивана IV. Когда государь вошел в пору зрелости, этот род оказался одним из самых востребованных на государевой службе. Сын убиенного Андрея Михайловича, Иван, бывал на воеводских должностях, сидел в Боярской думе. Процветали и внуки: Андрей бывал в боярах и воеводах, Василий, пройдя по высшим ступеням управленческой иерархии, в 1606 году станет царем — последним из династии Рюриковичей. Брат казненного, Иван по прозвищу Плетень, получил высокую должность дворецкого (главы дворцового хозяйства), наместничал в Новгороде, Владимире, Москве.

Иван Петрович принадлежал к иной ветви многолюдного семейства Шуйских — из числа младших, хотя и не самой младшей.

Дед князя И. П. Шуйского, Иван Васильевич, был видным воеводой, наместничал в разных городах, заслужил боярский чин.

Его отпрыск Петр Иванович появляется в источниках под 1539 годом на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну. В период «шуйского царства» он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек) — не зря в 1545 году, когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл: уже в 1547 году получает воеводское назначение, затем становится наместником во Пскове, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Немудрено, что в 1550 году Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В 1550-х годах он сыграл ключевую роль в завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. На протяжении нескольких лет Петр Иванович был главным управителем всех казанских и «черемисских» дел. В первые годы Ливонской войны он играет роль одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 году Петр Иванович возглавляет русскую армию в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев. За это князь и младшие воеводы достаиваются от Ивана IV «великого жалования».

Осенью 1558 года царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похвалая и жалование великое им обещая, и велел им ехать за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»^[298]. Долгое время Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника — князя Ивана Федоровича Мстиславского. Во время взятия Полоцка в 1563 году Петр Иванович числился вторым воеводой Большого полка и, следовательно, на правах своей высокой должности входил в состав штаба победоносной армии. Затем он был оставлен командовать гарнизоном полоцкой крепости. К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 году, наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Петр Иванович был тогда главнокомандующим. Поражение покрыло позором его имя: Петр Иванович, сбитый с коня, «з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»...^[299] Однако это бесчестье никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед.

Таким образом, будущий защитник Пскова имел в лице деда и отца двух выдающихся военачальников своего времени. Ему было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми...

Более того, надо понимать: Шуйские в середине XVI столетия пользовались статусом одного из самых высокопоставленных, самых знатных и самых богатых родов Московского царства. «Высокая кровь», если можно так выразиться, ставила Шуйских в первую десятку аристократических фамилий местнической иерархии.

Это очень важно для понимания того, как складывалась личность Ивана Петровича. В XVI веке не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. Подавно, и речи не шло о создании какой-нибудь академии генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости — значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле — так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. С этой точки зрения род Шуйских представлял собой лучшую академию из

всех возможных в России того времени. Кроме того, любой отпрыск Шуйских по одному лишь рождению получал право и обязанность чувствовать себя солью земли, частью правящей элиты.

Иван Петрович, как и Хворостинин, записан в «Дворовую тетрадь» (как дворовый сын боярский по Суздалю), но не попал в «Тысячную книгу»^[300]. Первые его службы известны по 1562 году. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 годами. Точнее определить трудно: даже у тех, кто в XVI столетии был крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Сам Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях.

В полоцком походе 1562–1563 годов он всего-навсего один из знатных людей в свите государя. Честь без власти.

В конце 1568-го или начале 1569 года он уже назначается на воеводство в Донков, одну из небольших крепостей на юге России. Такая же крепостица на пути у хищной степной конницы, такой же маленький гарнизон, как и в Шацке, где начиналась карьера великого Хворостинина. Всё сходится. Два маршрута славных русских воевод XVI века на первых порах имеют немало сходства. Школа военачальника по нормам, принятым в Московском государстве, включала в себя тяготы «армейской лямки» на нижних уровнях военной иерархии. «Пускай его потужит»... Для всех. В том числе и для самых родовитых персон.

Но только на первых порах...

Только в молодости.

Князь Шуйский по рождению своему мог претендовать на то, что князь Хворостинин должен был вырывать у судьбы долгой, честной, отважной службой. Один из них входил в тонкий слой высшей русской аристократии, те несколько десятков родов, которые имели право занимать лучшие военные, административные и придворные должности в Московском государстве. Другой по крови чуть-чуть недотягивал до высшего уровня знатности. Эта дистанция, на первый взгляд незначительная, сыграла в судьбе двух блистательных «командармов» ключевую роль. Опричина стала нарушением сложившегося порядка вещей, и она сошла на нет, не принеся добра, мало выведя к вершинам военной иерархии достойных и талантливых людей. Того же Хворостинина она «подкинула» не столь уж высоко... Но вместе с ее исчезновением для людей, не связанных со знатнейшими родами, уменьшилась возможность обходить глыбу высшей аристократии. Немногих царь мог приблизить к

себе и дать высокий чин, если они происходили не то чтобы из «худородных людишек», а хотя бы из «аристократии второго ранга» — вроде тех же князей Хворостининых, Охлябининых, Телятевских или же представителей знатных, но захудалых боярских семейств Москвы.

У Хворостинина, несмотря на его очевидный воинский талант и не менее очевидные боевые заслуги, служба на вторых ролях могла тянуться десятилетиями. Шуйский достиг высоких чинов почти сразу. Таков был обычай того времени: знатнейшему человеку давали понюхать порошу на должности в свите, сопровождавшей государя во время больших походов, — например, рынды (телохранителя-оруженосца), поддатни (помощник рынды) или иного свитского человека; затем выдерживали недолгое время в простых воеводских чинах, чтобы он мог примерить на себя тяготы военной работы, и если армейская карьера манила его, то дальше он получал только первостепенно важные посты.

Так было и в судьбе Ивана Петровича.

Для карьеры ему не понадобилась опричнина. Князья Шуйские прекрасно чувствовали себя и в земщине. Правда, один из них, князь Иван Андреевич, решил упрочить положение рода, женив сына Дмитрия на дочери Малюты Скуратова — большого царского любимца, пономаря в опричном «Слободском ордене». Под занавес опричнины и сам Иван Андреевич оказался в числе опричных бояр. Но все остальное семейство Шуйских оставалось в земщине. Возможно, тут сыграла роль лукавая предусмотрительность. В иные годы опасность представляла опричнина и пребывание вне ее могло привести к потере статуса; в другие же становилось опасно оказаться *внутри* опричнины. Так вот, Шуйские, как видно, решили сохранить семейство при любых обстоятельствах: если одна ветвь его будет истреблена или попадет в опалу, то другая сохранит жизнь, власть, влияние... Род, так или иначе, выживет и продолжится.

Во-первых, уже в 1569–1570 годах, оставшись на второй год воеводой в захолустном Донкове, Иван Петрович получил право возглавить трехполковую оборонительную рать против крымских татар. Во-вторых, в следующем, несчастливом для русской армии 1571 году, когда Девлет-Гирей прорвался к Москве, Шуйский командовал полком Левой руки. После отхода крымцев ему доверили Сторожевой полк, сведенный из остатков московских войск. Для того чтобы вести своих людей, князю требовалось тогда страшное напряжение воли: в горящей столице погиб его младший брат.

В августе 1572 года вооруженные силы России проводили большую оборонительную операцию против того же Девлет-Гирея, окончившуюся

поражением татар у Молодей. Тогда Шуйский вновь был поставлен во главе Сторожевого полка. Весь полк насчитывал 2063 бойца — «детей боярских и казаков с пищальми». Возможно, было с ними и невеликое число боевых холопов. В прямом и непосредственном подчинении у Ивана Петровича находилось около 960 человек — примерно столько же, сколько было и у Хворостинина в те дни... С той лишь разницей, что Шуйский получил под команду такой отряд всего-то после трех неполных лет службы в воеводских чинах.

Первый бой с крымцами принял у Сенькина брода именно Шуйский. Впоследствии воевода со своим полком участвовал в больших боях, обороняя «гуляй-город». Именно бойцы его полка взяли тогда в плен лучшего татарского полководца — Дивей-мурзу^[301].

Что произошло в судьбе князя? Он дважды подвергся самому серьезному испытанию на прочность из всех возможных. Он дрался в двух баталиях, где не о чести и не о добыче приходилось думать, а только о сохранении жизни. Враг смертельный, беспощадный, настроенный на уничтожение русских полков, отчасти преуспевший в этом, бился против ратников Шуйского, против него самого глаза в глаза.

После двух таких встрясок Иван Петрович должен был считаться человеком, сведущим в военных делах и отважным. В 1570-х годах ему жалуются чин боярина. По одним данным, это произошло в 1572 году, по другим — в 1576-м.

После взятия Полоцка русское наступление на западных рубежах остановилось. Победы первых лет войны не получили достойного продолжения.

В середине 1570-х годов Иван Грозный пытается изменить ситуацию на ливонском фронте личным участием в наступательных операциях. Так, в конце 1572 года (опричнины к тому времени уже и след простыл) царь идет с большой армией под Пайду и берет ее в январе 1573-го, обновив, таким образом, старые лавры покорителя Полоцка. Шуйский участвует в походе на той же должности — первым воеводой Сторожевого полка. Тогда же он принимает участие в другой победоносной операции — взятии Каркуса; в ней русские войска соседствуют с контингентом полузависимого от России правителя, ливонского короля Магнуса. Русский корпус продолжает удачно начавшееся наступление и берет мызу Ропу. Однако в дальнейшем наших воевод постигла неудача: под городом Коловерью их разбили. В том сражении погиб родственник Ивана Петровича — князь Иван Андреевич Шуйский, тот самый, породнившийся с Малютой. Да и сам Малюта Скуратов также, кстати, побывал тогда в Ливонии. Он сложил голову

несколько раньше — в январе 1573 года под стенами Пайды. Несмотря на поражение полевой армии в открытом бою и значительные потери, взятые крепости остаются за русскими.

Во второй половине 1573 года князь Шуйский наместничает в Пскове вместе с крещеным ногойцем князем П. Т. Шейдяковым. Эта роль станет для него привычной: в Псков с Шейдяковым и другими военачальниками его будут назначать неоднократно в конце 70-х — начале 80-х годов XVI века. Как правило, Иван Петрович числится вторым воеводой, но играет роль наиболее активного и ответственного командира. Воеводство (хотя бы и на втором месте) в богатом и славном Пскове — большая честь.

Царь видит в Иване Петровиче толкового военачальника. Продолжая давление на неприятеля в Ливонии, Иван Васильевич вторгается туда летом 1577 года с большой русской армией и союзным войском короля Магнуса. Судя по документам того времени, для похода планировалось собрать очень значительные силы: более девятнадцати тысяч дворян, казаков и стрельцов, мощную артиллерию. Ивана Петровича назначили вторым воеводой в Большой полк. Первым воеводой расписан крещеный татарский «царь» Семион Бекбулатович, человек необыкновенно знатный, пользовавшийся безграничным доверием государя. Однако, по всей видимости, реальное командование армией осуществляет тогда именно князь Шуйский. Разумеется, выполняя приказания самого Ивана IV. Кто тут в большей степени исполняет роль полководца, а кто — политика? Был ли Шуйский простым администратором при царе или же вел кампанию на тактическом уровне, а Иван IV занимался политическими вопросами и принимал стратегические решения? Невозможно с полной определенностью ответить на эти вопросы. Но в любом случае львиная доля командирской работы ложилась именно на Шуйского.

Этот поход принес воеводе, да и всей нашей армии, значительный успех. По разным источникам, русские полки, а также отряды Магнуса взяли тогда то ли 24, то ли даже 27 ливонских городов, в том числе и довольно значительные — Режицу, Чествин, Линовард, Кесь (Венден). О чем это говорит? Шуйский — насколько его командную волю можно отделить от воли государя, оказался хорошим тактиком. Упорным, энергичным, державшим армию в кулаке.

Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и действительно мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону.

Неожиданной помехой на пути к осуществлению царских планов оказывается Магнус, правитель буферного Королевства Ливонского. Доселе он был верным союзником Московского государства. Но в 1577 году Магнус проявляет излишнюю самостоятельность. Он договаривается с местной знатью о передаче городов ему, то есть в состав его «буферного» королевства. Многие идут на это с радостью, опасаясь прямого захвата русскими войсками и власти переменчивого нравом Ивана IV. Бояться им было чего: прежде жители Юрьева-Ливонского (Дерпта) и Полоцка жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 года и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, нередко преувеличенных. Но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 году, потери не страшны и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. В нем он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убраться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения^[302]. Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Царь всячески унижает и бесчестит его^[303], подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни.

Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались сильно испорченными. Более того, Венден затворяет двери перед царем и начинает артиллерийский обстрел русского лагеря. Город берут штурмом. Инициаторы сопротивления подрывают себя порохом, с прочими русское командование обходится весьма неласково; впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней. Казнили приближенных короля.

Жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений от ливонцев к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители в большинстве своем находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать русские армии; теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если государь хотел навеки закрепить за Россией этот край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и более гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая мягкость была уместна и в отношении Магнуса. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на «русской угрозе». Однако слабый и своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии.

Всмотримся в ход войны, которую Россия вела с 1558 года за ливонские земли или, по остроумному замечанию историка В. В. Пенского, за «ливонское наследство». Война эта знала «приливы» и «отливы», победы и неудачи. В 1570-х годах Россия как будто обрела второе дыхание.

Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались незначительными. Крупнейшие города, и прежде всего Рига и Таллин, оставались вне контроля Ивана IV. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально в 1577 году под властью у московского государя оказалось значительно бóльшая территория, нежели в 1563-м. Но вскоре после того как русская армия покинет занятые ею земли, неприятель с легкостью отобьет несколько городов. Магнус, единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, в 1578 году перейдет на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное

унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и те потери, которые он понес в связи с крахом своей авантюры. А собственно русских сил после долгих лет войны уже не хватало, чтобы удержать столь значительные территории. Объединение ресурсов Швеции, Речи Посполитой и местных немцев, утративших причины принимать русскую власть безмятежно, превратило в фигуру жертвы не столь уж многочисленные русские гарнизоны в ливонских городах и замках.

Осенью 1577 года царь обо всех этих печальных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, знать еще не мог. Он доволен. Возвращаясь из похода, Иван Васильевич устраивает пир, на котором, среди прочих воевод, присутствует и князь Шуйский. С тех пор царь ценит воеводу и благоволит ему. Знаком высокой милости станет приглашение Ивана Петровича на празднество в честь женитьбы государя на Марии Нагой (1581). Царские свадьбы того времени посещали только те вельможи, кем государь особенно дорожил.

По окончании большого ливонского похода Шуйский возвращается в Псков, на воеводство, где и пробудет до начала правления Федора Ивановича.

1578 год положил предел удачам Московского государства в Ливонии. Кесь пришлось отдать неприятелю, а при попытке вернуть город русское войско было разгромлено.

С 1579 года над западными землями России нависает мрачная тень польского короля Стефана Батория. На протяжении нескольких лет он вторгается с огромными наемными армиями на русскую территорию и берет один за другим наши города. В руки поляков попадают Полоцк, Великие Луки, Заволочье, а также несколько других менее значительных крепостей. Кажется, никто не способен остановить грозного противника. Он дерзко вызывает на бой самого Ивана IV. Стремительные отряды поляков наносят русским ратям поражение за поражением. Вот они уже в Тверской земле, и сам царь из своей резиденции в Старице видит полыхающие в отдалении пожары. По натуре своей Баторий — государь-кондотьер. Он знает толк в военном деле, он решителен, свиреп, энергичен, талантлив. Стефан Баторий — блестящий командир разноплеменных наемников, талантливый дипломат и администратор, порождение беспокойного военного века. И вместе с тем государственный деятель, не знающий удержу своим честолюбивым устремлениям... У польской шляхты воинственный Баторий пользуется популярностью. Король, по крайней мере в первых своих походах против Московского царства, располагает достаточными средствами, чтобы восполнять потери, которые

несут корпуса вторжения в боях с русскими гарнизонами. А Россия уже разорена вконец долгой кровопролитной войной, эпидемиями, опричными репрессиями. Крестьяне, обнищав, разбегаются от государева тягла в места дикие и отдаленные. Помещики скрываются «в нетях» от царских приставов, набирающих новые полки.

Московское государство находится на грани стратегической военной катастрофы.

У Пскова то и дело концентрируется русское войско для нанесения контрудара по Баторию, для помощи осажденному Полоцку. Однажды полки во главе с князем Шуйским выдвигаются к псковскому «пригороду» Порхову. Князь готов в любой момент сцепиться с Баторием. Но до решающего сражения дело не доходит. Высшее русское командование, включая и самого царя, проявляет нерешительность. В XVI столетии, говоря о бое лицом к лицу с неприятелем, называли его «прямым делом». Так вот, выйти на «прямое дело» с громадой польско-литовских сил Иван Грозный не желал. Более того, он не отдавал такого приказа своим военачальникам. И, вероятно, не напрасно государь больше уповал на крепость стен, нежели на искусство воевод и отвагу воинов. Во-первых, к тому времени у России для отпора осталось не столь уж много сил: еще одна разгромленная армия могла означать худшее — без защиты осталась бы сама русская столица. Во-вторых, войска пали духом и утратили стойкость, присущую им еще несколько лет назад. Они в большей степени способны были изображать сильный заслон, нежели на самом деле оказывать серьезное сопротивление оккупантам. Стоило ли предъявлять неприятелю степень деморализации полевых русских войск?

Псковские воеводы спешно приводят в порядок обветшавшие укрепления. Гарнизонные стрельцы, дворяне и их начальники, а также псковичи, сбежавшиеся под защиту крепости, приводятся к крестному целованию в том, что будут отстаивать город от иноземных полчищ.

В 1581 году сам Баторий приходит с новой армией под древние стены Пскова. Через бойницу за строительством вражеского лагеря наблюдает князь Иван Петрович Шуйский, второй воевода городского гарнизона. В ближайшие месяцы его ждет великое испытание...

Русская аристократия того времени жила богато, имела все, что душа пожелает. А персоны из высшего ее слоя, самые «сливки», имели к тому же полное преобладание над остальным дворянством в делах службы. По биографии Ивана Петровича видно, насколько он легче и быстрее выходит в чины, нежели все тот же заслуженный Хворостинин — аристократ «второго ранга». Но вот настает час, когда за хорошую жизнь, за право на

господство, за непререкаемую власть надо платить. Требуется в жестокой борьбе одолеть сильного и опасного врага. Само время проверяет на прочность национальную политическую элиту. Она выращена своим народом органично, поколение за поколением, и обязана постоянно доказывать право на существование *всего народа*. Если надо — кровью, а если потребуется — то и жизнью своей. Чего она стоит? Крепка ли? Является ли она сама сильным и опасным врагом? Или превратилась в сборище баловней судьбы? Если она даст слабину, то всё общественное здание может рассыпаться, погребая под собой знатных и незнатных, воевод, дворян, стрельцов... и последних бедняков вместе с ними.

Приход польского короля с огромной армией под Псков подвел черту восполнимым потерям, поражениям, после которых еще возможно нормальное функционирование государства. И дело здесь не только в территориальных потерях и даже не только в истощении военных ресурсов. Иная, более страшная угроза летела на копьях польских конников: дух народный, воля к борьбе и сопротивлению близки оказались к полному слову. Слишком много сданных крепостей. Слишком много позора и бесчестья. Слишком явным стало торжество беспощадного врага. А он рвался дальше, он искал новых приобретений. Так вот, под Псковом проходили проверку и сам русский народ: выдержит ли он новое бедствие, и русская правящая элита: сможет ли она выполнить жизненно важную для страны задачу — остановить могучего, решительного, упоенного своей безнаказанностью врага. Псков — точка перелома, за ней Россию ожидала бездна или слава.

Вот что ставилось на кон, когда князь И. П. Шуйский должен был сыграть роль лучшего представителя русской элиты, какого только можно было тогда отыскать в стране для последнего яростного боя.

По горячим следам борьбы за Псков местный иконописец Василий создал «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Автор был очевидцем главных событий осады, его рассказ подробен и точен. К Ивану Петровичу Шуйскому он относился с великим почтением, подавал его читателям как главного вождя осажденных и вкладывал в уста воеводы речи, свидетельствующие о храбрости, преданности государю, твердости в православной вере.

Так, незадолго до осады Иван Петрович был вызван в Москву Иваном IV. Это подтверждается другими источниками — воевода действительно присутствовал на свадьбе государя и Марии Нагой. Тогда, по мнению иконописца Василия, царь допытывался, в каком состоянии находятся городские стены и хватает ли для обороны людей. Воевода отвечал

Ивану Васильевичу: «Надеемся, государь... твердо на Бога и на истинную Богородицу нашу, необоримую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». По словам автора «Повести», Иван Грозный, услышав такие слова, возложил на Шуйского ответственность за оборону города: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Официально Иван Петрович не был в Пскове главным из воевод. Выше его стоял князь Василий Федорович Скопин-Шуйский. Однако царский указ давал ему особые полномочия — решать все важнейшие дела по собственному разумению. Так и происходило на протяжении всей осады.

Почему Иван Грозный отдал такое распоряжение? Почему он верил в Шуйского более чем в кого бы то ни было? Да ведь именно он был фигурой номер один в воеводском списке последнего большого похода в Ливонию, возглавленного самим царем! Видно, князь произвел на Ивана Васильевича самое отрадное впечатление своими качествами. Показал себя в деле.

Узнав о приближении королевской армии, Шуйский распределил между командным составом гарнизона отдельные участки стены и привел своих воинов в боевую готовность.

Осада началась 18 августа 1581 года.

Неделю спустя, когда основные силы поляков подтянулись к Пскову и начали окружать его со всех сторон, стараясь блокировать основные дороги, городские пушкарки открыли огонь. Не имея полевых укреплений, противник нес от русского огня большие потери. С ближних к Пскову позиций он должен был отойти. Наши артиллеристы заметили, где Стефан Баторий поставил шатры своей ставки. Днем по этому месту никто не стрелял. Зато ночью, когда противник не был готов к отпору и не очень понимал, что происходит, королевская ставка подверглась массированному обстрелу. Погибли дворяне Батория. Король приказал перенести ставку на более безопасные позиции — подальше от псковских орудий. Его подчиненным велено было рыть окопы и ставить туры — передвижные укрепления для подвода стрелков и пушек под самые стены.

Королевская армия насчитывала порядка 40–60 тысяч бойцов, в том числе отряды опытных наемников, собранных по всей Европе. Помимо поляков и литвинов значительную часть ее составляли венгры, были немецкие отряды. Шуйский мог ей противопоставить, по разным подсчетам, от семи до пятнадцати тысяч дворян, стрельцов и вооруженных горожан^[304].

Благодаря тому, что до наших дней дошли официальные документы Разрядного приказа — «Генерального штаба» в Московском государстве, — известны имена всех основных военачальников, защищавших Псков от Стефана Батория. Помимо уже названных князей И. П. Шуйского и В. Ф. Скопина-Шуйского псковский гарнизон возглавляли воеводы Никита Иванович Очин-Плещеев, князь Андрей Иванович Хворостинин по прозвищу Старко, князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский да князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский. Помимо князя Бахтеярова все это были опытные люди, побывавшие в походах и при обороне крепостей на высоких постах. Иван IV, зная стратегическую важность Пскова, на протяжении нескольких лет держал там сильный командный состав.

Помимо воевод известны также имена голов, то есть командиров меньшего ранга. Это Андрей Васильевич Замыцкий, Леонтий Иванович Аксаков, князь Василий Иванович Мещерский, Клим Данилович Милюков, Константин Дмитриевич Поливанов, Григорий Семенович Овцын. Среди них наибольшим опытом отличался Поливанов, бывший когда-то крупным воеводой в опричнине.

Противник знал этих людей: немудрено было оценить их способности, не раз проявлявшиеся на полях сражений Ливонской войны. По сведениям поляков, «из них пользовался большим уважением у московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; поэтому, хотя Василий [Скопин-Шуйский] был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану... Среди начальников пехоты особенную репутацию серьезности и мужества имел Козецкий, пользовавшийся также расположением великого князя ради храбрости своей и высокого роста». Очевидно, «начальниками пехоты» названы головы, а Козецким поименован Замыцкий.

Псков славился мощными укреплениями. Город раскинулся на огромном пространстве у слияния рек Великой и Псковы. Первая из них протекала с юга на север, а вторая — с востока на запад, охватывая плавной дугой псковские предместья с запада. Район Завеличья, располагавшийся на западном берегу Великой, не был обнесен крепостными сооружениями. Поэтому его не собирались оборонять и сразу отдали Стефану Баторию. Сердцем города был Кром — древняя крепость, твердыня, возвышавшаяся на холме над речным углом. В Кrome стоял Свято-Троицкий соборный храм Пскова. Второй пояс укреплений располагался к югу от Крома. Он носил название «Довмонтов город» по имени литовского князя, служившего псковичам в XIII веке и прославившегося воинскими подвигами. Большое

пространство охватывал «Средний город». Его стены представляли собой границу Пскова в XIV столетии. Город давным-давно вырос из нее, как юноша из детской рубашки. Главной линией обороны, за обладание которой и шла борьба в 1581–1582 годах, стал «Большой город» или, иначе, «Окольный город». Он состоял из новых мощных укреплений: «Стена Большого города... простиралась на десять километров, имела тридцать семь башен и сорок восемь ворот. Стены были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами»^[305]. За Пековой укреплению продолжались.

Мощь городских оборонительных сооружений вызывала почтительное отношение даже у противника: «Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из... камня. Так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов тех новые стены и покрыв их весьма толстым дерном и разместив по ним окна (бойницы), он (московский царь) устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии. У тех же башен, которые оказались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от тяжелых орудий, с внутренней стороны на удобных местах расставил другие башни... деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен, и снабдил их достаточным количеством больших пушек... Так как московский царь... полагал, что нисколько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свезти туда в огромном количестве»^[306]. Пороха, снарядов, продовольствия в городе хватало. Он был обеспечен всеми необходимыми для «осадного сидения» припасами.

Расположение псковских укреплений фактически диктовало осаждающим планы их штурма. Захват Запсковья ничего не решал: даже в случае успеха королевская армия оказалась бы перед водной преградой (Пековой) и высокими стенами Крома. Атака через реку Великую, пока ее не сковал лед, была бы, несомненно, безумным предприятием. Форсировать полноводную Великую под огнем русских пушек и пищалей — значит обрекать армию на истребление. Таким образом, оставался Большой город. Точнее, южный — юго-восточный участок его стен, не защищенный от вражеского приступа реками. Но здесь и укрепления были наиболее мощными. Ключом ко всей позиции оказалась Покровская башня. Именно

она представляла собой наиболее уязвимое место Большого города. По ней королевские артиллеристы могли вести огонь с трех сторон: с юга (фронтальный обстрел), от позиций в районе Мирож-ского монастыря (фланговый обстрел) и, хуже всего, еще из-за реки Великой, в тыл. Соответственно главные силы защитников города концентрировались именно здесь.

7 сентября началась бомбардировка города. Мощная осадная артиллерия Стефана Батория снесла Покровскую башню, разбила 24 сажени стены рядом и еще на 69 — в других местах, сильно повредила Угловую и Свинусскую^[307] башни. Такие проломы как будто зазывали неприятеля совершить дерзкую атаку. Именно это и произошло: король отдал приказ начать общий штурм на следующий день.

В наиболее опасном месте — на участке от Покровских до Свинусских ворот — Иван Петрович поставил опытного воеводу князя Андрея Ивановича Хворостинина, брата великого полководца Дмитрия Хворостинина.

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» рассказывает: «В пятом часу дня... литовские воеводы и ротмистры, и все градоёмцы, и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошло к граду Пскову на приступ...» В Пскове ударил сигнальный колокол у церкви Василия Великого. «Государевы... воеводы со всеми воинами и стрельцами... изготовились и повелели из многих орудий по вражеским полкам стрелять. Стреляя беспрестанно из орудий, они многие полки побили; бесчисленно литовских воинов побив, они устлали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая... Все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь. Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, Бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и так же стойко сражались с врагом на стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу зайти на стену. И был гром великий... и крик несказанный от множества обеих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц... Пролом, пробитый литовскими снарядами, был велик и удобен для прохода, даже на конях можно было въезжать на городскую стену... Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие литовские ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свинусскую башни и из-за щитов своих и

из бойниц в город по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градоемцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены...» Приближенные подходили к Стефану Баторию и поздравляли его с победой. Однако до победы было далеко: защитники Пскова продолжали оказывать сопротивление на стенах. «Государевы... бояре и воеводы и все ратные люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогал спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству... И можно было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабевали от усталости — день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились...» Штурмующим отрядам из королевского лагеря пришла подмога — еще две тысячи свежих бойцов. Настал решающий момент боя. Русских немного отделило от поражения. Однако защитников Пскова выручило искусство артиллеристов. Они установили на насыпи, недалеко от пролома, мощное орудие «Барс» и ударили по Свинусской башне, занятой неприятелем. Меткая стрельба выбила из строя множество нападающих. Их напор ослабел.

Наконец, русские заложили под Свинусскую башню пороховой заряд. На ее развалинах как раз укрепилась свежая группа, недавно прибывшая из расположения королевских войск. В ее состав входили высокородные вельможи, решившие поднести королю победу на блюдечке. Чудовищный взрыв потряс руины башни. По словам очевидца, польские шляхтичи «смешались с псковской каменной стеной Свинусской башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили...».

Штурмовые отряды, понеся громадные потери, все еще не были остановлены королем от дальнейших попыток. Бой продолжался. Псковское духовенство, желая ободрить воинов, противостоящих натиску «градоемцев», принесло из соборной церкви Святой Троицы чудотворную икону Богородицы Печерского монастыря, иные образы и чудотворные мощи. Монахи, несущие иконы и мощи, встали у самого проломного места, призывая усталый гарнизон биться насмерть.

Рейнгольд Гейденштейн, находившийся во вражеском стане, приводит в своих «Записках о московской войне» любопытные подробности осады.

Рассказывая о решающем моменте первого штурма, он пишет: «...в то время как наши были задержаны при взятии стен, Иван Шуйский разъезжал тут и там на раненом коне; он своими угрозами, просьбами, наконец, даже слезами, и с другой стороны епископ, выставляя мощи и иконы, успели остановить бегство и ужас своих. Враги сперва стали стрелять в наших из пушек и бросать камни, в то время как наши в свою очередь метали в них копья... с той и с другой стороны очень многие были ранены...»^[308] Вот важный эпизод, характеризующий Шуйского с наилучшей стороны. Воевода не побоялся встать под вражеские пули, оказавшись на передовой. Он личным примером, личной отвагой укрепляет волю подчиненных к победе.

Через некоторое время порыв атакующих окончательно иссяк. Ночь пала на заваленные трупами развалины стен и башен. Под ее покровом польская пехота небольшими группами начала отступать в лагерь. Последним плацдармом неприятеля оставалась полуразрушенная Покровская башня. Русским бойцам удалось порохowymi зарядами произвести в ее руинах большой пожар. После жестокой схватки у Покровской башни последние остатки неприятельских штурмовых отрядов были выбиты за стену, в поле. В качестве трофеев нашим достались вражеские знамена, множество брошенного оружия, полковые трубы и барабаны. Несколько знатных пленников предстали перед русскими воеводами, чтобы в подробностях рассказать о королевской армии.

Победа далась недешево. Гарнизон и примкнувшие к нему горожане понесли тяжкий урон. Одних убитых было 863 человека, а раненых — более полутора тысяч. Шуйский отправил гдовскому воеводе грамоту о необходимости пополнить гарнизон^[309]. Но войско Стефана Батория рассталось со значительно бóльшим количеством бойцов. По данным русских источников, его ущерб одними убитыми составлял около пяти тысяч человек. Сам неприятель признавал, что одних поляков погибло около пятисот человек, «кроме того, пало много немцев и венгров, очень многие получили раны от камней, кольев и топоров»^[310]. Рейнгольд Гейденштейн сообщает о гибели более сорока представителей польской знати. Тогда же погиб королевский любимец, прославленный командир венгерских наемников Бекеш. У артиллеристов Стефана Батория кончились запасы пороха.

Шуйский велит за проломами возвести новую линию обороны. По «проломным местам» и развалинам башен защитники города врыли в землю множество острых кольев. За руинами каменной стены ими был

вырыт ров, усиленный теми же кольями. А за рвом нападающих встречала новая стена — деревянная, с множеством бойниц. На ней стояли орудия, огромные котлы с кипящими нечистотами, а также кувшины с порохом, игравшие роль импровизированных гранат. Там же горожане приготовили мешки с сухой известью, выжигавшей глаза неприятельским солдатам. Отряды пеших наемников то и дело пытаются преодолеть эту преграду, но усилия их тщетны. Положив перед ней новую груду мертвецов, они неизменно откатываются к лагерю.

Баторий, увидев стойкость гарнизона и его командиров, принимается за переговоры. Король угрожает уничтожить защитников Пскова, как только город будет взят его армией. В случае добровольной капитуляции он обещает великие милости воеводам. Из города ему отвечают: «Если Бог за нас, то никто против нас!»

Поляки пытаются вести «минную войну». Взяв во время вылазки «языков», псковичи узнают тревожную новость: от позиций королевской армии под стены их города одновременно ведется шесть или даже девять подкопов. Однако перебежчик в русский лагерь, бывший стрелец полоцкого гарнизона Игнаш, пошедший на службу к полякам после взятия города, сообщает о местах, где строятся подземные галереи для закладки пороховых мин. По приказу псковских воевод неприятельские подкопы перехватывают и обрушивают. Подкоп венгров псковичи подорвали с помощью контрмины. Еще два, начатых поляками, уперлись в скалу. Ни один подкоп не дошел до цели.

Воеводы соседних городов неоднократно пытались помочь осажденному Пскову. Несколько русских отрядов устремляются тайными дорогами к городу. Некоторые из них потерпели поражение и были рассеяны врагом. Другим повезло больше, они сумели доставить гарнизону поддержку. Так, через расположение королевской армии, ослабившей караульную службу, в Псков с боем прорвался стрелецкий голова Федор Мясоедов с подмогой и продовольствием.

Время от времени отряды наемников Батория производили «разведку боем»: подбирались к псковским оборонительным сооружениям, пытались пробраться в город. Это не были приступы в полном смысле слова, скорее осторожное прощупывание: не найдется ли лазейки в обороне Пскова? Лишь один раз, через месяц после первого штурма, подобная попытка едва не переросла в новый большой штурм.

Всеми виной... снегопад.

5 октября выпал обильный снег. Отряд венгров попытал счастья, атаковав и заняв разбитую Покровскую башню. Венгерский гетман

Борнемисса действовал по собственному почину, без приказа и малыми силами. Надо полагать, он надеялся, что густые снежные вихри укроют его людей и позволят им проникнуть в крепость. Сначала его пехоте сопутствовала удача: пальбой из ружей они выбили множество стрельцов. Но потом на них обрушился ответный шквал огня. За проломами обнаружилась новая линия обороны. По «проломным местам» и развалинам башен защитники города врыли в землю множество острых кольев. За руинами каменной стены сохранился ров, усиленный теми же кольями. А за рвом нападающих встречала новая стена — деревянная, с множеством бойниц. На ней лежали груды тяжелых камней, стояли орудия, огромные котлы с кипящими нечистотами, а также кувшины с порохом, игравшие роль импровизированных гранат. Там же горожане приготовили мешки с сухой известью, выжигавшей глаза неприятельских солдат. Отряд Борнемиссы не мог преодолеть эту преграду. Положив перед нею новую груду мертвецов, венгерские гайдуки откатились к лагерю.

В конце октября осаждающие предприняли новый большой штурм: им подвезли порох из Риги. Вот что об этом рассказывает рижский бургомистр Франц Ниенштедт: «[Король Стефан Баторий] послал гонцов в Ригу, чтобы там дали ему займы несколько пороху и как можно скорее переслали его с несколькими стрелками к Пскову. Это было быстро исполнено и вместе с 200 стрелками было послано королю 80 бочек пороху, что, конечно, тогда очень его обрадовало и он за это дружески благодарил рижан во многих письмах, а между прочими и городского толмача Иоахима, который был послан вместе с порохом»^[311]. Участник похода отзывается об этой посылке скептически: «Пороху пришло меньше, чем ожидали. Бог знает, каков будет штурм!»^[312]

Вновь начинается общая бомбардировка города, однако значительного урона она не наносит. Обстрел раскаленными ядрами деревянных хором, служивших жилищем для большинства горожан, по мысли польского командования, должен был привести к большому пожару. Он вызвал бы смятение в рядах защитников, и тогда их упорную оборону удалось бы взломать без труда. Но псковичам удалось предотвратить общий пожар. Напротив, действия тяжелых русских пушек постоянно разрушают полевые укрепления осаждающих, сооруженные из корзин с землей. Отборные смельчаки из венгерских отрядов Стефана Батория идут под каменную стену с кирками и ломом, пытаясь разрушить ее основание, в то время как их товарищи пробуют поджечь деревянную. От стрел, пуль и камней они защищаются большими деревянными щитами. В ответ со стен в них

начинают метать пропитанное смолой тряпье, поджигая сами щиты. В нижнем ярусе стен появляются новые бойницы, из которых по вражеским солдатам палят в упор стрельцы. Сверху на их головы льются раскаленный деготь и кипяток. Несколько особенно упорных бойцов противника углубились в стену так, что сверху их было практически невозможно достать. Тогда псковские воеводы измышляют собственную уловку. Вот что рассказывает о ней «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали Литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоёмцев и выдергивали их из-под стены...» Тут они становились легкой добычей русских стрельцов. Гейденштейн, сокрушаясь, пишет: «Неприятели из города сверху стен, разрушить которые старались венгры, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе, получали направленные снизу удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастья»^[313].

Очередная неудача произвела на армию неприятеля тяжелое впечатление. Потерпев провал со всеми своими хитростями, Стефан Баторий отдает приказ открыто атаковать Псков, больше желая взбодрить армию, нежели надеясь на благоприятный исход дела. Незадолго до того встала река Великая. Королевские военачальники погнали многочисленные отряды на штурм прямо по льду. Но очередной штурм заранее был обречен на неудачу. Во-первых, боевой дух в войсках осаждающих оказался не на высоте — командиры силой принуждали бойцов идти на приступ. Во-вторых, бросаясь в атаку по льду реки, отряды врага оказывались на открытом месте под огнем русских пищалей и пушек.

Несколько раз волны королевской армии накатывали на Псков и отступали, выкладывая черный ковер телами убитых и раненых...

Иван Петрович избирает атакующую тактику. С первого дня осады он постоянно беспокоит польский лагерь дерзкими вылазками, наносит врагу немалый урон, подрывает его волю к победе. По приказу князя Шуйского псковские пушкарки изо дня в день обстреливают позиции польской армии, вырывая солдат и командиров из ее рядов. Утомленный неприятель уже не решается атаковать. Студеными зимними ночами отважные польские, венгерские, немецкие бойцы стучат зубами от ужаса: каждое мгновение у

самых окопов может оказаться отряд русских головорезов. Шуйский показал себя как деятельный командир. Он не опускает руки в трудных ситуациях, и он стремится «выжать» все возможности из ситуаций выигрышных.

В условиях русской зимы осаждающие несут новые потери от холода, голода и недостатка фуража. Катастрофически не хватает дров. Солдаты потихоньку растаскивают ими же возведенные бревенчатые сооружения. Еще раньше начинаются стычки между отдельными отрядами неприятеля за угнанный у русских скот и отобранный конский корм. Так, под 22 сентября Пиотровский извещает: «Стадницкий поссорился с паном Станиславом Радзивилом. Люди Стадницкого гнали с фуражировки скот; откуда ни возьмись радзивиловы казаки и отбивают добычу. Тогда Стадницкий ночью напал на казаков, забрал и холопов и скот и пригнал в лагерь на решение гетмана. Пан Радзивил жаловался гетману»^[314]. Время от времени русские угоняют у поляков коней, а иногда... конокрадами становились венгры и литовцы. Среди осаждающих обычным явлением становится воровство, то и дело случаются открытые грабежи.

Войска начинают роптать против самовластного Замоиского — гетмана, то есть полководца номер один после самого Батория. Гетман пытается восстановить дисциплину драконовскими мерами. Он держит в кандалах королевского придворного, публично позорит тех, кто предается разврату, и даже вешает одного из офицеров. Иначе говоря, стремится остановить моральное разложение армии, закручивая дисциплинарные гайки. Однако повысить ее боеспособность Замоискому не удастся, в лучшем случае — удержать от распада.

Секретарь походной канцелярии ксендз Пиотровский оставил в записках о боевых действиях Батория горестное восклицание: «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» Наемные отряды разбегаются от Батория, не получив причитающейся платы. Уходят по домам волонтеры, надеявшиеся на славу и богатую добычу. В декабре 1581 года, по словам Пиотровского, армия приходит в жалкое состояние: «Мы заживо погребаем себя в этом лагере; быть ли нам в чистилище? Положение наше весьма бедственное; поистине мы достойны рая. Морозы ужасные, неслыханные, голод, недостаток в деньгах, лошади падают, прислуга болеет и умирает; на 100 лошадей в роте 60 больных; но этого разглашать не следует... Венгерцы массами перебегают в город»^[315].

К зиме Замоиский должен был понять, что у него нет шансов войти в город. И как военачальник он это, вероятно, понимал. Строил планы

наступательных действий в обход Пскова, с проникновением вглубь территории Московского государства. Мечтал о разгроме русских полевых соединений, которые на протяжении последних лет Ливонской войны утратили прежнюю стойкость и дисциплину... Но с места он все-таки не сдвигался и упрямо держал ядро боевых сил неподалеку от псковских стен. Почему? Неужто для польских дипломатов неудачливая армия, бесполезно застрявшая на Псковщине, являлась столь уж сильным козырем в переговорах с русскими посольскими людьми? Или Замойский боялся, распустив бойцов, более не собрать их воедино? Тут имелся свой резон: финансовые и мобилизационные ресурсы Речи Посполитой достигли критического рубежа...

Но, думается, многое в поведении польского полководца, да и всей армии, объяснялось не какими-нибудь тактическими или стратегическими причинами, а иррациональными мотивами.

Важно понимать, до какой степени Стефан Баторий сумел внушить стране феерические надежды. Он и прежде проявлял в военных делах и удачливость, и большое искусство, а сцепившись с Иваном IV, показал лучшие качества своего батального таланта. Два года король вел польские знамена от победы к победе. Тот реванш, о котором польские и особенно литовские политики мечтали со времен Ивана III, отколовшего от западного соседа изрядный кусок, мечтали страстно, время от времени жизнями расплачиваясь на бранном поле за свои мечтания, блистательный король-кондотьер дал им всего-то за две кампании. Страшное унижение «московитского медведя» вызывало самые добрые надежды. Отправляясь в третью кампанию, шляхта и магнаты твердо верили в счастливую звезду своего монарха, ждали новых побед, новых сказочных успехов... и намертво встали в холодных окопах под стенами Пскова. А очарование прежних удач все еще не выветрилось из их голов, все еще заставляло верить в чудо.

Были в этом ожидании и упорство, и твердая воля, и воинский задор. Не ворвались за стены, не взяли город на щит, так хоть перестоим осажденных! Авось не выдержат, сдадутся... Ведь так красиво все начиналось!

Армия Батория — Замойского состояла из представителей воинственных народов. Удалые смельчаки-венгры, рыцарственные поляки, искусные в ратном деле немцы... да и литовцы, пусть и утомленные долгой борьбой с татарами и русскими, но все же не забывшие эпоху имперского величия своей страны, — все это пестрое сборище жаждало добычи, подвигов, славы. Это были хорошие, отважные бойцы. Их честь, их кураж

да еще инерция, оставшаяся в сознании от старых побед, не давали им разойтись по домам.

Им оставалось лишь умирать.

Честно, глупо и бесполезно.

«Московитекий медведь» оказался крепче, нежели о нем думали.

Наконец, король и сам покидает войска, оставив командующим коронного гетмана Замойского. Ему ничего не остается, как согласиться на мирные переговоры с Иваном Грозным. Положение армии — критическое. Расходы на ее содержание превысили все мыслимые суммы. Ни о каких новых завоеваниях и речи быть не может. Войска едва удается удерживать под стенами города.

Пока идут переговоры, осадная армия остается под Псковом, пытаясь выморить его голодом. Однако ее собственное состояние не лучше, чем у защитников города. Несколько отрядов немецких и венгерских наемников направляются за 50 километров от Пскова — к Псково-Печерскому монастырю, служившему базой для русских рейдов по тылам противника. Их попытка взять обитель штурмом заканчивается тяжелым поражением: небольшой гарнизон отбивает все яростные атаки противника и наносит ему ощутимый урон.

Псковичи осмелели. В их глазах великая армия Стефана Батория перестала быть мрачной угрожающей силой. Теперь охотник сам превратился в загнанного зверя, которого следовало травить, пока он не залечил раны и не поднялся с новой яростью. Пиотровский рассказывает о нескольких крупных вылазках осажденных, в том числе и об одной явно удачной, сделанной в распоряжение немецких наемников: «Русские ободрились. Сделали вылазку, а всего их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сот конницы. Немцы должны были отступить».

Иван Петрович получил донесения, что неприятель ослабел и убавился в численности. Воевода строит смелый план контрудара. До сих пор поляки наступали. Теперь, под Псковом, их прыть поубавилась. Пора показать им, какую угрозу для них самих представляет пребывание на чужой земле. Гейденштейн пишет: «Шуйский, видя огромную силу морозов и получая от перебежчиков известия, что повсюду в лагере распространяются от того лихорадки... стал изыскивать способы, как бы к славе спасения города присоединить еще славу взятия польского лагеря и уничтожения неприятельского войска»^[316]. Воевода готовит масштабную вылазку, в которой должны принять участие лучшие силы гарнизона.

В день вылазки столкновение с отрядами Замойского переходит в большую битву. Неясно, кто одержал в ней победу. Обе стороны

приписывают ее себе, и обе понесли значительные потери. «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» сообщает: 4 января большой отряд конных и пеших атаковал поляков, выйдя из Великих ворот. «И в той вылазке более восьмидесяти почтенных и прославленных знаменитых панов убили и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было сорок шесть»^[317]. Гейденштейн подтверждает факт гибели и пленения нескольких польских, а также венгерских военачальников. Замоиский в письме доложил королю о большом успехе, сообщил также о тридцати русских пленниках...

Во время переговоров о выдаче псковскому гарнизону тел русских воинов, погибших в том бою, произошла ссора, перешедшая в новую стычку. Это привело к всеобщему озлоблению.

Под занавес осады польско-литовские войска были измотаны и устрашены упорством русских ратников. На успех штурма у них не оставалось ни малейшей надежды. И даже простое стояние у псковских стен стоило очень дорого. Королевское командование прекрасно понимало: твердость защитников крепости подпитывается высоким боевым духом их командира — князя Шуйского. Поэтому поляки, разозленные последней схваткой, решили погубить его каверзой. Артиллерийский офицер Иван Остромецкий предложил коронному гетману подорвать Ивана Петровича...

9 января 1581 года из лагеря осаждающих в крепость пришел русский пленник, отпущенный в Псков с большим ларцом. Бог весть, решился ли этот человек на тяжкую измену или был просто введен в заблуждение. Во всяком случае, «легенда» его была такова: среди королевских офицеров сыскался некий дворянин Гонсумеллер, решивший стать перебежчиком. Он и отправил в Псков человека с ларцом, дав ему также грамоту. В пересказе этот текст звучит следующим образом: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер^[318] челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбеником^[319], и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Хитрость была шита белыми нитками. Только ярость отчаяния могла подвигнуть командование осаждающих на такую подлую и в то же время столь наивную уловку. Посоветовавшись с прочими военачальниками, Иван Петрович решил не открывать ларчик с секретом. Вещицу отнесли

подальше от воеводской избы. Там ларцом занялся псковский умелец, отперший его со всей осторожностью. О! «Казна» в нем оказалась знатная! Внутри поляки установили 24 заряженных пистолета^[320]. Их направили во все стороны. Замки пистолетов соединялись ремнем с запором ящичка, а поверх «самопалов» польские хитрецы насыпали с пуд пороха. Если бы воевода неосторожно откинул крышку, то непременно получил бы свинцовый залп и мощный взрыв... Гейденштейн фантазирует, будто бы взрыв все-таки произошел и от него погиб русский воевода князь Андрей Иванович Хворостинин и некто Козецкий (Замыцкий?), а князь Шуйский получил ранение: позднее его не видели на стенах, веские источники полностью эту выдумку опровергают. Летом 1583 года Андрей Хворостинин — первый воевода Передового полка на казанских землях. Ему предстояло прожить еще долгие, насыщенные событиями годы. Впрочем, существует третья версия этих событий, наиболее достоверная. Ее излагает автор независимого частного летописца, названного историками Пискаревским. Он явно получил сведения от участника псковского «осадного сидения», поскольку передает бытовые подробности, выдающие очевидца. Так вот, по изложению Пискаревского летописца, «адская машинка», попав в руки псковских воевод, вызвала подозрение неким «малым ремешком», привязанным к ларцу. Ремешок порвали, после чего пришлось вызывать мастера-«замочника». А уж тот вскрыл ларец безопасным способом. Там обнаружили «полно зелия и пицалок маленьких. А тот ремешок приведен к спускам самопальным». Разобранная адская машинка не причинила псковским воеводам никакого вреда.

Русский современник спокойно резюмировал этот эпизод: «Кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть».

Последние недели осады идут под аккомпанемент донесений с русско-польских переговоров. Боевые действия фактически прекращены, псковские купцы налаживают торговлю, но войско коронного гетмана еще не уходит. И даже представителя царского посольства Петра Пивова, направленного с известиями в Псков, Замойский не пускает через расположение своей армии. Поляки задерживаются до последней возможности, ожидая, как видно, что бдительность русских воевод ослабнет и они все-таки смогут войти в несокрушимую твердыню.

Тщетно.

Наконец, автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» может вздохнуть с облегчением: «Месяца февраля в 4 день польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со

всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота».

Итак, прорыв польской армии в центральные области России не состоялся. Мощное войско короля Стефана Батория обломало зубы о северную русскую твердыню. Критическая точка, о которой говорилось выше, была пройдена, и пройдена с успехом. Переговоры об окончании войны, шедшие в Яме Запольском, окончились десятилетним перемирием. Условия его были тяжелыми для России, но после всех побед, одержанных Стефаном Баторием, Речь Посполитая могла надеяться на большее. Страшное поражение под Псковом остановило неудержимый, казалось бы, прорыв поляков на восток. В результате они сами попали в критическое положение. Речь Посполитая, радовавшаяся прежде победам своего государя, теперь чувствовала себя измотанной. Готовность опять собирать войска, опять идти в большой поход, опять бороться и рисковать рассеялась в поляках. Они более переживали ныне о потерях, нежели искали новой битвы. Между тем Московское государство, измотанное, обескровленное, все еще могло сопротивляться.

Стратегический успех, достигнутый князем Иваном Петровичем Шуйским и его соратниками, ободрил Россию, уставшую от известий о неудачах. Дух стойкости вернулся к русскому народу. Поэтому Стефан Баторий вынужден был возвратить многие русские города, захваченные им в 1580–1581 годах, прежде всего Великие Луки.

Слава отважных псковичей и их воеводы князя Шуйского прокатилась по всей России из конца в конец. Долгие годы люди помнили о том, как под его руководством у стен древнего русского города была сломлена воля великой армии, как гордый король польский со срамом воротился из-под Пскова. Знали о псковском триумфе русских и в Европе. Свидетель обороны Пскова, папский посланник Антонио Поссевино, побывавший в польском лагере и на переговорах в Яме Запольском, впоследствии писал о русских: они «решительно защищают крепости и города. Даже женщины часто выполняют обязанности солдат: приносят воду заливать начавшийся пожар, бросают со стены собранные в кучи камни или скатывают бревна, заранее приготовленные для этого. Этим они приносят большую пользу своим, а врагам наносят большой урон. Если кого-нибудь из защитников при натиске врагов разрывает при взрыве на части, его место занимает другой, второго — третий. В конце концов никто не щадит ни сил, ни жизни. Они привычны к холоду, часто защищаются от дождей, снега и ветра только лишь с помощью какого-нибудь плетня из веток или плаща, натянутого на вбитые колья. Кроме того, они очень терпеливо переносят

голод, довольствуясь намешанной в воде овсяной мукой, куда добавляют немного уксуса — вместо питья, и хлебом в качестве пищи. Польский король рассказал мне, что в ливонских крепостях находились такие, которые питались таким образом очень долго, так что почти все уже пали. Оставшиеся же в живых, хотя чуть дышали, держались до последнего момента, беспокоясь лишь о том, как бы не сдаться осаждающим, по-видимому, чтобы хранить верность своему государю до самой смерти... они стремятся своей храбростью одолеть более многочисленных врагов или, по крайней мере, обессилить их своей выносливостью и терпением»^[321].

После отступления поляков Иван Петрович остается в Пскове все тем же вторым воеводой. В конце 1583-го или в начале 1584 года его оставляют там уже первым воеводой. В этой должности он встречает новое царствование — Федора Ивановича.

При новом государе судьба Ивана Петровича Шуйского да и всего семейства Шуйских резко переменилась.

Первые годы после смерти Ивана IV они по-прежнему в чести.

Историк А. П. Павлов сообщает: «Князья Шуйские благодаря службе в «особом» дворе и военным заслугам сумели к середине 1580-х годов не только сохранить (вернуть) свои родовые вотчины, но и получить суздальские вотчины сородичей, князей Горбатых (села Горицы и Лопатничи). В 1587 г. в связи с опалой вотчины у Шуйских (кроме Скопиных) были конфискованы. После снятия опалы в начале 90-х годов Шуйским снова возвращаются их владения, хотя... и не в полной мере»^[322]. В ту пору виднейшим из всего семейства Шуйских был именно князь Иван Петрович. И ему принадлежало крупное поместье на 2038 четвертей земли у Бежецкого Верха, огромное поместье на 3500 четвертей у села Вача в Муромском уезде^[323] да еще другие поместья — в Ростовском, Козельском, Московском и Псковском уездах. Таким образом, Иван Петрович был одним из богатейших землевладельцев России.

Князю И. П. Шуйскому уже не приходится командовать армиями и защищать крепости, тратить здоровье и силы в дальних походах. Если в начале царствования Федора Ивановича он еще воеводствовал в Пскове, то впоследствии ничего не известно о каких-либо службах боярина за пределами Москвы. Да ведь он уже немолод, силы не те. В отличие от наших дней в вооруженных силах Московского государства не ставили военачальниками ветхих годами генералов.

Иван Грозный, зная о том, что сын его Федор Иванович, по своему

характеру блаженного, мало стремится к делам правления, назначил совет из нескольких «опекунов», которые и должны были взять в свои руки государственную власть. Каждый из них достиг высокого положения при Иване Васильевиче, отличался умом и большим авторитетом. Но... поладить им не удалось.

Так вот, Иван Петрович оказался в числе опекунов. Таким образом, он стал держателем частицы высшей власти в Московском государстве. Что ж, такого возвышения воевода был достоин, и современники это признавали. По мнению британского дипломата Джильса Флетчера, побывавшего на исходе 1580-х годов в Москве, князя И. П. Шуйского считали человеком «с большими достоинствами и заслугами»^[324].

Очень быстро опекуны и Боярская дума разбились на несколько враждующих лагерей. С одной стороны — худородные «выдвиженцы» Ивана Грозного. С другой — высшая знать, то есть прежде всего Шуйские, а с ними князь И. Ф. Мстиславский, князья Воротынские, старинные семейства московских бояр Головиных и Колычевых. Наконец, самостоятельной силой стал клан, сгруппировавшийся вокруг царской родни — Годуновых и Романовых-Юрьевых. На их стороне оказались также князья Трубецкие и Хворостинины. Схватка за полноту обладания властью при тихом царе Федоре Ивановиче разгорелась с первых дней его правления.

Первыми покинули сцену худородные креатуры предыдущего монарха. Иван Петрович принял в их разгроме деятельное участие. Так, он разбирает местнический спор между Романом Алферьевым (из Нащокиных), лидером грозненских выдвиженцев, и Федором Лошаковым-Колычевым, принадлежавшим партии знати, и отдал предпочтение последнему. Это был тяжелый удар.

Однако победа над фаворитами прежнего царствования быстро сменилась поражением от партии Годуновых. Постепенно партия знати лишается важнейших фигур: они подвергаются ссылкам, опалам, насильственному пострижению в монахи. В 1586 году Шуйские терпят решительное поражение, попытавшись развести Федора Ивановича с его женой Ириной Годуновой под предлогом бесчадия последней^[325]. Таким способом Шуйские пытались удалить от престола Годуновых, ближайших родственников царя. Естественно, за неудавшийся дворцовый переворот пришлось платить. Осенью они подвергаются опале. Иван Петрович оказывается в своей вотчине, под наблюдением верных людей Бориса Годунова (среди них и князь Д. И. Хворостинин). Виднейший из Шуйских,

таким образом, удален от государственных дел. Но энергичная натура не дает ему смириться с поражением. Он принимается за какие-то странные переговоры со старицей суздальского Покровского монастыря Леонидой — бывшей женой царевича Ивана Ивановича. Москва живо интересуется ими: ведь если расстричь старицу, то она после смерти Федора Ивановича может оказаться реальным претендентом на престол!

В 1588 году жизнь блистательного полководца и неудачливого политика оборвалась. Сначала его сослали на Белоозеро и там постригли в монахи. Но этого торжествующим Годуновым показалось мало. В ноябре 1588 года Ивана Петровича убил пристав князь И. С. Туренин, по всей вероятности, имея на этот счет инструкцию от Бориса Годунова. Английский торговый агент в Москве Джером Горсей описал кончину вельможи в трагических тонах: «Шуйский, первый князь царской крови, пользовавшийся большим уважением, властью и силой, был главным соперником [Бориса Годунова] в правительстве, его недовольство и величие пугали. Нашли предлог для его обвинения. Ему объявили царскую опалу и приказали немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника, недалеко от Москвы, и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива. Его смерть была всеми оплакана»^[326].

Так завершилась биография еще одного славного «командарма» грозненских времен. Вся придворная партия Шуйских была разогнана, некоторых лишили жизни, кто-то оказался в тюрьме, а кому-то пришлось отведать горький хлеб ссылки. На несколько лет род Шуйских ушел в тень...

Иван Петрович был прежде всего частью большой семьи князей Шуйских. С нею он отстаивал отечество, с нею разделял славу и почести, с нею боролся за власть, с нею интриговал. За политическую интригу в ее пользу он и сошел в могилу. Несчастливый конец Ивана Петровича известен в наши дни одним только специалистам по русской истории XVI столетия. Все, что касалось узкокорыстных дворцовых устремлений, для памяти потомков умерло. Зато жива до наших дней добрая слава великой псковской победы.

Князю Шуйскому на роду было написано стать «командармом» в беспокойное царствование Ивана Грозного. Само происхождение его возносило воеводу над абсолютным большинством современников и соотечественников. Господь предназначил князя для военной службы. Что оставалось Ивану Петровичу? Только один выбор: стать достойным высокой судьбы, славного рода своего, большой власти, полученной по

праву крови, или позволить себе слабость и по слабости провалить великие дела, которым князь оказался причастен.

Подводя итог под судьбою этого отважного и талантливоего полководца, можно с уверенностью сказать: Шуйский был достоин своего предназначения.

Эпоха, когда Третий Рим «ставил себя» в Восточной Европе, завершалась. Стоит окинуть мысленным взором карту Русского государства, чтобы понять, какую огромную работу за сто с небольшим лет проделали русский народ, русские государи и русские полководцы. Когда Иван III принимал от своего отца, Василия II Темного, престол, Московское княжество являлось невеликой силой на задворках христианской ойкумены. С тех пор и до правления царя Федора Ивановича произошли громадные изменения. Из крошева русских земель выросла громадная Россия. Она отобрала у Литвы часть ранее покоренных ею русских земель — Литовскую Русь. Она освободилась от ордынского ига, забрала под свою высокую руку Казань, Астрахань, ногайские земли и научилась отбивать натиск Крымского ханства. Она освоила Поморье. Она продвинулась в Сибирь. Она возвела по границам своим могучие крепости. Она билась с несколькими великими державами Европы в Ливонскую войну, что-то отдала этой несметной силе, но несколько лет спустя вернула себе потерянное.

Хороши были воеводы той грозной эпохи, полководцы Третьего Рима, Второго Израиля, Удела Пречистой. Слава же им — пахарям и косцам кровавой страды! Слава им и память во веки веков!

**ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩИХСЯ
РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XV–XVI СТОЛЕТИЯ**

Князь Даниил Дмитриевич Холмский

1440-е (приблизительно) — рождение.

1468 — разгром отряда татар под Муромом.

1471 — разгром основных сил Новгородской вечевой республики в трех сражениях: у деревни Коростынь, близ Русы и на реке Шелони.

1474 — заключение «Данильева мира» с ливонскими немцами в Пскове.

1480, осень — отражение хана Большой орды Ахмата на Угре. Князь Д. Д. Холмский, вероятно, занимает положение старшего из русских воевод во время стояния на Угре.

1487, июль — взятие Казани.

1492, лето — поход на Северу.

1493 — последнее известное по источникам назначение, вскоре после которого, вероятно, князь Д. Д. Холмский скончался.

Князь Даниил Васильевич Щеня

Не позднее 1442-го — рождение.

1489 — завоевание Вятской земли.

1492/93, *зима* — взятие Вязьмы.

1495–1496 — борьба за Выборг, тактическая неудача Д. В. Щени.

1500, *14 июля* — разгром литовского войска на Ведроши в генеральном сражении.

1501 — победа над ливонскими немцами под Гельмедом.

1502 — сражение у Смолина озера с ливонскими немцами: исход неопределенный.

1506 — командование заслоном против Казани под Муромом.

1508 — у литовцев отбит Торопец.

1512–1514— походы под Смоленск.

1514, *30 июля* — взятие Смоленска.

1515 — последнее известное по источникам назначение, вскоре после которого, вероятно, Даниил Васильевич Щеня скончался.

Боярин Василий Федорович Симский-Образец

Не позднее 1445-го — рождение.

1471 — разгром войск Новгородской вечевой республики на Северной Двине.

1477–1478 — командование очень значительным контингентом во время похода Ивана III на Новгород Великий.

1478 — воеводство «на Вятке». Карательный поход на Казанскую землю.

1485 — участие во взятии Твери. Оставление Иваном III в Твери на наместничестве. Последнее известное по источникам назначение, вскоре после которого, вероятно, боярин В. Ф. Симский-Образец скончался.

Боярин Иван Васильевич Симский-Хабар

1470-е, не позднее 1480-го — рождение.

1505, осень — победа над казанскими татарами под Нижним Новгородом.

1510 — приведение Пскова к присяге на имя великого князя московского Василия III.

1514 — командование заслоном от крымских татар на Угре.

1521 — наместничество в недавно присоединенной Рязани.

Лето — успешная защита Рязани от войск крымского хана. И. В. Симскому-Хабару удалось не только отстоять город от захватчиков, но и обманом выманить у них грамоту, в которой Василий III обязывался выплачивать дань в пользу Крымского ханства.

1522 — командование оборонительным отрядом у Ростиславля.

1524, лето — участие в походе на Казань, разгром казанского воинства в большом сражении на реке Свияге.

Середина 1530-х (приблизительно) — кончина.

Боярин Яков Захарьевич Кошкин

1479 — участие в «походе миром» великого князя московского Ивана III на Новгород в боярском чине.

1485 — участие во взятии Твери, командование под стенами Твери «новгородской силой».

1492 — участие в удачном походе на Северу.

1495 — участие в походе на Выборг.

Середина 1480-х — первая половина 1490-х — наместник в Новгороде Великом, проводник жесткой централизаторской политики Ивана III.

1500, *май* — взятие Брянска.

14 *июля* — участие в битве на Ведроши.

6 *августа* — взятие Путивля.

1502 — участие в неудачном походе под Смоленск.

1508 — участие в удачном походе к Дорогобужу.

1509 — возглавляет боярское правительство в Москве во время отъезда Василия III.

1510, *15 марта* — кончина.

Боярин Юрий Захарьевич Кошкин

1485 — участие в походе на Казань и утверждении там московского ставленника.

Конец 1480-х — как и брат Яков, какое-то время наместничает в Новгороде Великом.

1499 — участие в походе к Казани для защиты московского ставленника.

1500, весна — взятие Дорогобужа.

14 июля — участие в битве на Ведроши.

Конец 1503-го — середина 1504-го — кончина.

Князь Александр Владимирович Ростовский

1470-е (приблизительно) — рождение.

1492 — участие в удачном походе на Северу.

1493 — участие во взятии Мезецка и Серпейска.

1495–1496 — участие в операциях против шведов.

1500, 9 августа — взятие Торопца.

1501, осень — разгром литовского войска в сражении под Мстиславлем.

1502 — участие в неудачном походе под Смоленск. Позднее — участие в карательном походе на литовские земли.

1506 — участие в неудачном походе под Казань.

1508 — участие в удачном походе к Дорогобужу.

1512 — участие в неудачном походе под Смоленск.

1512–1514 — командование заслоном от крымских нашествий на юге, отражение одной из атак крымцев в 1512 году.

1515–1517 — командование заслоном от литовцев у Великих Лук. Нанесение удара по неприятелю легкими силами.

1517, осень — решающая победа над литовским войском в оборонительной операции у Опочки, вытеснение литовцев с русской территории.

Начало 1520-х (предположительно) — кончина.

Боярин Алексей Данилович Басманов-Плещев

1514 — рождение.

1544 — первое известное по источникам назначение на военную службу: третьим воеводой в Елатьму.

1548 — командование самостоятельным отрядом под Муромом.

1552 — участие во взятии Казани, успешные действия при захвате ее стен.

1555 — участвовал в походе на юг, против крымцев, в неудачном сражении у Судьбищ спас часть русской армии от уничтожения и отбил от татар в укрепленном лагере.

1558 — взятие Нарвы.

1560 — участие во взятии Феллина.

1563 — участие во взятии Полоцка.

1564, осень — отбил татар, осаждавших Рязань.

1565, январь — учреждение Иваном IV опричнины, в значительной степени под влиянием А. Д. Басманова-Плещева. Сам Алексей Данилович — опричный боярин, человек, активно участвующий в решении ключевых кадровых вопросов.

1568, ноябрь — руководил арестом митрополита Филиппа.

1570 — опала и смерть.

Князь Михаил Иванович Воротынский

1516 (приблизительно) — рождение.

1534 — опала, заключение (вместе с отцом).

1539 — первое известное воинское назначение: на воеводство в Одоев.

1542, август — участие в успешном сражении на поле Куликовом.

1543, июнь — командование самостоятельным отрядом у Белёва.

1544 — наместник в Калуге.

Декабрь — совершил дорого обошедшуюся тактическую ошибку под влиянием местнического конфликта.

1550 — наместничество в Костроме; участие в отражении крымцев.

1552 — участие во взятии Казани; один из ведущих военачальников, чья тактика обеспечила победу.

Середина 1550-х — долгое воеводство в Свияжске.

1550-е — начало 1570-х — постоянное участие в обороне Русского Юга от крымцев.

1559 — не успел догнать крымцев, отступающих из коренных русских земель с полоном.

1562 — не успел догнать крымцев, отступающих с полоном из-под Мценска.

1562, сентябрь — 1565 — опала, заключение на Белоозере.

1571, февраль — разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» и получил одобрение его в Боярской думе; ныне этот документ считается первым русским воинским уставом.

Май — участие в неудачной обороне Москвы от крымцев.

1572, лето — командование армией, нанесшей крымскому хану Девлет-Гирею поражение у Молодей.

1573 — опала и казнь.

Князь Семен Иванович Микулинский

1509 или 1510 — рождение.

1533 — воеводство на Туле.

1534 — командование самостоятельным отрядом под Рязанью, разгром татарского отряда.

1539, осень — отогнал татар из «Каширских мест».

1541 — воеводство в Зарайске.

Август — выдающаяся роль в отражении большого нашествия крымского хана на Оке.

1542, август — участие в разгроме крымских татар на поле Куликовом.

1545, весна — успешный поход против казанцев.

1548 — решительная победа над войском казанского хана Сафа-Гирея близ Казани.

1551–1552 — трудное воеводство в Свияжске.

1552 — выдающаяся роль во взятии Казани.

1554–1558 — опала по политическим причинам, в связи с болезнью Ивана IV и острым династическим кризисом 1553 года.

1558, зима — 1559 — успешный поход на ливонских немцев, победа над их войском у городка Чествин (Зессвеген).

1559, 2 августа — кончина от тяжелой раны, полученной во время похода в Ливонию.

Князь Дмитрий Иванович Хворостинин

Между 1535 и 1540 (предположительно) — рождение.

1558 — воеводство в Шацке (первое известное воинское назначение).

1559 или 1560 — воеводство в Нижнем Новгороде.

1563, февраль — отличился при взятии Полоцка.

1564 — первое командование самостоятельным соединением.

1565 — вступление в опричнину, поход с опричным отрядом под Волхов.

1567/68, зима — командование самостоятельным соединением в походе к Великим Лукам.

1570, май — разгром войска крымцев у Зарайска.

1571, май — участие в неудачной обороне Москвы от крымцев.

1572, лето — командование «гуляй-городом» при разгроме крымцев у Молодей.

1573–1574 — опала из-за срыва борьбы с взбунтовавшейся черемисой.

1580 — воеводство в Тарусе.

1582 — победа над шведским отрядом у села Лялицы.

1582–1584 — усмирение взбунтовавшейся черемисы в Казанской земле.

1587, весна — участие в отражении крымцев под Тулой.

1590 — разгром шведской армии близ Ивангорода.

7 августа — кончина.

Князь Иван Петрович Шуйский

Между 1536 и 1545 (предположительно) — рождение.

1563 — участие во взятии Полоцка.

1568/69, зима — воеводство в Донкове.

1571, май — участие в неудачной обороне Москвы от крымцев.

1572, лето — выдающаяся роль при разгроме крымцев у Молодей.

1573 — участие во взятии Пайды и Каркуса.

1577 — старший из русских воевод в масштабном и успешном походе на Ливонию.

1581–1582 — фактическое руководство успешной обороной Пскова от польского короля Стефана Батория.

1586 — поражение «партии» Шуйских от «партии» Годуновых в борьбе при дворе, опала.

1588 — ссылка на Белоозеро, пострижение в иноки и тайное умерщвление.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван III Васильевич. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1575 г.

Монеты Василия II Темного и Ивана III Великого

Памятник Ивану III во Владимирском ските Свято-Тихоновой пустыни

Ивангородская крепость. Построена при Иване III

Князь Д. Д. Холмский.

Монумент «Тысячелетие России». Фрагмент

Князь Д. В. Щеня.

Монумент «Тысячелетие России». Фрагмент

Ведрошское сражение. 1500 год.

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI столетия

*Остатки старого смоленского земляного вала литовских времен,
защищавшего город в 1514 году*

Иванъ Васильевичъ манастиръ бѣхъ на
 государствѣ. 38. лѣтъ. сѣи вѣла вѣ
 инѣи новгородъ вѣтъ. 6986. сѣи вѣ
 итвѣ вѣла. вѣтъ. 6994. сѣи вѣ
 инована вѣла, ищяра надимѣ
 албала вѣтъ. 6996. итвѣтави на
 рѣкъ манаровѣ стрѣна въ рѣкува итвѣ
 града.

19. вѣтъ. 7008 вѣдѣ на манастирь сѣ
 инажене славный великий инаже
 великий ивановичъ манастиръ бѣхъ на
 вѣтъ. 28. лѣтъ.

вѣтъ. 7008. бѣла итвѣтави вѣ
 ли сѣи дѣла что ихоритѣ бѣла итвѣ
 дѣти сѣи дѣла итвѣтави дѣла
 дѣла. дѣла дѣла дѣла дѣла дѣла
 дѣла христанѣ дѣла инажене
 и манастирь инажене.

вѣтъ. 7018. сѣи гѣла вѣла вѣ
 инажене вѣла вѣтъ. 7022. сѣи
 инаже великий ивановичъ дѣла
 великий инаже иванъ вѣтъ инажене
 дѣла, вѣтъ дѣла. вѣтъ. вѣтъ.
 вѣтъ. 7028. вѣтъ инажене инажене вѣтъ

Страница летописи с известием о взятии Смоленска в 1514 году

Князь А. В. Ростовский впереди конной рати.

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI столетия

Взятие Торонца. 1500 год.

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI столетия

Разгром литвинов под Мстиславлем. 1501 год.

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI столетия

Оборона Опочки. 1517 год.

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI столетия

*Земляные валы Опочки, отбившей в 1517 году нападение армии гетмана
Острожского*

Боевода князь А. В. Ростовский.

Художник М. М. Тренихин

*Земляные валы древней Дорогобужской крепости, взятой в 1500 году Ю.
З. Кошкиным*

Василий III.

*Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «О делах московитских».
XVI в.*

Вооруженный конник московского воинства.

*Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «О делах московитских».
XVI в.*

Монета Василия III

Пушка XVI века

Русские пушки времен Ивана Грозного

Портрет Ивана Грозного.

Из русской рукописной книги «Царский титулярник». XVII в.

Храм-памятник воинам, павшим при взятии Казани в 1552 году

Замок Святого Германа в Нарве. Резиденция фогта Ливонского ордена

Памятник князю М. И. Воротынскому в поселке Воротынец.

Художник В. П. Нагорнов

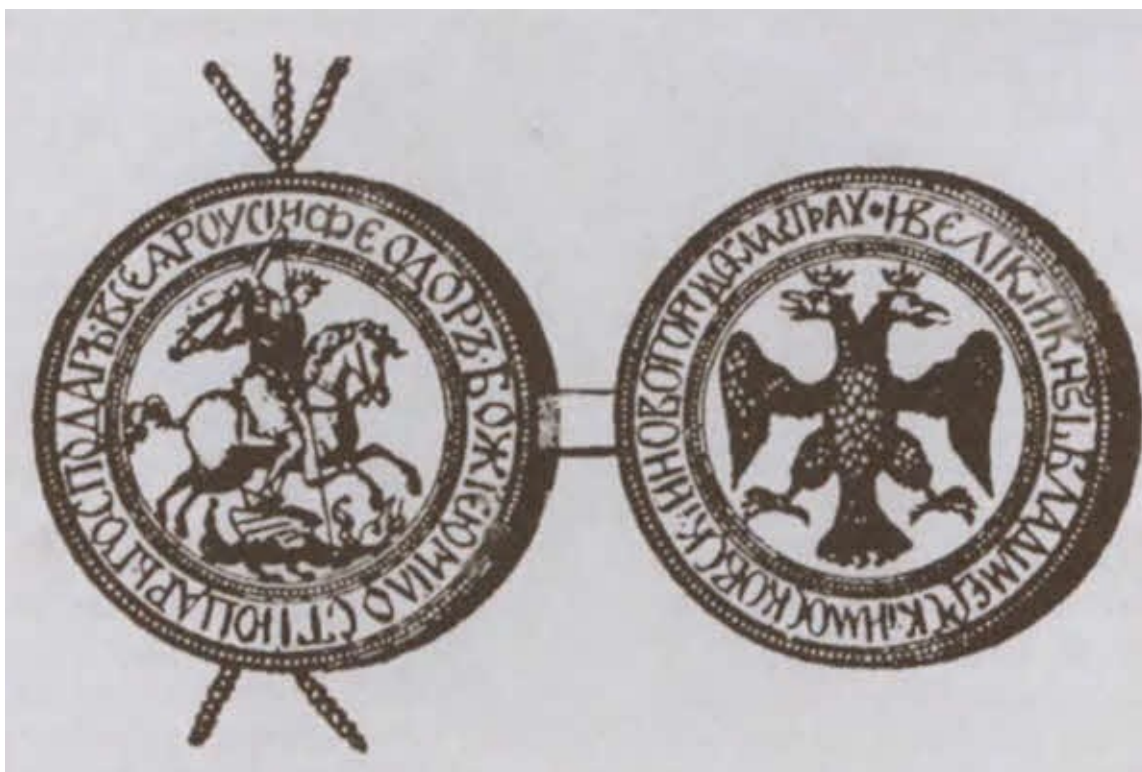

Довмонтов город древнего Пскова

Князь И. П. Шуйский.

Художник М. М. Тренихин

Печать царя Федора Ивановича

Московский ездец на монете царя Федора Ивановича

Копейка с именем царя Федора Ивановича

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Русского государства 1505–1526. М., 1975.
- Акты социально-экономической истории Северо-Западной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952.
- Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006.
- Полное собрание русских летописей: В 43 т. СПб., 1848, 1859, 1901, 1907, 1910. Пг., 1921. М.; Л., 1949. Л., 1977, 1982. М., 1965, 1978, 2000, 2003.
- Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I, II.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I.
- Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882.
- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813.
- Устюжский летописный свод. М; Л., 1950.
- Абрамович Г. В.* Шуйские и российский трон. Л., 1991.
- Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
- Алексеев Ю. Г.* Военная история допетровской России. СПб., 2018.
- Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.
- Архив русской истории. М., 1992.
- Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010.
- Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
- Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.
- Веселовский С. Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV.
- Военно-исторический журнал. 2011. № 12.
- Волков В. А.* Под стягом Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016.
- Володихин Д. М.* Иван Шуйский. М., 2012.
- Володихин Д. М.* Полководцы Ивана III. СПб., 2017.
- Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Мале-ина, А.

В. Назаренко. М., 1988.

Герберштейн С. Московия. М., 2007.

Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер., сост. А. А. Севостьяновой. М., 1990.

Документы о сражении при Молодях *Подг. В. И. Буганов* / Исторический архив. М., 1959. Вып. 4.

Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. Вып. 1.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Ливонская летопись Франца Ниенштедга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. 1880–1883. Т. III, IV.

Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.

Лобин А. И. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М., 2015.

Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901.

Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). СПб., 1904.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством взынства своего...»: Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12.

Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017.

Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

Русский дипломатий. М., 2004. Вып. 10.

Сапунов А. Витебская старина. 1885. Т. IV.

- Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
- Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Филюшкина А. И., Кузьмин А. В.* Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017.
- Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906.
- Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889.
- Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002.
- Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V.4. II, III.

INFO

Володихин Д. М.
В 68 Полководцы Московского царства / Дмитрий
Володихин. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 343[9] с.: ил. —
(Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1830).

ISBN 978-5-235-04368-8

УДК 94(47)"14/15"

ББК 63.3(2)43

знак информационной продукции 16+

Володихин Дмитрий Михайлович
ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Редактор *Е. В. Смирнова*

Художественный редактор *К. В. Забусик*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *И. В. Абрамова, Г. В. Платова*

Сдано в набор 27.12.2019. Подписано в печать 16.03.2020.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2005080.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

[Supply Cham Solutions]

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. С. Борисов
ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Судьба оказалась жестокой к московскому князю Василию II Васильевичу (1425–1462). В русскую историю он вошел с прозвищем Темный, что означает — Слепой: подвергнутый жестокой казни своими двоюродными братьями еще в 1446 году, он в течение шестнадцати лет правил страной будучи слепцом, калекой — и тем не менее сумел удержать в своих руках власть и даже лично водил войско в походы. Но ведь и сам Василий проявил ничуть не меньше жестокости и вероломства в ходе кровавой междоусобицы, поразившей Русь во второй четверти XV века, так что не случайно один из современников назвал его «иудой» и «душегубцем». Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, на основе всех имеющихся в нашем распоряжении источников рисует перед читателем сложную и многообразную картину жизни Московского государства того времени и воссоздает полный противоречивый портрет этого неоднозначного правителя, отца будущего «государя всея Руси» Ивана III.

А. Ю. Карпов
ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Вниманию читателей предлагается биография одного из самых ярких правителей в истории Русского средневековья, великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Именно в годы его княжения (1176–1212) Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета, превратившись в сильнейшее русское государство, и от одного слова владимирского «самодержца» не раз зависели судьбы княжеских столов в Киеве, Новгороде, Галиче, Рязани и других городах. «Сей есть Всеволод всем русским нынешним князьям отец», — писал о нем книжник XVI века, и слова эти можно истолковать и так, что многие черты будущей российской государственности и политической жизни Московского царства

были заложены в правление самого могущественного из владимирских князей. Вместе с вышедшими ранее биографиями отца Всеволода князя Юрия Долгорукого и старшего брата Андрея Боголюбского книга образует своего рода трилогию, в центре которой история Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей великороссии.

В. В. Бондаренко **СВЯТЫЕ СТАРЦЫ**

В этой книге речь идет о старцах в православном смысле этого слова. А это не просто наиболее уважаемые и опытные в духовной жизни монахи, но те, кто достиг необычайных духовных высот, приобрел дар целительства, чудотворцы и прозорливцы, молитвенники, спасшие своим словом сотни и тысячи людей, подлинные «столпы веры». Автор книги, историк и писатель Вячеслав Бондаренко, включил в нее десять очерков о великих старцах Русской Православной Церкви XVIII–XX веков, прославленных в лике святых. Если попробовать составить список наиболее выдающихся граждан нашей Родины, считает автор, то героев книги по праву можно поставить во главе этого списка достойных: ведь именно они сосредоточили в себе духовную мощь и красоту России, ее многовековой опыт. И совсем не случайно за советом, наставлением, благословением к ним приходили и полководцы, и политики, и писатели, и философы, и простые люди.

К. П. Ковалев-Случевский **НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ**

Одним из самых известных в мире святых является Николай Чудотворец, епископ Мир Ликийских. Он считается покровителем моряков и бездомных, тюремных узников и детей. В чудеса его верят жители почти всей планеты. На Руси его называли «Русский Бог», знали, что молитва ему спасает от бед. Когда-то его мощи лежали в городе Миры (ныне Турция), а в XI веке были перевезены в итальянский город Бари, куда ныне устремляются миллионы паломников, чтобы поклониться святителю и взять с собой частицу благоухающего чудесного миро. Все дети мира зовут его Санта Клаус, он приносит подарки на Новый год. Книга известного писателя, историка Константина Ковалева-Случевского — собрание уникальных сведений о святителе Николае, его духовном подвижничестве. Полное жизнеописание привлекает живым литературным языком и научно-историческим содержанием. Издание предназначено для всех, кто интересуется подлинной историей мировой цивилизации и жизнью и

ПОДВИГАМИ ВЕЛИКОГО СВЯТОГО.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- З. Прилепин «ЕСЕНИН»
- В. Молодяков «ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ»
- В. Бондаренко «СВЯТЫЕ СТАРЦЫ»
- Н. Борисов «ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ»
- Н. Петрова «НАХИМОВ»
- А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
- Л. Млечин «ВОЖДИ СССР»
- В. Антонов «ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»
- Л. Никифорова, М. Кизилев «АЙН РЭНД»
- Е. Погорелая «ЧЕРУБИНАДЕ ГАБРИАК»
- К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»
- А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

Дмитрий Володихин

Дмитрий Володихин — доктор исторических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования, Патриаршей литературной премии, Макариевской премии за достижения в сфере научно-популярной литературы. Кавалер Карамзинского креста. Автор книг для серии «ЖЗЛ», среди которых «Рюриковичи», «Иван IV Грозный», «Малюта Скуратов» и многие другие.

Кого вспомнит наш современник из великих полководцев допетровской России? Если он не специалист-историк, пожалуй, одного лишь князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Причудливые повороты в исторической памяти нашего народа оставили на втором плане поистине великих военачальников блестящей эпохи, простирающейся от Ивана Великого до Ивана Грозного. Князь Даниил Холмский первым взял Казань. Князь Даниил Щеня разгромил армию Великого княжества Литовского на реке Ведроши. Князя Михаил Воротынский и Дмитрий Хворостинин отстояли жизнь и свободу России в многодневной битве у Молодей. Князь Иван Шуйский отбил армию польского короля от стен Пскова. Боярин Иван Хабар победил татар в сражении, которое современники сравнивали с «Донским побоищем» на поле Куликовом. Пришло время вспомнить и восславить их имена, ибо подвиги их этого достойны.

Дмитрий Володихин

Дмитрий Володихин — доктор исторических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования, Патриаршей литературной премии, Макариевской премии за достижения в сфере научно-популярной литературы. Кавалер Карамзинского креста. Автор книг для серии «ЖЗЛ», среди которых «Рюриковичи», «Иван IV Грозный», «Малюта Скуратов» и многие другие.

Кого вспомнит наш современник из великих полководцев допетровской России? Если он не специалист-историк, пожалуй, одного лишь князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Причудливые повороты в исторической памяти нашего народа оставили на втором плане поистине великих военачальников блестящей эпохи, простирающейся от Ивана Великого до Ивана Грозного. Князь Даниил Холмский первым взял Казань. Князь Даниил Щеня разгромил армию Великого княжества Литовского на реке Ведроши. Князя Михаил Воротынский и Дмитрий Хворостинин отстаивали жизнь и свободу России в многодневной битве у Молодей. Князь Иван Шуйский отбил армию польского короля от стен Пскова. Боярин Иван Хабар победил татар в сражении, которое современники сравнивали с «Донским побоищем» на поле Куликовом. Пришло время вспомнить и восславить их имена, ибо подвиги их этого достойны.

ISBN 978-5-235-04368-8

9 785235 043688 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

Еще до этой войны, в самом начале правления Ивана III, происходили боевые действия между Московским великим княжеством, Казанским ханством и «черемисой». Они реконструированы В. А. Волковым по материалам периферийного летописания (в разрядах и великокняжеском летописании данные отсутствуют): «Уже первый поход воевод Ивана III в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов. Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца... великий князь отправил своих воевод, Бориса Федоровича Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева, на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними выступили устюжское, вологодское и галицкое ополчения. Описывая этот поход, автор Архангелогородского летописца рассказал, что «шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь». Результаты экспедиции остались неизвестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как «того же лета рать черемисская с тотары казаньскими (!) приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов». Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, «а полон назад отполонили». В несколько более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхоужье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологодина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова. Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условиях старой, «устоявшейся военной системы» силами земского ополчения северорусских городов «с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя». Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях. Пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст» (Волков В. А. Под стягом Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 12, 13). Закавыченные фрагменты взяты из книги Ю. Г. Алексева «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007). Сам же Ю. Г. Алексеев отметил следующее: «Почему... известие об этом походе не отразилось в общерусском (Московском великокняжеском) летописании? Можно предполагать, что в начале 60-х гг. еще не существовало ведомства,

регистрирующего все походы великокняжеских воевод. Поэтому великокняжеский летописец не отметил... события 1462 г...Отсутствие официальных известий о военных событиях 1462 г...само по себе может рассматриваться как важный источник, характеризующий уровень организации руководства военной деятельностью великого княжества Московского» (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 21).

Как минимум он командует отрядом «казаков», посланных из Москвы, и на этом основании может считаться «старшим по чести» во всей рати.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 154.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

Н. С. Борисов с большой достоверностью реконструировал дату сражения — 23 июля 1469 года (*Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 400*).

Типографская летопись// Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 62, 63.

Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей.
М.; Л., 1949. Т. 25. С. 288.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 190.

Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей.
М.; Л., 1949. Т. 25. С. 289.

Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 56.

Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 126.

Алексеев Ю. Г. Военная история допетровской России. СПб., 2018. С. 151.

Завершилась эта новгородская кампания уже в 1478 году.

Завершилось пребывание Ивана III в Новгороде уже в 1480 году.

Иначе говоря, Аркадьева кий Успенский монастырь, в XV столетии находившийся южнее Новгорода. В XVIII веке упразднен.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 18.

Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей.
М.; Л., 1949. Т. 25. С. 313.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 193.

Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 55, 56.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 250, 251.

Там же. С. 249, 250.

Акты Русского государства 1505–1526. М., 1975. С. 84, 85; Акты социально-экономической истории Северо-Западной Руси конца XIV-начала XVI в. М., 1952. Т. I. № 379–384.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 112.

Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С.128.

Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 297; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 174.

Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей.
СПб., 1853. Т. 6. С. 195.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 328.

Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. С. 148.

Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей.
СПб., 1853. Т. 6. С. 230, 231.

Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 230, 231. Очевидно, речь идет об известном военачальнике князе Федоре Семеновиче Палецком-Ряполовском по прозвищу Хрипун.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 427, 430.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 193.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 27, 28.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. С. 21.

Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 96.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 27, 28.

Волков В. А. Под стягом Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III.
М., 2016. С. 40.

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 73.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 8. С. 225.

В первую очередь князь Ф. И. Бельский, а также князь А. И. Курака-Булгаков.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 35.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 29; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 21.

Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1982.
Т. 37. С. 50.

Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 120.

Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1982.
Т. 37. С. 50.

Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 279; Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 97.

По мнению историка Ю. Г. Алексева, возможно, несколько позднее, но не позже мая 1493 года.

Подробнее о начале этой войны см. в главе, посвященной князю А. В. Ростовскому.

Список Быховца // Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. Стб. 559, 560; Список гр. Рачинского // Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. Стб. 342; Евреиновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. Стб. 402.

Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 239, 240.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малейна, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 83, 84.

Ермолинская летопись. Приложение 2-е // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 23. С. 196.

Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей.
Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982. Т. 37. С. 99.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 84.

Смоленск, правда, тогда взять не удалось: видимо, причиной стало неудачное командование двадцатилетнего сына Ивана III, князя Дмитрия Ивановича по прозвищу Жилка, возглавившего полки в неудачном смоленском походе 1502 года. Поход начался летом, усталые полки вернулись к Москве 23 октября. Смоленск штурмовали, обрабатывали его артиллерией, но, как сообщает летопись, «града... не взя, понеже крепок бе». Войска, осаждавшие Смоленск, сумели всего лишь разорить его окрестности. Однако Дорогобужский плацдарм на Смоленской земле сохранился за Россией, и в будущем он еще сослужит добрую службу Москве.

Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. С. 135; Вологодско-Пермская летопись// Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 294.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. Стб. 214.

Возможно, Рясна.

Алексеев Ю. Г. Военная история допетровской России. СПб., 2018. Т. 1. С. 240, 427.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 84.

Исход битвы у Смолина озера нельзя считать однозначным успехом русских войск, однако в финале его ливонские немцы, потеряв обоз и пробившись через русские полки, едва спаслись и ушли восвояси.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 241.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 190.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 73, 74.

Алексеев Ю. Г Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 412.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 242; Псковская первая летопись// Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 87, 88.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 215; *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 423.

Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 85.

Лобин А. Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М., 2015. С. 6.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 45.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1. С. 124.

Перечислены четыре удельных князя Московского дома Рюриковичей-Кал итичей и два служилых татарских «царевича». Все они шли со своими воинскими формированиями.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 125.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 253.

Лобин А. Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М., 2015. С. 15.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 255.

Лобин А. Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М., 2015. С. 21.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 255.

В армию под Дорогобуж были расписаны воеводы, которые еще совсем недавно вместе со Щеней брали Смоленск. Видимо, их не успели распустить после службы по домам.

Алексеев С. В. Бремя лучших: Об аристократии и аристократах // Володихин Д. М. Иван Шуйский. М., 2012. С. 297, 298.

В Московском государстве «боярин» — не титул, а очень высокая должность, позволявшая его носителю присутствовать на заседаниях высшего аристократического совета при особе монарха — Боярской думы.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С.138.

Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. 4. С. 133; Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 193, 194; Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18. С. 233.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 23.

Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 406.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 18, 19.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 23, 24; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 20.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 20; Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 221; Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 199, 200.

Володихин Д. М. Полководцы Ивана III. СПб., 2017. С. 84, 85, 91.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 220, 221.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 245.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 174.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 174, 175.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1966. Т. I. Ч. I. С. 177.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 66, 67.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 175, 176.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 221.

Иван Федорович Бельский — князь, аристократ исключительной знатности, двоюродный племянник Василия III, служилый князь, но до похода 1524 года почти не принимавший участия в воинских делах, то есть малоопытный военачальник.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 222.

Там же; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 190, 191.

Здесь уместно усомниться в цифрах. Особенно показательным несходство такого рода данных в двух разных по происхождению источниках, сообщающих о поражении: «Казанской истории» и «Записках о Московии» С. Герберштейна (цитируются ниже).

Черес — кожаный пояс или кошель с пряжками и запорами, предназначенный для хранения денег.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. Стб. 247–249.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 177, 178.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 190, 191.

Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С.163.

Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 271.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. Стб. 249, 250. Можно дискутировать, до какой степени верны цифровые свидетельства «Казанской истории» (по данному вопросу исследователи выражали сомнение неоднократно), но факт обилия потерь со стороны казанцев не вызывает сомнений.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 178.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 189, 190.

Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 163.

Историк С. Б. Веселовский считал, что И. В. Симский-Хабар скончался в 1534 году. См.: *Веселовский С. Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 319.

Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 216.

О Ведрошском сражении 1500 года подробно рассказывалось в главе о князе Д. В. Щене.

Также владения Великого княжества Литовского в тот период.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1. С. 61.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 30; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 61.

Володихин Д. М. Местничество как благо и зло // Родина. 2013. № 5. С. 79–81.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 62.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 150.

О нем подробно будет рассказано в главе, посвященной князю Александру Владимировичу Ростовскому.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 215.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 494, 495.

Об этом подробно рассказано в главе, посвященной князю Д. В. Щене.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 102.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 184.

Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 28. С. 335; Воскресенская летопись. Продолжение// Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 240, 241.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 77.

Герберштейн С. Московия. М., 2007. С. 388, 390; *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 193.

Путешествие, совершенное автором в 2016 году в Опочку, и осмотр остатков ее земляных укреплений привели к следующему выводу: валы расположены так, что эту относительно небольшую крепость крайне трудно атаковать с любой точки. Штурмующий враг поставлен в крайне неудобные условия: круглые склоны холма, топкая почва вокруг него и невозможность установить артиллерию на близкую дистанцию огня (из-за речных протоков) делают сосредоточение войск для приступа рискованным.

Ныне Воронин или Воронач — городище и деревня в Псковской области.

Лобин А. Н. Оборона Опочки 1517 г.: «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017. С. 31, 32.

Бряславль или Брясловль — ныне город Браслав Полоцкой области в Белоруссии, находится северо-западнее Полоцка.

Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 8. С. 353, 354; Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 8. С. 261, 262; Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 5. Вып. 1. С. 99, 100; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 503. Судя по дипломатическим документам, отряду князя Ф. В. Оболенского-Телепнева был придан на усиление еще менее значительный отряд — люди Ивана Мисинова, числившегося вторым воеводой в маленьком Сторожевом полку великолукской армии, а на третьем направлении действовала еще одна малая группа — отряд И. А. Колычева (второго воеводы полка Правой руки в великолукской армии) и воинского головы Петра Лодыгина (Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 53. С. 64, 65).

Герберштейн С. Московия. М., 2007. С. 388, 395.

Василий III, великий князь московский.

Герберштейн С. Московия. М., 2007. С. 395.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

Женой А. М. Плещеева, дяди А. Д. Басманова-Плещеева, была дочь Якова Казака, брата родоначальника Захарьиных. Так что эти два старинных боярских рода могли в важных политических вопросах выступать единым фронтом.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 195–201.

Нечто среднее между современным Генеральным штабом и Министерством обороны.

Иными словами, первыми воеводами Большого полка в армии трех-, пяти-или шестиполкового состава.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 143–145.

В. А. Шереметев.

Отец Алексея Даниловича попал в плен к литовцам под Оршей (1514) и скончался на чужой стороне. Обстоятельства рождения А. Д. Басманова-Плещеева вызывали у современников непристойные ассоциации. Очевидно, именно на него намекал князь Андрей Курбский, когда писал о всем известном советнике царя Ивана Грозного, рожденном от прелюбодеяния.

Для представителей высшей аристократии этот возраст мог составлять и 18 лет.

Осадные сооружения.

Ивана IV.

Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 103, 104.

К хану крымскому.

То есть отправлена для ведения боевых действий против татарского лагеря, а не против основных сил неприятеля.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 276.

Обозы.

Духовой музыкальный инструмент восточного происхождения, с помощью которого в русской армии XVI столетия подавали сигналы.

Сечься — драться с врагом холодным оружием: топорами, саблями и т.
п.

В данном случае имеется в виду татарский «царь», то есть крымский хан.

А здесь речь идет уже об Иване IV.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 239.

Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017. С. 53.

Ругодив — русское название Нарвы.

Простил.

Колывань — русское название Таллина.

Нарвские жители.

То есть к орденским властям.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 264.

Курбский считал, что подмога, полученная Нарвой, достигала четырех тысяч человек, но он писал много лет спустя, и данные его затруднительно считать достоверными.

Существует несколько версий относительно причин пожара. Русские источники сообщают о глумлении над иконами, вызвавшем кару небесную. Ход событий обрисован в них по-разному, но основной мотив — издевательство над ликами Николы Чудотворца и Пречистой Богородицы — выглядит правдоподобно: в землях ордена тогда было немало сторонников самого радикального протестантизма, в том числе и его иконоборческих учений.

Нарвский замок — отлично укрепленная цитадель города.

Иначе говоря, развернули захваченные немецкие пушки и открыли из них огонь по нарвскому замку.

То есть с имуществом.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 264.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.285.

Там же.

Правда, неизвестно, сколько при них было боевых холопов. Возможно, их количество значительно превышало число самих «детей боярских» (то есть дворян, «служилых людей по отечеству»).

А. И. Филюшкин и А. В. Кузьмин с гадательным оттенком высказались в пользу другого варианта: «Нам кажется, что они (вооруженные дворовые люди. — Д. В.) должны входить [в разряд]», — аргументируя свою точку зрения лишь тем, что иначе непонятно, зачем составлялся такой разряд, где их нет (Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. С. 26). Это, в общем, аргумент небольшой ценности: когда это Разрядный приказ «разряжал» на службу боевых холопов? Их судьбами и их обеспечением распоряжались сами помещики и вотчинники.

А. Лобин считает, что стрельцов было порядка четырех тысяч московских плюс незначительное количество городских. Это заключение делается им на основе подсчета стрелецких голов, упомянутых в Разрядной повести о «полоцком взятии» (упомянуто стрелецких восемь голов). Их количество умножается на штатное число бойцов стрелецкого «прибора» («приказа»). Итого получается четыре тысячи. Но характер упоминания стрелецких голов в Разрядной повести оставляет возможность полагать, что названы не все головы. Далеко не все силы армии были использованы в боевых действиях под стенами города и в противодействии деблокирующему литовскому корпусу. А значит, могли быть задействованы не все стрелецкие приказы и, следовательно, не все стрелецкие головы упомянуты, поскольку Разрядная повесть перечисляет тех, кто так или иначе выполнял тактическую работу. Следовательно, стрельцов могло быть и больше (Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1,2. С. 55). Поэтому пока число 12 тысяч выглядит предпочтительнее, хотя, возможно, истина лежит посередине: между четырьмя и двенадцатью тысячами. Вопрос не решен окончательно.

Посоха собиралась для похода 1562 года в Можайске, Калуге, Ярославце, Кременске, Верее, Вышгороде, Боровске, Рузе, Звенигороде, Волоке, Погорелом городище, Зубцове, Ржеве, Холме, Мол-вятицах, Пскове и Вязьме (см.: Сапунов А. Витебская старина. 1885. Т. IV. С. 29, 30; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 312; Сапунов А. П. Витебская старина. 1885. Т. IV. С. 33–45; Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. 1955. Вып. 2. С. 243, 244; Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. № 33).

Смирнов Н. В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI — первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 374.

Лобин А. Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 137–140; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 128.

Очевидно, Иван IV был по какой-то причине недоволен Шереметевым.

Продолжение *Алекса́ндро-Невской летописи* // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 339.

Псковская третья летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 246.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 22.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 353.

Вместе с ним отбором занимались князь А. Вяземский и П. Зайцев из старинного рода московской служилой знати.

«Именной службой» тогда называли достаточно высокое служебное назначение, чтобы имя назначенного попало в Разрядную книгу.

Сапунов А. П. Разряд полоцкого похода 1562/1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV. С. 39; *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 236.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 59; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 249.

Скрынников Р Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 227.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 111.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 226.

Штаден Г, Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.

Там же. С. 111, 112.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 352.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 227. Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.

Документ, в котором были записаны служильцы Государева двора с чинами.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 55.

201

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 250, 251, 256.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 225.

Скрынников В Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 235.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 81. А. П. Павлов заметил, что в начале 1570-х годов многие его вотчины пошли в раздачу «дворяном и детем боярским» (*Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 194*).

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 100, 113, 132, 187, 209.

Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 194, 203.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 236.

Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 227.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 242, 243.

Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 124, 143.

Продолжение *Алекса́ндро-Невской летописи* // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 329. К весне 1566 года З. И. Плещеев-Очин уже вернулся из плена (Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 398, 399).

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190'.

Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. № 14.

К 1567 году относится первое твердое упоминание его в качестве опричника — в названном осеннем походе. В. Б. Кобрин считал, что Захарий Иванович стал опричником в 1566 году по поручной записи (Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 61), но в этом документе не сказано, что он опричник, а считать взятие поручной записи признаком обязательного последующего перехода в опричнину — довольно сомнительно.

Скрынников Р Г. Царство террора. СПб., 1991. С. 543.

Существует свидетельство, согласно которому Филипп положил митрополичий посох и мирно оставил сан, однако, по воле царя, его уговорили облачиться в митрополичьи одежды вновь и отправили на последнее богослужение, собираясь публично унижить. Но достоверность этого свидетельства вызывает серьезные сомнения.

Достоверность этой истории находится под вопросом, но и недостоверность ее не доказана.

Соответствующий фрагмент завещания: «Вотчинка от прародителей наших и деда моего и отца моего и моя город Одоев да на Черни острог в Одоевском же уезде да город Новосиль, и те города с посады и со всеми уезды с селы и з деревнями и со всеми землями и с лесы и со всякими доезды сыну моему Ивану. А жене своей даю до ее живота в Одоеве же за рекою за Упою два селца з деревнями селцо Красное да селцо Князищева. А межа им от речки от Ломены до речки до Вицы да по Лихвинской рубеж. Да на городцкой стороне селцо Жупан, да селцо Крупен, а деревни к тем селам: деревня Корин, деревня Брусиа, деревня Ртищевская, да за Моловлем... деревня Совья на Совен-ском верху, да деревня Федшинская Хлыстова со всем с тем, что к тем селам и деревням [по]тягло. Да на посаде за рекою за Упою от речки Ло[мен]ы пятьдесят дворов всяких сряду до ее живота. А после ее живота те села и деревни и Дворы на посаде сыну же моему Ивану. А что была за нами государьская же жалованья изначальная [наш] а ж вотчина отца и деда нашего и наша за тре[ма] за нами город Перемышль с уездом да треть Воротынского уезду. И князя Володимера не стала, написал в Духовной треть города Перемышля жене своей княгине Марье до ее живота. А после ее живота и князь Володимер написал в духовной мне, князю Михаилу, да брату моему князю Александру» (Беликов В. Ю., Колычева В. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 111).

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 132, 133.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 42, 43.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 167, 168.

Военный инженер, в широком смысле — военный специалист, «инструктор».

Есть сведения, что казанцам стало известно о подкопах от изменника князя Юрия Булгакова, они искали подземные галереи, однако до часа решающего штурма так и не успели их найти.

По всей видимости, имеются в виду дворовые воеводы князь Владимир Иванович Воротынский и боярин Иван Васильевич Шереметев-Большой, возглавлявшие Государев полк. Впоследствии оба эти рода тяжело пострадали от царской опалы, а И. В. Шереметев подвергся пыткам.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 229–261. Курсив мой.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. С. 462.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 336, 337.

Подробнее см. в главе, посвященной князю С. И. Микулинскому.

Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 156.

В научной литературе высказывались и другие мнения относительно того, какова причина ссылки и опалы. Так, например, писали о том, что князь удостоился гнева Ивана IV из-за подозрений царя в связи с отъездом летом 1562 года князя Д. И. Вишневецкого в Великое княжество Литовское; а возможно, общее изменение внешнеполитического курса в связи с падением Избранной рады ударило по Воротынскому. Однако всё это гипотезы, не находящие солидного подтверждения в источниках.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 299.

Возможно, князь попал под подозрение в связи с тем, что в 1567 году получил с литовской стороны письмо с предложением совершить на выгодных условиях измену. О письме Михаил Иванович доложил Ивану IV, то есть реальной вины за ним не было. Но само обращение врага к могущественному и богатому вельможе могло возбудить у царя опасения.

Впоследствии, с 1568 по 1571 год, политический курс на массовые репрессии будет проводиться из-за серьезного сопротивления, которое оказывалось русским обществом в отношении опричных порядков.

То есть разведывательные и сторожевые отряды, действовавшие в Диком поле — степной зоне между южными областями Московского государства и северными владениями Крымского ханства.

Этот отряд вписан в Большой полк позади наиболее крупных казачьих частей в тысячу и три тысячи человек, поэтому, видимо, в нем было всего несколько сотен бойцов.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192.

Впоследствии Дивея-мурзу отправили к Ивану IV в Новгород.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 71.

Записи Разрядной книги о «береговой службе» и отражении нашествия крымских татар в 1572 г. // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. Июль — август. С. 180.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192.

Что, вообще говоря, сомнительно. Основные элементы опричнины были разрушены еще до битвы у Молодей — под впечатлением московского разгрома 1571 года.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 340, 341.

Точная дата смерти князя М. И. Воротынского неизвестна: последние месяцы 1573 года или же самое начало 1574-го.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 336–341.

Более того, младшие Воротынские еще получили часть своего удела назад толи при Иване IV, толи в первые месяцы правления его сына Федора Ивановича.

Хотя в подобной ситуации было совсем не глупым делом убрать монарха подальше от передовой и предоставить дело профессионалам.

Ныне село Микулино на севере Московской области.

Сведения о силах обороны юга России есть также в главах о других полководцах. Все «командармы» Василия III и Ивана Грозного поучаствовали в войнах на степном юге. Кто-то больше, кто-то меньше, но от «береговой службы» ни одного из них судьба не избавила.

Впрочем, существует и иное мнение: возможно, земля родни досталась Семену Ивановичу не по наследству, а как пожалование от царя за воинские подвиги (*Зинько М. А. «Не человек, но аггел Божий»: Опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. Вып. 1. С. 74).*

Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 295.

Имя командира разведывательной станицы — Таврило Толмач (по другому, менее достоверному известию, — Толмач Гаврилов). Станица занималась разведкой в июне, и 25 июня ее глава уже докладывал в Москве свои наблюдения: добравшись до Северского Донца, он видел «многих людей крымских... а идут тихо» (Летописец начала царства// Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 40).

Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 40.

Очевидно, речь идет о дополнительном контингенте из состава турецких городских и крепостных гарнизонов Крыма.

Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...»: Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 43.

Некоторые историки считают, что так в старину именовали сам Зарайск.

Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 41; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 300.

Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 300.

Там же. С. 301.

Алекса́ндро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей.
М., 1965. Т. 29. С. 145.

Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 269.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 244, 245.

Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 206. Монастыри в Свяжске, конечно, устроились не сразу, но с самого начала храмов было несколько.

В XIX веке храм ремонтировали, поэтому, кроме основы, все остальное относится к этому столетию.

Алекса́ндро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей.
М., 1965. Т. 29. С. 182–186.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 242, 243.

По другим сведениям, после сдачи острога там в живых оставалось всего 200 воинов, попавших в плен.

Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 284.

Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017. С. 93, 94.

Псковская третья летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1955. Т. 5. Псковские летописи. Вып. 2. С. 237, 238.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 278.

Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 269.

Впрочем, нынешний облик собора представляет собой результат ряда реставраций.

Хворостинины были дальними родственниками Курбских. В апреле 1564 года князь Андрей Курбский перебежал к литовцам. Но вряд ли из-за семейной связи с ним «выбили» из Думы князя Ивана Михайловича Хворостинина: слишком уж далеко их родовые ветви разошлись друг от друга.

Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. С. 24.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 310.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 144, 163.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 311.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 256.

По общему мнению специалистов, это количество завышено.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 78, 79.

Там же. С. 78.

Документы о сражении при Молодях *Подг. В. И. Буганов / Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 176.*

В дальнейшем участие князя А. П. Хованского в боевых действиях не упоминается. То ли Воротынский не видел в нем надежного военачальника, то ли он был ранен в одной из первых стычек.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V. Ч. II. С. 307, 308.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 450.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 314.

По другой версии, эпизод с восставшей «черемисой» и переодеванием относится к 1582 или 1583 году. Весной 1584 года Хворостинин был на краткий срок резко понижен в чине.

Впрочем, возможно, Бутурлины несколько преувеличили свой успех, цветисто вписав его в разрядные книги частного происхождения, то есть, попросту говоря, добавили роду заслуг задним числом, и бог весть, насколько эти местнические приобретения достоверны. Но вряд ли они представляют собой чистую выдумку.

Согласно одному разряду, Хворостинин был первым воеводой в Новгороде, а в соответствии с другим — первым лицом в отряде, отправленном на поддержку новгородского гарнизона. Но и второе — значительная должность.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 186.

Там же. С. 210.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V.4. III. С. 150.

Павлов А. 77. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 42.

Тогда этот корпус возглавляли князя Тимофей Романович Трубецкой и Дмитрий Иванович Хворостинин. Трубецкой был знатнее, Хворостинин опытнее, но именно против Хворостинина возвышали голос воеводы южных крепостей — Кашин в Новосиле, Хилков в Орле и Салтыков в Белёве.

Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича. Сам Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский стол.

Дело, быть может, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, направив на представителя их рода гнев государя-отрока.

Абрамович Г. В. Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 4.

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
Т. 29. С. 274.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей.
М.,1978. Т. 34. С. 190.

О том, что такое «Тысячная книга» и «Дворовая тетрадь», рассказывается в главе о князе Дмитрие Ивановиче Хворостинине.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192. Подробнее о битве у Молодей рассказывается в главах, посвященных князю М. И. Воротынскому и Д. И. Хворостину.

В одном из них, Вольмаре, берут в плен Александра Полубенского, командующего силами Речи Посполитой в регионе. Его принуждают отдать подчиненным приказ о сдаче укрепленных пунктов. Этот приказ немало способствует успехам русского оружия.

Мы знаем об этом из хроники Бальтазара Рюссова, источника не совсем надежного, поэтому весьма возможно, что страдания Магнуса несколько преувеличены. Но другие иностранные авторы — Петр Петрей и Генрих Штаден — как будто подтверждают эти сведения: первый пишет о том, что Магнуса избивали и даже заставляли ползать у палатки Ивана IV, вымаливая прощение; второй объявляет, что с Магнусом поступили «не по-христиански».

Мнения исследователей очень различаются по поводу численности армии Батория и псковского гарнизона. Баторий, по разным подсчетам, мог иметь под рукой от 30 до 100 тысяч человек, причем последняя цифра представляется большим преувеличением. Поляки считали, что Шуйский располагал силой в 57 тысяч бойцов, но это также фантастическое преувеличение. В тексте дана наиболее вероятная численность.

Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 262.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
С. 198–200.

В источниках именуется также Свиной и Свинорской.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
С. 210.

Гонец, к сожалению, был перехвачен поляками.

Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). СПб., 1904. С. 240, 241.

Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. 1880–1883. Т. III, IV. С. 53.

Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 177.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 464, 465.

Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 132.

Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 219, 258.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
С. 242.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 472, 473.

В польских источниках — Иоганн Миллер или Моллер.

Действительно, у Ивана IV служил отряд европейских наемников во главе с командиром Юрием Франзбеком или Францбековым (Фаренсбахом).

По другим сведениям, это были пищальные дула, числом 12, которые должны были при взрыве сыграть роль осколочного материала. В качестве детонатора поляки использовали взведенную ружейную часть, прикрепив ее шнурком к днищу деревянного ящика, куда был положен маленький ларец с порохом, а также к его крышке. Вынув железный ларец из ящика или открыв крышку ларца, русский воевода привел бы в действие адскую машинку...

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 46.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 163.

Впрочем, относительно Муромского поместья возникают вопросы, так как его владельцем мог быть и другой князь Шуйский.

Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 42.

Бесчадием Ирина Годунова в действительности не страдала: она родила супругу дочь Феодосию, к сожалению, скончавшуюся в младенчестве.

Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер., сост. А. А. Севостьяновой. М., 1990. С. 101, 102. Точность рассказа Горсея вызывает некоторые сомнения.